

В. Эггерат
Куда идешь, Германия?

Вернер Эггерат родился 16 марта 1900 года в промышленном городе Эльберфельде в семье рабочего. По окончании школы работал слесарем, кочегаром, машинистом, грузчиком в порту, шахтером.

В 1924 году вступил в Коммунистическую партию Германии. С 1930 года — профессиональный революционер, вплоть до прихода к власти гитлеровцев — секретарь подокружного комитета партии в городе Вуппертале.

В первые годы фашистской диктатуры находился на нелегальной работе в центральных органах КПГ. В 1935 году был арестован гестапо и приговорен к 15 годам каторги.

После разгрома фашистской Германии в 1945 году занимался восстановлением профсоюзов в Мансфельдском горнорудном бассейне и проведением демократической аграрной реформы в округе Эйслебен. В октябре 1945 года

В. Эггерат Куда идешь, Германия?

В. ЭГГЕРАТ. КУДА ИДЕШЬ, ГЕРМАНИЯ?

W. EGGERATH. QUO VADIS, GERMANIA?

Werner Eggerath

Quo vadis, Germania

**Urania — Verlag
Leipzig
Jena
Berlin**

Вернер Эггерат

Куда идешь, Германия?

Сокращенный перевод с немецкого
В. Кривули и Г. Рудого

Издательство
„Мысль“
Москва
1968

9(и)
Э-17

Главная редакция социально-экономической литературы

Оформление художника В. А. Белана

1—6—3
78—68

От автора

Пятьдесят лет назад залпы «Авроры» возвестили о начале новой главы всемирной истории. Пламя революции возгорелось и в Германии, и в январе 1918 г. мощная забастовка рабочих военных заводов стала боевым сигналом к общему выступлению.

Пройденный мною с той поры путь был нелегким. Но разве может быть что-либо прекраснее, чем жизнь, посвященная борьбе за самые высокие нравственные цели, которые когда-либо ставились человеком? Своей книгой «Куда идешь, Германия?» я хотел выразить благодарность всем тем, кто указал мне путь к такой жизни, я хотел также передать словно эстафету новым поколениям, знающим капитализм лишь понаслышке и не испытавшим ужасы войны, то, что довелось узнать и пережить мне. Я стремился передать и опыт своей полной тревог жизни, наглядно показать, какую силу дает человеку марксистско-ленинское учение, как величествен процесс, именуемый историей, как оправдана наша гордость революционными свершениями предков.

Мы должны бороться за то, чтобы молодежь гордилась великими делами нашей эпохи, мы должны приложить все свои силы, чтобы воспитать поколение борцов, которые сознательно и целеустремленно понесут наши знамена к окончательному торжеству подлинного, социалистического гуманизма во всех уголках мира. Своей книгой я попытался внести вклад в это благородное дело.

Меня очень радует, что издательство «Мысль» представляет советским людям эту книгу на русском языке. Тем самым я получаю возможность выразить свою благодарность и советским товарищам, которым я столь многим обязан. Когда в 1924 г. умер Ильич, весть

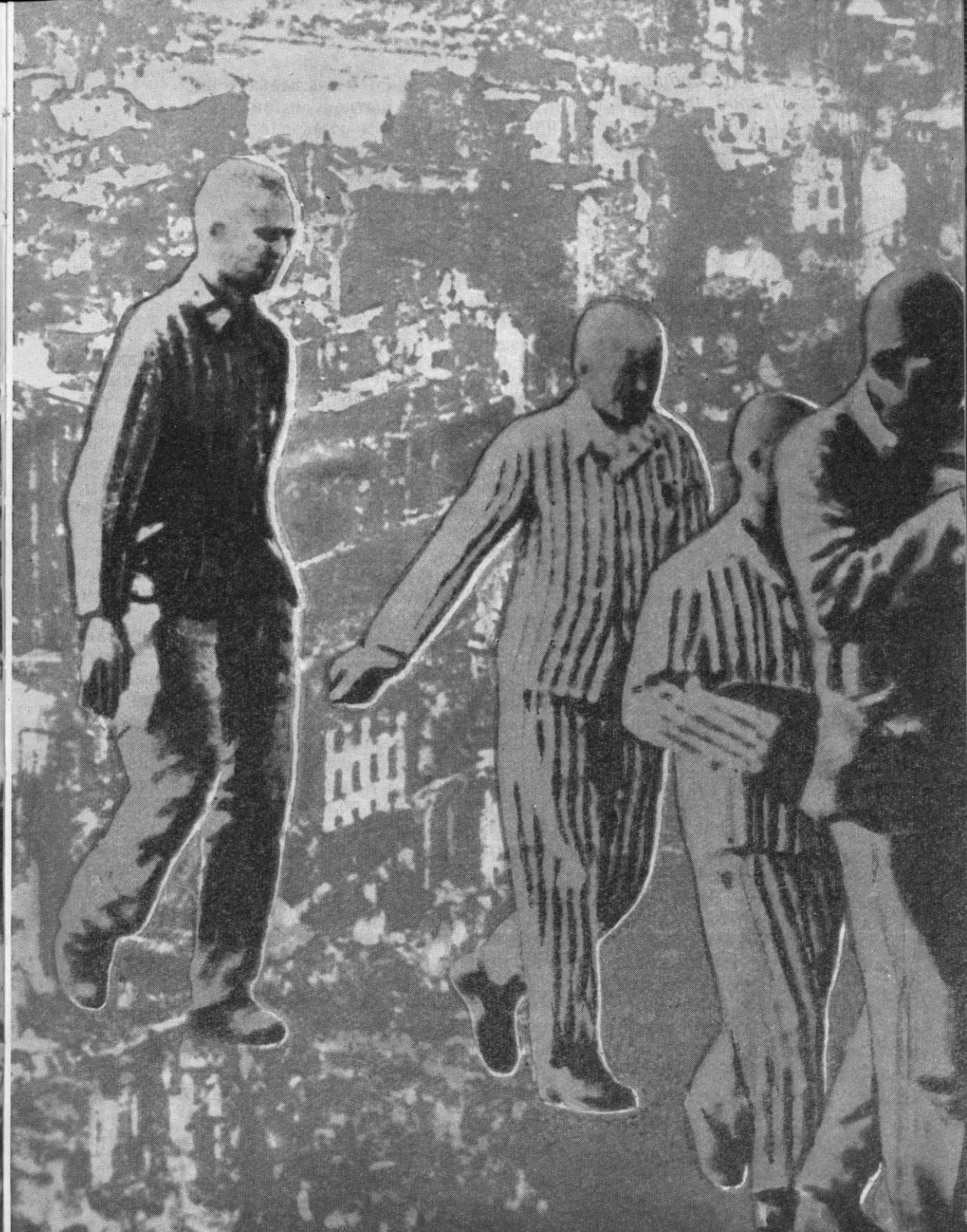
о ленинском призыве в партию дошла и до Германии. Я последовал этому зову и вступил в Коммунистическую партию Германии, воспитавшую меня в ленинском духе. И если в тяжелейшие дни нелегальной работы в гитлеровской Германии я не дрогнул, если я выполнил свой долг перед своим классом и своей партией и в гестаповском аду, и в тюремных застенках, то это не в последнюю очередь объясняется тем, что во время своей первой поездки по Советскому Союзу в 1931 г. и во время своего более позднего приезда в Москву я видел, какие плоды дает освобожденный, творческий труд народа. Когда в 1945 г., чуть живой от голода, я вновь обрел свободу и сразу же столкнулся с необходимостью решать труднейшие задачи, мне советом и делом помогали советские люди в форме солдат Советской Армии. Если Германская Демократическая Республика в труднейших условиях превратилась в то, чем она является сегодня, то мы благодарны за это в первую очередь советским товарищам, их Коммунистической партии, их правительству. Этой книгой я хотел показать читателям значение дружбы между народами Советского Союза и первого в истории немецкого народа рабоче-крестьянского государства, и особенно значение социалистического интернационализма в современной международной обстановке, когда империалистические заправилы США и Западной Германии проводят авантюристическую политику, когда американский империализм осуществляет варварскую агрессию во Вьетнаме.

Я надеюсь, что эта книга будет способствовать пониманию сложных условий становления и развития рабочего движения в Германии, на родине Маркса и Энгельса. Я попытался в возможно более доступной форме объяснить, почему в истории немецкого народа не было победоносной социалистической революции вплоть до самого основания Германской Демократической Республики, почему рабочему классу этой высокондустриальной страны с его сильными организациями не удалось в 1914 г. предотвратить войну, почему он не довел до победного конца Ноябрьскую революцию 1918 г., почему он не смог помешать 1933, а следовательно, и 1939 году. Ответ на эти вопросы не легкое дело, однако он неразрывно связан с проблемами, которые следует решать сегодня, если человечество не хочет допустить новой, еще более ужасной катастрофы. Пусть советский читатель судит о том, удалось ли мне выполнить эту задачу, достаточно ли убедительно показал я значение единства рабочего класса, единства его авангарда, единства международного рабочего и ком-

мунистического движения. История немецкого рабочего движения — наглядное тому подтверждение.

Пусть эта книга будет моим приветом молодым строителям нового общества, отцы которых первыми подняли светлое знамя прогресса и, сознавая свою ответственность перед народами мира, идут в авангарде могучего движения человечества к его светлому будущему, к коммунизму.

Пролог

*Верь в будущее! Твердо знай:
Народ немецкий снова встанет!
В годину бед и испытаний
Ты веру эту не теряй.
Ты так живи и так борись,
Как будто ты один на свете
За судьбы родины в ответе.
Германия — вот твой девиз!¹*

Альберт Маттеи

Мечта о светлом будущем

Был ясный осенний день 4 октября 1944 г. Мы, политические заключенные каторжной тюрьмы в Мюнстере, все чаще с тревогой смотрели на косые окошечки рабочего зала на просторном чердаке так называемого лазарета. Даже Кривобокая собака — один из наиболее свирепых охранников — в ожидании воздушного налета беспокойно вертелась на своем «троне», забыв присматривать за нами. Путь отсюда до подвала под старым зданием тюрьмы был дальним, а промежутки между объявлением воздушной тревоги и началом бомбежки становились все короче.

Не проработали мы и часа, как вдруг завывли сирены. Они еще не кончили хрипеть, а все уже сорвались со своих мест, словно сумасшедшие, и бросились бежать по вымощенному булыжником двору. В этот момент залаяли зенитки: смерть витала над нами. Страх подстегивал всех; нас без разбора загоняли в первые попавшиеся камеры. Грохотали тяжелые засовы. Потом топот подбитых гвоздями сапог в коридоре затих: «храбрые» эсэсовцы и штурмовики забрались в свои «бункеры для героев». Мгновенно наступила зловещая тишина.

Потом мы слышали такой знакомый нам гул: он то нарастал, то затихал. Где-то сейчас в смертельном страхе сжались женщины, дети, старики. Где-то через несколько мгновений сотни, тысячи беззащитных людей будут задыхаться под обломками стен, будут растерзаны в клочья кусками стали...

Гул нарастал, он надвигался на нас несколькими волнами: для англо-американских бомбардировщиков это был «большой день». Мы, трое «политических», оказавшиеся в одной камере, затаили дыхание. Невольно встали на колени под забранной стальной решеткой окошком: нестерпимо протяжный свист падающей бомбы был, казалось, нацелен прямо на нас. И вот тупой удар, за ним — почти одновременно — оглушительный грохот и дробь разлетающихся осколков. И снова светло, — значит, в нас не попали! Мы с облегче-

¹ Здесь и далее стихи, приводимые без ссылки на русское издание, даются в переводе В. Кривули.

нием вздыхаем. Через окно врываются облака пыли, противный, удушливый желтый дым. Несколько мучительно долгих минут. Я подтягиваюсь к решетке. Передо мной — необычная картина. Через широкий пролом в обеих стенах каменной ограды видны осенние огороды и деревья. Это призыв к свободе! Но толстые стены и стальные переплеты окон мешают откликнуться на него... Впрочем, у нас нет времени для размышлений: завывание бомбы, удар, ослепительная молния... Яркое пламя освещает все уголки камеры каким-то известково-белым светом. Прямо перед нами во двор упала «зажигалка».

Казалось, наступил ад крошечный. Отовсюду слышны отчаянные крики о помощи, охваченные паникой узники жмутся к решеткам. Горят дубовые стропила, старые и совершенно сухие. А на небольшой высоте уже приближается новый отряд бомбардировщиков. В этот момент по другую сторону нашего флигеля из столярной мастерской вырвался сноп пламени. Рядом было свалено много досок и распиленных бревен. Десяток пожарных машин не справился бы, пожалуй, с этим огромным фейерверком. Впрочем, воды все равно не было: водопровод уже давно вышел из строя.

Заключенные, словно обезумев, стучали кулаками в двери камер. Слышались проклятия и крики о помощи, грохот швыряемых скамеек и столов. По нашей камере пронесся вихрь: пламя в столярной мастерской втягивало воздух и черный дым, как облако клубившийся по двору. То был сущий ад. Нам грозила опасность сгореть заживо.

В этот момент тюрьму накрыл первый «ковер» — посыпались хорошо нацеленные серии бомб среднего калибра. В коротких паузах, как злые собаки, лаяли зенитные орудия. Звук разрывающейся высоко в небе шрапнели был мягким, словно закутанным в вату. Мы трое лежали на цементном полу, прижав ко рту смоченные носовые платки. Над нами, над стальными сводами клетки с полутора тысячами незащищенных заключенных, разгорался пожар. Казалось, наступил наш последний час.

Но на этот раз смерть не пришла, хотя еще несколько часов рушились горящие стропила, а в наружных переходах дымились кучи обломков, хотя мучительная жара сушила рот и язык прилипал к гортани. К вечеру в замках загремели ключи: когда опасность миновала, тюремщики все же решились войти в медленно догорающее здание. Полумертвые, обожженные, покрытые копотью, мы, оставшиеся в живых, стремились пробраться к менее пострадавшим частям огромного здания. Попытаться бежать было бессмысленно: солдаты с взведенными карабинами оцепили тюрьму со всех сторон.

Крыло, где находилась моя одиночка, было единственным, которое почти не тронул огонь. Когда я возвратился в камеру, навстречу мне, к моему удивлению, поднялись двое заключенных — грязные, как и я, почти неузнаваемые. С недоверием посмотрел я на них, а потом чуть не остолбенел от неожиданности: одним из них оказался высокий голландец, а вторым — широкоплечий мужчина среднего

роста — мой старый друг Карл Шаброд! Оба — товарищи по партии, приговоренные к пожизненной каторге. Им, как высококвалифицированным рабочим, пока что удавалось избежать отправки в Маутхаузен и газовой камеры.

Еще не прошла первая вспышка радости, еще не успела захлопнуться за нами дверь, как голландец, в довершение всех счастливых событий этого дня, достал из своих широченных штанов целую буханку тюремного хлеба! Ее в суматохе ухитрился передать один из наших товарищей. Мы запивали слегка обгоревший хлеб теплой водой из кувшина. То было великолепное пиршество.

Вскоре голландец во весь рост растянулся на полу. Я присел на корточки рядом. Мы обменялись последними новостями. Указательным пальцем голландец прямо на закопченном цементном полу нарисовал линию фронта. «Они церемонятся с Германией, эти англичане и американцы, — гневно сказал он, — а Красную Армию заставляют истекать кровью!»

У нас не было никаких сомнений в том, что фашистский зверь смертельно ранен. Удастся ли нам пережить его агонию?

Карл Шаброд молчал, погружившись в свои мысли. Он сидел, прислонившись к стене. Глаза его запали на исхудавшем от постоянного голода лице, но светились каким-то особенным светом, улыбка радости озаряла глубокие морщины, пролегли от переносицы к уголкам рта. «Наша Германия будет прекрасной». Он сказал это тихо, словно во сне.

Прекрасная Германия? Я подумал о разрушенных городах, об изрытой снарядами и бомбами земле на полях сражений, о братских могилах, в которых лежали тела юношей — тех, кто должен был создавать машины, воздвигать дома, строить города. Прекрасная Германия? Я невольно покачал головой. Даже если нам суждено пережить все выпавшие на нашу долю испытания, что ждет нас после двенадцати лет фашизма, после того, как нацисты разграбили полмира, после ужасных преступлений, которые совершила гитлеровская банда, прикрывавшаяся именем немецкого народа?

И вдруг мне стали понятны слова этого полуголодного человека, моего испытанного боевого друга. Я еще спрашивал себя, сколько будет длиться весь этот кошмар и останемся ли мы в живых, а он мысленно уже видел новое время, видел, как на немецкой земле строится новое, свободное общество. Он думал не только о своей личной судьбе, он был полон тем радостным чувством, которое суждено испытать лишь тому, кто борется за великое и благородное дело, за светлое будущее своего народа.

Несокрушимая скала

Глубокая любовь к своему народу, к миллионам простых людей, знание закономерностей общественного развития делают человека сильным и несгибаемым. Эта любовь и это знание не только дают силы

для борьбы с жизненными невзгодами, они заставляют все больше и больше крепить связи с народом. Как дерево на штурмуемой ветрами вершине в поисках опоры глубоко пускает в землю свои корни, так революционер черпает в любви к своему народу и в сокровищнице знания новые силы для своего нелегкого труда. И эта сила переходит от него к другим. Такой настоящий руководитель, вожак по призванию, словно маяк во тьме ночи, предупреждает массы о грозящей опасности, ставит задачи, указывает путь к желанной цели.

Мы крепко прижимали наушники радиоприемников осенью 1933 г., когда в Лейпциге шел процесс по делу о поджоге рейхстага. То было начало страшного времени. Мы жили на нелегальном положении, повсюду нас подстерегали опасности. Закон и право, все завоевания народа в Ноябрьской революции 1918 г., которые оказалось не под силу ликвидировать правителям Веймарской республики, были смыты коричневым потоком фашизма. Тельман в кандалах, многие друзья убиты — ужас охватывал нас, когда мы думали о нашей Германии, о бесчинствах штурмовиков, о криках истязуемых, о гестапо и тюрьмах.

А из Лейпцига, из зала Имперского суда, в эфир прорывался голос Георгия Димитрова, и правда его слов убивала ложь, лицемерие и клевету. Коммунист, которого прокурор поджигателей обвинил в преступлении, караемом смертью, он стал страстным обвинителем преступной фашистской системы, защитником народов. Под его мощными ударами презренные обвинители превратились в обвиняемых. Эрих Вайнерт писал тогда:

В ту пору угнетенные смирились,
Забыв о мощи классовой своей;
В недвижной тьме безмолвно притаились
И не решались тронуть палачей.
А здесь, во мраке, пламя запыхало,
Что высек узник из своих оков.
И бросил в черной мгле, как братский зов,
Бессмертный клич Интернационала,
Он — коммунист, славнейший из борцов!¹

«Перед вами, фашистские правители, стоят рабочие-марксисты, не привыкшие становиться на колени и гнуть шею под ярмом капиталистов. Бисмарк и Вильгельм, Носке и Капп, Сект, Брюнинг и Зеверинг хотели уничтожить марксизм, коммунизм и потерпели крах. И нынешних правителей ждет такая же участь. Ибо в Германии не может победить союз Потсдама², свастики и тяжелой промышленности. В Германии восторжествует рабочий класс, коммунизм!» Эти слова прозвучали в обращении Коммунистической

¹ Э. Вайнерт. Избранное. М., 1965, стр. 162.

² Имеется в виду реакционное пруссачество (в XVII—XIX вв. Потсдам являлся резиденцией бренбургских курфюрстов и прусских королей). — *Прим. пер.*

партии к немецкому народу 27 января 1933 г., за несколько дней до того, как бывший кайзеровский генерал-фельдмаршал фон Гинденбург, президент Веймарской республики, назначил Гитлера на пост рейхсканцлера. Разве не подтвердила история правоту коммунистов?

Но сколь ужасны были страдания, которые пришлось перенести немецкому народу из-за того, что в своем подавляющем большинстве он не внял предостережению: «Кто голосует за Гинденбурга, голосует за Гитлера! Кто голосует за Гитлера, голосует за войну!» Цвет нации был похоронен в новых братских могилах, а имя Германии оказалось покрытым проклятиями и позором.

Коммунисты предостерегали, коммунисты боролись, не щадя сил, чтобы предотвратить катастрофу, а вместе с ними и десятки тысяч социал-демократов, членов профсоюзов, христиан обоих вероисповеданий, честных представителей буржуазных слоев, деятелей науки и культуры. Широко был фронт антифашистов — ценой огромных жертв, ценой своей крови они спасли честь немецкой нации. Только из 300 тысяч членов Коммунистической партии Германии больше половины были арестованы, убиты, погибли на плахе, умерли страшной смертью в тюрьмах и концлагерях. Из 100 депутатов рейхстага от КППГ не менее 27 были убиты фашистами.

Во главе этой героической партии стоял Эрнст Тельман, о котором Анри Барбюс писал:

«...в ярком свете неизмеримых времен, рядом с гигантской фигурой Димитрова возникает фигура Эрнста Тельмана, приветствуемая миллионами и миллионами...»¹ А выдающийся немецкий писатель Генрих Манн сказал: «Заклученный Эрнст Тельман очень сильный человек — он гораздо сильнее своих мучителей, которые хотели бы его тайно убить, но не осмеливаются... Бросившие его в тюрьму враги — полная противоположность ему»².

Нескончаема вереница тех, кто подобно Эрнсту Тельману отдавал себя целиком, безраздельно делу борьбы за народное счастье, жертвовал самым дорогим, что есть у человека, — жизнью.

Карл Либкнехт за несколько часов до своей гибели так сказал о смысле и цели всей жизни преданных и истинных патриотов: «...они покрыли себя славой, они сражались за великое дело, за благороднейшую цель страждущего человечества, за духовное и материальное освобождение масс; они пролили свою кровь за священное дело, поэтому кровь их стала священной. И из каждой капли этой крови, из драконовых зубов, посеянных сегодня победителями, вырастут мстители за погибших, из каждого клочка растерзанной человеческой кожи восстанут новые бойцы за высокое дело, которое вечно и нетленно, как небесная твердь.

Сегодняшние побежденные станут завтра победителями... Поражение только вызовет новый прилив сил социальной революции, чей

¹ Цит по: В. Пик. Свободу Тельману! М., 1936, стр. 59—60.

² Г. Манн. Соч., т 8 М., 1958, стр. 529.

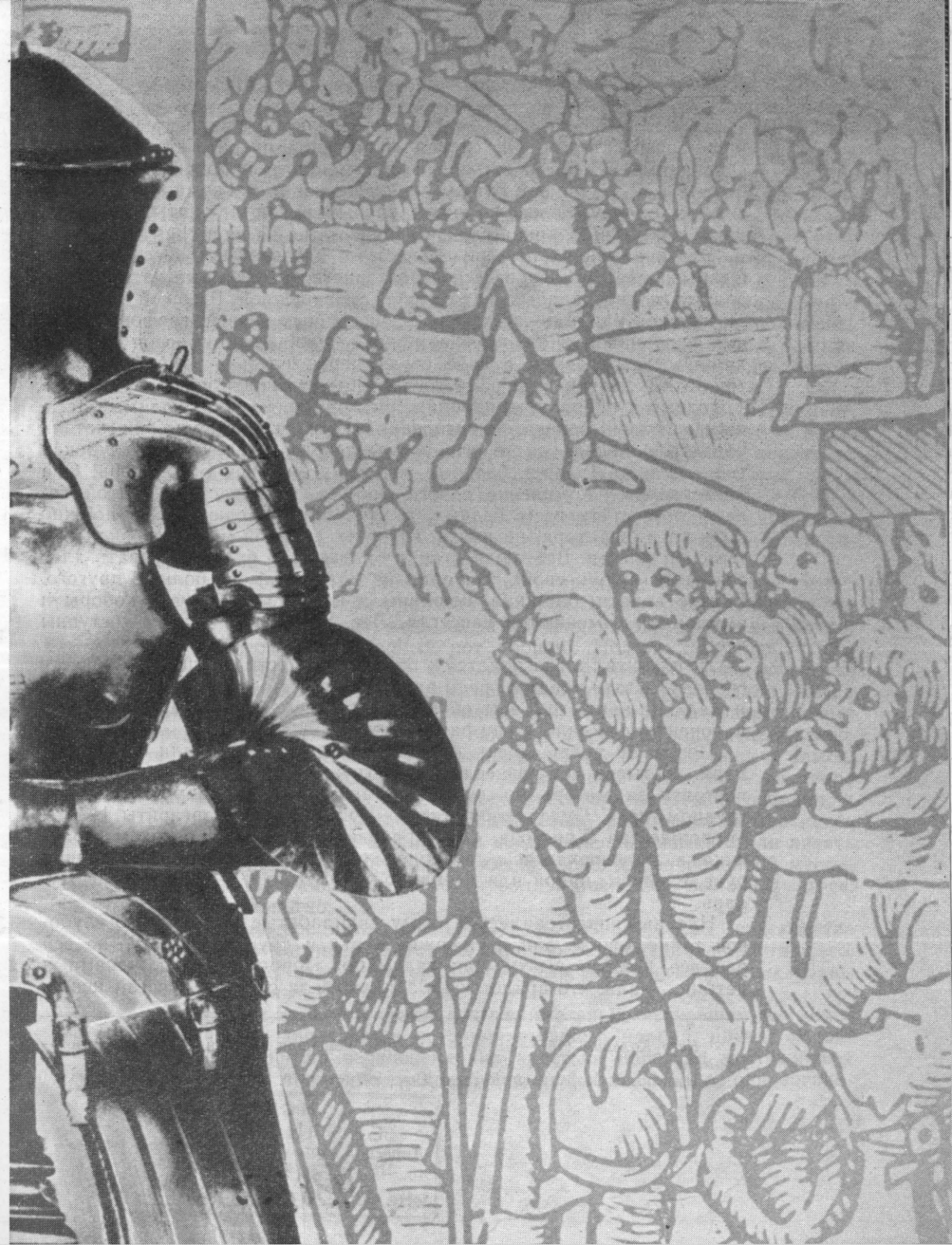
неудержимый рост обусловлен законом исторического развития»¹.

Перелистывая книгу истории — разумеется, не той лживой истории, которой нас учили в школах капиталистической Германии, — черпаешь в ней силу и надежду, постигаешь величие жизненного подвига борцов за освобождение народа, их бунтарского духа, о котором поэт сказал:

Огонь восстания горит,
И в наших жилах кровь кипит —
Бойцов погибших кровь.
Бой длится долгие века.
Разлилось пламя, как река, —
Рабы поднялись вновь.

¹ К. Либкнехт. Избранные речи, письма и статьи. М., 1961, стр. 485.

Первая вспышка

Вставай, крестьянский люд!

Взгляд мой вновь и вновь падает на рисунок, что висит над моим письменным столом. Он сделан мастерской рукой Кетэ Кольвиц¹: закованные в цепи крестьяне, герои мощного народного восстания начала XVI в., ранней буржуазной революции в Германии. Сколько силы в их неуклюжих телах, в грубых руках и сжатых кулаках, какое озлобление, какая глухая ненависть на их лицах!

Это они — наши предки, крепостные и зависимые крестьяне, лишенные права на человеческое достоинство и отданные на произвол алчных и своенравных властителей «Священной Римской империи германской нации» — всех этих бесчисленных князей, графов, духовных сановников. Под покровом ночи покидали они свои жалкие хижины и, подавляя в себе страх перед плетью, отправлялись в трудный и долгий путь ради того, чтобы услышать новое Евангелие. Голодные и оборванные, пробирались они через непроходимые леса, через реки и болота, преодолевая все препятствия, — они хотели убедиться, правда ли то, что передается из уст в уста, в глубокой тайне: Гансу Дударю, бедному пастушку, явилась Богоматерь! Она предсказала наступление нового мира и дала пастуху святой наказ — возвестить всем бедным и угнетенным волю ее: не должно быть ни императора, ни князя, ни папы, никакой иной духовной или светской власти. Все люди станут братьями и будут добывать хлеб свой трудом рук своих. Ни один не должен иметь больше другого. Всякие подати, барщина, пошлыны и налоги, все другие поборы и повинности отменяются навсегда. Лес, воды, луга станут доступны всем.

Не платить больше податей и оброка, не нести барщины? Обрести свободу? Стать равным среди равных? Урожай тому, кто пахал, сеял и жал? Да ведь это и есть обещанное со времен оных царство божие, наконец-то дождалось они рая на земле!

Почти 40 тысяч крестьян затаив дыхание слушали Ганса Дударя. 40 тысяч уст разнесли благостную весть во все уголки. Надо постоять за мать божью, не оставить ее без подмоги в таком трудном деле. Чудо свершится в день святой Маргариты 1476 г. от рождества Христова. «Но приходите сюда не с посохом странника, а в доспехах и с оружием, — со свечой паломника в одной руке, с мечом, пикой или алебардой в другой»², — сказал Ганс Дударь.

Наславу подготовились к этому дню забитые крестьяне. В глубокой тайне ковали они неуклюжие копья и другое оружие — на сей раз все должно выйти, как задумано! Попрощались с женами и детьми. Знали, что придется им заплатить за свободу дорогой ценой.

¹ Кетэ Кольвиц (1867—1945) — известная немецкая художница и скульптор. — Прим. пер.

² Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 379.

Окольными тропами пробирались они к месту сбора, но, чем больше их становилось, тем увереннее делался их шаг, шире расправлялись плечи. «Хотим сразиться с тиранами!» — они чувствовали, как растут их сила и мужество.

И вот уже более 300 тысяч собралось вместе. А Ганс Дударь все не появлялся. Крестьян начала охватывать неуверенность. Неужто Богородица передумала? Потом разнесся слух: епископ Вюрцбургский и знать ничего не желает о новом Евангелии; глубокой ночью он выслал своих вооруженных до зубов наемников, они напали на спящего Ганса Дударя и его друзей, заковали их в цепи и увезли. Кое-кто оробел, пошел на попятный. Робким казалось, что епископ сильнее. Однако свыше 16 тысяч крестьян не поддались страху и выступили единым строем. Словно бурный поток, хлынул возмущенный люд к укрепленному епископскому замку и окружил его: «Свободу узникам, или разнесем замок!»

Но епископ не растерялся. Сперва он благословил мятежников, трижды осенил их крестным знамением, помолился с высокой крепостной стены за спасение душ их. Потом вразумил, сколь велико их достойное сожаления заблуждение, сколь тяжка их пагубная ересь, а под конец торжественно поклялся тотчас освободить Ганса Дударя и его друзей, отпустить их с миром и честью, пусть только крестьяне перестанут столь недостойно угрожать епископу, назначенному самим папой римским.

Начались споры. Прошло немного времени, и крестьяне нехотя отступили. Среди них произошел раскол. У его преосвященства камень с плеч свалился: ведь когда он увидел вокруг себя лес копий, кос и цепов, его холодный пот прошиб. Нельзя допустить, чтобы такое повторилось. Через несколько часов епископ подал условный знак. Закованные в доспехи всадники уже давно ждали, когда придет время потешиться вволю. Они истребляли разрозненные группы крестьян поодиночке, одну за другой. Ландскнехты завершили свое черное дело и, упоенные «победой», вернулись в замок, и епископ возблагодарил бога торжественной обедней. А во дворе уже готовили костер. Ганс Дударь преступил заповеди господни, и его ждала смерть в пламени. Само собой разумеется, возносились молитвы за спасение души его, а когда огненные языки стали лизать его грешное тело, зазвучала тоскливая мелодия заукойной мессы. Другим же Ганса просто поотрубали головы. Это было и быстрее, и не так хлопотно.

Крестьянское восстание 1476 г. в Вюрцбургском епископстве было лишь частицей широкого народного движения, нараставшего, как лавина. Позднее его организованным ядром стали союзы «Башмак» и «Бедный Конрад».

Фридрих Энгельс, многие годы внимательно изучавший все демократические движения в истории немецкого народа, писал: «Стойкость и упорство верхненемецких крестьян поистине заслуживают восхищения: в течение тридцати лет, начиная с 1493 г., они органи-

зовывали тайные заговоры, преодолевали все обусловленные их территориально-распыленным образом жизни препятствия к созданию более крупного и централизованного союза и после всех бесчисленных провалов, поражений и казней вожаков снова и снова возрождали свои заговорщические организации, пока, наконец, не наступил удобный момент для массового восстания»¹. Классовые бои средневековья в силу исторических причин имели религиозную окраску. Бог создал мир таким, каков он есть, и всякая попытка изменить его — кощунственное преступление — в течение многих столетий вдавливалась в головы крестьян целая армия священников и монахов. Это была идеология феодализма, целью которой было обеспечить правящему классу неограниченные возможности эксплуатации.

Но крестьяне принимали слова Библии всерьез. Пред богом все равны, каждый христианин свободен, как любой другой! Такие идеи неизбежно вели их к столкновению с крупнейшей силой и главным земельным собственником того времени — католической церковью. А у нее была своя собственная иерархия, созданная алчущими роскоши князьями церкви, жирными аббатами и отцами-настоятелями, которые для оправдания своего благоденствия постыдно спекулировали словом божьим. Ужасные наказания угрожали тем, кто пренебрегал своими обязанностями перед католическим духовенством: гибель души, вечное проклятие.

Мир же тем временем изменялся. Пробивало себе дорогу капиталистическое товарное производство, возникала мировая торговля, расцветали города, накапливались огромные богатства. Короли и князья уже совершали паломничества к богатым Фуггерам в Аугсбург, чтобы выпросить денег в долг. Времена мрачного средневековья подходили к концу. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями становилось все более острым, и оковы последних должны были быть наконец взорваны. В недрах исторически отжившего строя развивался капитализм — идущая на смену феодализму общественная формация с ее новыми методами производства и эксплуатации.

Князья, графы, бароны, епископы, аббаты и другие тунеядцы видели лишь одну возможность удовлетворить свою жажду роскоши, свои потребности, возросшие с увеличением товарного производства, — усиление эксплуатации крестьян.

Преследования и расправы над ними были беспримерно жестокими, и все же к 1502 г. союз «Башмака» насчитывал уже 7 тысяч членов. Скольким из них пришлось погибнуть в сырых и темных подземельях, сколько было повешено, обезглавлено, четвертовано, искалечено, пока глухое возмущение не превратилось в организованную силу! Двенадцать статей устава этой крестьянской организации стали знаменем прогресса, они выражали требования подавляющего

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 381.

большинства народа. Крестьяне не будут больше платить князьям, аристократам и попам никаких податей, десятины, налогов, пошлин. Крепостное право отменяется, монастырские и прочие церковные владения конфискуются и распределяются между народом. Не признается никакая иная власть, кроме власти императора.

Эту революционную программу составили простые люди, не умевшие ни писать, ни читать. На первом плане оказались два требования, которые затем не исчезали со знамени борьбы за единство и свободу: создание неделимой, единой Германии и секуляризация церковных владений.

Еще дальше в своих целях пошел Томас Мюнцер — священник из Тюрингии. Он остался ярчайшей фигурой в истории немецкого народа. Его идеи намного опередили свое время, однако для претворения их в жизнь еще не было условий. Возглавляемое им движение поддерживали самые прогрессивные силы того времени, оно опиралось на еще лишь зарождавшийся пролетариат, особенно на горнорабочих. Мюнцер требовал создания неделимой республики, отмены всех податей, обеспечения свободы охоты, рыбной ловли, рубки леса, пользования пастбищами. Это были чрезвычайно смелые требования раннебуржуазной революции. Программа Томаса Мюнцера была пусть зачаточным и незрелым, в конечном счете утопическим для своего времени, но тем не менее гениальным предвосхищением глубоко национальной политики немецкого рабочего класса.

История поставила на повестку дня революционные преобразования. Игнорировать их было невозможно — в противном случае немецкому народу суждено оказаться в обозе истории. Выдержит ли он свое великое историческое испытание?

«За дело, за дело, время не ждет!»

На рыночной площади в Эйслебене стоит памятник Мартину Лютеру — сыну горняка, ставшему профессором философии и теологии Виттенбергского университета. 31 октября 1517 г. на дверях Замковой церкви он прибил свои знаменитые 95 тезисов. Они были подобны искре, попавшей в пороховой погреб. Накопившееся возмущение в мгновение ока вспыхнуло ярким пламенем народного гнева. Оно захватило также и низшие слои аристократии и городской буржуазии. Проповеди Лютера против злоупотреблений, связанных с торговлей отпущением грехов и с извращением принципа христианской свободы, явились сигналом к всеобщему восстанию, стали той платформой, которая разом объединила все оппозиционные течения, до тех пор враждовавшие друг с другом. Опираясь на возмущение страждущих, Лютер выступил со страстным обличением клира — представителей папской церкви:

«Если их (т. е. римских попов) неистовое бешенство будет продолжаться и далее, то вряд ли, думаю мне, найдется иное хорошее средство его обуздать, кроме одного: королям и князьям прибегнуть

к силе, снарядиться и напасть на этих вредных людей, которые отравляют весь мир, и раз навсегда *оружием, а не словами* положить конец их игре. Если мы караем воров мечом, убийц виселицей, а еретиков огнем, то не должны ли мы тем скорее напасть на этих вредоносных учителей пагубы, на пап, кардиналов, епископов и всю остальную свору римского содома, напасть на них *со всевозможным оружием в руках и омыть наши руки в их крови?*»¹

Кто и когда решался говорить так дотоле в немецких землях, кто проявлял такую смелость? Сей «раб божий» призывал к борьбе. Он высказал то, что думал народ, он нашел в себе мужество, ибо знал: за ним стоит весь народ. Он дал угнетенным и измученным «Марсельезу» XVI в. — свой хорал:

Пусть дьяволы заполнят свет,
Оскалив мерзостные пасти,
В нас страха перед ними нет,
Мы завоюем людям счастье.

Этот человек, вышедший из народных глубин, переведя Библию с латыни на немецкий язык, открыл голодающим массам картину жизни первых христианских общин с их примитивным потребительским коммунизмом. Как не похожа была она на роскошную и беззаботную жизнь князей церкви, прелатов и аббатов! Само Священное писание стало теперь свидетельством того, что, выжимая все соки из крестьян, церковная иерархия поступает вопреки законам божьим.

Значительная часть князей вначале с одобрением взидала на неистовство этого «монашка»: ведь вызванная им буря обрушилась прежде всего на церковников — их конкурентов по эксплуатации народа. Многие князья ненавидели церковь, которая всяческими жульническими присваивала то, что, по мнению сих «благородных господ», испокон веку должно было принадлежать им самим. Особенно доволен тем, как Лютер метал свои молнии в торговцев индульгенциями, был саксонский курфюрст: в Саксонии развивался горный промысел, приносивший изрядную прибыль, и он вовсе не намеревался делиться ею с церковниками.

Особенно бурно разрасталось народное движение, руководимое Томасом Мюнцером. Он атаковал не только католическую иерархию, но и с такой же страстностью выступил против князей, аристократии и даже против городских патрициев. Его проповеди были проникнуты духом мятежа, его листовки в самых гневных выражениях бичевали злодейства безбожных правителей. Феодализму, унижающему человека, Мюнцер противопоставлял созданную его фантазией тысячелетнюю империю, в которой действовал республиканский принцип равноправия. Он требовал немедленного установления царства божьего на земле, имея в виду общество, лишенное классовых

¹ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 365.

различий, общество без частной собственности, без противостоящей народу государственной власти. Но Мюнцер был не только автором увлекающих своим пафосом проповедей и листовок; он связывал теорию с практикой и сознательно готовил революционное восстание.

По замыслу Томаса Мюнцера вольный имперский город Мюльхаузен должен был стать центром всеобщего восстания. 17 марта 1525 г. совет патрициев был заменен новым, «Вечным советом», избравшим Мюнцера своим председателем.

Во многих областях страны вспыхнул пожар революции. Крестьяне осаждали замки господ и сжигали документы, закреплявшие право на их эксплуатацию и угнетение.

Однако вскоре все реакционные силы, до сих пор жестоко враждовавшие друг с другом, сплотились воедино. И тут проявилось то, что в последующие столетия сыграло решающую роль в национальном развитии Германии. Класс, который был призван историей взять в свои руки руководство исторически назревшим преобразованием общества и при помощи революции сокрушить феодальный строй, переметнулся на сторону тех, за кем была сила.

И Лютер, объективно представлявший интересы зарождавшейся буржуазии, принял именно такое решение, какое она постоянно принимала и в последующие столетия. Увидев, что разбуженные им стихийные народные силы приобретают мощь стремительного горного потока, Лютер испугался собственной храбрости и перешел в лагерь врагов народа. Перед лицом атакующих крестьянских масс представители римской церкви мгновенно превратились у него в невинных агнцев, в благословенных детей господних. Лютер заключил союз с князьями, бюргерами и попами против «творящих убийство и разбой крестьянских орд». То был совсем другой Лютер, непохожий на Лютера 1517 г. Теперь он бушевал с кафедры: «Каждый, кто может, должен рубить их, душиť и колоть, тайно и явно, так же, как убивают бешеную собаку. Поэтому, возлюбленные господа, придите на помощь, спасайте; коли, бей, дави их, кто только может, и если кого постигнет при этом смерть, то благо ему, ибо более блаженной смерти и быть не может... князьям же восстание покажет, каков дух у черни, управлять которой надлежит только силой»¹.

Здесь невозможно описать весь ход грандиозной драмы, которую Энгельс назвал буржуазно-религиозной революцией. Высвободилась из-под спуда колоссальная энергия, повсюду возникали крестьянские армии, лились потоки крови. Однако противоречивые интересы угнетенных классов, колоссальное разнообразие местных условий и пестрота политических взглядов помешали, к несчастью для немецкого народа, достигнуть национального единения, необходимого для того, чтобы очистить Германию от сорных зарослей кар-

¹ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 367—368.

ликовых государств. Это мощное народное восстание не смогло преодолеть своей раздробленности, в нем не было центральной руководящей силы. Победителями в ранней буржуазной революции 1525 г. оказались князья, разгромившие одну за другой разрозненные крестьянские армии. Князья оказались в выигрыше, они бесстыдно обогатились за счет владений церкви и духовенства, экспроприации которых требовал народ. Движимые алчностью, они «навели порядок» среди низшей аристократии и тем самым упрочили свое господство. Над зачинщиками восстания, нарушившими «заповеди господни» и вставшими на борьбу против «ниспосланных богом правителей», была учинена жестокая, кровавая расправа.

Поражение немецкого народа, попытавшегося в XVI в. ликвидировать феодализм революционным путем, возымело далеко идущие последствия. Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.) особенно ясно показала, что германская нация стала объектом в политической игре иностранных держав. Повсюду жгли, грабили, уничтожали, убивали. Опустошение и безлюдье были безмерны. А когда, наконец, наступил мир, Германия, поверженная в прах, лежала бессильная, раздавленная, растерзанная, истекала кровью. Наиболее ужасной снова оказалась судьба крестьянства. И все же немецкий народ имеет полное право гордиться своими свершениями в начале XVI в. Это время научило немцев многому. Фридрих Энгельс, выражая те чувства, которые волнуют каждого, кто изучает Великую крестьянскую войну в Германии, писал:

«Немецкий народ также имеет свою революционную традицию. Было время, когда Германия выдвигала личности, которые можно поставить рядом с лучшими революционными деятелями других стран, когда немецкий народ проявлял такую выдержку и развивал такую энергию, которые у централизованной нации привели бы к самым блестящим результатам, когда у немецких крестьян и плебеев зарождались идеи и планы, которые достаточно часто приводят в содрогание и ужас их потомков»¹.

Поэт Куба (Курт Бартель) посвятил замечательное стихотворение героям немецкого средневековья, раздававшим беднякам имущество богачей. Поэт очень точно выразил чаяния голодных, забытых масс, их мечту о социальной справедливости и равенстве:

Поднимай якоря! В небе светит звезда.
Пашня — землепашцам, пастухам — их стада,
беднякам — запасы хлеба. Мы боролись не зря,
потому что наше небо, и земля, и моря!
И шелка, и рубашки,
и узорные пряжки,
драгоценные вина
и из пуха перины,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 345.

золотые цепочки
и с мукою мешочки,
с жемчугами колечки,
крендель прямо из печки,
и все это делится на равные части —
поровну, поровну всем!¹

¹ «Немецкая поэзия 1954—1959 гг.». М., 1960, стр. 126.

Свобода,
равенство и братство!

Револуция! Как ненавидели, презирали, проклинали это слово власть имущие с тех пор, как общество раскололось на классы! Эксплуатирующее меньшинство, бесповоротно осужденное историей на уход с политической арены, всякий раз оказывало отчаянное сопротивление тем, кто шел ему на смену, не гнушалось убийством и резней, не отступало перед кровавой гражданской войной.

Революция! Как гордо звучит это слово! Ведь во все времена лучшие из лучших отдавали ей свою жизнь. Революции — локомотивы мировой истории. Глупец тот, кто рассчитывает на длительное время задержать процесс общественного развития. И горе тому народу, который в решающий момент проявит слабость и не справится со своей исторической задачей.

Пусть княжеские армии и оказались победителями в Великой крестьянской войне в Германии, идейная диктатура католической церкви, этого оплота феодальной реакции, была сломлена. Представители буржуазии, а в Германии в первую очередь мелкобуржуазных слоев, смогли создать непреходящие идейные ценности. Однако, в то время как молодая буржуазия Англии, Франции и Голландии с беспримерной жестокостью захватывала источники сырья и рынки сбыта, сколачивала огромные состояния, угнетала целые континенты, вела обширную работоторговлю и истребляла многие народы, в то время как все эти факторы положили начало невероятно быстрому развитию производительных сил и грандиозным прогрессивным преобразованиям, исторически обреченный княжеский сброд продолжал терроризировать немецкий народ, а бесчисленные мелкие «отечества» с их невообразимым калейдоскопом валют, систем мер и весов, налогов и пошлин парализовали экономическое развитие Германии. Вот как рисовал портрет правителей этих мелких германских государств Франц Меринг:

«Во всей мировой истории, пожалуй, трудно найти другой класс, который столь долгое время обнаруживал такую бедность умом и силами и был бы столь расточительно богат всяческой низостью, как германские государи XVII и XVIII вв... Экономические условия жизни класса князей превратили его в эти столетия в гротескную карикатуру. Поскольку у него не было той основы, на которую опиралась княжеская власть в экономически развитых странах, он мог существовать только за счет непрерывного предательства интересов своей страны».

Неудержимо прокладываявший себе дорогу капиталистический способ производства настоятельно требовал создания национального рынка, формирования буржуазного национального государства. Фридрих Энгельс так описывал этот процесс: «С конца средних веков история ведет к образованию в Европе крупных национальных государств. Только такие государства и представляют нормальную политическую организацию господствующей европейской буржуазии и являются вместе с тем необходимой предпосылкой для установле-

ния гармонического интернационального сотрудничества народов, без которого невозможно господство пролетариата»¹.

Однако в раздробленной Германии, бывшей в то время скорее географическим, чем политическим, понятием, облик буржуазии едва ли мог определяться какими-либо иными качествами, нежели узколобая ограниченность, ханжество, торгашество и абсолютное политическое бессилие. Как отмечал Франц Меринг, «слава и призвание этого класса состояли в том, что он смог достойно утвердить свою революцию в заоблачных высях литературы и философии, но никогда не был в состоянии сделать то же самое на грешной земле — дюжими кулаками или силой оружия».

Фанфары новой эпохи

В Париже 14 июля 1789 г. громко прозвучал сигнал. Он звал на штурм Бастилии, к освобождению политических заключенных. День, когда была разрушена Бастилия, этот символ феодализма, стал подлинным национальным праздником французского народа.

Тот, кому доводилось видеть, как празднуют 14 июля в каком-нибудь предместье Парижа или в отдаленной французской деревушке, понимает, что означает в историческом развитии народа победоносная революция. Люди танцуют национальные танцы, поют революционные песни, вспоминают своих предков или участников великих событий. Гордость силой народных масс наполняет сердце обитателя самой бедной хижинки.

Французскую революцию идейно подготовило Просвещение, идеология поднимающейся французской революции. 5 мая 1789 г. в Версале впервые после многолетнего перерыва собрались Генеральные штаты. Более половины депутатов принадлежали к «третьему сословию». Теперь они сидели рядом с представителями дворянства и духовенства. Когда в страхе перед грядущей революцией король собрал войска, под руководством буржуазии поднялись рабочие и крестьяне. В ходе революции были национализированы церковные владения, частично ликвидированы феодальные отношения собственности, декларированы права человека, образованы гражданские органы самоуправления.

Феодальная реакция всей Европы спешно предпринимала все возможное, чтобы задушить революцию. Французский народ ответил штурмом Тюильри и арестом короля (1792 г.). На помощь республике пришли добровольцы; вновь созданные революционные армии одержали в битвах при Вальми и Жемапе полную победу над иностранными интервентами. Прусские войска вынуждены были поспешно отступить. Народ победил, во главе французской нации встала буржуазия, которая вскоре установила свою диктатуру, передав власть Наполеону Бонапарту.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 421—422.

Наполеоновским армиям было суждено донести и до Германии горячее дыхание революции и уничтожить там часть средневекового хлама. Армии Наполеона разогнали свору аристократов, епископов и аббатов, смели кучку князей, с давних пор являвшихся лишь марионетками в чужих руках.

Однако, когда войска Наполеона перешли границу, французская буржуазия уже не была заинтересована в радикальном устранении феодализма и ликвидации раздробленности Германии на множество государств. Теперь хищнический характер французской буржуазии проявлялся гораздо сильнее, чем антифеодальный. К тому же как эксплуататорский класс она была глубоко антидемократичной. Ей были нужны рынки сбыта, ее экономические и политические интересы требовали использования экономического и военного потенциала завоеванных областей в борьбе против ее соперника — Англии за преобладающее господство в Европе. Революционные армии, воины которых шагали от победы к победе во имя достижения великих целей, очень скоро превратились в армии захватнические. Генерал революции Наполеон изменил великим гуманистическим идеям свободы, равенства и братства. Долгожданный освободитель оказался бессовестным угнетателем и захватчиком.

А немецкие князья вновь показали всю свою подлость: теперь они пресмыкались перед императором. После окончательного разгрома прусских армий под Йеной и Ауэрштедтом (1806 г.) они тряслись от страха, боясь потерять свои троны и трончики, угодничали перед Наполеоном и предоставляли в его распоряжение своих «подданных» в качестве пушечного мяса.

И все же глубокое национальное унижение Германии стало началом поворота в ее истории.

Восстань, мой народ!

Огромная армия, словно чудовищная лавина катившаяся через Германию к просторам России, опустошая все на своем пути, в значительной части состояла из войск, проданных Наполеону немецкими князьями-предателями. Это были главным образом крестьяне, поденщики, рабочие мануфактур, горняки и ремесленники, которых силой погнали на военную службу. Дома у них остались голодные семьи. Полные злобы и ненависти к своим правителям, шли они вместе с солдатами чужой армии. Им становилось ясно, что Германия страдает от двойного гнета — своих «собственных» князей и французских захватчиков.

Великое горе этих людей, горе немецкого народа понимали патриоты, сплотившиеся вокруг Шарнгорста, Штейна, Гнейзенау, Арндта, Фихте и других прогрессивных деятелей. Вот уже много лет пытались они изменить положение в Германии путем реформ — результаты были жалки. Их попытка отменить наследственную личную зависимость крестьян кончилась преобразованием феодальных по-

винностей в выкуп в форме ренты или твердо определенной суммы, погашаемой в течение двадцати пяти лет. Теперь они выработали смелый план национального освобождения Германии, который резко противоречил представлениям прусского короля об армии. Под впечатлением испанской партизанской войны — гверильи — они хотели полностью реорганизовать армию и создать народное ополчение — ландвер, т. е. практически вооружить все население.

В созданном на русской земле «Германском легионе» сплотились военнопленные, эмигранты и другие немцы-патриоты. Из далекой России они призвали немецкий народ к освободительной борьбе. Был образован Комитет по германским делам, в котором объединились немецкие патриоты. Их целью было освобождение раздробленной Германии от иностранного господства.

Когда русский народ собрался с силами, чтобы нанести врагу ответный удар, когда повсюду в необъятной России вспыхнула партизанская война, когда начался страшный суд над французским тираном, затеявшим поход на Восток, когда стало ясно, что народная война надвигается как ураган, немецкие властители, хотя и с колебаниями, пошли на уступки национально-освободительному движению. В то время как «трусливые политики и жалкие князья» (так называл их Штейн) изливали свою желчь по поводу патриотического поступка генерала Йорка, подписавшего 30 декабря 1812 г. конвенцию в Таурогене¹, народ восстал и взялся за оружие.

Наступило время, когда из уст в уста передавались слова песен Теодора Кернера², когда повсюду бурно приветствовали вольный корпус майора Лютцова³, когда осмеянные Наполеоном и презираемые немецким юнкерством отряды народных ополченцев в тесном братстве по оружию с русскими войсками утверждали знамя победы.

Не хватало вооружения и боеприпасов, мундиров и снаряжения, но все возмещалось боевой решимостью поденщиков, ремесленников, крестьян. Завоевателю была объявлена война, и эти люди не останавливались перед тем, чтобы бросить на чашу весов свою жизнь, если этого требовали национальное освобождение и единство Германии.

Жертвы были огромными. Один лишь корпус Йорка потерял в битве при Мекерне (к северу от Лейпцига) более 7 тысяч человек. Однако в битве народов под Лейпцигом, когда плечом к плечу сражались немецкие, русские, австрийские и шведские войска, судьба агрессора была решена.

¹ Конвенция гарантировала нейтралитет прусского вспомогательного корпуса в сражениях русских войск с армией Наполеона и ознаменовала открытое выступление Пруссии против наполеоновской армии. — *Прим. пер.*

² Кернер Т. (1791—1813) — немецкий поэт-романтик и драматург. Погиб в боях против Наполеона. — *Прим. пер.*

³ В 1813 г. прусский кавалерийский офицер Адольф Лютцов создал добровольческий корпус для борьбы против Наполеона. — *Прим. пер.*

Русский и немецкий народы перечеркнули планы Наполеона. Несмотря на свою слаженно работавшую военную машину, император потерпел фиаско. Ему нанесла поражение сила народных масс. Он сделал своим знаменем национальную измену и национальное угнетение, он хотел насадить режим кабалы и рабства. И все же идеи французской революции оказали свое влияние на Германию. Впервые после Великой крестьянской войны немецкий народ вспомнил о своих революционных традициях и вооружился, не ожидая высочайшего соизволения князей.

Но и у этого национального движения не было целеустремленного руководства. В этот исторический час буржуазия вновь проявила свою полную неспособность указать народу путь. Патриоты, сплотившиеся вокруг Штейна и Клаузевица, при всех их личных достоинствах и заслугах также оказались не в состоянии преодолеть свою классовую ограниченность и стать вождями народной революции. Более того, движение возглавили князья, те самые князья, которые только что предавали и продавали своих подданных. Стоит ли удивляться, что сразу же после победы князья забыли все данные ими обещания и посулы? Народ лишили надежды, заживавшей национальный энтузиазм.

Место иностранного деспота заняли теперь 36 меттернихов, тайная лига немецких князей¹ обязала их всех помогать друг другу в борьбе против революционного движения. «Священный союз» с крайней жестокостью преследовал все прогрессивные и демократические силы, травил Штейна, Эрнста Морица Арндта, братьев Гримм и Генриха Гейне, а позднее подвергал репрессиям Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Так получилось, что огромное по своему размаху народное движение оказалось раздробленным и задушенным. Правда, университетская молодежь, только что вернувшаяся с полей победоносной войны и вдохновляемая классической литературой, высоко держала знамя мятежа, знамя единой Германии. «Но буршеншафт² оставался аванпостом, за которым не было никакой армии, да и у него самого не было ясного классового сознания. В буршеншафте сочетались средневековые грезы об императоре и империи с яростью якобинца, который сжимает в руке кинжал мстителя, направленный против вероломных государей и их пособников». Так оценивал Франц Меринг положение в Германии после освободительных войн.

Историческая задача — осуществление буржуазной революции — решена не была. И все же мощное освободительное движение 1813 г. пробило глубокую брешь в здании феодализма. Национальное сознание росло, народ воспринимал гнет реакции, как ошейник с острыми

¹ Имеется в виду учрежденный Венским конгрессом 1814—1815 гг. «Германский союз», в который вошло 36 германских государств и три вольных города. — *Прим. пер.*

² Студенческая корпорация. — *Прим. пер.*

шипам. Назревали еще более мощные классовые битвы. Вскоре буржуазии пришлось столкнуться с новыми вспышками народного гнева.

Замечательный немецкий поэт Георг Гервег воссоздал кипучую обстановку кануна революции в своих стихах, написанных в 1841 г.:

Немцы! Мы дождемся сроков.
Предсказания пророков
Явью станут наконец.
Смерти креп — за все нам плата;
Наше злато — нимб заката;
Кровь из сердца — наш багрец.

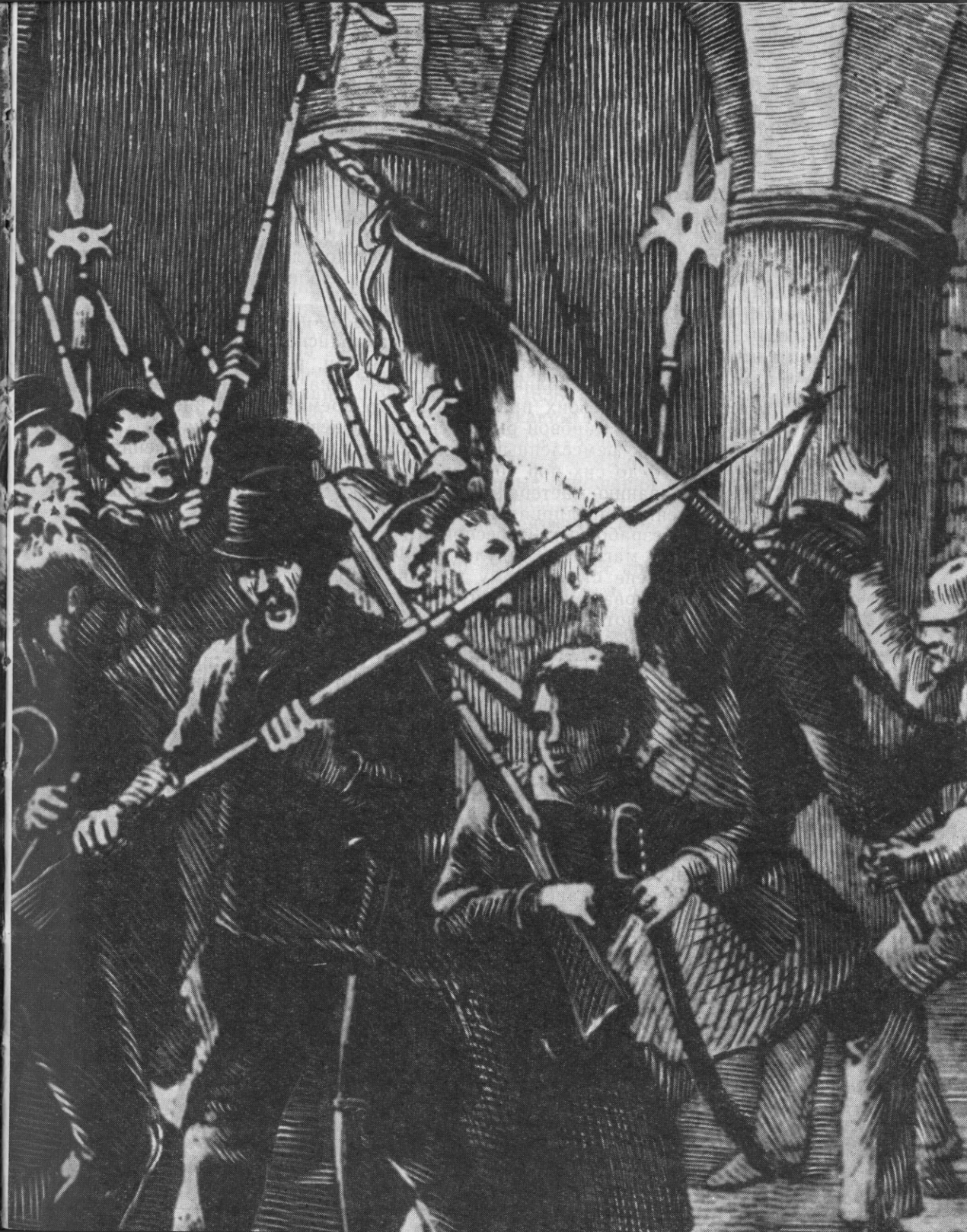
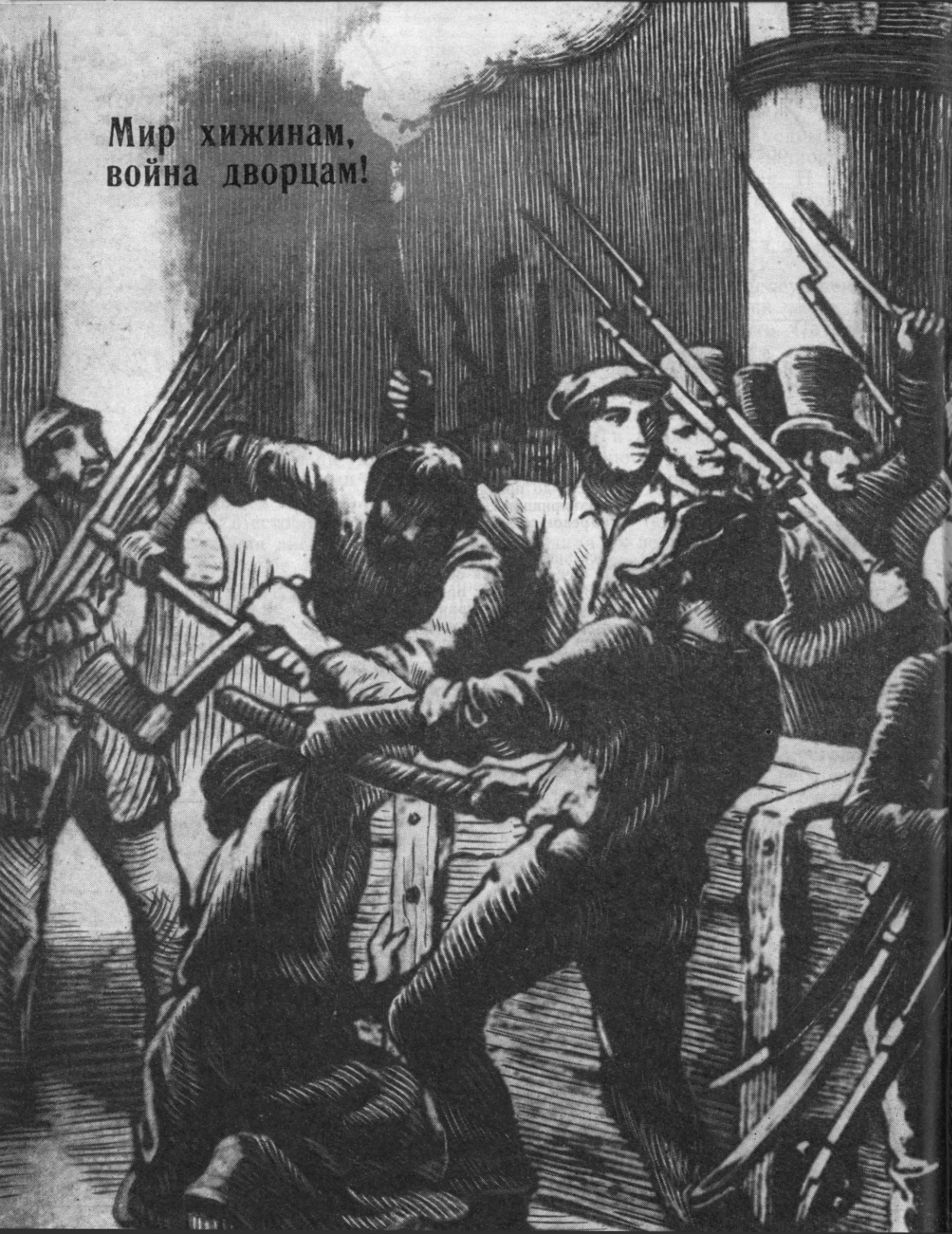
Все кресты с могил снимайте!
В меч возмездья обращайтесь!
Бог на небе нас простит.
Увидав пожар зажженный,
Твердость стали обнаженной,
Он наш путь благословит...

Траур пусть наденут зданья
До тех пор, пока восстанье
Не сорвет с них флаг врага;
Пусть до праздника свободы,
Разъярившись, Рейна воды
С ревом лижут берега

Все кресты с могил снимайте!
В меч возмездья обращайтесь!
Бог на небе нас простит.
Пусть дрожит тиран в испуге:
У меча бывают слуги, —
Ими стать нам предстоит¹.

¹ «Немецкая поэзия революции 1848 года». М., 1948, стр. 60—61.

Мир хижинам,
война дворцам!

Во Франции и в Англии, как и во всей Западной Европе, капитализм развивался все более бурно. Но так же быстро рос и класс наемных рабочих, современный промышленный пролетариат, который начинал выходить на историческую арену классовой борьбы. Июльская революция 1830 г. во Франции (пролетарии, мелкие буржуа и студенты прогнали ненавистных Бурбонов, а крупная буржуазия вновь взяла власть в свои руки) привела к революционным потрясениям по всей Европе. Восстания лионских ткачей в 1831 и 1834 гг. озарили Европу, как яркий свет маяка; чартистское движение в Англии в 40-х годах XIX в. свидетельствовало о появлении организованного и сознательного рабочего движения.

А в Германии 38 таможенных границ по-прежнему мешали развитию промышленности, торговли и транспорта. Промышленное развитие шло крайне медленными темпами, ремесленники все еще работали в своих карликовых мастерских на местный рынок, пользуясь методами своих прадедов. В это время английские фабрики уже наводняли мировой рынок своими дешевыми изделиями. В Германии возник ремесленный пролетариат, которому ограничения не отмененного до сих пор средневекового цехового устава закрывали доступ к званию мастера и который пока не мог найти работы на промышленных предприятиях.

Этих безработных и бесприютных странствующих ремесленников, словно магнитом, тянуло во Францию, и особенно в Париж. Город на Сене стал к тому времени промышленным центром; там уже существовал настоящий пролетариат. Франция с давних пор не знала деспотизма дворян, там не преследовали, как в Германии, и прежде всего в Пруссии, за свободомыслие. В 1830 г. дискуссии об общественной системе, при которой все люди должны жить в человеческих условиях, приобрели особенно широкий размах. Утопическо-социалистическое учение графа Сен-Симона переживало в ту пору свой расцвет. То были запутанные созерцательные построения, мечты о социализме, при котором христианская любовь станет реальностью, а все люди — братьями.

В 30-х годах XIX в. в Париже жило около 50 тысяч немецких рабочих. Большая часть из них эмигрировала из-за полицейских преследований. В 1834 г. самые прогрессивные из них основали тайный «Союз отверженных». Его участников сплотила идея объединения Германии, свою задачу они видели в распространении демократических и республиканских идей. У них была общая цель: покончить в Германии с абсолютистским господством, с произволом князей, с всевластием полиции и засильем шпииков. В Германии люди должны дышать свободно; необходимо создать такую атмосферу, чтобы у человека не сжималось от страха сердце, когда кто-нибудь постучит ночью в дверь. Нужно убрать бесчисленные границы, шлагбаумы и таможенные барьеры, чтобы шире развивалась торговля, чтобы расцветала экономика, чтобы рабочие не скитались по всей стране словно бездомные нищие.

Членов «Союза отверженных» объединяли цели буржуазной революции. Однако мнения разошлись, как только зашла речь о выборе путей к достижению целей. Рабочие выступали за революционный путь, мелкобуржуазные вожди видели спасительное решение в переговорах, в достижении взаимопонимания с князьями. Они ограничивались требованием конституционных реформ.

Противоречия в «Союзе отверженных» усиливались. Уже через два года из него выделился «Союз справедливых» — первая классовая организация немецкого пролетариата. В ней еще бродили, как в чане с вином, самые различные идеи; политические представления часто носили идеалистический характер и принимали форму этического учения, главной целью которого было обновление мира, форму нравственной идеи. Однако уже тогда проявилась великая духовная сила формирующегося рабочего движения. Немецкий портной Вильгельм Вейтлинг опубликовал в 1838 г. на шумевшее произведение «Человечество, как оно есть и каким оно должно быть». Выводы Вейтлинга шли значительно дальше учения французских и английских утопистов, он близко подошел к коммунистическому миропониманию и считал, что общественные отношения могут быть преобразованы только самими трудящимися массами, только революционным путем. Однако основные идеи Вейтлинга еще носили идеалистический характер.

Карл Маркс, решительно выступивший против утопических идей Вейтлинга, вместе с тем писал в 1844 г. в парижской газете «Форвертс»: «Где у (немецкой) буржуазии, вместе с ее философами и учеными, найдется такое произведение об *эмансипации буржуазии* — о политической эмансипации, — которое было бы подобно книге Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы»? Стоит сравнить банальную и трусливую посредственность немецкой политической литературы с этим беспримерным и блестящим дебютом немецких рабочих, стоит сравнить эти *гигантские детские башмаки пролетариата* с карликовыми стоптанными политическими башмаками буржуазии, чтобы предсказать этой Золушке в будущем фигуру атлета»¹.

В условиях деспотизма в Пруссии и в других германских государствах накапливались семена мятежа, но проросли они в стране, где буржуазная революция на первом этапе утвердила свободу, — во Франции. Это свидетельствовало о том, что в Германии складывалась такая ситуация, когда эксплуатируемые, а также класс, владеющий капиталом, уже более не могли пассивно принимать как должное феодальные и полуфеодальные порядки.

Словно извержение раскаленной лавы, прогремело в июне 1844 г. восстание силезских ткачей. Оно подтвердило, что и немецкий пролетариат активно пытался повернуть колесо истории. Стихийно вспыхнувший бунт показал всю непримиримость классовых противоречий, сорвав с них покров лжи. Восставшие не только побросали

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 217.

в огонь конторские книги местного капиталиста, безжалостного эксплуататора фон Петерсвальдау; они вооружились и шли от деревни к деревне и в своем беспредельном гневѣ обратили в бегство даже хорошо вооруженные войска, брошенные на их усмирѣние. Лишь после долгой борьбы этот взрыв революционной энергии захлебнулся в крови лучших.

Восстание силезских ткачей было первым крупным столкновением немецкого пролетариата с капиталистическим классом эксплуататоров и с феодально-милитаристским прусским государством. Оно вызвало крутой подъем массового политическаго движения во всей Германии и ускорило созревание классового сознания пролетариата.

Своими «Силезскими ткачами» Генрих Гейне воздвиг памятник этим мужественным борцам:

Челнок летит, станку невмочь,
Мы ткѣм усердно день и ночь.
Германии старой саван мы ткѣм,
Тройное проклятье туда мы вплетѣм.
И ткѣм мы, и ткѣм мы!¹

Великая дружба

Каждый, кто постиг и воспринял идеи Карла Маркса и Фридриха Энгельса, приходит к ясному научному мировоззрению. Ведь человек, незнакомый с закономерностями развития природы и общества, беспомощен, он, словно оторвавшийся от ветки листок, чувствует себя отданным во власть изменчивой стихии, во власть неведомых сил. При каждом повороте судьбы его охватывает страх перед чем-то непостижимым. Величественное здание научнаго социализма — вот источник, из котораго вновь и вновь черпает свою силу революционное рабочее движение.

Откуда явились они миру, как стали героями духа, эти два достойных глубочайшаго уважения сына немецкаго народа, о которых Ленин сказал: «Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком.

Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они указали пролетариям всех стран их роль, их задачу, их призвание: подняться первыми на революционную борьбу против капитала, объединить вокруг себя в этой борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых»².

Двадцатилетним парнем вместе с двумя-тремя сверстниками копил я по пфеннигу деньги на поездку в Трир. Мы отправились в путь на велосипедах. Другие средства передвижения были нам не

¹ Г. Гейне. Собр. соч. в десяти томах, т. 2. М., 1957, стр. 148.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 169.

по карману. Домой мы вернулись разочарованными. Дом, где родился Карл Маркс, нам удалось разыскать с огромным трудом.

В тихом переулочке древнего города на реке Мозель (в 1815 г. он вошел в состав Пруссии) стоит этот бюргерский дом, где 5 мая 1818 г. родился человек, совершивший величайшее деяние в истории, человек, ставший основоположником нового мировоззрения — научного социализма. Молодой Маркс должен был получить высшее образование и стать почтенным адвокатом или даже профессором университета. Уже в гимназии проявилось незаурядное дарование молодого Маркса. Изучая правовые науки, он познакомился с идеями Гегеля, а позднее Фейербаха и с тех пор уже не расставался с философией. В 1841 г. Маркс защитил диссертацию о философии Эпикура и получил ученую степень в Йенском университете. Однако университетская и всякая иная официальная карьера для него была уже к этому времени закрыта. Он слыл революционером. В Пруссии реакция прочно удерживала в своих руках все решающие позиции. Здесь для Маркса не нашлось места профессора университета, не говоря уже о должности в реакционном королевском государственном аппарате.

В Рейнской области, где французская революция на рубеже XIX в. сильнее всего потрясла устои феодализма, либеральная буржуазия робко пыталась создать нечто вроде очага прогресса. В 1842 г. она основала «Рейнскую газету» и пригласила Карла Маркса на должность редактора. Уже к осени он встал во главе редакции. Цензуру материала перед его подписанием в печать осуществлял полицейский чин, который показал, насколько он пригоден для данной должности, заявив официальный протест против публикации объявления о переводе «Божественной комедии» Данте. Но справиться с «Рейнской газетой» господину советнику полиции было явно не под силу. Один цензор сменял другого, пока наконец цензуру не взял в свои руки сам председатель земельного правительства. Когда и это не помогло, газету попросту закрыли. Карл Маркс переселился в Париж, где вместе с Арнольдом Руге издавал «Немецко-французские ежегодники». Однако Маркс навлек на себя гнев прусского правительства, которое добилось от французского правительства его высылки. С 1845 г. Маркс поселился в Брюсселе.

В Париже Карл Маркс впервые встретился с Фридрихом Энгельсом, который остановился во французской столице по пути в Лондон. Энгельс также не был выходцем из среды рабочего класса. В юности у него было прочное социальное положение, он рос в обстановке достатка.

Нередко я часами простаивал перед старым патрицианским домом по Энгельс-уфер в Бармене (ныне Вупперталь), где 28 ноября 1820 г. родился Фридрих Энгельс. Его отец был главой семьи фабрикантов, чье богатство быстро росло. Религиозное ханжество сочеталось в ней с глубоким почтением к государственным учреждениям, которые гарантировали богатство и свободу (свободу эксплуатации,

разумеется). Фридрих Энгельс был старшим сыном, в фирме ему предназначался ответственный пост. Поэтому отец, не дождавшись сдачи Фридрихом экзаменов на аттестат зрелости, забрал его из школы и посадил в свою контору.

Производить дешевле, как можно дешевле! Покупать выгоднее, как можно выгоднее! Продавать дороже, как можно дороже! — таков был девиз отца Энгельса, этого верноподданного бюргера, ненавидевшего всякое свободомыслие и, как и все порядочные люди, по воскресеньям дважды ходившего в церковь. Однако сын, на которого возлагались столь большие надежды, вскоре заинтересовался другими вещами. Он не только видел технический прогресс, он не только понял, что победоносное шествие паровой машины знаменовало начало технической революции, он видел также безграничную нужду в душных фабричных цехах. В своих «Письмах из Вупперталя» он нарисовал правдивую картину жизни в этом городе, где ткачи-надомники сидели за своими станками с самого рассвета и до глубокой ночи, описал ужасную нищету детей, которые уже с шестилетнего возраста становились жертвами беззащитной эксплуатации. Из пяти детей, как правило, безвременно умирало трое.

Вскоре молодого Энгельса послали в Гамбург. Ему надлежало поучиться у дельцов из знаменитой торговой фирмы обманывать партнеров по «честной коммерции». Отцу нужна была действенная помощь в его быстро растущем деле.

Поддающийся надежды молодой хозяин с большой радостью покинул затхлый мирок родительского дома. Однако он распорядился своей свободой совсем не так, как требовал отец.словно молодой орел, расправляющий крылья на большой высоте, он набросился на сокровищницу знаний, которая отныне стала для него доступной. Он проглатывал гениальные творения Гёте, восхищался музыкой Бетховена, с жадностью учил иностранные языки (впоследствии он знал не менее двух десятков), чтобы читать в подлиннике книги французских и английских утопистов и политэкономов. Затем он принялся за Гегеля. Противоречие означает развитие — этот вывод произвел настоящий переворот в его сознании.

Когда прусский король призвал Энгельса в армию, знаменитую своей военной и идейной муштрой, он, «вольноопределяющийся-одногодник» гвардейского артиллерийского полка, использовал каждый свободный час, чтобы на правах вольнослушателя посещать лекции в Берлинском университете. С юношеской пылкостью он ринулся в атаку на реакционную философию. В своей первой опубликованной книге «Шеллинг и откровение» он смело и решительно поднял боевое знамя атеизма против всего того, что реакция окружала ореолом святости.

С первой встречи Карла Маркса и Фридриха Энгельса в сентябре 1844 г. завязалась их дружба, о которой Ленин сказал: «Старинные

предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе»¹.

С тех пор как Карл Маркс понял великую историческую миссию рабочего класса, он жертвовал всем тем, что многие считают самым важным в своей жизни: своей карьерой в буржуазном обществе, перешедшим к нему по наследству имуществом, состоянием своей жены Женни. Он жил, вечно преследуемый кредиторами, шантажируемый издателями, десятилетиями борясь с нуждой, — иногда приходилось сидеть буквально на одном хлебе. Из-за материальной нужды он потерял троих детей.

Братская дружба с Фридрихом Энгельсом вознаграждала Маркса за многое. Лишь материальная помощь Энгельса дала Марксу возможность осуществить великое дело его жизни. И все же самым главным в этой искренней дружбе была радость, рождаемая совместным трудом и общими идеалами. Этой радостью проникнута вся их переписка, включающая более 1500 сохранившихся для потомства писем. Переписка Маркса и Энгельса дает нам возможность с трепетным волнением заглянуть в мысли и чувства двух великих искателей истины. Она показывает, как связывает людей общая борьба, как возникают у них общие мысли и идеи. Не было, пожалуй, ни одного сколько-нибудь важного вопроса, который Маркс и Энгельс не обсуждали бы друг с другом, не взвешивали бы с придирчивой обстоятельностью со всех сторон.

Историческое значение марксистской философии с предельной ясностью охарактеризовал В. И. Ленин: «Философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности»². «Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали донныне все угнетенные классы»³.

Переписка Маркса и Энгельса позволяет воссоздать и благородный образ Женни Маркс. Она родилась в 1814 г. в Зальцведеде в семье барона фон Вестфалена, который позднее получил назначение в Трир на должность правительственного советника. Мать Женни происходила из английского аристократического рода. Карл и Женни были соседями, в детстве они играли друг с другом. Детская дружба переросла в любовь. Они тайно обручились и в 1843 г., несмотря на протесты родни, поженились. Хотя Женни и вышла из столь консервативной среды, она стала верной боевой спутницей и сподвижницей Карла Маркса. Она мирилась с нуждой и лишениями, делила с Марксом тяготы эмиграции и в самые трудные моменты никогда не отка-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 12.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 44.

³ Там же, стр. 47.

зывала в моральной поддержке преследуемым и гонимым друзьям мужа. А что важнее всего, Женни умела самоотверженно помогать. На ее могиле Энгельс сказал глубоко прочувствованные слова:

«То, что эта женщина, со столь острым критическим умом, с таким политическим тактом, с такой энергией и страстностью характера, с такой преданностью своим товарищам по борьбе, сделала для движения в течение почти сорока лет, — это не стало достоянием общественности, об этом не упоминается в летописях современной печати. Это каждый должен был пережить лично»¹. «Если существовала когда-либо женщина, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других, — то это была она»².

Карл Маркс обладал необычайной работоспособностью. Он читал на всех европейских языках, а по-французски и по-английски мог писать. В возрасте пятидесяти лет он изучил русский язык. А с какой основательностью он работал! Ему не хватало тысячи томов личной библиотеки. Ежедневно по десять часов он просиживал в библиотеке Британского музея. После двадцатичетырехлетней работы над «Капиталом» он опубликовал первый том. В процессе подготовительной работы он составил конспекты 1500 книг, одни лишь заметки и выписки для первых двух глав составляют не менее 200 рукописных страниц.

Уже одно это было бы не под силу любому другому человеку, а ведь после «Капитала» было (частично совместно с Энгельсом) создано значительное количество новых фундаментальных произведений. Одновременно Маркс писал статьи для нескольких газет и полемизировал со своими политическими противниками.

«Чем же буржуазное общество возместило это невероятное количество труда? — спрашивает Вильгельм Либкнехт в своих воспоминаниях. — Над «Капиталом» Маркс работал сорок лет — и как работал! Так, как мог работать только Маркс. Я не преувеличу, если скажу, что наиболее низкооплачиваемый поденщик в Германии получает за сорок лет работы больше денег в виде заработной платы, чем Маркс получил в виде «гонорара» за величайшее научное творение нашего века... и можно ли требовать от буржуазного общества, чтобы оно за свой собственный смертный приговор заплатило приличную цену?...»³

Фараоны заставляли своих рабов, живших и трудившихся в нечеловеческих условиях, сооружать пирамиды, дабы увековечить себя и свои деяния. Карл Маркс и Фридрих Энгельс своей жизнью и борьбой за освобождение рабочего класса и всех трудящихся воздвигли в сердцах и умах людей памятник, который будет существовать до тех пор, пока жив род человеческий.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 301.

² Там же, стр. 303.

³ «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 103.

„Э

то смелый Буревестник гордо реет между молний, над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы: пусть сильнее грянет буря!» Так заканчивается чудесная «Песня о Буревестнике» Максима Горького, песня о гордом провозвестнике революции. Такими же буревестниками были Карл Маркс и Фридрих Энгельс, вступившие в жизнь в тот период, когда промышленная революция во Франции и Англии бурно изменяла, казалось, лицо всего мира. Паровая машина начала свое победоносное шествие, она вытеснила водяное колесо, а вместе с ним и мануфактуру.

В то время, в 40-х годах XIX столетия, центр революционного движения переместился из Франции в Германию. Здесь борьба за буржуазно-демократическую революцию непосредственно сливалась с нарастающей классовой борьбой пролетариата против буржуазии. Противоречие между феодализмом и капитализмом переплеталось с противоречием между трудом и капиталом.

Хотя в Германии вопреки всем феодальным препонам в известных пределах образовался национальный рынок, капиталистический способ производства требовал теперь значительно большего, а именно создания стабильного общества, в котором роль центрального связующего звена играла бы общность экономической жизни, образования буржуазной нации, судьба которой неразрывно связана с судьбой капитализма. «Германское единство сделалось экономической необходимостью»¹. Достижение единства Германии, создание немецкого национального государства было в тот период жизненным вопросом немецкого народа. Главной задачей стала борьба против реакционного юнкерства и феодальных отношений, за демократическую республику.

Шпики прусской полиции вынудили Карла Маркса в 1843 г. покинуть родину. В Париже, на новом месте жительства, он немедленно выступил против мелкобуржуазных социалистов, антинаучные теории которых были подвергнуты им уничтожающей критике и в конечном счете опровергнуты. В «Союзе справедливых», объединявшем до тех пор людей чуть ли не противоположных взглядов, начался процесс выяснения позиций, причем основное внимание уделялось дискуссии о пролетариате и его роли как творческой силы, преобразующей историю. В результате идеологических споров из «Союза справедливых» выделился «Союз коммунистов», первая независимая революционная пролетарская партия, стоявшая на почве научного коммунизма.

В июне 1847 г. в Лондоне собрался первый международный конгресс «Союза коммунистов». В его работе принял участие Фридрих Энгельс, сыгравший решающую роль в выработке формулировок Устава. Последний совершенно недвусмысленно и открыто излагал

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 425.

программные цели Союза. На повестке дня еще стояла буржуазная революция, ликвидация феодального господства в Германии, однако уже в первой статье была названа конечная цель борьбы рабочего класса: «Целью Союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности»¹.

Пять месяцев спустя Карл Маркс получил от второго конгресса «Союза коммунистов» поручение совместно с Фридрихом Энгельсом разработать программу Союза. Она появилась через несколько месяцев — в феврале 1848 г. Это был «Манифест Коммунистической партии», которым пролетариат объявил войну буржуазии и провозгласил свою независимость. Появление Манифеста свидетельствовало о рождении рабочего движения, вооруженного научной теорией.

Манифест коммунистов! Человеческая мысль редко создавала другое такое произведение, которое по своей гигантской мощи могло сравниться с ним. Манифест — это боевой набат революции, это маяк, который во мраке ночи указал путь бесчисленным миллионам людей в бурном океане исторических событий, дал четкую оценку основным общественным явлениям.

«Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, *пролетариев*»².

В этом документе убедительно показано, почему рабочий класс призван избавить человечество от ужасающих бедствий войны, эксплуатации и угнетения. Одновременно Манифест подчеркивал, что национальный вопрос может быть решен только под руководством рабочего класса: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия...

Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой»³.

Впервые в истории человечества место надуманных, утопических систем преобразования общества заняла научная программа, определившая условия, задачи и цели борьбы рабочего класса. Вместо лозунга «Союза справедливых» «Все люди братья» был брошен боевой клич «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В нем синтезировано целое мировоззрение. Пролетарский интернационализм — это идеология революционной марксистской партии в национальном вопросе; он отвечает общим интересам рабочего класса всего земного шара. Про-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 524.

² Там же, стр. 430.

³ Там же, стр. 444—445.

летарский интернационализм ни в коей мере не противоречит подлинному патриотизму, наоборот, пролетарский интернационализм и любовь к своему народу обуславливают друг друга. Укрепляя свое интернациональное братство, революционные рабочие тем самым наносят удар по общему классовому врагу в своей стране, становятся во главе всех национально-демократических освободительных движений, показывают, что именно они — подлинные патриоты, верные сыны своего народа.

В канун буржуазной революции в Германии лишь одна партия — партия коммунистов — была вооружена четкой и ясной программой. На основе Манифеста Карл Маркс и Фридрих Энгельс создали «Требования Коммунистической партии в Германии», начинавшиеся боевым лозунгом: «Вся Германия объявляется единой, неделимой республикой». Далее шли следующие требования: «Все феодальные повинности... отменяются без всякого выкупа... Земельные владения государей и прочие феодальные владения, все рудники, шахты и т. д. обращаются в собственность государства... Государство берет в свои руки все средства транспорта: железные дороги, каналы, пароходы, дороги, почтовые станции и т. д. Они обращаются в государственную собственность и безвозмездно предоставляются в распоряжение неимущего класса...

Всеобщее бесплатное народное образование»¹.

Этой национальной программой, которая одновременно была суммарным обобщением исторических уроков Великой крестьянской войны в Германии и освободительной войны 1813 г., опыта, накопленного немецким народом в борьбе против феодальной реакции, за социальный прогресс, коммунисты ориентировали все демократические силы — пролетариат, крестьянство, мелкую буржуазию и прогрессивные слои буржуазии — на последовательное осуществление буржуазно-демократической революции и тем самым на создание единого национального государства, отвечавшего жизненным интересам народа на данной стадии его развития.

Такая ориентация наносила удар прежде всего по реакционной прусской династии и габсбургской дунайской монархии. Однако одновременно давался отпор и либеральной буржуазии, которая в подавляющем большинстве своем стремилась утвердить агрессивную и милитаристскую Пруссию в качестве руководящей силы в Германии. А ведь германское национальное государство, если бы оно возникло на демократической основе, должно было бы с самого начала отказаться от всякого угнетения других народов и даже оказывать поддержку их национально-революционным движениям. Эту основную внешнеполитическую концепцию Фридрих Энгельс изложил в одной фразе: «Никакая нация не может стать свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 1—2.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 372.

Опубликовав «Манифест Коммунистической партии» и «Требования Коммунистической партии в Германии», единственную национальную программу буржуазно-демократической революции, на основе которой вокруг пролетариата могли сплотиться все прогрессивные силы, «Союз коммунистов» заложил основу самостоятельной национальной политики немецкого рабочего класса.

Реез знамя...

Спустя всего лишь несколько недель после того, как международный конгресс в Лондоне решил распространить Манифест во всех странах, Германию охватил пожар революции, зажженный рабочим классом Франции и бушевавший по всей Европе. Торговый кризис 1847 г. разрушил радужные иллюзии о непрерывном прогрессе капитализма и поверг наиболее развитые страны в состояние лихорадочных потрясений. Французские рабочие опрокинули трон Луи Филиппа, в новом временном правительстве оказался даже один потомственный пролетарий.

Революционный шквал грозил гибелью многочисленным тронам и трончикам в Германии. Национальное возмущение угнетенных Габсбургами народов полностью парализовало один из оплотов реакции — Австрийскую монархию. Теперь единственным серьезным внутренним врагом германской революции было прусское государство с его абсолютизмом, аристократическим офицерским корпусом и косной реакционной бюрократией. Кроме того, Пруссия была ведущим государством в германском Таможенном союзе. Победоносная революция в этом крупнейшем государстве одним ударом покончила бы с мелкими и средними государствами. Возможности для осуществления задач буржуазной революции, для создания единой, неделимой германской республики никогда ранее не были столь благоприятными.

Уже в первые дни марта 1848 г. вся Южная Германия была охвачена восстанием. 3 марта кёльнская община «Союза коммунистов» устроила большой народный митинг перед зданием ратуши. Рабочие выступили как наиболее последовательное крыло революционного движения. Они потребовали политического обновления Германии, установления демократии, народного законодательства и управления, роспуска постоянной армии, учреждения всеобщего народного ополчения, возглавляемого избранными народом руководителями. В основе этих требований лежало сознание того, что судьба немецкой нации зависит от судеб демократии.

Под давлением народных масс руководящие силы буржуазии потребовали созыва Национального собрания. Таким образом они надеялись выиграть время, взять под контроль накопившееся возмущение и помешать радикальному демократическому обновлению общества.

Однако все усилия успокоить народ и удержать его от «необдуманных шагов» оказались тщетными. Многочисленные толпы уже пять дней осаждали королевский дворец в Берлине, когда с быстрой молнией распространился слух о том, что 13 марта в Вене пало правительство Меттерниха и ниспровергнута установленная им система. 18 марта участники массового митинга перед берлинским дворцом с возмущением потребовали вывода войск, создания вооруженной гражданской гвардии, созыва Соединенного ландтага и неограниченной свободы печати. Это было мирное собрание. Но после того как из резиденции короля вышла рота пехоты с примкнутыми штыками, а со стороны манежа прискакал эскадрон кавалерии, мирные требования о выводе войск переросли в бурное возмущение. Когда же в довершение всего послышались выстрелы разгоряченных солдат, мирная манифестация в один миг превратилась в бушующее море народного гнева. На главных перекрестках выросли баррикады. Народ взялся за оружие.

Тринадцать часов с переменным успехом шел неравный бой. Сочувствие населения окрыляло героев революции. Неопытные в бою и примитивно вооруженные, они героически сражались против 14 тысяч солдат «картечного принца» (прозванного так будущего кайзера Вильгельма I), имевших на своем вооружении 36 орудий. Эти люди были несведущими в военном деле, они сражались саблями, пистолетами, мушкетами и все же за одну ночь нанесли такой урон регулярным войскам, что рано утром измотанные солдаты получили приказ прекратить борьбу.

Рабочие доказали, что они — основная национальная сила. Рабочие стояли в первых рядах борющихся масс, они одержали победу и написали ее на знамени буржуазии, которая была призвана историей руководить этой революцией. Реакционный прусский король вынужден был признать свое поражение и вывести армию из Берлина. Ему пришлось отдать последний долг павшим повстанцам. «Картечный принц», переодевшись, трусливо бежал в Англию.

Начавшись с баррикадных боев в Берлине, революция наконец охватила всю страну. Рушились и горели замки. Крестьяне врываются в поместья и требовали от феодалов выдачи документов об отказе от всех поборов и повинностей. Теперь только от буржуазии зависело решение вопроса о том, будет ли героическое дело, начатое 18 марта, доведено до конца или предано. Буржуазия должна была свести счеты с абсолютизмом и феодализмом.

Буржуазии предстояло принять историческое решение огромной важности. И она сделала выбор. Не успел еще утихнуть пламенный порыв мартовской ночи, как буржуазия начала вопить о необходимости установить спокойствие во что бы то ни стало. Отказавшись закрепить достигнутую без ее помощи победу, она предала собственные интересы, заключила союз с прусским королем против борцов буржуазной (!) революции.

Жалкая, худосочная буржуазия испытывала страх перед силой народных масс. Вместо того чтобы размахнуться для удара по феодализму, она вступила в переговоры с прусским королем и заключила сделки с феодально-юнкерской реакцией как раз в то время, когда «картечный принц» силой оружия разгонял народные манифестации, а его войска избивали или расстреливали мирно расходившихся по домам участников митингов. Даже когда полки фанатичных гвардейцев со зверской жестокостью рубили саблями ни в чем не повинных людей, лидеры буржуазии не нашли в себе смелости заявить публичный протест.

21 марта в полной тайне было достигнуто соглашение. Изгнанные из Берлина ценой больших жертв народа гвардейские полки должны были вновь вернуться в столицу во имя восстановления «спокойствия и порядка»! В довершение своего предательства буржуазия использовала растущую растерянность, чтобы создать контрреволюционное гражданское ополчение и оснастить его оружием, захваченным революционными бойцами. Об этом ополчении Франц Меринг писал: «Оно свирепствовало, словно раненый зверь, защищая от мятежников священное право собственности».

«Мятежниками» были объявлены народные массы. Они требовали ликвидации деспотии и феодальной раздробленности, установления демократического строя и создания единой и демократической Германии, устранения десятков государственных и таможенных барьеров, введения единой валюты, единой системы мер и весов, обеспечения права каждого гражданина свободно передвигаться по стране. Однако крупная германская буржуазия и в период своего подъема показала неспособность защищать интересы нации.

Поэтому во главе демократического движения пришлось встать авангарду рабочего класса, чтобы повести все угнетенные слои и классы по пути преобразования общества. Это являлось исключительно сложной задачей: ведь степень политической зрелости рабочих оказалась весьма неодинаковой. Однако, когда февральская революция во Франции разбудила всю Европу, пути к отступлению были уже отрезаны. Молодая коммунистическая партия обеими руками взялась за штурвал истории.

Перо и штык

„С оюз коммунистов» являлся еще малочисленным, кроме того, большинство коммунистов поспешило на самые трудные участки. Взаимный контакт был потерян. И все же каким мощным и ярким оказалось появление этого организованного авангарда рабочего класса на исторической арене в Германии! Союз имел ясную научную программу по всем важным и принципиальным вопросам, и это давало ему возможность указывать народному движению направление и цель. Там, где коммунисты брали в свои руки руководство, они становились центром притяжения всех демократических сил. Всей своей дея-

тельностью они подтверждали справедливость слов Манифеста: «В Германии, поскольку буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется вместе с ней против абсолютной монархии, феодальной земельной собственности и реакционного мещанства.

Но ни на минуту не перестает она вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом...»¹

В Рейнской области бури французской революции 1789 г. смели с лица земли многочисленные мелкие государства. С тех пор здесь возникла крупная промышленность, вырос пролетариат. Рейнская область считалась одной из самых развитых в Германии. Здесь Карл Маркс и Фридрих Энгельс, поспешившие в Германию, как только вспыхнула революция, и развернули свою деятельность.

1 июля 1848 г. в Кёльне вышел первый номер «Новой Рейнской газеты», главным редактором которой был Карл Маркс. С возникновением этой газеты рабочий класс в Германии впервые получил легальный печатный орган, мастерски используемое оружие. Преисполненная подлинно революционного духа, проникнутая верой в силу народа, «Новая Рейнская газета» в каждом своем номере на конкретных материалах обличала реакцию, разоблачала сущность буржуазного парламентаризма, служившего фиговым листком диктатуры имущего меньшинства.

Удары «Новой Рейнской» всегда попадали в цель, язык ее становился с каждым номером все более боевым и страстным. «Немецкий народ завоевал свой суверенитет на улицах почти всех больших и малых городов страны и особенно на баррикадах Вены и Берлина, — писал Маркс в первом номере. — Этот свой суверенитет он осуществил на выборах в Национальное собрание.

Первым актом Национального собрания должно было быть громкое и официальное провозглашение этого суверенитета немецкого народа»².

Маркс понимал опасность парламентских иллюзий, знал, что формальная демократия лишь маскирует фактическую диктатуру господствующего класса. Маркс считал одной из самых неотложных задач необходимость открыть глаза народу, сделать его способным понять этот обман. «Учредительное Национальное собрание должно быть прежде всего *активным*, революционно-активным собранием, — говорил Маркс. — А Франкфуртское собрание занимается школьными упражнениями в парламентаризме и предоставляет правительствам действовать. Допустим, что этому ученому собору удалось бы после зрелого обсуждения выработать наилучший порядок дня и наилучшую конституцию. Какой толк будет от наилучшего порядка дня и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 459.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 10.

от наилучшей конституции, если немецкие правительства в это время поставили уже штык в порядок дня?»¹

«Новая Рейнская газета» была в Германии единственной газетой, которая в то бурное время имела четкую и недвусмысленную программу в области как внутренней, так и внешней политики. Она изо дня в день появлялась в Кёльне, цитадели рейнских промышленников, в прусской крепости, в которой находилось более 8 тысяч отборных прусских солдат и офицеров. «Новая Рейнская» сотнями тысяч нитей была связана с народом, она говорила на языке народа, выражала его чаяния и надежды. Редакторы, среди них Фридрих Энгельс, Вильгельм Вольф, Георг Веерт и Фердинанд Фрейлиграт, использовали каждую свободную минуту, чтобы поговорить с людьми труда, в том числе и с теми, кто был одет в солдатский мундир. Фридрих Энгельс, который у пруссаков получил чин бомбардира — обер-ефрейтора, не отсиживался в помещении редакции. Он стремился в бой, как только предоставлялась возможность. В своем родном городе он поднялся на баррикаду, отделявшую его и от собственного отца, богатого фабриканта.

Когда отец узнал о «мятеже», когда ему рассказали, что его первенец пользуется большим авторитетом у «черни», он в гневе надел цилиндр, взял трость и направился к мосту через Вуппер, что на границе между Барменом и Эльберфельдом. В ожидании прусских войск повстанцы заняли позицию в узкой ложбине у подножия горы Хаспель. Черно-красно-золотой флаг, знамя буржуазно-демократической революции и германского единства, развевался над их головами. В растерянности стоял старый Энгельс, наблюдая открывшуюся его глазам необычную картину. Вот идут эльберфельдские кузнецы с тяжелыми молотами через плечо, они несут кроваво-красное знамя. Поистине возмутительно: среди бела дня люди тащат балки, катят бочки, опрокидывают телеги и даже валят деревья — и все это без лишних слов и шума! Потом он увидел своего сына. На нем был широкий черно-красный с золотом шарф. Опираясь на большую кривую саблю, он стоял на самой вершине баррикады и руководил построшкой укрепления. У него не было времени для своего родителя. Огорченный, отправился старик Энгельс домой. За какие грехи господь бог наказал его, дав ему такого сына?

Подобно Марксу и Энгельсу большинство членов «Союза коммунистов» действовали на самых ответственных участках борьбы, хотя давно уже стало ясно, что основное ядро буржуазии находится по ту сторону баррикад. Они отдавали себе отчет в том, что партия слишком молода и слаба, чтобы после событий в Берлине сплотить вокруг себя народные массы для совместного выступления. Вместе с тем они знали, что рабочий класс прежде всего должен накопить опыт, что закаленные в борьбе вожди освободительного движения не падают с неба, а воспитываются на горьких уроках поражений и на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 39.

радости побед. Поэтому они не сидели сложа руки, они продолжали бороться до последнего патрона. Так, один из руководителей «Союза коммунистов», Иозеф Молль, с большим риском для себя вербовал в прусской армии верховых канониров для пфальцской артиллерии, которая вплоть до июня 1849 г. сражалась против прусских правительственных войск. Молль пал в битве при Мурге, недалеко от Ротенфельзского моста.

Когда прусская реакция поочередно подавила восстания в Дрездене, Вуппертале и ряде других мест Германии, когда Рейнская область и Вестфалия кишели прусской солдатней, когда контрреволюция тщательно готовила жестокую расправу над народными восстаниями в Пфальце и Бадене, Фридрих Энгельс присоединился к вольному корпусу Виллиха и стал адъютантом командира. В сражениях, в которых ему довелось участвовать, он проявил исключительное мужество и показал недюжинный военный талант.

18 мая 1849 г. была в конце концов запрещена «Новая Рейнская газета». И все же на данном этапе реакция не решалась перейти в открытую контратаку и бросить за решетку редакционный штаб. «Мы вынуждены были сдать свою крепость, — писал Фридрих Энгельс, — но мы отступили с оружием и снаряжением, с музыкой, с развевающимся знаменем последнего красного номера, в котором мы предостерегали кёльнских рабочих от безнадежных путчей...»¹

Пусть мощное возмущение немецкого народа не достигло целей, которые ставила буржуазная революция 1848 г., но оно явилось высшей точкой национальной борьбы за единство Германии и принадлежит к числу величайших событий ее исторического прошлого. Это было первое подлинно национальное восстание народных масс против феодально-юнкерской реакции, за решение национального вопроса революционно-демократическим путем. Основы феодализма были расшатаны. Марксизм и революционная пролетарская партия «Союз коммунистов» выдержали в 1848—1849 гг. свое первое историческое испытание. Героические бои доказали, что революционные традиции живы, что немецкий народ выдвинул замечательных руководителей, что он способен на такие дела, которые обеспечивают ему почетное место в семье всех народов. Народные массы во главе с рабочим классом осознали свою силу и ответственность за судьбы нации. Рядом с красным флагом пролетариата как символ развевался черно-красно-золотой флаг, о котором «трубач революции» Фердинанд Фрейлиграт сказал:

Порох черен,
Кровь красна,
Золотом горит огонь.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 22.

В раннебуржуазной революции 1525 г. победили бесчисленные князья мелких германских государств. Они сумели использовать эту победу в ограниченных своекорыстных интересах. Народ заплатил за это кровью.

В незавершенной буржуазно-демократической революции 1848 г. победили крупные государи: прусская и австрийская короны. Хотя и начался экономический подъем, в результате которого было сметено много феодальных перегородок и барьеров, немецкий народ в конечном счете был отдан на милость пруссачества. Это было делом рук буржуазии, которая, трусливо предав свою собственную революцию, заключив постыдную сделку с монархией и аристократией, одновременно поставила на карту жизненные интересы немецкой нации. Вместо того чтобы плечом к плечу с народом очистить Германию от такого крупного пережитка средневековья, как феодальная реакция, буржуазия бросила народ под ноги хищникам-гогенцоллернам. Испугавшись народных масс, буржуазия изменила демократическому стремлению к созданию национального государства и в конце концов расчистила путь реакционной политике «крови и железа» — политике прусского юнкера Бисмарка, который прокладывал дорогу к единству Германии силой оружия.

Пруссачество означает косный консерватизм, полуфеодальную реакцию и кастовое разделение классов. Прусский дух — это абсолютное подчинение всех других слоев населения организованному как государство господствующему классу, это враждебность к прогрессу во всех областях общественной жизни, это презрение к трудящимся массам. Пруссачество символизирует претензию на право «господ» вершить суд и расправу над своими «подданными», означает бесправие людей труда, произвол офицерской и чиновничьей аристократии, которые в союзе друг с другом защищают интересы господствующих классов и в этих целях бесстыдным образом используют весь государственный аппарат. Пруссачество — это идеализация авторитарного государства, преклонение перед милитаризмом и государственной бюрократией, стоящими якобы над классами и всеми «подданными». Пруссачество — это идеология народа, «избранного» историей и якобы призванного принести «избавление» другим народам.

Члены «Союза коммунистов», решительные борцы за революционно-демократический путь образования германского национального государства, борцы против господства прусского военного деспотизма, прекрасно понимали, что после того, как был упущен великий исторический шанс на победу буржуазно-демократической революции, борьба будет невероятно тяжелой. В знаменитом обращении Центрального комитета к «Союзу коммунистов» в марте 1850 г. Маркс и Энгельс подчеркивали, что авангард рабочего класса вдвойне выдержал испытание, что члены партии «повсюду энергично участвовали в движении, что они и в печати, и на баррикадах, и на полях

сражений стояли в первых рядах единственного решительно революционного класса, пролетариата»¹. В то же время события подтвердили, что «Требования Коммунистической партии в Германии», составленные на основе Манифеста, целиком и полностью отвечали историческим требованиям. Пропагандировавшиеся ранее Союзом только тайно, они теперь у всех на устах и публично проповедаются на площадях.

Задача заключалась отныне в том, чтобы сделать необходимые выводы: революционное движение, возглавляемое коммунистами, должно было отмежеваться от мелкобуржуазных демократов и добиваться политической самостоятельности рабочего класса.

Вскоре история подтвердила правильность этих оценок. После поражения революционных сил либеральная буржуазия сбросила маску и в союзе с феодальной реакцией начала террористический поход против рабочего класса. Как далеко в прошлое ушло время буржуазного Просвещения! Буржуазия не терпела ныне даже намек на какие-либо освободительные тенденции. Она сделала травлю коммунизма важнейшей составной частью своей идеологии. Теперь каждого, кто не соглашался с официальной точкой зрения, объявляли коммунистом.

«Союз коммунистов» насчитывал всего несколько сот членов, которые к тому же были рассеяны по Германии и другим странам. Однако донесение берлинского полицей-президента Гинкельдея от 6 апреля 1852 г. может служить свидетельством того, какой страх испытывала контрреволюция перед этой небольшой группой: «Уже теперь можно с полным основанием утверждать, что партия Маркса — Энгельса стоит над всеми эмигрантами, агитаторами и центральными комитетами, ибо она привлекла на свою сторону наиболее мощные светила знания и разума. Сам Маркс весьма популярен, и не секрет, что у него больше ума в кончике мизинца, чем у всей прочей компании в голове».

Против этой горстки коммунистов реакция бросила мощный бюрократический аппарат, она готовилась нанести «уничтожающий» удар. Громкий процесс по обвинению в мнимом «преступном заговоре против прусского государства» должен был раздавить коммунистов морально. Обыски, аресты, запрет самых безобидных собраний, поддержание атмосферы страха и паники служили подготовкой к государственной акции, начатой с большой помпой 10 мая 1851 г., причем не только в Пруссии, но и в «самостоятельных» землях. Полицейский аппарат работал с предельной нагрузкой, используя даже дипломатические представительства во Франции, Англии, Австрии. Двенадцать обвиняемых! Заговор! Предательская конспирация! Неопровержимые доказательства подтверждают: коммунизм — угроза всему обществу!

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 257.

Даже божьей милостью король прусский Фридрих-Вильгельм лично подключился к этой кампании. Он приказал повысить в чине полицейского советника Штибера, которого Энгельс называл «подлейшим полицейским негодяем нашего столетия»¹. Его величество считал Штибера ценным человеком, наиболее подходящим для того, чтобы «раскрыть коварный заговор этих псевдоосвободителей и показать прусской публике зрелище раскрытого и (прежде всего) наказанного заговора, которое она давно и обоснованно ждет».

В октябре 1852 г. обвинительный сенат в конце концов представил кёльнскому апелляционному суду обвинительный акт и материалы дела. Члены высокой коллегии с важными минами, нахмутив лбы, не проявляя излишней поспешности, совещались. А потом произошло самое страшное. Обвинение было единогласно отклонено, так как «отсутствовали объективные основания для его предъявления». Гинкельдей в гневе писал прусской миссии в Лондоне: «Все существование политической полиции зависит от исхода этого процесса». Полицейским было необходимо любой ценой обеспечить новые, на сей раз убедительные улики. Штибер и его подручные действительно представили им целые горы «обвинительных материалов». Главным козырем была так называемая «Подлинная книга протоколов» Центрального комитета «Союза коммунистов».

В своих «Разоблачениях о Кёльнском процессе коммунистов» Карл Маркс вскрыл провокационный характер методов, применявшихся «правосудием»: «Таким образом, христианско-германское правительство не довольствуется взламыванием письменных столов, кражей чужих бумаг, вымогательством ложных показаний, созданием мнимых заговоров, фабрикацией подложных документов, лжеприсягами, попытками подкупа для того, чтобы добыть лжесвидетелей, — словом, всем, что можно использовать для осуждения кёльнских обвиняемых... Подлинная книга протоколов не была единичным эпизодом; она была тем узловым пунктом, в котором сходились все нити правительственной деятельности: посольства и полиции, министерства и местных властей, прокуратуры и дирекции почты, Лондона, Берлина и Кёльна. Подлинная книга протоколов так много значила для дела, что она была изобретена, чтобы вообще создать дело. Курьеры, депеши, перехватывание писем, аресты, клятвопреступления — ради того, чтобы сохранить в силе подлинную книгу протоколов, *falsa* — ради того, чтобы создать ее, попытки подкупа — ради того, чтобы оправдать ее»².

Несмотря на все запретительные меры, Маркс, находившийся в Лондоне, ежедневно получал отчеты о процессе. Проявляя поистине железное упорство, он шаг за шагом разоблачал грязные махинации полицейских ищек. На каждое новое «откровение» полиции он отвечал опровержением полицейских фальшивок.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 214.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 471, 487—488.

Благодаря поддержке буржуазии в конце концов был образован суд присяжных, который без малейших угрызений совести позволил превратить себя в инструмент постыдного надругательства над правосудием. 10 мая 1851 г. началась широко задуманная судебная инсценировка. 12 ноября 1852 г. объявили приговор. Представшие перед судом коммунисты разоблачили все фальшивки, продемонстрировали всему миру, насколько растленно прусское правительство. Однако «теперь присяжные не могли уже признать обвиняемых виновными или невиновными; теперь они должны были признать виновными обвиняемых или правительство. Оправдать обвиняемых значило осудить правительство»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 486.

Нас не покорить!

Идти вперед, будучи подхваченным мощной волной народного энтузиазма и чувствуя, что твоя воля слилась с волей масс, не трудно в эпоху революционного подъема. Но когда начинается спад, когда враг переходит в наступление, когда временное поражение повергает наименее сознательных и колеблющихся в состояние пессимизма и растерянности, проявляется степень политической зрелости человека, борца за свободу, революционера. Революционное восстание проводит четкую границу между друзьями и врагами, беспощадно вскрывает любую слабость. Даже его поражение играет прогрессивную роль. Как семя, падая в землю, какое-то время остается невидимым, а потом дает росток новой жизни, так опыт и уроки прошлого действуют, словно бродильный фермент, в общественной среде, становятся зародышем нового, более мощного подъема.

Жестокое преследование и травля всего прогрессивного в Пруссии и Германии после 1849 г. привели к тому, что более полутора миллионов немцев в период с 1846 по 1857 г. покинуло свою родину. Они увезли с собой семена гнева и горечи, а вместе с ними крупницы опыта, важные уроки. Члены «Союза коммунистов» во всех стычках с реакцией повсюду находились в первых рядах.

Германию по-прежнему, словно чудовищное ярмо, душила государственная раздробленность. Она препятствовала нормальному политическому и экономическому развитию страны. Англия с населением в 27 миллионов человек в 1850 г. производила в 10 раз больше железа и перерабатывала в 30 раз больше хлопка, чем Германия с ее 35 миллионами жителей. В то время как сконцентрированная в крупнейших городах английская буржуазия в значительной степени сокрушила феодализм, в Германии сохранялась феодальная аристократия с ее средневековыми привилегиями. Насчитывалось более трех десятков монархий, существовали многочисленные независимые «вольные города», имела место невероятная путаница денежных и налоговых систем, а также систем мер и весов.

Однако в экономическом развитии все сильнее начал проявляться фактор, которому в будущем суждено было во многом определять историю немецкого народа: феодальные крупные землевладельцы начинали вести хозяйство капиталистическими методами. Союз между растущим классом капиталистов и юнкерами получил свою экономическую основу.

Аграрная реформа, начатая прусским законодательством о выкупе 1807 г., оказалась весьма выгодной для феодальных землевладельцев. На миллионы, которые потекли в их карманы в результате так называемого выкупа, они построили паровые мельницы, винокуренные заводы и другие предприятия и начали вести торговлю готовыми изделиями. В роли конкурентов Круппа в Руре и Штумма в Сааре стали выступать юнкеры, например князя фон Плесс и Хенкель фон Доннерсмарк, сохранившие в неприкосновенности некоторые феодальные методы эксплуатации, например оплату труда натурой.

В Пруско-Германии дворянство, как и прежде, занимало наиболее важные посты в государственном аппарате, играло главенствующую роль в армии и дипломатии. Теперь феодальная каста господ стала постепенно проникать на основные командные посты в экономике. Слияние этой архиреакционной феодальной касты с верхушкой буржуазии в большой степени определяло политический облик страны, где после 1850 г. во все более широких масштабах шла индустриализация. Феодальная аристократия с давних пор видела спасительный выход в захвате чужих территорий, буржуазия со своей стороны жаждала новых рынков сбыта и источников сырья. Стремление к экспансии и страх перед крепнущим рабочим движением объединили эти два класса.

В итоге индустриализации численность рабочих быстро возрастала. В Пруссии население с 1848 по 1861 г. увеличилось на 13 процентов, количество занятых в промышленности и ремесле возросло на 21 процент, а численность рабочих в машиностроении — почти в 2 раза. На подсобных предприятиях юнкерских хозяйств — спиртозаводах, сахарных заводах, лесопилках, в каменоломнях — в 1861 г. трудилась уже четверть миллиона рабочих.

Прусский путь — так назвал Ленин специфическое развитие сельского хозяйства в Германии. Создание крупных сельскохозяйственных предприятий за счет крестьянства приводило к разорению многих крестьянских семей, вынуждало их уходить в город. Эти крестьяне превращались в пролетариев, но все их мечты и стремления еще долгое время сводились к одному — снова стать мелкими собственниками. Крупная промышленность в свою очередь вытесняла во все больших масштабах ремесло, а также мелкие и средние предприятия. Десятки тысяч ранее «самостоятельных» хозяев пополняли ряды пролетариата. И эти люди жили надеждой расстаться в скором времени с жалким существованием фабричного рабочего и зажить жизнью мелкого буржуа-собственника.

После мирового экономического кризиса 1857 г. особенно участились стачки и столкновения рабочих с реакционной государственной властью. Каменщики, печатники, рабочие табачных фабрик, плотники, шапочники энергично требовали создания профсоюзных организаций с централизованным руководством, так как не существовало никакого государственного законодательства по социальным вопросам; не было и сколько-нибудь серьезного контроля над охраной труда. В отдельных отраслях рабочий день нередко продолжался 13, 14 и даже 16 часов. Эксплуатация детей и женщин приобретала ужасающие формы. Реальная заработная плата постоянно снижалась, а цена ржаного хлеба, например, возросла в Берлине еще до начала кризиса на 62 процента.

Назревали новые классовые бои, революционные бури в других странах оказывали свое влияние на сознание трудящихся и в Пруско-Германии. Большой отклик получило национально-революционное движение в Италии в 1859 г. и польское восстание 1863 г. Граждан-

скую войну в Америке 1861—1865 гг. Карл Маркс назвал боевым колоколом, разбудившим рабочий класс всей Европы.

И семя, брошенное в землю, проросло: 28 сентября 1864 г. в Лондоне было основано Международное Товарищество Рабочих — первая интернациональная организация революционного рабочего движения.

Карлу Марксу, бывшему с самого начала душой и мозгом Товарищества, единогласно поручили выработать программу и устав. Эти документы указали международному рабочему движению направление и цель: ведь они обобщали опыт и уроки классовых боев, начиная с 1848 г., в особенности во Франции. Одновременно они позволили Марксу еще определеннее сформулировать наиболее важный результат интенсивной теоретической деятельности: освобождение рабочих должно быть завоевано самим рабочим классом, борьба за освобождение рабочего класса означает также борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за уничтожение всякого классового господства, а вместе с ним всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости¹.

«Рабочие! — так начинается «Учредительный манифест» Интернационала. — Что нищета рабочих масс с 1848 по 1864 г. не уменьшилась, — это факт бесспорный, а между тем по развитию промышленности и по росту торговли этот период не имеет себе равных в истории... Во время этой «ошеломляющей» эпохи экономического прогресса голодная смерть в столице Британской империи почти приобрела характер общественного установления. Эта эпоха отмечена в летописях мира все более частыми повторениями, все более обширными размерами и все более гибельными результатами социальной чумы, именуемой торгово-промышленным кризисом.

После неудачи революции 1848 г. все партийные организации и органы партийной печати рабочего класса на континенте были уничтожены грубым насилием, наиболее передовые сыны рабочего класса в отчаянии бежали в заатлантическую республику, и недолговечные мечты об освобождении исчезли с наступлением эпохи промышленной лихорадки, нравственного разложения и политической реакции»².

Основной вывод учредительного конгресса был таким: «Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса»³. Историческое значение создания Международного Товарищества Рабочих В. И. Ленин оценивал следующим образом: «Первый Интернационал (1864—1872) заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал... Первый Интернационал заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм»⁴.

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 17, стр. 445.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 16, стр. 3, 7—8.

³ Там же, стр. 10.

⁴ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 38, стр. 302—303.

Перед революционными рабочими в Германии стояла теперь важная цель — создать самостоятельную пролетарскую массовую партию, которая отвечала бы назревшим требованиям.

Рожденная в борьбе

Замок Вартбург высится над небольшим тюрингским городом Эйзенахом, словно посылая привет немецким землям. В этом замке Лютер перевел на немецкий язык Библию. Здесь, в Эйзенахе, ежегодно собирались члены студенческих корпораций, вновь и вновь повторяя требование о создании единой Германской республики.

В этом городе 7 августа 1869 г. более 260 делегатов от 193 рабочих организаций основали Социал-демократическую рабочую партию Германии, которая приняла основные принципы «Манифеста Коммунистической партии» и идеи Первого Интернационала. В момент своего рождения эта партия была проникнута духом пролетарского интернационализма и во всех основных политических вопросах стояла на позициях марксизма.

Чтобы правильно оценить великий исторический акт, нашедший свое воплощение в основании эйзенахской партии, необходимо вспомнить о том тернистом пути, который пришлось пройти для преодоления идеологического разброда. Да и после создания партии этот путь был не менее тяжким. В центре жарких споров между марксистами и сторонниками Лассалья стоял основной национальный вопрос, имевший для немецкого народа жизненно важное значение, — революционно-демократический или прусско-авторитарный путь к единству Германии. В этой идейной борьбе подтвердился важный урок истории: наступательный подход к каждому спорному или неясному вопросу не только гарантия преодоления неясностей и колебаний. Такой подход закаляет революционных борцов, дает им большую внутреннюю силу, укрепляет в них столь ценную веру в то, что их жизнь отдана непобедимому и героическому делу.

Несомненно, у Фердинанда Лассалья были большие историко-политические заслуги. В 1863 г., выражая требования рабочих, он основал «Всеобщий германский рабочий союз» и тем самым, как подчеркнул Ленин, «превратил рабочий класс из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию»¹. Однако при всем этом путь Лассалья — пример того, чем кончает бесспорно талантливый человек, если у него нет ясности в основных вопросах мировоззрения. Хотя Лассаль принимал участие в боях революционных лет и даже был осужден, он не смог расстаться с взглядами гегельянцев. Его исторические и государственно-правовые воззрения были и остались идеалистическими, его политическая концепция была лишена какой-либо революционной перспективы. Будучи идеалистом, он не смог понять ни зависимости политики от экономического

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 170.

базиса общества, ни классового характера государства, а потому, выхолостив из рабочего движения его революционную сущность, он встал на опасный для пролетариата путь.

Лассаль и его сторонники полагали, что именно на государство юнкерско-милитаристского типа возложена миссия объединения человечества в какое-то нравственное целое и воспитания его в духе свободы. Поэтому они не ориентировали массы на завоевание политической власти путем революционной массовой борьбы, а надеялись с помощью всеобщего избирательного права и государственных кредитов заставить архиреакционное правительство, которое прочно держало в руках все орудия власти и средства воздействия на общественное мнение, провести реформы. Исходя из этой основной концепции, Лассаль отклонял союз пролетариата с крестьянством и другими трудящимися слоями, которые он именовал «реакционной массой», и предложил представителю крайней реакции юнкеру Бисмарку поддержку рабочего класса в осуществлении «революции сверху». Лассальянцы выступали даже против образования широких профсоюзных организаций и питали роковые парламентские иллюзии. Проповедуя ложное учение о возможности классовой гармонии и мирного вращивания в социализм, они сознательно или бессознательно стали союзниками эксплуататорских классов, использующих все средства, чтобы парализовать рабочий класс.

Общезвестно и бесспорно, что марксисты никогда не требовали вооруженного восстания любой ценой, никогда не отвергали мирного пути к революционному преобразованию общества. Совсем наоборот: уже в «Принципах коммунизма» Фридрих Энгельс недвусмысленно ответил на вопрос, возможна ли отмена частной собственности на средства производства мирным путем: «Можно было бы пожелать, чтобы это было так, и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать»¹. Однако на каждой странице истории огненными буквами записано: эксплуататорские классы отвечают на глубоко гуманные требования коммунистов грубой силой, они не гнушаются любых средств, вплоть до убийств и кровавого террора, чтобы помешать массам взять на вооружение революционную теорию. Именно насильственная политика правящих классов вынуждает рабочее движение готовиться к решительным схваткам, овладевать военными знаниями, искусством вооруженного восстания.

Столь же решительно коммунисты всегда выступали в защиту буржуазных свобод и буржуазного парламента: ведь борьба за демократию является составной частью их борьбы за революционное обновление общества. Фридрих Энгельс в своей работе «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» указал на то, что рабочий класс, даже если буржуазия «спрячется за спину реакции и для защиты от рабочих будет взывать к силе враждебных ей элементов», должен защищать преданные буржуазией буржуазные сво-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 331.

боды, ибо «без этих свобод рабочая партия сама не может получить свободу движения; борясь за них, она борется за условия своего собственного существования, за воздух, который ей нужен для дыхания»¹.

Впрочем, история не раз подтверждала, что без всеобъемлющей массовой внепарламентской борьбы невозможно ни защитить, ни использовать буржуазные свободы, что даже рабочее большинство в парламенте не в состоянии осуществить коренные политические и социальные реформы, если только подобное представительство шаг за шагом не будет наполняться новым, подлинно демократическим, пролетарско-революционным содержанием. Необходимо было сделать высшей заповедью пролетариев сформулированный Марксом вывод о том, что рабочий класс либо революционен, либо он ничто.

В растущих схватках против капиталистических эксплуататоров в немецком рабочем движении происходил процесс политической кристаллизации. Члены мелкобуржуазных демократических рабочих союзов постепенно переходили на позиции марксизма, ибо понимали, что единая германская республика может быть создана лишь в результате усилий демократического рабочего движения, направляемого рабочим классом.

Эта ожесточенная идеологическая дискуссия воспитала подлинных руководителей немецкого рабочего класса. Во главе их стоял Август Бебель. Вначале руководитель Объединения рабочих союзов Саксонии, он уже в возрасте 27 лет был избран в рейхстаг и стал признанным представителем немецкого марксистского рабочего движения. О Бебеле В. И. Ленин писал: «Никто с такой рельефностью не воплотил в себе особенностей и задач этого периода, как Август Бебель. Сам рабочий, он сумел пробить себе дорогу к твердым социалистическим убеждениям, сумел стать образцом рабочего вождя, представителя и участника массовой борьбы наемных рабов капитала за лучший строй человеческого общества»².

Плечом к плечу с Бебелем стоял Вильгельм Либкнехт, выдающийся борец за создание Социал-демократической рабочей партии. Маркс и Энгельс ценили его исключительно высоко. Из их обширной переписки с Бебелем и Либкнехтом видно, как терпеливо боролись они за теоретическую и идеологическую ясность в новой партии, которую они называли «нашей партией».

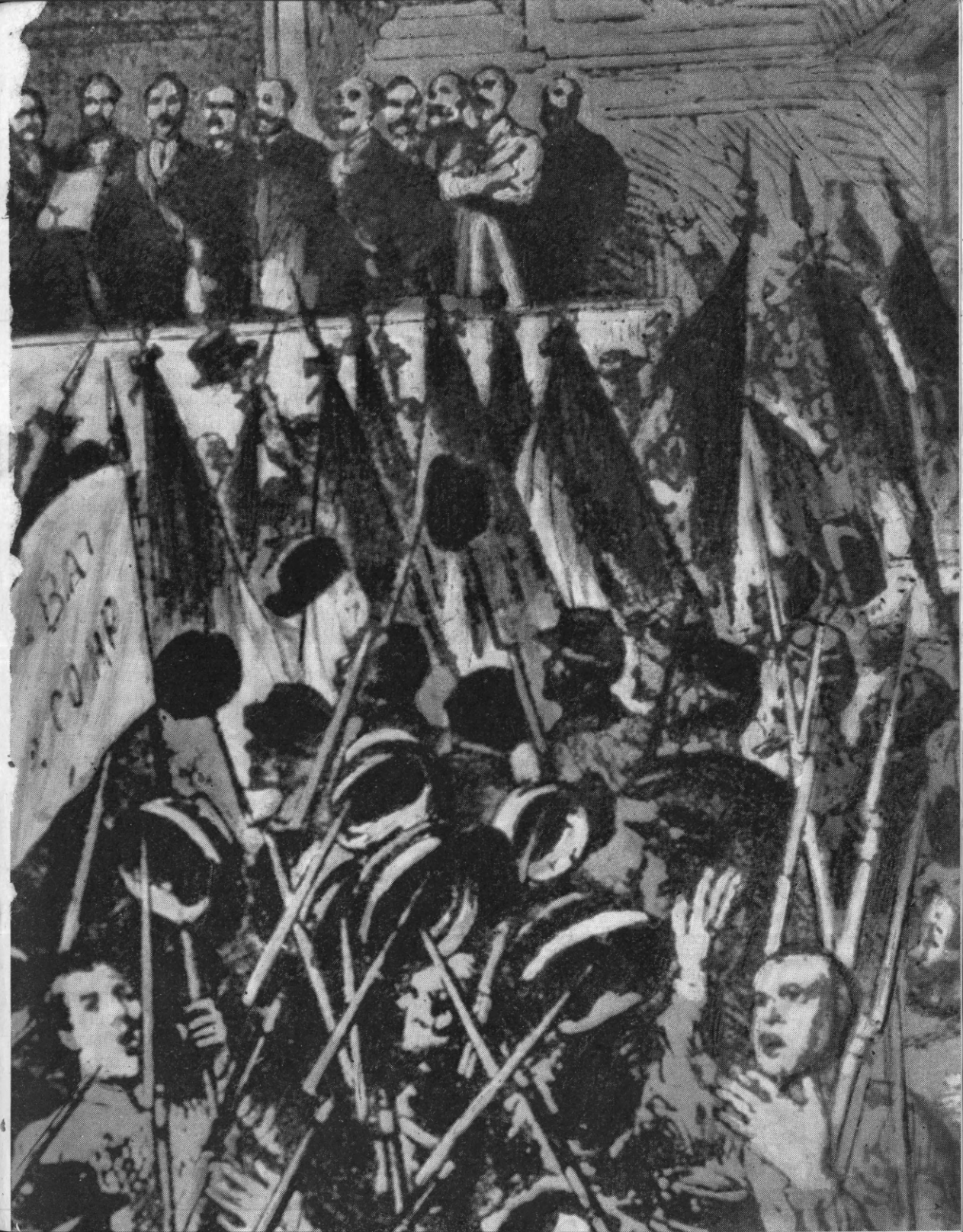
В 1874 г. Фридрих Энгельс, оценивая пройденный путь и определяя перспективы на будущее, говорил: «Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 77—78.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 369.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 499.

Железом
и кровью

Во главе Пруссии формально стоял король, но фактически ею управлял юнкер Бисмарк. Он решительно подавлял парламентские требования буржуазии, и все же ее стремления к созданию единого национального государства, вернее, национального рынка для сбыта товаров совпадали с планами Бисмарка. Его политика была направлена на претворение в жизнь плана создания Германской империи, руководимой прусской кастой господ.

Война немцев против немцев с давних времен была в истории династии Гогенцоллернов главным средством территориальной экспансии. Теперь доморожденные прусские политики вдруг открыли свое «национальное призвание». Чтобы предотвратить новый революционный натиск, они, всегда ставившие свои династические интересы выше интересов германской нации, присоединяли к Пруссии все новые и новые немецкие земли. В конечном итоге путем антидемократической, реакционно-милитаристской «революции сверху», при сохранении большинства династий и при обеспечении руководящей роли прусских юнкеров должно было быть осуществлено давно ставшее экономической необходимостью объединение Германии.

Начало было положено 1 февраля 1864 г. Пока еще вместе с Австрией Пруссия «освободила» герцогства Шлезвиг, Гольштинию и маленький Лауэнбург. Однако вскоре Бисмарк пришел к убеждению, что настало время свести счеты с Габсбургами. Он великолепно сумел использовать внутривнутриполитические трудности расшатанной дунайской монархии. Хотя полицейские донесения сообщали о широком распространении антивоенных настроений, Бисмарк чувствовал себя достаточно сильным, чтобы развязать братоубийственную войну. Пруссия была готова к войне, а армию Бисмарк крепко держал в руках.

11 июня 1866 г. Австрия в ответ на военную угрозу со стороны Пруссии потребовала мобилизации германских союзных войск. На стороне Австрии были Саксония, Ганновер, Бавария, Вюртемберг, Баден и некоторые более мелкие земли. Однако четыре дня спустя Пруссия открыла военные действия, невзирая на то что на помощь к ней поспешило лишь несколько небольших северогерманских и тюрингских государств. Битва при Садовой (Кёниггретце) решила исход. Пруссия одержала победу. Она аннексировала Шлезвиг-Гольштинию, Ганновер, Кур-Гессен, Нассау и вольный город Франкфурт; южногерманские государства, осмелившиеся оказать Пруссии сопротивление, должны были вместе с Австрией уплатить большую контрибуцию.

Однако планы Бисмарка шли гораздо дальше. Уже в августе он заключил с этими государствами тайные наступательно-оборонительные союзы; по условиям тайных соглашений к Пруссии в случае войны переходило верховное командование их армиями. 17 апреля 1867 г. Бисмарк основал Северогерманский союз, в который вошли 19 государств и 3 вольных города. Конституция этого союза была написана словно по личному заказу Бисмарка. Прусский король

становился постоянным президентом союза и главнокомандующим всеми его армиями. Таким образом Пруссия стала играть руководящую политическую роль среди германских государств.

Бисмарк не мог остановиться на достигнутом. Оппозиция политике «железа и крови» усиливалась; в южногерманских землях также проявлялись сильные течения, противодействовавшие этому курсу. Выборы в таможенный парламент проходили уже в обстановке определенно враждебного отношения к прусскому военному деспотизму и присоединению к Северогерманскому союзу. А больше всего Бисмарк боялся рабочего класса, который вот-вот мог превратиться в центр, объединяющий все прогрессивные течения. Бисмарк намеревался укрепить Северогерманский союз посредством победоносных военных акций.

Решающим фактором в подобной обстановке, главной опорой политики Бисмарка была армия с ее антинародным офицерским корпусом, представлявшим собой резко обособленную аристократическую касту с ее прусско-милитаристской муштрой и слепым повиновением.

Наполеон III, император Франции, как раз потерпел целую серию внутри- и внешнеполитических неудач. Баррикадные бои 1869 г. в Париже были свидетельством быстрого роста силы французского рабочего класса. Развеялись, как дым, надежды Наполеона на то, что братоубийственная война между Пруссией и Австрией будет длительной и что соперники в борьбе за гегемонию настолько обескровят друг друга, что он, Наполеон III, сможет напасть на обоих. Вновь подтвердив свои претензии на территорию до Рейна, он тем самым сделал решающий шаг. Кроме того, он понимал, что сложившаяся к тому времени политическая ситуация во Франции делает возможными военные действия только против явно реакционных противников.

В своей работе «Роль насилия в истории» Фридрих Энгельс, основательно проанализировав взаимодействие сил и факторов в период, предшествовавший основанию империи, делает следующий вывод: «Вторая империя могла воевать только с реакционными государствами, по отношению к которым она выступала как преемница французской революции, как освободительница народов. Против народа, который сам был охвачен революцией, она была бессильна; к тому же победоносная германская революция могла дать толчок к низвержению всей Французской империи»¹.

Прусская реакция никогда не скрывала своей смертельной ненависти к Франции. «Никто в мире не питает такой ненависти к французам, как прусские юнкеры,— писал Фридрих Энгельс.— Дело было не только в том, что юнкеру, ранее свободному от налогов, пришлось жестоко пострадать во время расправы, учиненной над ним французами в 1806—1813 гг. и вызванной его же собственной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 431.

заносчивостью; гораздо хуже было то, что безбожные французы своей нечестивой революцией посеяли такую смуту в умах, что от бывшего юнкерского величия большей частью ничего не осталось даже в старой Пруссии...»¹

В этой обстановке реакционная Пруско-Германия казалась Наполеону наиболее подходящим объектом, чтобы разрядить надвигавшийся во Франции взрыв революционных сил.

В Германии широкие слои народа понимали, что отпор французским захватническим планам является жизненно важным делом всей нации. Победа императорской французской армии и отрыв рейнских территорий от Германии не только укрепили бы позиции реакции в обеих странах, но и на многие десятилетия задержали бы превращение Германии в единое государство.

Бисмарк сумел использовать обстановку в своих агрессивных целях, а буржуазия, почуяв солидные военные прибыли, поддерживала его всеми средствами. Пушечный король Крупп предусмотрительно направил французскому императору каталог образцов новых литых стальных пушек. «Я выражаю надежду, что в особенности последние четыре страницы, посвященные литым стальным орудиям, которые я изготовлял для различных высоких правительств Европы, возможно, привлекут хотя бы на момент внимание Вашего величества и извинят мою смелость. С глубочайшим почтением и величайшим восхищением преданный и верноподданный слуга Вашего величества Фридрих Крупп».

Это сопроводительное письмо «патриота» Круппа явилось само-разоблачением немецкой буржуазии. Осуществление планов Бисмарка и Наполеона III означало смертный приговор сотням тысяч молодых людей, оно несло горе и отчаяние матерям, женам, детям, а для капиталистов было выгодной сделкой.

Лишь одна сила непоколебимо защищала дело нации — партия Бебеля и Либкнехта. Не окончив еще спора с лассальянцами, она энергично противодействовала волне военного психоза. Партия видела, в какую глубочайшую катастрофу готовится ввергнуть немецкий народ прусская реакция, она понимала, что планы Бисмарка направлены на подавление революционного движения не только в Германии, но и во Франции. Партия подняла свой предостерегающий голос.

Бисмарк тщательно готовился к нападению и заранее учел возможность крупных людских потерь. Битва при Верте 6 августа 1870 г. стоила немецкому и французскому народам по 10 тысяч убитых и раненых с каждой стороны. При Сен-Прива и Гравелотте германская армия потеряла 36 тысяч, а французская — 29 тысяч убитыми и ранеными. Под огнем винтовок Шаспо и пулеметов прусская гвардейская пехота в течение двух часов потеряла треть рядовых и почти всех офицеров. Вплоть до сражения при Седане война со сто-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 456—457.

роны германских государств, несмотря на ее наступательный характер, объективно оставалась национально-освободительной борьбой, но затем она превратилась в войну агрессивную.

2 сентября под Седаном капитулировала окруженная армия генерала Мак-Магона. Наполеон с 10 тысячами своих солдат попал в плен. Судьба Второй империи во Франции была решена. У Германии уже не было видимых причин для продолжения войны. Однако разбойничий характер Пруско-Германии, и не в последнюю очередь немецкой буржуазии, проявлялся все сильнее. Немецкая буржуазия, которая, как отмечал Карл Маркс, «в своей борьбе за гражданскую свободу с 1846 по 1870 г. показала невиданную нерешительность, неспособность и трусость, была, конечно, в восторге от той роли рыкающего льва немецкого патриотизма, в которой она должна была выступить на европейской сцене»¹.

Авангард рабочего класса понимал, что на чашу весов брошено будущее немецкого народа. Уже 3 сентября партийный комитет эйзенахцев в своем воззвании «Ко всем немецким рабочим» изложил четкую программу, отвечавшую интересам всей нации. Этот пламенный протест был направлен против готовящейся аннексии Эльзаса и Лотарингии и требовал заключения почетного мира. 26 ноября Вильгельм Либкнехт с трибуны рейхстага протестовал против грабительской политики Бисмарка, неизбежные роковые последствия которой для немецкого народа были очевидны. Этот трибун рабочего класса бросил в лицо беснующимся правым гордые и смелые слова: «Действительно, куда почетнее быть братом французского народа и французских рабочих, чем «милым братом» негодяя из замка Вильгельмсхёе». Либкнехт имел в виду военного преступника Наполеона, жившего после сдачи в плен в роскошном аристократическом замке Вильгельмсхёе. Это его прусский король называл милым братом.

Бисмарк, ни минуты не медля с ответом, приказал арестовать руководящих деятелей партии и отправить их в крепость Летцен. Многочисленные военные отряды силой оружия подавляли какие бы то ни было проявления протеста в городах и рабочих центрах. Против «красных» была организована разнузданная травля, причем вскоре дело дошло до угрозы убийством. И все же социал-демократическая газета «Фольксштаат» с 21 сентября на первой полосе всех своих выпусков печатала требования рабочего класса: «Справедливый мир с Французской республикой! Никаких аннексий! Осудить Бонапарта и его клику!»

Именно марксисты ставили превыше всего защиту жизненных интересов нации. Об этом хорошо сказал Фридрих Энгельс: «Немецкие социалистические рабочие ни на минуту не дали ввести себя в заблуждение. Они не были захвачены волной шовинистического национализма. Среди самого неистового опьянения победой они сохраняли хладнокровие и требовали: «справедливого мира с Французской

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 275.

республикой и никаких аннексий», и даже осадное положение не могло заставить их замолчать. У них не нашли отклика ни увлечение военной славой, ни болтовня о «величии Германской империи»; единственной их целью осталось освобождение всего европейского пролетариата. С полным правом можно сказать: до сих пор еще ни в одной стране рабочие не выдержали с таким блеском столь трудного экзамена»¹.

Интернационал также развил кипучую деятельность. Во втором воззвании Генерального Совета от 9 сентября 1870 г. и в письме партийному комитету эйзенахцев Карл Маркс указал на новые опасности. Если Франция будет вынуждена броситься в объятия царской России, то в будущем Германии не избежать кровавой бойни на два фронта. С потрясающей прозорливостью Маркс предсказал то, что история подтвердила четыре десятилетия спустя, когда Европа была затоплена морем крови.

Опьяненные победой прусско-германские войска продолжали наступление. В середине сентября они окружили Париж. 27 октября капитулировал Мец — в плену оказалось еще 196 тыс. французских солдат. Крах Франции представлялся неизбежным.

Но, возмущенный постыдным поведением своих генералов, французский народ не дал нации погибнуть. Во всех уголках страны разгоралось пламя организованного сопротивления, которое доставляло рвущимся вперед прусским войскам немалые хлопоты. Бисмарк и прусско-германские милитаристы с варварской жестокостью расправлялись с французскими рабочими и крестьянами. То, что в 1812—1813 гг. считалось в Германии высшим национальным героизмом, теперь рассматривалось как караемое смертью преступление. Расстрелы пленных и заложников, сожжение целых деревень стали повседневным явлением в этой войне. Бисмарк не только не препятствовал любым зверствам и жестокостям, но и приказал своим генералам брать поменьше пленных, имея тем самым в виду физическое уничтожение противника.

Французский генералитет и не помышлял о том, чтобы взять в свои руки руководство справедливой народной войной против прусских захватчиков. Вместо этого генералы вели переговоры с Бисмарком, который без колебаний продиктовал свои требования: фантастически огромная контрибуция — 5 миллиардов золотых франков, аннексия Эльзаса и Лотарингии с их богатейшими месторождениями железных руд. За спиной Бисмарка стояла немецкая «патриотическая» буржуазия, наглые требования которой надолго исключили какую-либо возможность примирения между Германией и Францией.

Весь мир затаил дыхание. Великая французская нация, которая в 1789 г. ударила в колокол, возвестивший наступление новой эпохи, казалось, погибла в бесславии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 497.

Штурмующие небо

Пер-Лашез и Стена коммунаров — эти дорогие для рабочего класса всего мира места, символизирующие одновременно конец и начало, — находятся на севере Парижа. У выщербленной пулями Стены коммунаров под выстрелами ружей своих же соотечественников, натравленных буржуазией, погибла последняя горстка героев Коммуны, которые сражались до последнего. «Да здравствует Коммуна!» — этот клич вырвался из их груди вместе с последним вздохом. Здесь, в Париже, впервые в истории человечества была установлена власть рабочих, власть трудового народа, здесь марксизм получил подтверждение в революционной практике.

Занимался хмурый день октября 1934 г., когда я бродил по историческому кладбищу с его бесчисленными памятниками. Приехал я в этот город нелегально, без документов, и вначале не решался даже обратиться к незнакомому человеку с просьбой указать дорогу.

Засунув руки в карманы брюк, сдвинув кепи на затылок, навстречу мне, насвистывая какую-то песенку, шел французский рабочий. Когда я попытался объяснить ему, что хочу увидеть Стену коммунаров, мой будущий друг Марсель мгновенно переменялся. Он выпрямился, лицо его стало серьезным. Долго стояли мы перед простой стеной, возле которой лежали цветы и венки, и мысли мои устремились к Германии, к застенкам палачей и местам казни. Словно высеченные на камне, предстали передо мной слова Карла Маркса: «Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики навеки запечатлены в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого их не в силах будут освободить все молитвы их попов»¹. «...В противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд*!»²

...Далеко за Германией, по ту сторону Польши, лежала другая страна. Мне казалось, что прямо перед собой я вижу знамя рабочего государства, которое реет над Кремлем, бывшей цитаделью царизма, предвещая светлое будущее всему человечеству.

Французская буржуазия и ее генералы в 1870—1871 гг. втоптали в грязь национальный флаг и покорились захватчикам. Рабочий класс высоко поднял это знамя, взялся за оружие, чтобы защитить нацию, восстал во имя величия и славы Франции. Рабочие нашли в себе силы, чтобы пойти по единственно правильному пути, по пути мобилизации и вооружения народа. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. была рабочей властью в действии, это была подлинная

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 366—367.

² Там же, стр. 5.

демократия, это было народовластие. «...Это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным к общественной инициативе; это признали даже широкие слои парижского среднего класса — мелкие торговцы, ремесленники, купцы, все, за исключением богачей-капиталистов»¹.

С какой смелостью, с какой энергией и преданностью делу взялась Коммуна за решение своих нелегких задач! В каждом намеченном ею мероприятии сказывалось влияние «Манифеста Коммунистической партии». Прежде всего она издала декрет о роспуске регулярной армии и замене ее вооруженным народом, состоящим большей частью из рабочих, — Национальной гвардией. После того как были распущены армия и полиция, эти орудия старой государственной власти, Коммуна немедленно перешла к слому системы духовного угнетения. Все учебные заведения были безвозмездно переданы в распоряжение народа и отделены от церкви. Судейские чины, которые приносили присягу самым разным сменявшим друг друга правительствам, а затем нарушали клятву, должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми².

В Коммуне рабочий класс доказал свою способность защищать интересы народа, отстаивать свободу и самоопределение нации. «Разнообразие толкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»³.

Парижская коммуна была не одинока в своей героической борьбе. Интернационал приложил все усилия, чтобы привлечь внимание всего мира к революционному восстанию в окруженном немецкими войсками Париже.

Руководящие деятели молодой Социал-демократической рабочей партии Германии после отказа проголосовать за военные кредиты были брошены в тюрьмы. Одна волна арестов сменяла другую. Введя осадное положение, реакция пыталась заставить рабочий класс замолчать. И все же всем был известен текст заявления Вильгельма Либкнехта в рейхстаге: «Аннексия несет нам не мир, а войну. Поддерживая и после заключения мира атмосферу постоянной военной угрозы, она укрепляет в Германии военную диктатуру».

27 марта 1871 г. депутат Шрапс потребовал освобождения вновь избранного в рейхстаг Августа Бебеля. Саксонское правительство решило не допускать парламентских дебатов по этому вопросу и под

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 347—348.

² См там же, стр. 342—343.

³ Там же, стр. 345—346.

давлением народных масс распорядилось освободить Бебеля из тюрьмы. 25 мая, за три дня до окончательной атаки реакции на Коммуну, вождь германской социал-демократии от имени немецкого рабочего класса защищал с парламентской трибуны первое рабочее государство мира. Казалось, травля достигла своей наивысшей точки, но, с презрением взирая на море злобы, ненависти, бушевавшей в рейхстаге, игнорируя ложь и клевету, Бебель выразил восхищение борцами Коммуны, заверил их в солидарности немецких рабочих. «Европейский пролетариат с надеждой смотрит на Париж! — воскликнул Бебель. — Эта борьба только небольшой авангардный бой. Боевой клич французского пролетариата «Война дворцам, мир хижинам, смерть нужде и тунеядству!» станет спустя всего лишь несколько десятилетий боевым лозунгом европейского пролетариата».

В неслыханно сложной ситуации партия немецких марксистов выдержала экзамен на право быть вождем прогрессивных сил народа. Август Бебель высказал то, что волновало сердца и умы переловых рабочих Германии, он дал верную ориентацию пролетариату и всем патриотическим силам страны.

В то время как во Франции росло мощное демократическое движение протеста против правительства Тьера и в противовес жалкому Национальному собранию в Версале образовалось подлинно народное представительство в Бордо, Бисмарк предоставил в распоряжение этого ничтожного правительства национальной измены 100 тысяч французских военнопленных для подавления Коммуны. Пруско-германские и французские реакционеры, бывшие только что жестокими врагами, побратались для того, чтобы утопить в народной крови национальное возмущение во Франции, а германская буржуазия с восторгом приветствовала этот сговор.

Разбитые немецкими захватчиками, храбрые лишь в сражениях против собственного народа, генералы Наполеона III, предававшегося кутежам в Вильгельмсхёе, оказались в своей стихии. Жертвами организованной ими в Париже бойни пали 30 тысяч человек. 45 тысяч было арестовано, брошено в тюрьмы или отправлено в ссылку. Столица Франции потеряла около 100 тысяч своих сыновей и дочерей. 28 мая 1871 г. Коммуна пала под ударами превосходящих сил контрреволюции.

Однако дух и опыт Коммуны невозможно убить или похоронить. От Коммуны ведет прямая дорога к созданной Лениным партии нового типа, к боевому союзу немецких и французских патриотов против милитаризма и фашизма. В Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов возродился живой, неумирающий свет Коммуны. История подтвердила справедливость ленинских слов: «Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 222.

Нам, людям, прошедшим через школу кайзеровской Германии, было нелегко освободиться от груза исторических предрассудков, которые вдалбливали в наши головы учителя и священники. «То, что вы называете духом времени, — это дух господ, в котором отражаются времена» — эти слова Гёте я понял гораздо позднее, когда читал Франца Меринга, а затем изучал труды Маркса и Энгельса. С моих глаз спала пелена. Я постиг, насколько лжива «официальная» историография.

Для исторических представлений того времени была характерна картина провозглашения Германской империи; ее дешевые литографические копии висели в любом школьном классе. Широко распахнутые окна на заднем плане, сверкающие люстры под роскошной лепкой потолка, лес вынутых из ножен и поднятых вверх сабель, в клинках которых отражается солнце; бородатые или гладко выбритые лица под начищенными до фантастического блеска шлемами с пестрыми султанами из конских волос и перьев, усеянные орденами мундиры всех видов и расцветок. На переднем плане — богатырская фигура кирасира в огромных сапогах с голенищами намного выше колен. То Бисмарк — «железный канцлер». А рядом с ним с подкупающе доброй улыбкой на лице, в самом центре этой чрезвычайно пестрой картины, окруженный защитным валом из князей и генералов, которые в ликовании простирают над ним свои мечи, стоит его величество Вильгельм I — божьей милостью только что «избранный» император Германии. Итак, этот кайзер с добродушной улыбкой не кто иной, как «карточный принц», знакомый нам по 1848 г., косный реакционер и милитарист, а Бисмарк, стоящий рядом с ним, — представитель контрреволюции, юнкер, крупный помещик. Еще в 1853 г. он писал: «Основная цель королевского правительства — покончить во всех союзных государствах с рабочими союзами, проявляющими революционные и коммунистические тенденции...» Бисмарк считал, что теперь он достиг цели. Пруско-германская империя была провозглашена в Версале, в сердце вражеской страны, в роскошном зале Людовика XIV. Беззащитная Франция лежала у ног Бисмарка. Он ловко использовал опьянение победой, но сколько интриг пришлось ему сплести, пока все препятствия были преодолены и южно-германские князья дали свое согласие на образование империи! Каждый из них торговался, добиваясь особых прав и привилегий. Так, например, Бавария получила разрешение сохранить собственную армию. Тем не менее баварский король согласился на основание империи только после того, как ему дали взятку — ежегодную ренту в 300 тысяч марок.

Конечно, не забыли и о «демократическом» оформлении. В путь-дорогу в Париж отправилась «депутация» в составе 30 членов рейхстага, чтобы вручить прусскому королю адрес с покорнейшей просьбой к его величеству «сблагovolить принять германскую импе-

раторскую корону во имя достижения единства». Бисмарк заставил делегацию ждать целых два дня, пока ей наконец разрешили выполнить свою верноподданническую миссию. После этого 18 января 1871 г. можно было разыграть комедию провозглашения Германской империи. Режиссура оказалась на высоте. На сцену вывели даже делегации полков с развернутыми знаменами.

Помпезное зрелище имело лишь один изъян: в «историческом» акте не участвовал народ. Но в парламенте на трибуну поднялся Вильгельм Либкнехт, который с разящей иронией заклеил учредителей империи, назвав ее «кампанией по страхованию против демократии». «Коронацию нового императора, дабы придать ей достойное символическое значение, следовало бы осуществить на Жандармской площади в Берлине, — сказал Либкнехт. — Ведь это наиболее подходящее место для коронации современного кайзера. Ибо новая империя может существовать только с помощью жандармов».

Германия стала единой. Объективно это означало огромный прогресс, ибо объединение отвечало историческим потребностям, стремлениям и чаяниям немецкого народа. Однако совершилось оно не в результате победы широкого демократического народного движения, а родилось из захватнической войны против французского народа, из кровавого подавления Парижской коммуны. Пруссско-германские юнкеры и реакционные силы крупной буржуазии основали германское национальное государство кровью и железом. Карл Маркс охарактеризовал его как «обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм...»¹.

Сила, грубая военная сила породила это государственное образование. Насилием отмечен весь его путь, его политика, как внутренняя, так и внешняя. Август Бебель писал позднее: «Сабля стояла у колыбели империи повивальной бабкой, сабля будет провожать ее в могилу. Милитаризм как кошмар навис над всей Европой. Он стал политической и социальной властью, которая подавила все прочие культурные интересы. Словно гигантский полип он проникает во все области жизни народа и использует в своих целях лучшие силы и соки наций. Его притязания становятся все более наглыми, причем он не обеспечивает безопасности, которую должен обеспечить».

Нет сомнения в том, что опруссачивание Германии в корне противоречило жизненным интересам немецкого народа. Оно определяло реакционный путь исторического развития и было чревато угрозой национальной катастрофы. Типичные и характерные черты бывшей военной колонии Пруссии распространились теперь на всю Германию, во главе которой стояли злейшие враги социального прогресса и демократии, косные юнкеры-милитаристы и антинациональная крупная буржуазия. Стоявшие, как и прежде, на повестке дня

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 28.

истории демократические задачи — окончательное устранение феодализма, освобождение крестьян, раздел крупных поместий и демократизация государственной жизни — в результате «революции сверху» оказались нерешенными.

Германская империя была наконец создана, началась так называемая эпоха грюндерства. Предприятия, заводы, фирмы росли, как грибы после дождя, на земле, которую уже не разделяли таможенные барьеры и валютные границы. В сейфы бурно расцветавшей тяжелой промышленности попали 5 миллиардов золотых франков, высосанных из французского народа в виде контрибуции. Аннексированные Эльзас и Лотарингия давали дешевую руду, которую можно было без особых затрат доставлять по Рейну в Рурскую область. А там имелся первосортный уголь, нужный для выплавки стали.

Германская крупная буржуазия сумела использовать благоприятное экономическое положение. Создавая современную промышленность, она опиралась на важную новинку в производственном процессе: свое победное шествие начал электрический мотор, вытесняя исторически изжившую себя паровую машину. В то время как в других промышленных странах производственный аппарат быстро устаревал, в Германии революционный технический прогресс сразу же находил свое воплощение на практике. Общий промышленный подъем, начавшийся в стране и в сравнительно короткое время обеспечивший наивысший уровень технической оснащенности, за каких-нибудь тридцать лет выдвинул некогда экономически крайне отсталую Германию в первый ряд промышленных государств Европы. Вскоре хищные взоры преуспевающей буржуазии обратились за пределы страны, к новым, более крупным источникам сырья и рынкам сбыта товаров. Стремление к экспансии было отнюдь не миролюбивым: об этом свидетельствовало создание мощной армии, превосходившей по своей оснащенности все другие. Начали намечаться контуры войны за новый передел мира.

Уже в 1887 г., почти за тридцать лет до первой мировой войны, Фридрих Энгельс, предвидя надвигающуюся катастрофу, писал: «И, наконец, для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиства, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится

никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса»¹.

Непобедимые

„Немецкие рабочие, — писал Фридрих Энгельс, — имеют два существенных преимущества перед рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии»².

Эта похвала германскому революционному пролетариату говорит одновременно и о том, что небывалый идейный подъем, который некогда переживали идеологи буржуазии и который выразился в деятельности Гёте, Шиллера, Гегеля и Фейербаха, а также многих других, бесспорно, окончился. Рабочий класс стал преемником великого наследия, стал творчески развивать его. Своей борьбой против прусско-милитаристской реакции марксистский авангард завоевал доверие наиболее передовых рабочих, стал центром сплочения лучших представителей немецкого народа, в том числе и буржуазии.

После создания Германской империи в результате обострения противоречий между рабочим классом и буржуазией центр мирового рабочего движения переместился в Германию. Здесь, как ни в одной другой стране, классовые противоречия были обнажены, здесь яснее, чем где-либо, обозначились две диаметрально противоположные линии в политике: с одной стороны, линия юнкерско-буржуазного блока эксплуататоров, с другой — линия пролетариата, представлявшего интересы всей нации. Все более сильной становилась решимость покончить с отнимавшей столько сил междоусобной войной в германском рабочем движении и создать единую партию, способную возглавить народные массы, уничтожить прусско-германское милитаристское государство и основать единую демократическую республику.

С 22 по 27 мая 1875 г. в городе Готе происходил объединительный съезд эйзенахцев и лассальянцев. Представленный проект программы, авторы которого в ряде принципиальных вопросов исходили из тезисов Лассалья, был использован Карлом Марксом для критического анализа классовых боев последних лет, и в первую очередь опыта Парижской коммуны. Результаты своих исследований Маркс обобщил в знаменитом труде «Критика Готской программы». После «Манифеста Коммунистической партии» и «Капитала» это

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 361.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 498.

важнейший теоретический документ марксизма. В нем в боевой полемике с лассальянством рассмотрены все основные вопросы государства и революции, а также обе фазы коммунистического общества. Одно из основных положений этого труда Маркса таково: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»¹.

Однако критика Марксом проекта программы не была принята во внимание съездом. Руководящие представители эйзенахцев отклонили также составленный Августом Бебелем в тюрьме контрпроект и проявили готовность пойти на значительный компромисс с лассальянцами. Хотя принятая программа содержала ряд правильных, отвечающих потребностям классовой борьбы положений и требований, ее основное содержание противоречило всемирно-историческим урокам Парижской коммуны. Оппортунистическим взглядам Лассаля была предоставлена возможность дальнейшего распространения в социал-демократии, что создало условия для возникновения ревизионизма в германском рабочем движении. Особенно роковую роль на рубеже столетий сыграли преклонение лассальянцев перед парламентаризмом, отрицание ими политики союза пролетариата с другими классами, их националистические тенденции.

Несмотря на это, результаты объединительного съезда в Готе имели важное историческое значение. Партия немецкого рабочего класса приобрела теперь подлинно общенациональный характер. Подавляющая часть членов партии выступала за революционную рабочую политику, против юнкерско-буржуазного эксплуататорского государства и прусского милитаризма, за демократическую республику.

При всей своей классовой ограниченности Бисмарк хорошо понимал, какая сила растет с этой партией, и он не медлил ни минуты с организацией против нее подготовленного по всем правилам крестового похода. Август Бебель с трибуны рейхстага заклеил реакционный государственный аппарат, когда в 1878 г. был поставлен вопрос об объявлении партии рабочего класса вне закона:

«Нас преследовали такими методами, которые напоминают самые мрачные времена средневековья. Точно так же, как в средние века травили инаковерцев, евреев, протестантов, гугенотов, в последней четверти XIX века инсценировали крестовый поход против социал-демократов как политически инакомыслящих, поход, в котором принимали участие почти все партии. Людей с социал-демократическими убеждениями выбрасывали с работы, отнимали у них последний кусок хлеба, пытались лишить их всяких средств к существованию,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 27.

на них клеветали, их поливали грязью, объявляли лишенными всех прав и почетных обязанностей».

После принятия «Закона против опасных для общества стремлений социал-демократии» было начато беспощадное наступление на социалистическое рабочее движение. Были запрещены профессиональные союзы, насчитывавшие к тому времени 50 тысяч членов и издававшие 14 собственных газет. По произволу полиции разгонялись безобидные собрания, закрывались танцевальные залы, срывались семейные торжества. «Безродный сброд» был поставлен вне закона.

Уже в первые два месяца действия «исключительного закона против социалистов» бисмарковская классовая юстиция приговорила к тюремному заключению более 500 социал-демократов. Последовали массовые увольнения за социалистические убеждения. 28 ноября 1878 г. в Берлине и его окрестностях было объявлено «малое» осадное положение. 67 социал-демократов немедленно получили предписание покинуть места жительства. Им надлежало выехать из Берлина в течение 24 или 48 часов независимо от положения семей. Этому примеру незамедлительно последовали власти в других центрах рабочего движения. Тысячи семей оказались в результате под угрозой голодной смерти.

В то время как рабочие готовили все силы, чтобы начать бескомпромиссную борьбу против позорного закона, некоторые члены партийного руководства высказывали мнение: партия должна «приспособиться» к новым условиям. Они потребовали отказа от нелегальной работы и выдвинули лозунг, который в иной форме всплыл несколько десятилетий спустя и оказал на рабочий класс глубоко тормозящее воздействие: «Не нам свергать систему Бисмарка! Пусть она рухнет сама!» Однако благодаря неустанной и систематической помощи Карла Маркса и Фридриха Энгельса руководство партии постоянно укреплялось. Опираясь на революционное ядро партии, Маркс и Энгельс вели решительную борьбу против колеблющихся элементов и предателей.

Применяемый Бисмарком метод высылки и экономического давления оказался бумерангом — изгнанники становились миссионерами партии в новых районах. Возникали новые формы политической борьбы. Похороны превращались в массовые демонстрации, место легальной агитации заняло нелегальное массовое распространение листовок. Для маскировки революционной деятельности создавались спортивные общества, объединения курильщиков или же союзы любителей веселого досуга.

28 сентября 1879 г. в Швейцарии появился первый номер нового центрального органа партии — газеты «Социал-демократ». «Красный почтмейстер» Юлиус Моттелер основал в Цюрихе «Красный почтамт» — центр по распространению газеты. Еженедельно в ручных тележках, рюкзаках, с курьерами через границу переправлялись целые кипы нелегальных газет. Изобретались все новые и новые

способы доставки этого боевого органа во все уголки Германии. Если шпикам или полиции удавалось перехватить ту или иную партию газет, то конфискованный номер выпускался повторно дополнительным тиражом с пометкой «взамен украденного». Тысячи, десятки тысяч рабочих постоянно рисковали своей и без того весьма ограниченной свободой, ходили по домам, раздавая центральный орган партии и собирая подписную плату. Эту плату в течение двенадцати лет регулярно вносили 10 тысяч подписчиков.

Статья в номере от 8 августа 1880 г. свидетельствует о том, как велика была роль этой нелегально распространявшейся газеты в закалке боевого духа рабочих: «Не проходит и дня без сообщений из многих городов и поселков о том, как невидимые руки распространяют сотни и тысячи экземпляров газеты «Социал-демократ», а также «Смерть паразитам», «За победу социал-демократии», «К немецкому народу» и другие подобные издания в домах, на фабриках, на улицах, площадях, в омнибусах и наемных экипажах и даже в церкви, как по ночам расклеиваются «подстрекательские» плакаты на углах улиц, на дверях лавок и афишных тумбах. И, что особенно досадно полиции, лишь в крайне редких случаях ей удастся поймать кого-либо из злоумышленников».

Когда «Социал-демократ» прекратил свое издание, Фридрих Энгельс в прощальном письме к читателям с гордостью отмечал: «И газета стоила тех усилий и тех опасностей, с которыми было связано ее распространение. Это была безусловно лучшая газета, которой когда-либо располагала партия... Принципы партии излагались и отстаивались на ее страницах с редкой ясностью и решительностью, и тактика редакции была почти без исключений правильной»¹.

Хотя против «красных» был приведен в действие весь государственный аппарат, хотя их клеветнически именовали врагами отечества и преступниками, вскоре выяснилось, что проникнутое боевым духом движение народа подавить невозможно. Бисмарк неоднократно изменял избирательный закон (кандидатов могли выставлять только отдельные лица, но не партии), и все же в 1884 г., в условиях действия исключительного закона против социалистов, 549 990 избирателей отдали свои голоса рабочей партии. 24 депутата, представлявшие их, заняли места в рейхстаге.

Депутат в то время не получал какого-либо вознаграждения от государства, не существовало каких-либо компенсаций за потраченное рабочее время. Чтобы вращаться в среде крупных аграриев и промышленников, был необходим также определенный образовательный уровень. Не удивительно, что некоторые материально обеспеченные социал-демократы, выходцы из буржуазных кругов, принесли с собой в социал-демократическую фракцию рейхстага оппортунистические взгляды.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 82.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс вели неутомимую борьбу за создание у партии иммунитета против влияний господствующих классов. Целый ряд научных работ дал революционному движению новое оружие. С января 1883 г. начал выходить ежемесячный журнал «Нейе цейт». Вместе с боевой газетой «Социал-демократ» он постепенно становился основным очагом марксизма в немецком рабочем движении, очагом, который самоотверженно поддерживали и защищали рабочие борцы.

Революционная борьба вылилась в стачечные бои. Мощная стачка горняков, первая крупная массовая забастовка в Германии, охватила в начале мая 1889 г. около 90 тысяч шахтеров Рура и перекинулась на Саарскую область, Саксонию и Силезию, где 48 тысяч горняков объявили забастовку солидарности. Целый месяц пролетариат Рура сражался за свои справедливые требования. 18 августа 1889 г. 200 делегатов приняли решение основать единую организацию горнорабочих.

В этот период германская социал-демократия вписала героическую главу в историю революционного рабочего движения. Как единственная защитница национальных и социальных интересов немецкого народа, как последовательная поборница пролетарского интернационализма, она крепла и росла вширь. В начале 1889 г. она получила на выборах 1 427 тысяч голосов, хотя женщины в то время были лишены избирательных прав.

Бисмарк, «железный канцлер», столкнулся с превосходившей его силой, он не выдержал мощного натиска революционного рабочего класса. 20 марта 1890 г. ему пришлось со скандалом уйти в отставку. Вместе с ним пал и позорный закон против рабочего класса. Правительство и правящие классы исчерпали все свои средства — все было бесполезно, бесцельно, безрезультатно. Политика юнкерско-буржуазного государства переживала тяжелый кризис. У рабочих же все было впереди.

Молот или наковальня?

Der Hauptfeind steht im ei

Was seit 10 Monaten, seit dem Angriff Österreichs auf
den Italien zu erwarten war, ist eingetreten: der Krieg
Italien ist da.

Die Volksmassen der kriegführenden Länder haben be-
reits, sich aus den amtlichen Berichten zu befreien. Die
Macht in die Urkunden und Dokumente, in die
nichtbare Verantwortlichkeit für seinen Ausbruch, so daß
im deutschen Volk verbreitet. Der Armeeplan, der
Kriegsziele ist nicht und nicht gewichen, die
Hoffnung geschwunden, der Wille zum schließlichen
den mächtig emporgewachsen, allenthalben — auch in
München.

Eine schwere Sorge für die deutschen und österreichischen
Realisten, die sich vergeblich nach Rettung umsahen. Sie
ist ihnen jetzt gekommen. Italiens Eingreifen in den
Krieg soll ihnen die willkommenste Gelegenheit bieten, neuen
mit dem Völkerverstand zu handeln, der es ihnen
zu erst, die sie ihrer eigenen Schuld
entziehen. Sie spekulieren auf die Vergeßlichkeit des
deutschen Volkes, auf seine nur allzu oft erprobte Langmut.
Wurde der laubere Plan glücken, das Ergebnis zehn-
jähriger blutiger Erfahrung wäre zu nichte, das inter-
nationale Proletariat stünde wiederum ent-
fremdet da, völlig ausgeschaltet als selbständiger poli-
tischer Faktor.

Der Plan muß zunichte werden — sofern der dem
nationalen Sozialismus treu gebliebene Teil des deut-
schen Proletariats seiner geschichtlichen Sendung in dieser
heuren Zeit eingedenk und würdig bleibt.

Die Feinde des Volkes rechnen mit der Vergeßlichkeit
des Volkes. Wir setzen dieser Entfremdung entgegen die
Tatsache:

Alles, was ist, nicht vergehen!

Nichts vergeht.

Wir haben erlebt, daß beim Kriegsausbruch die Massen
den herrschenden Klassen mit lodenden Melodien
den kapitalistischen Kriegszweck eingefangen wurden.
Wir haben erlebt, wie die schillernden Seifenblasen
Demonstration zerplatzten, die Karrenträume des
Volkstums verfloßen, wie statt des Glühs Elend und
Krieg über das Volk kamen, wie die Tränen der

Jede Brandmar-
keher. Aber sie sind
schon und öfter
Hauptschuldigen an
gleiche Krappen!

Wem hat das
geschehen? Von wem
sind die neuen Opfer-
Opfer?

Es bleibt dabei:
am 23. Juli
Welt entzündete, was
übergriff.

Es bleibt dabei:
für die Neuver-
wirklichung alle Kräfte.

Es bleibt dabei:
Vorherrschaft auf der
Mittelmeer und dann
reich Deutschland und

Wenn sich die
Realisten jetzt hinter die
hinter der Quisling be-
finden: wenn sie die
gekränkten Unschuld
nur eben ihre
dienen sie die Völker.

Nicht vergessen
sich in der italienischen
von den sehr ehren-
werten.

Seit je war der
— auch hat man da

Es galt Ita-
lien, gegen die
man es uns einen fu

Im Dreibundve-
rung niemand euch
lands weltpolitischer
heutigen Lage
nicht ein Buch!

Начало августа 1914 г. застало меня в одном городе неподалеку от бельгийской границы. Прямо под окнами нашего дома проходила железная дорога, ее серебристые рельсы бежали в Ахен, Льеж и Намюр. День и ночь мимо нас мчались на запад длинные товарные составы, набитые людьми, лошадьми, орудиями и снарядами. «Гремит призыв раскатом грома», «На верность присягнули мы кайзеру Вильгельму!» — пели солдаты, и слова эти отдавались окрест почти непрерывным эхом. Мы, подростки, воспринимали все с каким-то восторгом, видели вокруг одних только героев, жаждущих защитить отечество, оградить его от внешнего врага. Нам было невдомек, что переживали молодые солдаты, одетые в непривычную для них серую военную форму, нам и в голову не приходило, что в песнях их подспудно звучали и боль разлуки, и страх, которые они старались заглушить в себе, что большинство из них в глубине души невольно задавало вопрос:

Вернемся ль мы к себе домой?
 Что нам обещано судьбой?
 Ты, ночь, скорее дай ответ,
 Нам жизнь иль смерть несет рассвет?
 Состав летит, но стук колес
 Не в силах заглушить вопрос.
 Он сердце нам на части рвет.
 Ты слышишь гул? Война идет...

И только когда мимо нескончаемой чередой потянулись — теперь уже на восток — санитарные поезда, когда я услышал потрясшие меня стоны раненых, а на лицах бельгийских и французских военнопленных прочел невыразимое горе и безграничное страдание, в сознании моем забрезжил первый проблеск. Но еще многое суждено мне было увидеть и осмыслить до той поры, пока я не пережил тот мучительный внутренний разлад, который поэт выразил словами:

Я мира храбрым был солдатом,
 А нынче — братьев убиваю.
 Но, хоть в руках оружие смерти,
 Душа моя кричит, рыдая.

Отцу моему на четвертый день мобилизации пришлось «поспешить под знамена», оставив дома жену и семерых детей. Когда мы провожали его на станцию, мимо нас промчался эшелон с войсками — в самом хвосте его гроыхал вагон с известью. Никогда не забыть мне искаженное ужасом лицо отца; взгляд его был прикован к этому вагону: ведь известь предназначалась для засыпки трупов, может быть трупов тех самых молодых парней, которых везли на фронт в том же эшелоне!

Лицо матери, с раннего утра до поздней ночи не поднимавшей головы от швейной машины, становилось все ожесточеннее и угрюмее. А передо мной все неотступнее вставал требующий ясного ответа вопрос: зачем? во имя чего?

Однажды жившая по соседству молодая женщина, вернувшись домой после ночной смены совершенно обессиленной, зажгла спиртовку, но сон тут же свалил ее. Удушливый дым заставил ее в ужасе вскочить. Она рванула оконную раму, и пламя мгновенно охватило постель. Не помня себя от страха, она выпрыгнула в окно и вдруг дико закричала — в доме остался трехмесячный ребенок! Но было слишком поздно: младенец погиб. Несчастную мать отдали под суд, обвинили в недосмотре и сурово наказали...

Во мне кипело возмущение: так почему же можно безнаказанно спалить в пожаре войны целые народы! Какой суд вынесет приговор тем, кто с умыслом гонит цвет немецкой нации в братские могилы!

Как смогло это произойти?

Может быть, пожар первой мировой войны тоже вспыхнул «по недосмотру»? Нет! Правительство юнкерско-буржуазной Германии не раз, при каждом удобном случае, бряцало саблями, требовало «место под солнцем» и открыто заявляло о своем стремлении к переделу мира.

Когда в 1887 г. в Китае убили двух немецких миссионеров, кайзер Вильгельм II, не скрывая своей радости, писал будущему рейхсканцлеру фон Бюлову: «Итак, наконец-то китайцы дали нам давно желанный повод и инцидент. Я решил немедленно принять меры. Сотни немецких торговцев возликуют, сознавая, что Германская империя наконец встала в Азии твердой ногой. А сотни тысяч китайцев затрепещут, почувствовав на своем затылке железный кулак Германской империи». Его императорское величество, собственной персоной провожая отправлявшиеся в Китай войска, напутствовал их: «Пощады не давать, пленных не брать! Как тысячу лет назад гунны, предводительствуемые своим королем Этцелем, снискали себе славу могучих воинов, и поныне живущую в преданиях и легендах, так и вы утвердите на тысячу лет вперед имя немцев в Китае, да так, чтобы ни один китаец никогда даже не посмел косо взглянуть на немца!»

В этих словах — главная линия внешней политики кайзеровской Германии. Столь же недвусмысленно обрисовал Вильгельм II и ее внутреннюю политику, когда, принимая присягу рекрутов, потребовал от «своих» солдат, чтобы они, не дрогнув, стреляли в отцов и матерей, в братьев и сестер, если те попытаются воспротивиться «богоданному» режиму.

Об опасности германского милитаризма немецкий народ не раз предупреждали Маркс и Энгельс, Бебель и Либкнехт. Хорошим предостережением могли служить ему и неприкрытое вооружение, и откровенные речи самих его правителей. С каждым днем становилось все очевиднее: господствующие в Германии общественные силы ведут немецкую нацию на путь авантюристической «мировой политики»,

толкают ее к кровопролитной войне! В угоду собственным корыстным классовым целям они готовы без колебаний принести в жертву жизнь многих миллионов людей.

Какова же была в это время роль той партии, которая в борьбе против «исключительного закона о социалистах» и юнкера Бисмарка выдержала свое суровое испытание?

Август Бебель, Вильгельм Либкнехт и его сын Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин и многие другие немецкие социал-демократы страстно боролись против вооружения кайзеровской Германии, против душителей народа. Еще на Учредительном конгрессе Социалистического рабочего Интернационала в 1889 г. германская социал-демократия, желая показать всему миру, что немецкий трудовой народ хочет жить в дружбе с французским, символическим рукопожатием выразила свою внешнеполитическую позицию. Немец и француз, избранные равноправными председателями конгресса, пожали друг другу руку, и один из них — французский социалист Вайян — сказал: «Перед лицом губительных для свободы войн королей и господствующих классов мы испытываем необходимость подчеркнуть нашу приверженность миру между народами, наше стремление сохранить мир и на место милитаризма, на место политики грабежа и захвата поставить демократическую волю народов к обороне». Ему при бурном одобрении всех участников конгресса ответил Вильгельм Либкнехт: «После ужасной братоубийственной войны, в которой обе наши нации терзали друг друга, теперь в нашем лице оба народа взаимно протягивают руку... Вражда между Германией и Францией служила до сих пор главным препятствием политическому и социальному прогрессу в Европе. Братание Франции и Германии — триумф мира, цивилизации, социализма».

Эта ясная политическая линия получила свое дальнейшее развитие. Международный социалистический конгресс в Париже в 1905 г., заслушав доклад Розы Люксембург о борьбе против милитаризма, за мир между народами, постановил вести борьбу «против милитаризма и колониальной политики с удвоенной силой и энергией», ибо исторически необходимо «в ответ на всемирно-политический союз буржуазии и правительств, заключенный с целью увековечения войны, создать союз пролетариев всех стран с целью увековечения мира». Единогласно принятые решения конгресса обязывали все социалистические партии воспитывать молодежь в антимилитаристском духе и голосовать в парламентах против любого увеличения расходов на вооружение.

Два года спустя Штутгартский конгресс II Интернационала в своей резолюции совершенно четко заявил: «В случае опасности войны рабочий класс и его парламентские представители в заинтересованных странах обязаны, пользуясь поддержкой Международного бюро, сделать все возможное, чтоб помешать объявлению войны всеми кажущимися им рациональными *средствами, род которых за-*

*висит от степени обострения классовой борьбы и общего политического положения»*¹.

По предложению В. И. Ленина и Розы Люксембург было принято важное дополнение к этой резолюции: «В случае, если война все же разразится, они (рабочий класс воюющих стран и его представители в парламентах. — *Ред.*) должны... стремиться всеми средствами к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для возбуждения народных масс и ускорить падение капиталистического классового господства»².

Базельский конгресс II Интернационала в 1912 г. подтвердил это положение и в своем манифесте заявил, что было бы преступлением, если бы рабочие стали стрелять друг в друга ради приумножения прибылей капиталистов.

Уже одни эти выдержки из решений международных социалистических конгрессов убедительно говорят о том, что авангард рабочего класса полностью осознал грозящую опасность и энергично боролся против нее. И тем не менее мы вновь вынуждены задать вопрос: как же это произошло? Может быть, у рабочих масс Германии не хватило воли к борьбе, готовности к ней? Посмотрим, так ли это.

В 1903 г. более трех миллионов избирателей отдали свои голоса социал-демократии, и это несмотря на то, что женщины еще не пользовались избирательным правом! В 1904 г. возникли первые организации пролетарской молодежи; их возглавил Карл Либкнехт. В 1905 г. в Германии бастовало свыше полумиллиона рабочих — больше, чем общее число всех участников стачечных боев с 1900 по 1904 г.

Полмиллиона бастующих! Кто может представить себе сегодня, чем были тогда забастовка или локаут для каждого отдельного рабочего или его семьи! При тогдашнем положении пролетариата редко встречалась рабочая семья, у которой имелись хоть какие-то сбережения. Как правило, заработок уже в день получки перекочевывал в карманы торговца «колоннальными товарами», мясника, булочника; продукты у них обычно брали в «кредит». Покупки покрупнее — например, обуви, одежды, постельного белья — делались в рассрочку, и кассир неумолимо требовал взносов. Если кормилец семьи участвовал в забастовке, это в большинстве случаев означало для жены и детей голод. К тому же каждому забастовщику приходилось считаться с опасностью остаться «за воротами» или, того хуже, попасть в «черный список»: тогда его, возможно долгие годы, не возьмут ни на одно предприятие. И все-таки рабочие упорно и ожесточенно боролись, ибо знали, за что.

7 августа 1903 г. прекратили работу текстильщики пяти фабрик саксонского городка Криммиchau. Чего они добивались? Сокращения рабочего дня до 10 часов и повышения заработной платы на

¹ Цит. по: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 75.

² Там же, стр. 514.

10 процентов. Буквально на следующий день во всех промышленных центрах возникли комитеты солидарности, чтобы оказать поддержку борющимся текстильщикам Криммичау. Рабочие отрывали от себя последний грош, но собрали свыше миллиона марок.

Забастовка была запрещена властями, на стачечников градом посыпались денежные штрафы и тюремные приговоры, 8 тысячам рабочих угрожали локаутom — т.е. голодом, борьба стала еще ожесточеннее! Тогда 4 декабря власти ввели «малое» осадное положение и начали перебрасывать в Криммичау крупные полицейские части. Ввиду осадного положения бастующие не имели возможности проводить собрания в своем районе. Тогда, несмотря на суровый мороз, более 5 тысяч рабочих и работниц с пением боевых песен отправились «за границу» — в город Шмолин; там состоялся митинг протеста, показавший, что их воля к борьбе не сломлена.

Текстильщики Криммичау не дали запугать себя осадным положением, не склонились перед полицейским сапогом, ряды их остались сомкнутыми. И вдруг совершенно неожиданно для них эта поистине замечательная забастовка была прекращена по указанию профсоюзных лидеров под лицемерным предлогом, что нельзя, дескать, создавать угрозу расстройству экономики.

А вот другой пример воли германского рабочего класса к борьбе. В начале 1905 г. угольный барон Стиннес, не долго думая, увеличил рабочий день, одновременно закрыв ряд предприятий. Свыше 100 тысяч горняков ответили забастовкой. Они стояли плечом к плечу — социал-демократы, члены христианских профсоюзов и не состоящие ни в каких рабочих организациях — вместе со своими товарищами по классу, приехавшими на заработки из Польши и Италии. «Мы голодали работая, можем поголодать и бастуя!» — говорили они.

Правящие круги кайзеровской Германии всполошились: что, забастовка в Рурской области — нашей кузнице оружия? Эту «банду», этот «красный сброд», этих «предателей отечества», ради своих корыстных интересов ставящих под угрозу вооружение фатерлянда, надо примерно проучить, чтобы другим неповадно было!

Рабочие предъявили ультиматум; когда его срок истек, они объявили всеобщую забастовку. Только в одном Руре призыву к ней последовало не менее 217 тысяч человек. Но бастовали и пикетировали ворота заводов и шахт не только рабочие — вопреки «закону и морали», вопреки десяти заповедям на улицу вышли и присоединились к мужчинам женщины. Они больше не желали страдать и пассивно стоять в стороне, они устраивали свои собрания, в которых приняло участие почти 3 тысячи женщин, и открыто поддерживали требования бастующих.

И вот в этот решающий момент Союз немецких горняков (точнее, руководство этой крупной организации) отказался от какой-либо политической или моральной поддержки рабочих, борющихся за свои права. Он даже уступил руководящую роль в забастовочном комитете раскольнической организации — христианскому профсоюзу.

Зато кайзеровское правительство не колебалось, не бездействовало — оно бросило в Рурскую область полицейские части и войска. Ведь в сейфах уже лежат наготове разработанные генеральным штабом военные планы, а марокканский кризис, спровоцированный правящей верхушкой, должен дать долгожданный предлог для развязывания тщательно подготовленной войны против «заклятого врага» — Франции и ненавистного Альбиона — Англии. Никогда еще, писал впоследствии тогдашний военный министр, обстановка «не была для нас в военном отношении столь благоприятна». Именно теперь, когда после сокрушительного поражения в войне с Японией царская Россия как главный противник на Востоке парализована, можно без помех обрушить всю мощь германской армии на «врагов» на Западе. Когда еще представится вновь такая возможность молниеносно разгромить Францию, прежде чем другие западные державы смогут «дотянуть» свои вооружения до германского уровня! И вот «красные» ставят под угрозу эти планы!

Несмотря на применение всех средств насилия, забастовка в Рурской области продолжалась. Да, кулак рабочего класса ударил врага в самое чувствительное место. Сам кайзер вне себя от бешенства подтвердил это в своем письме рейхсканцлеру фон Бюлову. Он, Вильгельм II, милостью божьей император германский, вынужден был признать, почему все идет не так гладко, как задумано: «Главным препятствием явилось бы то, что из-за наших социалистов мы не смогли бы взять из страны ни одного человека, не подвергнув крайней опасности жизнь и собственность граждан».

Итак, мощные выступления рабочих, борющихся за свои права, помешали тогда германским милитаристам развязать войну, спасли жизнь миллионам людей!

«Помазанник божий» кипел гневом. Узколобость и высокомерие, присущие правящему классу, лишали кайзера способности осознать и верно оценить наметившееся изменение в соотношении классовых сил. Ему уже виделось, как он расправляется с рабочим классом: кавалерия устремилась в атаку на «красных», с сабель стекает кровь «подданных». А посему он повелел: «Сначала перестрелять, обезглавить, обезвредить социалистов, если нужно — с помощью кровопролития, и тогда внешняя война, но не раньше, не сейчас!» Таков был венец мудрости господствующих классов на рубеже нового века, когда капитализм вступил в стадию империализма и началась эпоха пролетарских революций.

В Германии переход к империализму вследствие запоздалого развития капитализма совершился позднее, чем в других западных странах, но зато быстрее, поскольку можно было использовать опыт Англии, Франции и Америки. Однако к тому времени, когда германский империализм почувствовал себя экономически и политически достаточно сильным для того, чтобы принять участие в закабалении и ограблении всего мира, тот уже был поделен между другими империалистическими державами; для «приобретения» колоний оставался

лишь жалкий остаток. Передела мира можно было достигнуть только силой, только войной.

Особенности исторического развития Германии с конца средневековья привели к тому, что одним из устоев германского империализма стало реакционное прусское юнкерство, которое вступило в союз с немецкой буржуазией, слишком поздно вышедшей на политическую арену. Таким образом, традиции и практика прусского милитаризма тесно переплелись со стремлением монополистического капитала к экспансии. Фридрих Энгельс писал: милитаризм характерен тем, что армия становится целью государства, самоцелью, а народы существуют для того, чтобы поставлять и кормить солдат. Милитаризм означает, что развитие экономики, воспитание и образование, все сферы общественной деятельности подчинены военным соображениям, а вооруженная сила становится главным средством осуществления государством своих внутрисполитических и внешнеполитических целей. Прусский милитаризм явился воплощением всего реакционного, что только было в истории Германии, он превратил антидемократическое и антисоциалистическое мировоззрение в символ веры, культивировал насквозь лживый, шовинистический урапатриотизм, насаждал казарменную муштру, слепое повиновение и верноподданнический дух. Переплетение монополистического капитала с юнкерским милитаризмом как раз и придало германскому империализму его особый характер — чрезвычайную воинственность, крайнюю агрессивность, определяло его политику бряцания саблями.

Непримиримое противоречие между интересами правящей клики монополистов и милитаристов, с одной стороны, и не желающего войны народа — с другой, неизбежно должно было обостриться до такой степени, что это грозило политическим взрывом. Выявившись уже вскоре после образования Германской империи в 1871 г., это противоречие стало в период империализма главным для немецкого народа. Его производительные силы все более расточительно растрачивались на бессмысленное вооружение, а беззастенчиво провоцируемая война за передел мира угрожала самому существованию германской нации. Все это возлагало на рабочий класс — самый революционный класс общества — огромную историческую ответственность. Революционное свержение господства монополистов и милитаристов, завоевание пролетариатом в союзе со всеми трудящимися политической власти, создание миролюбивой, демократической и в конечном итоге социалистической Германии — такова была историческая задача, ставшая жизненной необходимостью.

В результате неравномерного экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма центр международного революционного движения переместился к этому времени в Россию, превратившуюся в узел всех общественных противоречий. Рабочий класс ее в союзе с трудящимся крестьянством поднялся на борьбу.

Когда в 1905 г. в России произошла буржуазно-демократическая революция, весть об этом народном восстании, о баррикадных боях на улицах крупных городов с быстротой молнии распространилась во всех индустриальных центрах Германии. Уже 23 января 1905 г. газета «Лейпцигер фольксцейтунг» писала: «В России вспыхнула революция, и носитель ее — рабочий класс. Это — гарантия того, что движение не будет задушено в зародыше... В победе над царизмом, добиться которой стремится сейчас русский рабочий класс, международный пролетариат видит предварительное условие для своей собственной победы над капитализмом. Об освободительной борьбе русского народа против банды преступников, именующей себя правительством России, поистине можно сказать: русская победа — это победа немецкая, победа европейская, победа интернациональная».

Мощный взрыв революционной энергии народных масс озарялся именем Ленина. С первых дней своего участия в революционном движении Ленин целеустремленно и энергично, с упорством и терпением создавал партию, способную выполнить выпавшую на ее долю историческую миссию. Ленин яснее всех других осознал, что с превращением капитализма свободной конкуренции в империализм для национальной и социальной борьбы рабочего класса возникли новые условия. Социал-демократические партии старого типа не могли успешно бороться против монополистического капитала, который все более концентрировал все политические и экономические командные позиции в руках нескольких сот капитанов хозяйства. Надо было создать партию нового типа — такую, которая сделала бы необходимые выводы из задач новой эпохи. Партия нового типа должна руководствоваться революционной теорией марксизма, объединять в своих рядах лучших представителей рабочего класса и других трудящихся слоев, обладать железной дисциплиной, очищать свои ряды от оппортунистических элементов. Партия нового типа как высшая форма классовой организации пролетариата должна строиться на принципах демократического централизма и быть самым теснейшим образом связана с трудовыми массами.

На II съезде РСДРП в 1903 г. в острейшем столкновении с анти-марксистской идеологией, отрицающей революционную классовую борьбу, возникла партия большевиков, для которой характерно неразрывное единство воли и действия. Под знаменем этой последовательной марксистской партии революционные рабочие и крестьяне России шли на свержение царского деспотизма, на завоевание политической власти. Ее действия давали чувствовать всю силу рабочего класса и внушали уверенность в победе.

Карл Либкнехт (в 1904 г. на Бременском съезде германской социал-демократии он произнес страстную речь против вооружения и империалистической войны, охарактеризовав милитаризм как «высшую концентрацию жестокой силы капитализма» и «душителя культуры») неустанно стремился на примере русской революции

разъяснить немецкой молодежи значение антимилитаристской борьбы, защиты мира. Семена, брошенные им, упали на благодатную почву, — это показало общее собрание Союза молодых рабочих и рабочих в сентябре 1906 г. Заслушав доклады Карла Либкнехта и Германа Дункера о революции в России, оно приняло резолюцию о созыве международной конференции молодежи. Созданная по инициативе этого конгресса интернациональная организация молодежи единогласно избрала Карла Либкнехта своим председателем.

Роста боевой энергии германского рабочего класса не остановил и спад революционного натиска в России. Так, в 1910 г. было зарегистрировано 3228 забастовок и различных прекращений работы, в которых приняло участие почти 400 тысяч рабочих. Целых три месяца боролись, например, сомкнутым фронтом строительные рабочие, хотя отсутствие сезонной работы в течение долгой зимы заставило их израсходовать свои последние сбережения. В апреле того же года в одном только Берлине в демонстрациях с требованием всеобщего избирательного права участвовало более 250 тысяч человек. Стачки в промышленных районах столицы Веддинг и Моабит осенью 1910 г. превратились в настоящие уличные бои.

Когда провокационная посылка канонерки «Пантера» в марокканский порт Агадир (этот акт вошел в историю под названием «прыжка «Пантеры»») поставила в 1911 г. мир на грань войны, по всей Германии прокатилась волна протеста. На выборах в рейхстаг милитаристы получили достойный отпор: несмотря на полицейский террор и унижительное трехклассное избирательное право, несмотря на позорное лишение женщин права голоса, 110 из 397 мест в рейхстаге получили социал-демократы.

Социал-демократическая партия и профсоюзы обладали большой силой и влиянием. СДПГ насчитывала в 1914 г. свыше миллиона членов, в том числе 174 тысячи женщин, выпускала 91 газету с 1,5 миллиона постоянных подписчиков. Свободные профсоюзы выросли до 2,5 миллиона членов, располагали множеством профсоюзных домов, образовательно-просветительных учреждений, широкой сетью различных изданий.

Решимость бороться, воля к действию — вот что определяло характер многочисленных рабочих собраний, демонстраций и конференций в предгрозовые недели кануна мировой войны. Так, общее собрание социал-демократических организаций Большого Берлина 14 июля 1914 г. единогласно приняло предложенную Розой Люксембург резолюцию, которая требовала политической массовой забастовки с целью перечеркнуть планы кайзеровского правительства. Собрание социал-демократов земли Вюртемберг так же единогласно приняло сформулированный Кларой Цеткин призыв к народным массам. «Правителям сделано предупреждение, — писала 24 июля 1914 г. «Лейпцигер фолксцейтунг». — Пролетариат хочет мира! Если же он получит войну, то и среди ее битв и ужасов он не забудет о своих целях».

Накануне мобилизации почти 30 тысяч человек приняли участие в митинге протеста, созванном в Берлине социал-демократической партией. В полицейском донесении сообщалось, что после окончания митинга на улице произошло «скопление народа»; мощная колонна двинулась к зданию газеты «Форвертс» — центрального органа СДПГ. Для разгона демонстрантов полиция пустила в ход холодное оружие. Подобные митинги и демонстрации состоялись в те дни во всех крупных городах.

Даже эти немногие примеры убедительно показывают, что рабочий класс Германии был намерен схватить за руку поджигателей войны. Тем острее встает вопрос: как смогло это произойти?

Медленно действующий яд

Война, развязанная германскими империалистами в августе 1914 г., явилась смертным приговором более чем 8 миллионам молодых, полных сил и надежд мужчин. Они принадлежали к разным национальностям, говорили на разных языках, и цвет кожи был у них разный, но все они истекли кровью на полях сражений или умерли от ран.

Разве это не неотъемлемое право каждого человека — потребовать от своих империалистических правителей и их лакеев ответа за каждую загубленную ими жизнь? 20 миллионов калек — суровое обвинение! За четыре с половиной года войны были уничтожены огромные ценности, созданные за много десятилетий тяжким трудом: 500 миллиардов марок — колоссальная сумма!

Разве это не неотъемлемый долг каждого человека — дойти до причин, приведших к такому бессмысленному разрушению, к гибели и превращению в калек многих миллионов людей? Но тот, кто последует велению этого долга, придет к осознанию всей своей огромной ответственности: ведь причины катастрофы 1914 г. — это и причины позднейших катастроф, и они останутся до тех пор, пока не будут уничтожены с корнем.

Говоря о причинах, сделавших германский рабочий класс неспособным выполнить в 1914 г. свою историческую задачу, испытываешь возмущение тем позорным, безграничным предательством, которое совершили по отношению к нему оппортунисты и ревизионисты.

С вступлением капитализма в империалистическую стадию борьба рабочего класса за политическую власть встала непосредственно на повестку дня. Революционные силы германской социал-демократии понимали это. Империалисты же стремились во что бы то ни стало расколоть рабочее движение — теперь для них это было поистине вопросом жизни и смерти. Такую политическую функцию взяли на себя оппортунизм и ревизионизм как формы проявления буржуазной идеологии внутри рабочего движения.

Ввиду быстро развивавшейся концентрации и централизации капитала крупные предприниматели были уже не в состоянии одни

организовать и контролировать производственный процесс. Капиталисты оказались вынужденными за счет некоторой части своих сверхприбылей более высоко оплачивать угодных им рабочих, назначать их десятниками, мастерами и т. п. Внутри этого привилегированного слоя в свою очередь стала образовываться так называемая рабочая аристократия. Она считала «недопустимым», «непорядочным по отношению к работодателю» бастовать из-за «каких-то нескольких пфеннигов» и тем ставить под угрозу свое более обеспеченное положение. Так постепенно эти подкупленные элементы превратились в злосных штрейкбрехеров, сделались надежной опорой буржуазии в рядах рабочего движения.

После отмены «исключительного закона против социалистов» пролетарское движение в Германии стало бурно расти вширь. Естественно, в связи с этим увеличился административный аппарат социал-демократической партии и профсоюзов; число штатных секретарей и служащих в них постоянно росло; в потребительских кооперативах, больничных кассах и тому подобных учреждениях появлялись все новые должности, а люди, занимавшие их, получали довольно высокое жалованье и были застрахованы от всех превратностей жизни трудового человека. Рабочая аристократия пополнялась главным образом за счет мелкобуржуазных элементов, значительно усиливавших позиции оппортунистов и реформистов.

На этой почве и распространялся медленно действующий яд антимарксистских «теорий», незаметно, но неумолимо парализуя волю социал-демократической партии, а особенно профсоюзов, к борьбе. Оппортунистические партийные и профсоюзные функционеры взяли курс на раскол рабочего движения. Они сознательно игнорировали важный урок истории, гласящий, что любой отказ от классовой борьбы и боязнь революционных столкновений оплачиваются бесчисленными жертвами. Они распространяли в рабочем классе иллюзии насчет сущности эксплуататорского государства и доказывали возможность мирного вращивания в социализм путем реформ в рамках существующего капиталистического строя, без революционного завоевания пролетариатом политической власти. Они предали забвению ту единственную поправку, которую Карл Маркс счел необходимым сделать к «Манифесту Коммунистической партии» на основании революционного опыта Парижской коммуны: «...рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»¹. Рабочий класс должен разбить, сломать ее, а не ограничиваться простым захватом ее.

Карл Маркс уже не мог оказать германской социал-демократии помощь в этот опасный для ее развития момент: 14 марта 1883 г. глаза его закрылись навсегда. «Умер передовой борец пролетариата, человек, который ковал оружие для освобождения рабочего класса.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 339.

Угас величайший ум, который метал молнии в буржуазный мир, чтобы рассеять невежество, порожденное тьмой и туманом, и в свою очередь порождающее тьму и туман. Умер величайший мыслитель, открывавший перспективы в новый мир, новые времена, новое человечество.

Маркс умер, и миллионы охватила печаль при вести о том, что перестало биться сердце их самого верного, самого преданного советника»¹. В этих словах друга Маркса — Фридриха Адольфа Зорге выражена глубокая скорбь всего международного рабочего движения по поводу невозвратимой утраты.

Фридрих Энгельс всеми силами препятствовал разлагающему влиянию буржуазии на рабочий класс, боролся с противоречащей всему историческому опыту и реальной действительности идеологией «основанного на доверии сотрудничества» с буржуазией, которая в силу своей измены национальным интересам уже давно потеряла всякое право на руководство нацией. Беспощадно, с убийственным сарказмом бичевал он реформистов, обманывающих рабочих ложью о мирном пути к социализму, да к тому же в такой Германии, «где правительство почти всесильно, а рейхстаг и все другие представительные учреждения не имеют действительной власти,— в Германии провозглашать нечто подобное, и притом без всякой надобности, значит снимать фиговый листок с абсолютизма и самому становиться для прикрытия наготы»².

В «Анти-Дюринге» Энгельс дал суровую отповедь идеологии классового предательства. Идея мобилизации масс на революционно-демократическое решение национального вопроса — вот что красной нитью проходит через этот труд. Энгельс ясно и неоспоримо показал, что социалистическая демократия представляет собой качественно новую демократию, в ней впервые в истории сможет развернуться творческая сила широких масс.

На Эрфуртском съезде СДПГ в 1891 г. в результате этой решительной борьбы за теоретическую и идеологическую чистоту была принята программа, в основном отвечавшая принципам марксизма. Была учтена критика, которой в свое время Маркс подверг Готскую программу 1875 г. Но, несмотря на верную констатацию, что буржуазное влияние на рабочее движение уже нанесло ему большой вред, никаких организационных выводов из этого факта сделано не было. Эрфуртская программа явилась большим шагом вперед, она показала немецкому народу научно обоснованный путь к социализму. Однако с примиренчеством к представителям оппортунистических взглядов покончено не было.

5 августа 1895 г. умер Фридрих Энгельс. Великий сын немецкого народа, он после смерти своего друга Карла Маркса был, как писал В. И. Ленин, «самым замечательным ученым и учителем совре-

¹ «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 199.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 237.

менного пролетариата во всем цивилизованном мире». В. И. Ленин указывал, что «после смерти Маркса Энгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов»¹.

Маркса и Энгельса уже не было в живых, когда Эдуард Бернштейн выступил в германской социал-демократии в качестве теоретика ревизионизма. Характеризуя бернштейнианство, В. И. Ленин писал, что оно «развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому тред-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы»². Стоило этим классово враждебным взглядам одержать верх, и пролетариат лишался перспектив своей борьбы. Тем самым политика ревизионистов шла навстречу империалистическим, захватническим планам кайзеровской Германии, вела к поражению, к краху рабочего движения в решающий момент.

Другое опасное направление в германском рабочем движении представляли центристы во главе с Карлом Каутским. Под предлогом сохранения единства партии и мира в ней они оказывали поддержку открытым оппортунистам и ревизионистам, которые далеко отошли от марксизма и предавали подлинные интересы народа. Доказательством может служить хотя бы выступление крайне правого социал-демократа Носке в рейхстаге при обсуждении военного бюджета в 1907 г.: «Само собою разумеется, мы поневоле считаем своим долгом и обязанностью позаботиться о том, чтобы немецкий народ не оказался прижат к стенке каким-либо другим народом... Я еще раз заявляю: мы желаем, чтобы Германия была вооружена как можно лучше, мы желаем, чтобы весь немецкий народ был заинтересован в создании военных институтов, необходимых для защиты нашего отечества». Не удивительно, что кайзеровский военный министр был в восторге от речи Носке, а буржуазия ликовала по поводу этой позорной позиции социал-демократического руководства в вопросе о «защите отечества» — отечества монополистов и юнкеров!

Однако на Йенском съезде СДПГ в сентябре 1905 г. ревизионисты и оппортунистические лидеры профсоюзов получили резкую отповедь. Август Бебель страстно обрушился на изменников марксизму, на предателей идеалов лучших сынов немецкого народа и охарактеризовал политическую массовую забастовку как решающее боевое средство рабочего класса. Напомнив о революционных традициях немецкого народа, он с возмущением воскликнул: «Да, поистине, ничтожен, жалок тот рабочий класс, который позволяет обращаться с собой как с последней собакой, не решается дать отпор своим притеснителям! Вспомните о России, вспомните об июньской

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 5, 13.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 17.

битве 1848 г. во Франции, вспомните о Парижской Коммуне! Так неужто, помня об этих мучениках, вам не следует поголодать однажды пару недель, защищая свои высшие человеческие права? Плохо вы знаете немецких рабочих, если думаете, что они не пойдут на это!»

Решения Йенского съезда СДПГ привлекли в себе внимание всего мира и повергли в смятение германскую буржуазию. Буржуазная газета «Пост» с испугом признавала: «Еще никогда воля к революции, причем в данном случае к революции насильственной, не выражалась столь ясно и единодушно, столь принципиально и последовательно и никогда не отвечала так сильно настроениям масс, как теперь, на партийном съезде в Йене».

Политическая массовая забастовка — вот то оружие рабочего класса, которое внушало наибольший страх его врагам. Применение этого оружия грозило в решающий момент сорвать уже разработанные германским генеральным штабом планы войны на два фронта. Политическая массовая забастовка! Рабочие приветствовали ее безоговорочно. Признание ее явилось пробным камнем: ревизионистам и центристам пришлось показать свое истинное лицо. Разоблачая их, Роза Люксембург по поручению гамбургской социал-демократической организации написала в 1906 г. боевую брошюру «Массовая забастовка, партия и профсоюзы» — одну из лучших марксистских работ, появившихся в Германии до первой мировой войны.

Магдебургский съезд СДПГ в сентябре 1910 г. вновь осудил пагубные происки оппортунистов. Август Бебель снова обрушился на ревизионистов и центристов, игнорировавших решения партии. Но до организационного разрыва с ними дело не дошло и теперь, хотя в германской социал-демократии уже четко противостояли друг другу два враждебных мировоззрения — революционный марксизм, отстаиваемый левыми и Бебелем, и ревизионизм.

Смерть Августа Бебеля 13 августа 1913 г. явилась тяжелой утратой для германского рабочего движения. Навсегда ушел человек, вся жизнь которого была борьба: «Пока я способен дышать, говорить и писать, я останусь смертельным врагом буржуазного общества». Роза Люксембург, Клара Цеткин и другие немецкие революционеры вместе с представителями рабочего класса многих стран шли за его гробом — то была самая крупная похоронная процессия, какую когда-либо видел Цюрих. Журнал «Симплициссимус» вопрошал:

Монархи и князья, ответьте, где оно,
То царств, что его владениям равно?
Ты, человечество, гордиться вправе им:
Любя тебя, он сыном был твоим.

Сотни тысяч людей, осознававших причины империалистической войны и ее разрушительные последствия, многие годы боролись про-

тив нее в рядах рабочей партии и профсоюзов. Они считали своим священным долгом путем установления власти народа навсегда положить конец войне, выбросить ее на свалку истории. 4 августа 1914 г. словно выбило у них почву из-под ног: оппортунисты, заседавшие в руководстве Социал-демократической партии, проголосовали в рейхстаге за военные кредиты — предоставили деньги для войны тем, кто наживался на убийстве, кто гнал на поле битвы собственный народ и провозгласил своим девизом угнетение других народов! С ужасающей ясностью стало видно, что в Германии нет больше революционной, марксистской боевой партии, способной повести рабочий класс на выполнение его исторической миссии. Гордившаяся своими революционными традициями германская социал-демократия превратилась в реформистскую партию.

В результате измены оппортунистов ведущей партии II Интернационала произошел крах этой международной организации рабочего класса. В обстановке всеобщего разброда в международном рабочем движении только одна партия твердо сохраняла верность принципам революционного марксизма, пролетарского интернационализма — партия большевиков, которая за несколько лет до того окончательно — не только идеологически, но и организационно — порвала с русскими ревизионистами — меньшевиками. В Германии же борьбу против милитаризма, против опасности войны, против бойни народов вели только одиночки-левые. Именно они, стоя на позициях пролетарского интернационализма, отстаивали и жизненные интересы своего народа.

«Патриоты»

„В час опасности мы не бросим свое отечество на произвол судьбы», — заявила социал-демократическая фракция рейхстага, голосуя в августе 1914 г. за военные кредиты, которых требовало правительство империалистов. Правящие круги и их агенты в рабочем движении позорно злоупотребили высокими понятиями «нация» и «отечество».

«Защищать отечество? — еще раньше писал Карл Либкнехт, обращаясь к немецкой молодежи. — Вспомните наши «героические» дела в Китае, бои в африканских колониях, торг из-за Марокко, который чуть-чуть не втянул Германию в мировую войну, чуть не навлек на Европу смерть и ужас. Что общего имело все это с *защитой* отечества? Корыстная политика захвата мировых рынков и колониальная политика может служить интересам крупнокапиталистических предпринимателей; на *отечество*, на *пролетариат* эта политика лишь возлагает новое бремя...

Что это за отечество... если оно призывает к борьбе против рабочего класса и объединяется с предпринимателями, со всеми реакционными силами?

Это *не ваше* отечество; это не единое немецкое отечество. Это представительство *одного класса* немецкого народа, оно находится в кровной вражде с вами, с первых дней вашей жизни... оно эксплуатирует и угнетает с детских лет ваших отцов, матерей, братьев и сестер, товарищей, коллег и единомышленников»¹.

Да, действительно, отечество было в опасности, но угрожал ему не внешний, а опасный внутренний враг, в первую очередь магнаты военной промышленности.

Вот, к примеру, один из них — Крупп. С 6 процентов в 1904 г. до 14 процентов в 1913 г. подскочили его дивиденды. Этот «патриот» непрерывно поставлял американскому правительству для постройки крупных военных кораблей большое количество броневых плит из никелевой стали, причем даже на 800 марок за тонну дешевле, чем «своему», германскому военно-морскому флоту! К тому же, как за год до начала войны признал в рейхстаге один из лидеров партии центра, Эрцбергер, «тонна броневых плит при всех издержках могла бы изготавливаться с сохранением высокой прибыли по цене на 50 процентов ниже той, которую платит ныне военно-морское ведомство». Крупнейшему английскому военному концерну «Виккерс-Армстронг» Крупп продал новый патент на взрыватели для снарядов. Свое «чудо-оружие» — 420-миллиметровую мортиру «Толстая Берта» герр Крупп еще перед войной предусмотрительно предлагал в нейтральной Швейцарии заинтересованным иностранным кругам, хотя эта новая конструкция являлась военной тайной и обошлась «отечеству» во много миллионов марок.

Но и этого мало. После войны сей столь щепетильный «защитник отечества» затеял процесс о возмещении собственных «потерь от войны». За каждый снаряд со своим взрывателем, выпущенный англичанами по немецким солдатам, Крупп потребовал от фирмы «Виккерс-Армстронг» дополнительной уплаты 1 шиллинга 3 пенсов, а общая сумма предъявленного иска достигла 120 миллионов. Итак, на каждом убитом немецком солдате герр Крупп заработал — только в результате одной этой сделки — 60 золотых марок!

Другие оружейные короли — Кирдорф, Стиннес, Тиссен, Маннесман, Рехлинг и прочие — ничем не отличались от Круппа. Вооружение, а особенно строительство германского военно-морского флота, было для них делом исключительно прибыльным. Но это вовсе не значило, что они прекратили свои дела с «противником». Английский флот, столкнувшийся с германским в битве у Скагеррака, был (и это только один пример из многих) оснащен самыми современными оптическими приборами, которые за несколько месяцев до того были доставлены в Англию из Германии через нейтральную Голландию. Герр Тиссен и во время войны поставлял «врагу» (причем по гораздо более умеренным ценам, чем германской армии) броню для танков, между тем как немецкие солдаты гибли под огнем их пулеметов.

¹ К. Либкнехт. Избранные речи, письма и статьи, стр. 88—89.

Из своих колоссальных прибылей магнаты германской военной индустрии систематически отчисляли огромные суммы на «Военный союз», «Германское колониальное общество», «Флотский союз», «Имперский союз по борьбе с социал-демократией» и тому подобные организации, методично отравлявшие сознание немецкого народа. За счет этих прибылей давались всяческие материальные льготы профсоюзным лидерам, социал-демократическим редакторам и журналистам предоставлялись доходные и спокойные должности в редакциях «солидных» газет, а партийным и профсоюзным функционерам — кресла в наблюдательных советах концернов. Наконец, эти суммы шли на покупку газет, чтобы таким образом постепенно монополизировать прессу, а также и прочие средства влияния на массы.

Насколько не способны оказались правители Германии оценить подлинное соотношение сил на мировой арене, стало ясно уже в первые недели войны.

Тщательно подготовленные планы наступательных действий германских войск включали в себя нарушение международного права и гарантированного им нейтралитета Бельгии. И вот сконцентрированные германские армии устремились вперед через эту застигнутую врасплох и не подготовленную к войне страну. Им удалось с первого натиска разбить вооруженные силы Франции, занимавшие северную оборонительную линию вдоль западной границы Бельгии, и заставить их отступить почти до Парижа. Но затем произошла битва на Марне; она оказалась решающей. «Блицкриг» сорвался, фронты застыли, началась невиданная по своей кровопролитности позиционная война. Завершила всеобщую мобилизацию и Россия; отборные немецкие войска пришлось в страшной спешке перебрасывать с Запада на Восточный фронт, чтобы остановить продвижение русских армий, которые уже перешли германскую границу.

Немецким солдатам обещали, что война будет закончена к рождеству. Но теперь даже одержимые манией величия генералы с их непомерным самомнением увидели, что конца ее и не видно. Германское правительство и его союзники призвали за время войны в армию около 22 миллионов человек, на военную службу забирали даже восемнадцатилетних подростков, обрекая их на верную гибель. Но «вражеские державы», включая США, мобилизовали более 40 миллионов человек, к тому же на их стороне было экономическое превосходство.

Тем временем Стайнес округлил свое имущество в 10 раз, фирма Крупп «заработала», по ее собственным данным, 800 миллионов марок. Истекали кровью на полях сражений солдаты, в тылу голодали, а военные поставки, как писала в ноябре 1916 г. «Рейниш-Вестфелише цейтунг», «оказались весьма доходными и принесли предприятиям огромные прибыли, которые придали истекшему году особый характер. Почти на всех предприятиях (за малым исключе-

нием) были достигнуты рекордные прибыли, вдвое, а во многих случаях и втрое превышающие прошлогодние».

Вот каково подлинное лицо этих «патриотов», на милость которых выдали немецкий народ правые социал-демократические лидеры!

«Спартак» зовет на бой!

Вечером 4 августа на квартире Розы Люксембург собрались руководители левых социал-демократов: Карл Либкнехт, Франц Меринг, Герман Дункер, Вильгельм Пик, Юлиан Мархлевский и другие. Положение казалось почти безвыходным. В результате измены оппортунистов рухнуло гордое здание, с огромными жертвами воздвигнутое германским рабочим классом за много десятилетий. Яд ревизионизма и подрывная работа оппортунистов оказались гораздо действеннее, чем предполагали раньше. Еще накануне войны, когда в каменных ущельях больших городов эхом отдавалась поступь демонстрирующих рабочих, а мостовые обагрялись рабочей кровью, лившейся под ударами сабель конной полиции, правые лидеры СДПГ — как доказывает письмо социал-демократического депутата рейхстага Зюдекума рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу от 29 июля 1914 г. — вели переговоры с кайзеровским правительством. Зюдекум «с полной откровенностью, к которой меня обязывают сама суть дела и обращение лично к вашему превосходительству», сообщает рейхсканцлеру о результатах обмена мнениями с социал-демократическими лидерами и заверяет его в том, что руководством СДПГ на случай войны «не запланировано никакой акции, будь то всеобщая или частичная забастовка, саботаж или что-либо подобное, а потому этого не следует даже опасаться».

В тот вечер на квартире у Розы Люксембург Карл Либкнехт подвел итог. Всем присутствовавшим было ясно: надо действовать, и действовать быстро!

Так же как в Берлине, стойкие социал-демократы стали группироваться в Бремене, Штутгарте, Тюрингии и других городах и частях Германии. Несмотря на все опасности, осадное положение и военные суды, вскоре возникли центры антивоенной борьбы. Были восстановлены прерванные связи с рабочими партиями других стран; ширилось понимание того факта, что позиция Зюдекума, Эберта и Шейдемана в корне противоречит марксизму и интересам немецкого народа.

2 декабря 1914 г. прозвучал голос подлинного немецкого патриота, и голос этот был услышан и на полях сражений, и далеко за пределами Германии. Карл Либкнехт мужественно пошел наперекор шовинистическому угару. Не убоившись ненависти, лжи и клеветы врагов, он высоко поднял знамя революционного рабочего движения, знамя борьбы против империалистической войны, сделав законом своих действий решение Штутгартского конгресса. Он не поддавался вновь давлению социал-демократической фракции рейхстага

и проголосовал против военных кредитов. «...Я отвергаю кредиты, затребованные на войну», — заявил Карл Либкнехт на заседании рейхстага, подчеркнув, что «эта война не является германской оборонительной войной. Ее исторический характер и ход войны до настоящего времени не дают оснований верить капиталистическому правительству, что цель, ради которой оно добивается поддержки, — это защита отечества»¹.

То был голос германского рабочего класса, голос немецкого народа! Его жизненные интересы требовали ответа на вопрос, что надо делать, и Карл Либкнехт дал этот ответ: «Нужно требовать немедленного, ни для кого не унижительного мира, мира без аннексий; нужно приветствовать все усилия, направленные к этой цели... Прочным может быть только мир, основанный на международной солидарности рабочего класса и свободе всех народов»².

Этот смелый акт защиты национальных интересов вызвал в Германии мощный отклик, несмотря на то что в стране царил военное право и военные суды не знали никакой пощады. И хотя революционные рабочие приказом о мобилизации были оторваны от друзей и товарищей по борьбе, вырваны из своей среды и отданы под команду реакционных офицеров кайзеровской армии, теперь они подняли голову, увидели, что знамя их не погибло. Они снова сомкнули свои ряды и начали действовать новыми методами.

В мае 1915 г. появилась написанная Карлом Либкнехтом знаменитая листовка «Главный враг находится в собственной стране». В ней говорилось: «*Главный враг германского народа находится в Германии: это германский империализм, германская военная партия, германская тайная дипломатия.* Этого врага в собственной стране должен побороть немецкий народ, он должен его одолеть в политической борьбе, действуя совместно с пролетариатом других стран, ведущим борьбу против собственных отечественных империалистов»³.

18 марта 1915 г. около 500 женщин демонстрировали перед рейхстагом в знак протеста против продолжения войны — они были разогнаны. Через два месяца на том же самом месте собралось уже не меньше 1500 женщин — против них бросили конную полицию.

Германские левые вопреки террору и преследованиям объединили вокруг себя лучших сынов и дочерей немецкого народа и образовали группу «Интернационал» («Союз Спартака»). Они взяли себе имя Спартака — организатора и предводителя восстания рабов в Римской империи I в. до н. э. В этом имени воплотились готовность к самопожертвованию и боевой дух бесчисленного множества рабов, в ходе самого крупного восстания древности разбивших считавшиеся

¹ К. Либкнехт. Избранные речи, письма и статьи, стр. 273.

² Цит. по: Вальтер Бартель. Левые в германской социал-демократии в борьбе против милитаризма и войны. М., 1959, стр. 245.

³ К. Либкнехт. Избранные речи, письма и статьи, стр. 288.

непобедимыми хорошо вооруженные и обученные римские легионы. Это имя в течение многих веков будило надежды и мечты угнетенных и эксплуатируемых. Свободолюбивый дух Спартака окрылял немецких патриотов, наложил свой отпечаток на их листовки и на ставшие вскоре регулярно появляться «Письма Спартака».

На полях сражений потоками лилась кровь, крупные хищники воюющих стран загребали гигантские прибыли, в обстановке дикой оргии войны из ничего создавались богатства, малые состояния становились большими, большие — огромными. «Доколе вы будете спокойно и равнодушно взирать на это дьявольское беснование? Доколе будете вы терпеть эту преступную бойню народов, нужду и голод? 1 мая мы тысячеголосым хором зовем вас покончить с этим гнусным преступлением — бойней народов! Долой тех, кто несет ответственность за него, кто подстрекает к нему и наживается на нем!» — призывал «Спартак» в своей первомайской листовке 1916 г.

Зарделась заря 1 мая 1916 г. Вся полиция наготове, поднята по тревоге. Решится ли кто-нибудь последовать призыву «Спартака»?

Призыву последовала молодежь — и одетая в военную форму тоже, на улицу вышли женщины. В центре Берлина, на Потсдамской площади, почти под окнами правительства, собрались тысячи демонстрантов. Они окружили Карла Либкнехта, своего народного трибуна, который высказал то, что бессонными ночами думали они сами: «Долой правительство! Долой войну!» И даже когда Карла Либкнехта уводили полицейские, а руки его уже были скованы наручниками, голос его все еще громко звучал над площадью.

Его, депутата рейхстага, бросили в тюрьму, передали суду военного трибунала, обвинив в государственной измене. И все-таки именно он стал обвинителем, говорящим от имени народа. «Государственная измена с давних пор была привилегией правящих классов, князей и аристократов, это их благороднейшая историческая традиция, — бросил он в лицо судьям. — Подлинные государственные изменники — это те, кто несет чудовищную кровавую вину за войну; это те, кто чеканит золото из пота, нужды и страданий народа и утверждает свою власть на его костях; это те, кто наживается на самой войне и заинтересован в ее империалистических целях, прикрывая свою алчность и жажду господства шумным патриотическим рвением; это те, кто издавна боялся успеха освободительного движения собственного народа больше, чем поражения». Они осудили его, пытались «лишить чести» и на долгие годы бросили в каторжную тюрьму. Он ответил им, что будет носить свой бушлат каторжника с такой честью, с какой ни один генерал не носил еще своего мундира.

В день объявления приговора, 26 июля 1916 г., только в одном Берлине прекратили работу свыше 50 тысяч рабочих военных предприятий. Забастовки и демонстрации — таков был по всей Германии ответ на приговор классовой юстиции. Как и Карл Либкнехт, томились в застенках Франц Меринг, Клара Цеткин, Роза Люксембург и

многие другие истинные патриоты; каторжные тюрьмы и казематы крепостей были переполнены. Но террор и преследования не смогли сдержать подъема революционного движения. 23 февраля 1917 г. полицей-президент Берлина доносил верховному командованию: «Рабочие Большого Берлина политически стоят на стороне радикальной социал-демократии. Значительная часть их является приверженцами группы «Спартак», которая видит своего идейного вождя в Либкнехте».

Это было в том самом феврале, когда в эфире прозвучала волнующая весть. Она, как яркий луч во тьме ночи, осветила заводы и фабрики, улицы и площади городов, окопы и воронки от бомб: революция в России! Свергнут царизм!

Вспоминая долгую зиму 1917 г., я сразу вижу очереди перед продовольственными лавками. Они стояли уже рано поутру, когда я спешил на завод к семи часам: голодные, дрожащие от холода женщины с бледными лицами и глубоко запавшими глазами ждали пайка, боялись, что не достанется. Не хватало картофеля и хлеба, мясо бывало изредка, продукты не выдавались даже по жалким нормам, а цены непрерывно ползли вверх. Могильщики на кладбищах уже не справлялись со своим делом. Свирепствовала «испанка» — болезнь голодных; ее жертвами становились слабые и старые. Большинство врачей мобилизовали в армию, а те, что остались в тылу, отказывались идти к больным: у них и без того было дел по горло. Женщин, разносивших почту, встречали боязливыми взглядами. Чья очередь сегодня, кто получит письмо с короткой фразой: «Пал на поле брани»?

На Западном фронте солдаты превратились в настоящих пещерных жителей. Вошли в обиход выражения: «битва техники и материалов», «заградительный огонь», «газовая атака». Ради того чтобы отбить какую-нибудь высоту или захватить изрытую снарядами опушку леса, жертвовали целыми ротами и батальонами.

Мы, примерно 80 женщин и дюжина мужчин, не годных к военной службе по возрасту или здоровью, по 10—12 часов в день вытаскивали 300-миллиметровые снаряды. Время от времени кто-нибудь терял сознание у станка: ведь кусок сырой брюквы зачастую заменял и завтрак и обед. Я работал наладчиком; в мои обязанности входило помогать кое-как обученным женщинам и девушкам. Однажды была «подмога»: 30-летний слесарь, с трудом удерживавший в руках раздвижной ключ. В битве на Сомме его засыпало, несколько дней он пролежал под грудой земли, потом его кое-как подлечили, выписали из госпиталя и дали год «трудового отпуска». Нервы у него были никуда, говорил он с трудом, руки дрожали, и у нас его прозвали Трясучкой. Однажды, оглядевшись по сторонам, он сунул мне в руки листок бумаги: прочти в уборной и сразу верни! Листовка была тщательно переписана от руки; это оказалось «Письмо Спартака».

Тем временем кайзеровское правительство провозгласило неограниченную подводную войну. Любое судно, оказавшееся в запретной зоне, подлежало потоплению — без предупреждения, без предоставления команде и пассажирам времени для спуска спасательных шлюпок. США воспользовались этим как предлогом, чтобы 6 апреля 1917 г. объявить Германии войну. Американские монополисты сочли, что пришло время для осуществления их планов мирового господства, поскольку воюющие европейские державы уже достаточно исчерпали свои силы.

Повсюду в Германии царили отчаяние, глухое возмущение и ненависть. Казалось, никто не видел выхода, никто не находил в себе мужества начать. В России уже произошла буржуазно-демократическая революция, а в Германии все еще господствовала полицейская шашка; любого рабочего, имеющего бронь, немедленно направляли на фронт по одному лишь подозрению в недовольстве.

И вот однажды Трясучка, держа в руке какой-то листок бумаги, крайне возбужденный, начал что-то втолковывать мне. Вдруг он, не договорив, круто повернулся и бросился к распределительному щиту. Какой-то момент он еще колебался, потом резко рванул вниз главный рубильник. Машины взвизгнули, и воцарилась мертвая тишина. Контролер военных властей застыл от испуга с белым как мел лицом. «Кончай работу! — крикнул Трясучка. — Все на улицу! Долой войну, даешь хлеба!»

Никто не остался у станков. Мы высыпали на площадь, там уже собрались рабочие других предприятий. Не было видно ни одного шуцмана. У окон жилых домов толпились женщины и дети.

В те дни — то было в середине апреля — рабочие и работницы Берлина, Лейпцига, Магдебурга, Брауншвейга, Ганновера и многих других городов прекратили работу и объявили массовую политическую забастовку. Только в одном Берлине забастовало 300 тысяч человек.

Наконец-то покончено с проклятыми предателями из социал-демократического руководства! — казалось мне. Повсюду шли жаркие споры. В начале апреля 1917 г. возникла Независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ). Уж она-то покажет этим «верным кайзеру»! Но никто из нас не догадывался, какие цели преследовали в действительности центристские лидеры, создавая эту партию: не допустить, чтобы еще большее число организованных рабочих пошло за «Спартакком», которого для нас олицетворял Карл Либкнехт. Однако спартаковцы и бременские леворадикалы к тому времени еще не осознали необходимости создания партии нового типа — такой, как партия большевиков в России.

У нас еще не имелось руководителей, не было ясности, мы колебались и на следующий день снова вышли на работу. Трясучку с тех пор мы больше не видели — его взяли ночью на квартире, прямо с постели.

Мы работали, но из уст в уста передавалось: «Бастуем в день Первомая!» Листовка группы «Спартак» будила наше сознание: «Русский рабочий класс служит вам светочем! Идите за ним и сделайте то же самое!.. Берите свою судьбу в собственные руки! Сила в ваших руках, только если вы едины!» «Спартак» ориентировал рабочих на революционную борьбу за прекращение массового человекоубийства, он бросил в массы лозунг «За единую демократическую республику!», он высказывал то, что чувствовали трудящиеся, он требовал демократического мира с революционной Россией и свободы томящимся в тюрьмах руководителям рабочего движения.

Однако никому из нас и в голову не могло прийти, что как раз в эти дни руководство германских профсоюзов вело переговоры с начальником военного ведомства генералом Гренером о совместных мерах борьбы против забастовочных актов; вскоре даже появились кричащие плакаты: «Тот, кто бастует, — подлец!» Горечь и отчаяние были написаны на наших лицах, когда мы читали заявление поддержавших призыв Гренера профсоюзных главарей: «Средства для защиты вашего дома и очага обязан дать и даст вам германский рабочий класс. Поэтому немецкие рабочие и в этом году, как и в обоих предыдущих, отказываются от празднования 1 Мая».

Осадным положением, надзором военных властей над предприятиями военного значения, а также использованием измены правых лидеров СДПГ и профсоюзов правящие круги рассчитывали задуть приближающуюся революцию. Но события нарастали.

На Восточном фронте немецкие солдаты все чаще братались с русскими, и военное министерство дало всем военным властям приказ строжайшим образом пресекать любые «революционные проiski».

Выдвинули свои требования лейпцигские рабочие; они призывали выбирать революционных доверенных лиц и создавать рабочие советы по русскому образцу. «Спартак» разъяснял рабочим, как следить, чтобы немецкий народ больше не истекал кровью: «Выступления за мир могут происходить и в России, и в других местах только в одной форме — революционной классовой борьбы, борьбы за политическую власть в государстве». В мае 1917 г. прокатилась новая волна забастовок. Прекратили работу горняки района Оппельн, стачки и демонстрации происходили в Дортмунде, Рейнгаузене, Гельзенкирхене, Дуйсбурге, Дюссельдорфе и многих других городах.

В мае и июне отказались выполнять приказы матросы нескольких крупных военных кораблей императорского флота. 2 августа это сделали моряки военного корабля «Принц-регент Луитпольд», среди которых распространялись листовки группы «Спартак». Когда командующий флотом принял карательные меры, 12 военных кораблей подняли на мачтах красный флаг. Первое в германском флоте восстание было кроваво подавлено, 50 матросов приговорены в общей сложности к 400 годам каторжной тюрьмы, а их революцион-

ные руководители Рейхпич и Кебис по категорическому приказу адмирала Шеера расстреляны 5 сентября 1917 г. в Ванерхайде, около Кёльна.

Но ни такими кровавыми расправами, ни еще более свирепым террором невозможно было задержать закономерный ход развития. Уже в июле в Верхней Силезии, а также в Дюссельдорфе, Эльберфельде, Лейпциге и во многих других городах произошли новые выступления рабочего класса, ими руководили революционные старосты. В Германии близилась народная революция под лозунгом спартаковцев: «Мира! Свободы! Хлеба!»

Новая глава всемирной истории

ДЕКРЕТ О МИРѢ,

ПРИНЯТЫЙ ЕДИНОГЛАСНО НА
ВЪТОВЪ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТС
ТОВЪ 26 ОКТЯБРЯ

Рабочее и крестьянское Правительство созданное револю-
ционными, солдатскими и Крестьянскими Депутатами, предла-
гает немедленно переговоры о справедливом демок-
ратическом или демократическом мире, кото-
рый должен быть достигнут войною рабочими и тру-
дящимися, определенным и настойчивым образом.
Такой мир, — гласит мир, Правительство считает
невозможным, без насильственного присоединения чуж-
дых земель. Так и мир, предлагает Правительство России заключить
только без какой-либо отсрочки, тотчас же по-
сле окончания войны, на условиях такого мира, который бы позволил
собранию.

Пять этических или называемых чужить вещей Правит
дворянства, купечества и крестьянства, в особенности,
по отношению к малой или слабой народности быть точно, равно
народности, без всякого от того, когда это происходит и
народности, малой или отсталой является несчастливой
народности, малой или отсталой является несчастливой
народности, малой или отсталой является несчастливой
народности, малой или отсталой является несчастливой

ДЕКРЕТЪ О МИРЪ,
ЕДИНОГЛАСНО НА ЗАСЪДЪКА

ПРИНЯТЫЙ ЕДИНОГЛАСНО НА ЗАСЕДАНИИ ВСЕРОССИЙСКАГО СЪЕЗДА
СОВЕТОВЪ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТСКИХЪ И КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ
ОКТАБРЯ 1917 Г.

ное революцией 34-25 октября и ограничить ст...
...всех вожущих народу и н...
...обратическомъ мѣрѣ...
...поддавшееся б...
...всѣхъ вожущихъ странъ. — 2...
...работѣ и крестянъ. Н...
...мѣрѣ безъ з...
...и безъ контр...
...всѣхъ вожущихъ народ...
...шаги вперѣдъ до...
...представ... всѣхъ...

1. ...
 2. ...
 3. ...
 4. ...
 5. ...
 6. ...
 7. ...
 8. ...
 9. ...
 10. ...
 11. ...
 12. ...
 13. ...
 14. ...
 15. ...
 16. ...
 17. ...
 18. ...
 19. ...
 20. ...
 21. ...
 22. ...
 23. ...
 24. ...
 25. ...
 26. ...
 27. ...
 28. ...
 29. ...
 30. ...
 31. ...
 32. ...
 33. ...
 34. ...
 35. ...
 36. ...
 37. ...
 38. ...
 39. ...
 40. ...
 41. ...
 42. ...
 43. ...
 44. ...
 45. ...
 46. ...
 47. ...
 48. ...
 49. ...
 50. ...
 51. ...
 52. ...
 53. ...
 54. ...
 55. ...
 56. ...
 57. ...
 58. ...
 59. ...
 60. ...
 61. ...
 62. ...
 63. ...
 64. ...
 65. ...
 66. ...
 67. ...
 68. ...
 69. ...
 70. ...
 71. ...
 72. ...
 73. ...
 74. ...
 75. ...
 76. ...
 77. ...
 78. ...
 79. ...
 80. ...
 81. ...
 82. ...
 83. ...
 84. ...
 85. ...
 86. ...
 87. ...
 88. ...
 89. ...
 90. ...
 91. ...
 92. ...
 93. ...
 94. ...
 95. ...
 96. ...
 97. ...
 98. ...
 99. ...
 100. ...

Сигналом фанфары летела от завода к заводу, от казармы к казарме, от окопа к окопу воодушевляюще радостная весть: новая революция в России! Она носила в корне иной характер, чем Февральская. Это была революция пролетарская, социалистическая. «Вся власть Советам!» — вот был ее боевой клич. Орудийный залп крейсера «Аврора» возвестил начало новой эры, великого поворота во всей мировой истории. Наступила новая эпоха — эпоха перехода от капитализма к социализму. Под руководством большевистской партии, возглавляемой В. И. Лениным, рабочие, крестьяне и солдаты 7 ноября 1917 г. штурмом взяли Зимний дворец в Петрограде, смели буржуазное Временное правительство и установили Советскую власть. Во главе Совета Народных Комиссаров встал Владимир Ильич Ленин.

В ту же ночь Второй Всероссийский съезд Советов, на который съехались со всей страны делегаты рабочих, крестьян и солдат, принял разработанный Лениным Декрет о мире и направил правительствам всех воюющих стран предложение немедленно заключить перемирие на срок не менее трех месяцев и начать мирные переговоры. Одновременно он обратился к рабочим Англии, Франции и Германии с призывом помочь «довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации»¹. Кроме того, съезд провозгласил декрет, согласно которому земля передавалась крестьянам — тем, кто ее обрабатывает.

Проснись поскорей! Скорее встань!
Всадники мчат сквозь рассветную рань,
На юг и на запад разлился поток,
Кровавой зарею пылает Восток!

Весть о победе рабочих и крестьян России заставила сильнее забиться и сердца измученных и отчаявшихся в Германии. «Спартак» откликнулся на призыв молодой Советской власти. «Сквозь ужас и неистовство бойни народов до мирового пролетариата клич русских рабочих: долой войну — немедленное перемирие и мир!» Эта нелегальная листовка группы «Спартак» появилась в декабре 1917 г. «Если вчера еще царская Россия стала сегодня республикой, где у власти стоят социалистические рабочие, то пришло время изменить существующие условия и в Германии. Только борьбой масс, только восстанием масс, только массовыми забастовками, которые остановят весь хозяйственный механизм и всю военную промышленность, можно положить конец войне народов и достигнуть всеобщего мира».

Великая Октябрьская социалистическая революция учла опыт Парижской коммуны и доказала, что решающим для победы рево-

¹ «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1959, стр. 14.

люции является создание новых органов государственной власти — Советов рабочих и солдатских депутатов. Она явилась первым шагом к победе социализма в мировом масштабе, на практике показала также и германскому рабочему классу, как он под руководством марксистско-ленинской партии может выполнить свою всемирно-историческую роль, свергнуть классовое господство капиталистов и установить в союзе с трудовым крестьянством свою политическую власть.

С целью обмануть народ, воспрепятствовать надвигающейся революции в Германии и при всех обстоятельствах сохранить господствующие позиции финансового капитала и юнкерства рейхстаг еще в июле 1917 г. принял «мирную» резолюцию. В ней торжественно отвергался такой мир, который предусматривает принудительное отторжение территорий, а также политическое, экономическое и финансовое насилие. Однако подлинные военные цели кайзеровской Германии были сформулированы в другом документе — меморандуме, который генерал Людендорф 14 сентября 1917 г. вручил императору, рейхсканцлеру и высшим чинам верховного военного командования, получив их полное одобрение. То был документ преступный: он предусматривал на Востоке присоединение к Германской империи Курляндии и Литвы, на Западе — Бельгии и побережья Ла-Манша, создание германской колониальной империи в Африке, превращение Южной Америки в зависимый от Германии рынок сбыта.

На предложение Советского правительства о мире германские империалисты ответили походом против революционной России. 22 декабря 1917 г. в Брест-Литовске начались «мирные переговоры» с советской делегацией. За спиной представителей Гинденбурга и Людендорфа стояли влиятельные круги финансового капитала, в первую очередь Крупп, Стиннес и другие магнаты военной индустрии. Их прельщали в России нефть, железная руда, пшеница, мясо. Западная часть обесиленной войной и разрухой огромной страны уже виделась им германской колонией, из которой можно выкачивать неслетные богатства. Генерал-фельдмаршал Гинденбург (ставший позднее президентом Веймарской республики) коротко и ясно высказал то, что было важнее всего этим разбойникам во фраках и военных мундирах: «Я хочу обеспечить для следующей войны против России пространство для продвижения левого фланга германских войск».

Призыв Ленина о мире зажег сердца и немецких трудящихся, усилил их надежду на скорое прекращение войны. Когда в Германии стали известны грабительские условия мира, продиктованные Советской России кайзеровским правительством, по инициативе спартаковцев и других левых групп началось самое крупное до той поры массовое революционное выступление немецкого рабочего класса против империалистической войны. В Берлине забастовали

400 тысяч рабочих военных предприятий. В профсоюзном доме на набережной Энгельсфер 414 делегатов приняли резолюцию из семи требований. Первое из них гласило: «Немедленное заключение мира без аннексий и контрибуций, на основе права народов на самоопределение, в соответствии с теми условиями, которые были сформулированы в Брест-Литовске представителями русского народа». 29 января 1918 г. в Берлине бастовало уже 500 тысяч, в Магдебурге — 26 тысяч, в Мангейме — 52 тысячи человек. В Бранденбурге остановились все предприятия. Рабочие мюнхенских заводов Круппа заявили в своей резолюции: «Мы, немецкие рабочие, привлечем к ответственности наших правителей, лиц, ответственных за войну. Борьба за мир началась. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

31 января берлинские рабочие демонстрировали на десяти площадях, несмотря на осадное положение, несмотря на запрет собраний и демонстраций. Полиция пустила в ход холодное оружие, в Мобите дело дошло до настоящих уличных боев, в Шарлоттенбурге рабочие дрались до тех пор, пока полиция не отступила.

Военное командование объявило усиленное осадное положение и ввело чрезвычайные военные суды. За один только день 136 человек были приговорены в общей сложности к 146 годам тюрьмы, а трое — к 30 годам каторги. Военные власти по всей Германии последовали этому примеру. Однако они не смогли помешать миллионам рабочих и работниц выразить в те дни забастовками свой протест против империалистической войны, против разбойничьих планов германских милитаристов в отношении Советской страны, свое стремление к немедленному миру, к свержению обанкротившегося правительства и тем самым продемонстрировать солидарность с первым социалистическим государством.

Германские левые понимали, что миллионы людей не должны бессмысленно гибнуть от войны, что необходимо использовать исторический шанс для победы революции. Они знали, какая опасность грозила ей со стороны ревизионистов и центристов. Вот почему они предостерегали: «Позаботьтесь о том, чтобы профсоюзные лидеры, правительственные социалисты и другие сторонники «войны до последнего» ни в коем случае не были избраны в [рабочие] представительства. Гоните этих типов с рабочих собраний! Этим пособникам и добровольным агентам правительства, этим смертельным врагам массовой забастовки нет места среди борющихся рабочих!»

И действительно, лишь только рабочие стали добиваться мира в духе советских предложений, вновь проявилась гнусная линия правых социал-демократов и роковая роль центристов из руководства независимцев. Уже в январе 1918 г. Правление НСДПГ, на которое возлагали свои надежды рабочие массы, отвергло эффективные выступления с требованием немедленного заключения мира. Централь-

ный орган СДПГ «Форвертс» без всяких комментариев публиковал приказы военных властей. В то время как спартаковцы призывали одетых в военную форму рабочих: «Подумайте о своем долге! Долой слепое послушание, долой все мелкие опасения! Теперь надо доказать свою подлинную храбрость!», кайзеровские социалисты действовали, руководствуясь девизом: «Сохранение порядка — первый гражданский долг!» Они привели в движение весь партийный и профсоюзный аппарат, чтобы обуздать и заглушить мощное забастовочное движение за демократический мир. В конце концов им удалось добиться избрания Эберта, Шейдемана и Брауна в члены Комитета действия. Несмотря на пролетарскую революцию в России, они закономерно продолжали свой путь, который уже привел в братские могилы многие миллионы рабочих и крестьян. Монополисты и кайзеровские генералы восхищались этой добровольной палаческой службой, позорные мотивы которой Эберт подтвердил семь лет спустя, на процессе о так называемом «ударе кинжалом в спину»: «Я вступил в руководство забастовочным движением с определенным намерением — как можно скорее прекратить забастовку».

3 марта 1918 г. правительству молодой Советской республики пришлось подписать грабительский Брестский мир. В той ситуации оно не видело другого выхода — ему нужно было прежде всего время, чтобы политически и экономически укрепить власть рабочих и крестьян. Германские империалисты отняли у революционной России территорию в 400 тысяч квадратных километров с населением 60 миллионов человек; она потеряла почти все нефтяные источники, $\frac{4}{5}$ металлургической продукции, $\frac{4}{5}$ добычи угля и важнейшие продовольственные житницы. В Финляндии, Белоруссии, на Украине и в Крыму, в Донбассе вскоре был установлен жестокий контрреволюционный террор.

Какова же была позиция лидеров СДПГ, называвших себя представителями рабочего класса? 15 февраля 1918 г. они опубликовали заявление, дающее яркое представление о ней: «То, что творят большевики в России, — это не социализм и не демократия. Это, напротив, самый насильственный путчизм и анархия. Поэтому мы должны провести между большевиками и нами жирную, четкую разделительную черту» Одоблив Брест-Литовский диктат, они еще раз провели жирную черту — нет, вырыли глубокую пропасть! — между собой и революционным рабочим движением, между собой и Карлом Марксом, Фридрихом Энгельсом, Августом Бебелем, Вильгельмом Либкнехтом. Они открыто встали на сторону Круппа и Стиннеса, Гинденбурга и Людендорфа, хотя им было ясно, что грабительский мир нанес тяжелый удар и по тем непрерывно растущим силам, которые во Франции, в Англии, Италии и многих других странах бурно требовали прекращения войны.

Брест-Литовск обнажил ненасытную разбойничью жадность и жестокость германского империализма и вместе с тем вновь показал,

что правящие классы Германии не способны правильно оценить реальное соотношение сил и предвидеть дальнейший ход развития. К тому же хищническое ограбление германскими империалистами захваченных территорий не принесло ожидаемых результатов. Каждую тонну сырья, каждый пуд зерна приходилось отнимать у русских рабочих и крестьян силой, а действовавшие на Востоке немецкие дивизии становились все ненадежнее.

Русские рабочие и крестьяне голодали. Они хотели мирным трудом восстановить хозяйство, разрушенное войной, засеять поля, которые дала им революция Декретом о земле. Империализм, обрушивший на них свой кровавый кулак, заставил их снова взяться за оружие. По призыву большевиков защитить социалистическое отечество они оставили свои семьи и дома. 23 февраля 1918 г. родилась Красная Армия. В ее батальонах сражалось и немало бывших немецких военнопленных; они через окопы зывали к рабочим и крестьянам, одетым в форму кайзеровской армии: «Мы бьемся за те цели, за которые боролись Маркс, Энгельс, Бебель и другие революционные вожди немецкого народа! Если вы честные парни, переходите с оружием на нашу сторону!»

Великий шанс

С помощью правых социал-демократов массовую политическую забастовку с требованием прекращения войны удалось задуть. Теперь немецкому народу предстояло оплатить кровавый счет.

Считая, что тыл на Востоке обеспечен, Гинденбург и начальник генерального штаба Людендорф 21 марта 1918 г. предприняли авантюристическое наступление на Западном фронте. Когда командующий одной из групп армий перед началом наступления спросил Людендорфа, какие же оперативные цели поставлены для данной операции, тот резко ответил: «Я запрещаю произносить слово «операция». Мы пробиваем брешь. А что дальше, будет видно потом». Жертвами этой авантюры пали в первые же недели 200 тысяч немецких солдат. Хотя Гинденбург и Людендорф хвастливо заявили, что неограниченная подводная война не даст переплыть океан не то что человеку, а даже и мыши, американцы высадили в Европе целую армию численностью 100 тысяч человек, не говоря уже об огромном количестве доставленной ими на континент военной техники. В начале августа, когда контрнаступление войск Антанты было еще в самом разгаре, германские армии уже потеряли свыше миллиона убитыми, ранеными и пленными.

Ни от кого больше нельзя было скрыть, что военное поражение неотвратимо. Каждый лишний день войны требовал новых рек крови, дивизии быстро превращались в полки, а полки — в роты. Безответственность империалистических властителей Германии была чудовищна. На вопрос, что же произойдет, если наступление сорвется,

«полководец» Людендорф лаконично ответил: «Тогда Германии придется погибнуть».

Это гнусное преступление по отношению к немецкому народу социал-демократические лидеры покрывали и активно поддерживали до последнего момента. Державы Антанты уже полностью захватили инициативу в свои руки, кайзеровские армии были смяты, братание на Восточном фронте уже приняло массовый характер, а социал-демократический орган «Интернационале корреспондент» 10 августа 1918 г. все еще писал: «Одно должно быть всем нам ясно: путь к миру сегодня, как и четыре года назад, ведет через победы германского оружия».

Только «Спартак» оставался верен принципам пролетарского интернационализма, идеалам германского рабочего класса, высоко держа знамя борьбы за национальное и социальное освобождение, которое подняли Карл Маркс и Фридрих Энгельс и понесли дальше Август Бебель и Вильгельм Либкнехт. Марксисты знали, что нарастает еще более мощная волна революционного подъема, волна народного восстания, которая должна снести бастионы эксплуататорского строя и виновников чудовищного человекоубийства. Иначе горе немецкому народу, горе народам Европы!

Невероятно тяжелым было их дело. Их травили, на них клеветали, их руководители томились за стенами каторжных тюрем, легальная печать была для них закрыта. Но самым трудным препятствием являлся тот разброд, который внесли в умы рабочих правые социал-демократические лидеры своим шовинизмом и отказом от марксизма. Народная революция назревала, но о сущности этой революции и ее целях у широких народных масс было весьма неясное представление. Они еще не сознавали, что государство — это орудие господства правящих классов; еще широко были распространены иллюзии, будто при помощи избирательного бюллетеня можно завоевать политическую власть; большинство еще не понимало роли центристов в рабочем движении и верило в то, что во главе НСДПГ стоят революционеры. Только группа «Спартак» сочетала борьбу за прекращение войны с подготовкой вооруженного восстания для свержения господства империалистов и создания германской народной республики.

Перед немецким народом стояли прежде всего задачи, не решенные демократической революцией 1848—1849 гг. Необходимо было путем демократической революции уничтожить милитаризм, очистить государственный аппарат от реакционеров и лишить власти виновников войны — юнкерство и монополистический капитал. В процессе этого революционного переворота соотношение классовых сил должно было измениться таким образом, чтобы массы оказались подведены к социалистической революции, которая объективно стояла на повестке дня уже с начала века. Для того чтобы создать миролюбивую, демократическую и социалистическую Германию, тесно связанную узами дружбы и сотрудничества с первым в мире

рабоче-крестьянским государством — Советской Россией, следовало отправить милитаризм на мусорную свалку истории.

Решение этой национальной задачи стояло в центре внимания общегерманской конференции группы «Спартак», собравшейся в Берлине 7 октября 1918 г. с участием бременских леворадикалов. Принятая конференцией программа народной революции в основных своих чертах отвечала положениям, развитым Лениным в его труде «Две тактики социал-демократии в демократической революции»: немедленное прекращение войны, революционное завоевание демократических прав и свобод, ликвидация германского империализма как предварительное условие перехода к социалистической революции. Далее программа требовала национализации банковского капитала, металлургической и угольной промышленности, а также экспроприации в пользу трудового крестьянства феодального крупного землевладения и эксплуататорского кулачества.

«Спартак» дал немецкому народу научно обоснованную программу решения его национальных и социальных проблем в период начала новой эпохи общественного развития. Повсюду, где эта программа становилась известна трудящимся, она рождала новую энергию, пробуждала волю к действию. «Мира, а вместе с ним и хлеба, которых не могут дать вам имущие классы, вы должны теперь добиться сами — для себя, для ваших детей, для ваших братьев во всем мире!» — говорилось в нелегальной листовке тех дней. Лозунг «Рабочие и солдатские Советы!» распространялся от завода к заводу, он вдохновлял и крестьян Баварии и батраков Восточной Германии. Уже 23 октября 1918 г. давление народных масс стало настолько сильным, что властям пришлось выпустить Карла Либкнехта из тюрьмы.

Революция приближалась! Неумолимый закон мировой истории вновь ставил немецкий народ перед необходимостью решения.

Революционный вихрь

Однако эксплуататорские классы все еще считали, что им удастся остановить колесо истории. Да, пока еще они могли торжествовать при помощи жестокого насилия, лжи и клеветы, обмана и предательства, и все же в конечном счете поражение их было уже близко.

После массового выступления немецких рабочих в начале 1918 г., после измены правых социал-демократических лидеров и обмана со стороны центристов из НСДПГ власти срочно забрали в армию и отправили на фронт 50 тысяч мужественно боровшихся рабочих. Это должно было послужить «карой» для «смутьянов», осмелившихся противопоставить волю народа воле его могильщиков. Им пришлось подчиниться мобилизации, и они с горечью влились в ряды таких же одетых в шинели рабочих, которые из последних сил отражали удары

значительно превосходящего противника и день за днем бессмысленно истекали кровью.

Все выше вздымалась волна возмущения и в германском флоте. Матросы не забыли, как расправились с лучшими из них. Они начали понимать, что причиной трагической гибели Рейхпича и Кебиса явились половинчатость и переговоры с реакционным командованием, а потому теперь необходимо действовать решительно. Когда в конце октября 1918 г. командование отдало сумасбродный приказ вступить в бессмысленный «последний бой» с английским военным флотом, моряки отказались выполнить его. Красный вымпел, взвившийся на сигнальной мачте одного из торпедных катеров в военной гавани Киль, послужил той искрой, из которой вспыхнул огонь восстания. Оно перекидывалось с корабля на корабль: были погашены топки, образованы матросские Советы, подняты красные флаги. Через несколько часов восстание охватило весь Киль. Была объявлена всеобщая забастовка, руководство взяли на себя рабочие верфей.

Их примеру последовал классово сознательный пролетариат Гамбурга. В первые утренние часы 5 ноября 1918 г. портовики вместе с рабочими верфей сомкнутыми колоннами направились в центр города. Они с презрением отшвырнули в сторону профсоюзную бюрократию, заклинавшую их соблюдать «спокойствие и порядок», не дали запугать себя угрозами полиции и местных военных властей. Они захватили ратушу, разоружили полицию и офицеров, а затем создали рабоче-солдатский Совет. В его воззвании говорилось: «На месте мрачной крепости капитализма надо воздвигнуть светлое здание свободного социалистического общества... События первой недели ноября не путч, а железный императив истории! Это начало германской революции, мировой революции! Глюкауф¹ самому великому деянию во всемирной истории!»

Вспыхнувшая в Киле искра разгорелась в пламя, революция охватила всю Германию. Через несколько дней в руках революционных рабочих и солдат уже оказались Бремен, Любек, Дрезден, Хемниц, Лейпциг, Кёльн, Штутгарт, Нюрнберг, Мюнхен, повсюду организовывались рабочие и солдатские Советы. То было подобно извержению пылающей лавы: вылилось наружу все, что накопилось за многие годы не только у рабочих и их измученных жен, не только у забитых бездушной муштрой солдат кайзеровской армии, но и у массы служащих, ремесленников, мелких торговцев.

В момент этого революционного взрыва я, молодой солдат, находился в городке Ганноверш-Мюнден на Везере. Командир роты верхом на коне остановил нас на марше и объявил, что каждый, кто осмелится последовать за «бунтовщиками» и «предателями отечества», будет немедленно расстрелян. А через два часа он, с победившим от ужаса лицом, без погон, без кокарды, без сабли, стоял,

¹ Пожелание удачи, счастья. — *Прим. пер.*

окруженный возмущенными солдатами. В лазаретах раненые, едва державшиеся на ногах, срывали с офицеров знаки их прежней власти. Повсюду стояли наготове пулеметы; рабочие, женщины, солдаты — с винтовкой на плече, дулом вниз — задерживали на железнодорожных станциях воинские составы. Революция! Это слово звучало как вздох облегчения, оно воплотило в себе все чаяния и надежды многие годы обманываемого народа.

Берлин, место пребывания правительства, охранялся тщательно отобранными войсками: ведь здесь был сосредоточен аппарат власти кайзеровской Германии. Ее правители вместе со своими лакеями и на этот раз рассчитывали подавить отсюда массовое восстание. Но 9 ноября 1918 г. рабочие пошли на штурм и в столице. Последовав призыву группы «Спартак» и революционных старост, они остановили все фабрики и заводы. Через несколько часов огромные толпы народа заполнили центр города, среди них преобладали вооруженные рабочие и революционные солдаты. Вооруженное восстание началось. Монархия была свергнута, Вильгельм II, спасаясь от народного гнева, трусливо бежал в Голландию. На Унтер-ден-Линден (у Бранденбургских ворот) на посту стояли уже не солдаты кайзеровской армии в парадных мундирах, а рабочие с винтовками в руках. С автомобилей, на которых развевались красные флаги, выступали представители рабочих и солдатских Советов. С балкона императорского дворца Карл Либкнехт под ликование рабочих и солдат провозгласил социалистическую республику. В тот же день вышел первый легальный номер газеты спартаковцев «Роте фане».

Уже на следующее утро она опубликовала призыв к рабочим и солдатам Берлина: «Укрепляйте завоеванную вами власть! Бдительность — первейшая заповедь демократии! Красное знамя развевается над Берлином! Вы достойно встали на сторону тех городов, где пролетариат и солдаты уже взяли власть в свои руки». Спартаковцы требовали разоружения полиции и всех тех офицеров и солдат, которые не желали признать новый строй, они добивались вооружения народа, передачи функций всех военных и гражданских властей и командных органов доверенным лицам рабоче-солдатского Совета.

Чтобы обеспечить победу дела революции, германскому рабочему классу и его союзникам необходимо было учесть уроки истории, опыт Парижской коммуны. «Не только замена всех должностных лиц сверху донизу, но и новая организация власти снизу доверху» — таково было требование момента, если революция хотела достигнуть целей, поставленных перед ней историей. Следовало провести в жизнь лозунг «Вся власть рабочим и солдатским Советам!»

Революционный вихрь несся по стране, «Спартак» дал революции программу и цель, и никакая сила не могла уже подавить ее. Тщетно Вильгельм перед своим бегством в отчаянии умолял коман-

дующих армейскими корпусами дать ему надежные фронтовые части для подавления революции: 27 из 28 командующих в таком же отчаянии поневоле ответили, что сделать это невозможно. Солдаты отказались поднять оружие против народа, против своих отцов и матерей, как когда-то потребовал кайзер.

Захлестнутые революционной бурей, правящие круги увидели единственную оставшуюся у них возможность избежать своего окончательного поражения в том, что 9 ноября 1918 г. они передали пост рейхсканцлера председателю СДПГ Фридриху Эберту. Какой огромный шанс дала социал-демократии история! Если бы в этот момент она действовала вместе с НДСПГ и спартаковцами, революция в Германии победила бы без кровопролития и положила начало демократическому развитию. Опираясь на революционных старост на предприятиях, с помощью рабочих и солдатских Советов можно было бы очистить государственный аппарат от всех реакционных элементов, лишить власти магнатов военной промышленности.

Но Эберт и другие социал-демократические лидеры даже и не помышляли о том, чтобы заменить старый государственный аппарат монополистов и юнкеров. Эберт, этот «рабочий вождь», не только не призвал пролетариат к борьбе, а, напротив, 8 ноября, накануне вооруженного восстания в Берлине, повел переговоры с кайзеровским правительством; он хотел побудить Вильгельма II отречься, для того чтобы на трон смог сесть другой монарх — не столь дискредитировавший себя отпрыск династии Гогенцоллернов. Вечером 10 ноября, после того как революционные рабочие и солдаты штурмом взяли здание берлинского полиции-президиума, освободили политических заключенных и заняли важнейшие позиции, когда трудовой народ был намерен сам определить свое будущее, тот же Эберт в строжайшей тайне заключил с генералом Гренером, преемником Людендорфа, союз против революции. Он был основан на полной взаимности: Эберт обязался восстановить «спокойствие и порядок» и подавить «большевизм», а Гренер обеспечивал ему помощь реакционного офицерского корпуса.

О целях этого сговора Гренер поведал в 1924 г., давая свидетельские показания на одном судебном процессе: «Мы вступили в союз против большевизма... Каждый вечер между одиннадцатью и часом ночи мы, пользуясь секретным проводом, по телефону договаривались из ставки обо всем с Имперской канцелярией. Речь шла прежде всего о том, чтобы вырвать в Берлине власть из рук рабочих и солдатских Советов. В Берлин должны были вступить десять дивизий. Эберт был с этим согласен и одобрил применение оружия. Мы выработали программу, предусматривавшую после вступления войск очищение Берлина [от революционных элементов]. Этот вопрос тоже был обсужден с Эбертом, которому я за то особенно благодарен».

Итак, в результате первого революционного натиска было свергнуто кайзеровское правительство, ликвидирована власть князей, завоеваны важные демократические права и свободы для народа. Рабочие и солдатские Советы обладали повсюду реальной властью, они начали чистку местных органов государственного аппарата от реакционеров, ограничение экономического могущества концернов и введение контроля над производством. Но правые социал-демократические лидеры вступили с кайзеровскими генералами из окружения Гинденбурга и монополистами, группировавшимися вокруг Стиннеса, в союз против народа, против революционных старост, против рабочих и солдатских Советов, против «Спартака». Они встали во главе революционного движения, чтобы парализовать и в конечном счете расколоть его, и создали контрреволюционное правительство, объявившее себя «социалистическим». Они, как и контрреволюционные войска, направили свой огонь влево, демагогически используя при этом безграничном предательстве национальных интересов распространяемые и в рабочем классе иллюзии насчет характера буржуазного государства.

В этой опасной для немецкого народа ситуации рабочий класс Германии еще не обладал идеологически и организационно крепкой, имеющей глубокие корни в широких массах партий — такой, какую выковал Ленин в ожесточенной борьбе против ревизионистов и оппортунистов. Теперь мстило за себя то, что спартаковцы только 11 ноября 1918 г. создали Центральный комитет «Союза Спартака» и не осуществили своевременно организационного разрыва с Независимой социал-демократической партией.

Роковое решение

Тот, кто был очевидцем и участником бурных событий Ноября 1918 года, а теперь, спустя пять десятилетий, снова воскрешает их в своей памяти, понимает, что даже величайший героизм передового отряда германского рабочего класса революционных рабочих и солдат не мог возместить отсутствия организованной и целеустремленно борющейся революционной партии. Значительная часть рабочего класса, не имевшая необходимого политического опыта и не знавшая, что происходит за спиной трудящихся, считала завершенным то, что еще только предстояло осуществить.

Кто мог догадываться о том, какое предательство дела рабочего класса замышлялось в роскошных апартаментах Имперской канцелярии? Кто мог представить себе, что после страшного урока 1914 г. влиятельные вожди профсоюзов уже 15 ноября 1918 г. заключили с Гуго Стиннесом, одним из тех, кто особенно нажился на войне и нес наибольшую вину за нее, а также с другими представителями монополистического капитала позорный «договор о сотрудничестве», записав в нем главным пунктом «совместную задачу» — «прекращение революционной смуты»?

Нехватка революционного опыта не позволила значительной части рабочего класса осознать значение того факта, что государственный аппарат, унаследованный от юнкерско-буржуазной Германии, остался почти без изменений, а Гинденбург и бывший кайзеровский генералитет продолжали занимать прежние посты. Рабочие массы думали, что Совет народных уполномоченных, созданный 10 ноября, является рабочим правительством, поскольку в него наряду с тремя представителями Правления СДПГ входили и три лидера «независимцев». Считая НСДПГ революционной партией, они не видели, что во всех важных вопросах правые из этой партии были заодно с Эбертом и Шейдеманом. Оценивая те дни, Вальтер Ульбрихт впоследствии говорил: «Трагедией германского рабочего движения было то, что большинство рабочего класса было опутано буржуазными взглядами на государство и не имело представления о том, каким образом ему взять в свои руки руководство государством и экономикой».

Рабочие, трудящиеся массы Германии желали мира, хотели вернуться наконец к мирному труду, жить по-человечески. Этим стремлением к миру правые лидеры социал-демократии, НСДПГ и профсоюзов злостно воспользовались в интересах своей оппортунистической политики. Когда на 16 декабря 1918 г. был назначен Все-германский съезд Советов, который должен был решить дальнейшую судьбу революции, они начали при помощи партийного и профсоюзного аппарата готовить этот съезд на свой лад. Прежде всего они постарались, чтобы на него были посланы «спокойные, разумные» делегаты.

Власть Советов или буржуазный парламент — так стоял в той исторической ситуации решающий вопрос, от ответа на который во многом зависела судьба всего немецкого народа.

«Вся власть Советам!» — гласил лозунг передовой части рабочего класса. Правые социал-демократы в союзе с центристами из руководства НСДПГ, имея большой опыт обмана народа, в противовес ему выдвинули лозунг «Созыв Национального собрания!». Этот демагогический лозунг отвечал интересам контрреволюции, монополий, бывшего кайзеровского генералитета. Национальное собрание означало в действительности диктатуру монополистического капитала и его прислужников, осуществляемую старым аппаратом власти и прикрытую фиговым листком формальной демократии.

Газеты монополий, лишь изменившие свои названия, буржуазные партии, теперь именовавшие себя «народными», социал-демократическая и профсоюзная пресса сразу же начали вколачивать в головы немцев мысль о Национальном собрании. Деньги текли рекой: ведь недаром командные позиции в экономике остались у магнатов банков и монополий. Они не поскупились и пожертвовали около 500 миллионов марок на «Антибольшевистскую лигу», чтобы финансировать поход контрреволюции против революционного движения.

И все же враги революции со страхом ожидали Всегерманского съезда Советов. Опираясь на заключенный Эбертом и Гренером союз, они решили провести 6 декабря в Берлине широко задуманное наступление: прежде всего арестовать рабоче-солдатский Совет, а затем «очистить от большевиков» столицу и превратить ее в центр борьбы против революционных рабочих и солдат по всей Германии, в командную высоту бывшего кайзеровского генералитета.

Но контрреволюция просчиталась: жил и действовал «Союз Спартака», существовало сильное революционное крыло в НСДПГ, в Берлине находилась верная народу Народная морская дивизия, по всей стране с конца ноября проходила волна забастовок, все тверже выдвигалось требование контроля над производством и осуществления социализации. Утром 6 декабря весь Берлин вышел на мощную демонстрацию протеста. Необозримыми колоннами шли рабочие Веддинга, Кёпеника и других районов, многие из них — с оружием в руках. Лишь только контрреволюционные войска попытались начать действовать, в решающих пунктах перешла в контрнаступление Народная морская дивизия; действуя плечом к плечу с нею, вооруженные рабочие перечеркнули расчеты Эберта и Гренера, Гинденбурга, Круппа и Стиннеса. Тщательно подготовленная контрреволюцией атака на центр революционного движения кончилась поражением реакции. Дух «Спартака» восторжествовал над вооруженной первоклассным оружием реакционной офицерской камарильей.

Дух «Спартака» определял лицо германской столицы и 16 декабря 1918 г., когда в здании прусской палаты депутатов открылся Всегерманский съезд Советов. Четверть миллиона рабочих запрудили центр города. Они требовали единой социалистической республики и передачи всей политической власти непосредственно избираемым рабочим и солдатским Советам, они требовали социализации крупных предприятий и смещения бывших кайзеровских генералов.

Но Эберт и Шейдеман хорошо поработали, чтобы обеспечить удобный им состав съезда; поэтому подавляющее большинство делегатов являлись сторонниками правого руководства СДПГ и центристов из НСДПГ. Под влиянием правых социал-демократических лидеров коренной вопрос революции — ликвидация власти империалистов и установление Советской власти или же сохранение империалистического господства в парламентской форме путем созыва Национального собрания — первый Всегерманский съезд Советов решил в пользу буржуазного государства. Он передал власть правительству и высказался за Национальное собрание, тем самым помешав непосредственному взятию власти рабочим классом и выступавшими в союзе с ним трудящимися слоями.

Так контрреволюционным социал-демократическим лидерам, расколов и дезорганизовав рабочий класс своей политикой классового

сотрудничества и коалиции с губителями народа, удалось спасти германский империализм. Поскольку вопрос о власти не был решен в революционном духе, экономические позиции господства монополистического капитала остались нетронутыми, а корни агрессивного германского милитаризма невырванными. За это немецкому народу пришлось горько расплачиваться в последующие годы.

Уже несколько дней спустя в кабинете Эберта состоялось совещание с высшими офицерами бывшей кайзеровской армии. Был принят новый план окончательного удушения революционного движения. Руководство осуществлением этого кровавого плана было поручено ставшему позднее министром рейхсвера Густаву Носке, который вот уже пятнадцать лет стоял на крайнем правом фланге СДПГ.

Носке немедленно принялся за дело. Вскоре, как грибы после дождя, стали вырастать контрреволюционные «добровольческие корпуса» — хворост для разжигания гражданской войны, сборища оставшихся без дела кадровых офицеров и солдат. Им продолжали выплачивать жалованье по ставкам военного времени, а сверх того суточные и ежемесячную надбавку «за верность», предоставляли хорошее питание, выдавали военную форму с галунами и погонами — стоило ли искать себе другое занятие? «Добровольческие корпуса», являвшиеся воплощением прусского духа и прусской муштры, предназначались для того, чтобы при первом удобном случае смыть «позор поражения», они должны были послужить основой для формирования новой армии, которая разделяется со всеми «врагами» Германии. Здесь концентрировалась и постоянно разжигалась ненависть к революции, к коммунистам, к «Спартаку»: нас ждет скоро день, когда мы покончим с бунтовщиками и будем вешать красный сброд на фонарях!

«Несмотря ни на что!»

Решение большинства Всегерманского съезда Советов вызвало по всей Германии бурю возмущения, но вместе с тем породило разброд и подавленность. 21 декабря конференция революционных старост берлинских предприятий единодушно осудила политику центристских руководителей НСДПГ и потребовала выхода ее представителей из Совета народных уполномоченных. Полным одобрением было встречено предложение Карла Либкнехта немедленно созвать съезд НСДПГ. Когда же ее руководство уклонилось от этого, Центральный комитет «Спартак» решил провести свою собственную общегерманскую конференцию. Ведь съезд Советов ясно показал, к чему привело то, что революционный авангард рабочего класса не порвал вовремя с центристами, которые своим вступлением в Совет народных уполномоченных прикрывали политику правых лидеров СДПГ, тем самым объективно поддерживая контрреволюцию. Общегерманская конференция «Союза Спартак», открывшаяся 29 де-

кабря 1918 г., в этой весьма сложной ситуации объединила лучшие силы революционного пролетариата Германии. Единодушной была точка зрения ее участников, что «дальнейшее пребывание в НСДПГ становится равнозначно выражению солидарности с контрреволюцией».

30 декабря 1918 г. в парадном зале прусской палаты депутатов собрался Учредительный съезд Коммунистической партии Германии. Ее основанием был заложен краеугольный камень марксистско-ленинской партии рабочего класса и грядущей победы прогрессивных сил в Германии. После того как поражение и смертельный кризис германского империализма не удалось использовать для уничтожения господства монополистического капитала с первого натиска, необходимо было в ожесточенной борьбе с влиянием буржуазной идеологии, особенно с ревизионизмом социал-демократии, выработать стратегию и тактику революционного рабочего класса. Разрыв с открытым правым оппортунизмом и центризмом являлся предпосылкой развития марксистско-ленинской боевой партии, предварительным условием восстановления единства германского рабочего движения на основе марксизма-ленинизма.

Образование Коммунистической партии означало поворотный пункт в истории как германского рабочего движения, так и немецкой нации. Проводившейся правящими классами антинациональной политике войн и катастроф КППГ противопоставила свою политику, отвечавшую национальным интересам немецкого народа, борьбу за социализм, за мир, за демократию, за дружбу между народами. Центральным пунктом своей программы она сделала решение жизненно важного для нации вопроса — уничтожение антинационального германского империализма и милитаризма, дабы возникла такая Германия, величие которой будет зиждиться на экономических, социальных и культурных деяниях на благо народа. КППГ решительно выступила за дружественный союз между Германией и молодой Советской страной — этого требовали интересы немецкого народа. Такие отношения с Советской Россией облегчили бы Германии бремя Версальского мирного договора, продиктованного ей империалистами западных держав, обеспечили немецкому народу возможность быстрого экономического подъема.

Учредительный съезд КППГ закончился в первый день нового 1919 года. Перед партией стояла трудная задача. Она должна была, борясь за защиту и расширение демократических свобод, установить тесную связь с массами рабочих, крестьян и интеллигенции, причем именно в тот момент, когда германская буржуазия переходила к систематическому восстановлению своих командных позиций в политике и экономике, когда она под лозунгом антикоммунизма начинала ликвидацию демократических и социальных завоеваний Ноябрьской революции.

Коммунистическая партия Германии была проникнута духом борцов революции 1848 г. и Парижской коммуны, ее вдохновляла по-

беда Великой Октябрьской социалистической революции. После ее основания «Роте фане» писала: «История — единственный подлинный учитель, а революция — лучшая школа для пролетариата. Они позаботятся о том, чтобы «небольшая кучка» тех, на кого больше всего клеветают и кого больше всего преследуют, шаг за шагом превратилась в то, к чему она призвана своим мировоззрением: в борющуюся и побеждающую массу революционного социалистического пролетариата».

Значение образования КПГ для международного коммунистического движения с предельной четкостью охарактеризовал В. И. Ленин: «Когда германский «Союз Спартака» с такими всемирно известными и всемирно знаменитыми вождями, с такими верными сторонниками рабочего класса, как Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин, Франц Меринг, порвал окончательно свою связь с социалистами вроде Шейдемана и Зюдекума, с этими социал-шовинистами (социалистами на словах, шовинистами на деле), навсегда опозорившими себя союзом с грабительской, империалистической буржуазией Германии и с Вильгельмом II, когда «Союз Спартака» назвал себя «коммунистической партией Германии», — тогда *основание* действительно пролетарского, действительно интернационалистского, действительно революционного III Интернационала, *Коммунистического Интернационала*, стало фактом. Формально это основание еще не закреплено, но фактически III Интернационал теперь уже существует»¹.

Но молодой партии германских коммунистов сразу же пришлось пережить суровые испытания: ведь она стояла лицом к лицу с врагом, не останавливающимися ни перед какими преступлениями... Крупп и Стиннес, Гренер и Носке хорошо понимали, что означало для них создание КПГ. Опираясь на сговор между Эбертом и Гренером, им удалось изменить соотношение классовых сил в пользу контрреволюции. Теперь они готовили удар по очагу революционного движения. Бывшие кайзеровские генералы и правые социал-демократические лидеры вместе взялись за дело, чтобы вооруженной силой окончательно подавить революцию: 19 января 1919 г. предстояли «свободные» выборы в Национальное собрание; к этой дате они и хотели покончить с нею.

Изо дня в день они твердили одно и то же: только если сначала будет установлен порядок, если «демократическое» правительство обеспечит в стране необходимую безопасность, только тогда появятся в Германии американское сало, тушенка и сигареты, а годами длившийся голод останется в прошлом. Что же касается «социализации», то она уже «шагает», но, разумеется, ее надо основательно подготовить, а для этого требуется время. Пусть закон о фабрично-производственных советах законодательно «закрепит» право рабочих на

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 455.

участие в решении вопросов производства; постепенно, шаг за шагом будут осуществлены все их требования. Так день за днем писали газеты буржуазных партий, Социал-демократической партии и профсоюзов, а церковь — и католическая, и евангелическая — благословляла этот обман.

Тем временем вокруг Берлина исподволь создавалось кольцо самых надежных контрреволюционных войск. Ведь берлинские рабочие еще не выпустили оружие из рук, в столице стояла Народная морская дивизия, здесь билось сердце революции. Молодая Коммунистическая партия не щадила сил, чтобы объединить рабочих всей Германии для совместных действий.

4 января 1919 г. под руководством Носке (недаром он сам назвал себя кровавой собакой) началась тщательно подготовленная «акция» против революционного Берлина. Началась она с провокации — смещения берлинского полицей-президента Эйхгорна, левого социал-демократа; его «преступление» состояло в том, что в декабре 1918 г. он дал оружие революционерам. В ответ во многих районах города рабочие стихийно поднялись, прекратили работу на предприятиях, осадили правительственные здания и потребовали разоружения контрреволюционеров. Именно на это и делали ставку Гренер и Носке. Вся буржуазная пресса, как по команде, повела дикую травлю спартаковцев. Находившиеся наготове войска с артиллерией и тяжелыми минометами по всем правилам военного искусства вторглись в Берлин; полк «Потсдам» даже возглавлялся одним из гогенцоллернских принцев. Несмотря на героические жертвы, рабочие не смогли противостоять многократно превосходящему и опытному в военном деле врагу, который вел по ним беспощадный огонь из пулеметов, орудий и минометов. Контрреволюционерам было наплевать, что при этом разрушаются культурно-исторические памятники, — они видели перед собой только ненавистных «спартакистов», которых надо уничтожить.

Реакционная пресса подстрекала изо дня в день. Ночью стены домов оклеивались десятками тысяч плакатов, открыто призывавших к убийству спартаковцев: «Рабочие, граждане! Отечество — на краю гибели! Спасите его! Ему угрожает опасность не внешняя, а внутренняя, она исходит от группы «Спартак». Убейте ее вождей! Убейте Либкнехта!» Социал-демократический «Форвертс» не отставал от буржуазной печати в этой погромной травле. 13 января 1919 г. он под заголовком «В морге» опубликовал позорные вирши, подстрекавшие к убийству «Розы и компании» — Карла Либкнехта, Вильгельма Пика, Лео Йогихеса и Германа Дункера — руководителей революционного движения немецкого рабочего класса, закаленных десятилетиями борьбы.

Два дня спустя Карл Либкнехт был убит. Труп Розы Люксембург, опутанный колючей проволокой с камнями, был сброшен в Ландвер-канал. Они стали жертвами озверевшей офицерской клики. В тот же день «Роте фане» опубликовала призыв Карла Либкнехта,

написанный им незадолго до убийства: «... и пусть нас даже не будет в живых, когда это свершится, программа наша будет жить; она восторжествует в мире освобожденного человечества. Несмотря ни на что!»

Вести из Берлина прозвучали сигналом тревоги. Взялись за оружие рабочие и других городов и промышленных центров. В Дюссельдорфе они штурмом заняли здание крупнейшей газеты, которая отныне стала выходить под названием «Роте фане Нижнего Рейна». 10 января рабочие Бремена подняли на городской башне красный флаг и провозгласили свою Советскую республику. Они защищали ее до тех пор, пока 4 февраля 1919 г. она не пала под натиском превосходящих сил реакции.

В эти дни я с небольшой группой молодых рабочих нашего завода направился в Дюссельдорф. Мы хотели быть вместе со своими товарищами, хотели помочь им. Пробирались окольными путями между контрольными пунктами и заставами войск, оккупировавших Рейнскую область. Когда мы наконец достигли Дюссельдорфа, было уже слишком поздно — героическое сопротивление было сломлено.

В Метмане, вблизи Вупперталя, еще действовал рабоче-солдатский Совет. В момент нашего прибытия рабочие как раз прекратили работу, на рыночной площади проходил митинг протеста против кровавых расправ. Выступал Евгений Левине — несколько месяцев спустя он был убит как глава Баварской Советской республики. Я и сегодня вижу перед собой его удлиненное лицо с глубоко запавшими усталыми глазами. Речь его была захватывающей, она долго еще звучала у меня в ушах: мы не имеем права допустить, чтобы берлинские рабочие истекли кровью, мы не имеем права упустить этот исторический шанс, если не хотим, чтобы к страшным страданиям нашего народа, вызванным последней войной, прибавились еще более страшные.

В Берлин! До Касселя мы добрались на старом грузовике, ошестинившемся штыками. Мы двигались дальше, без денег, без хлеба — нас гнал вперед жар в груди. Когда мы добрались до Берлина, бои уже кончились, восстание рабочих было задушено. Мы стояли на Франкфуртер-аллее, а мимо нас шли бесконечные колонны рабочих. Они провожали в последний путь Карла Либкнехта. Никогда не забыть мне их лиц, которые выражали печаль, горечь и возмущение изменой «рабочих представителей» и вместе с тем непримиримую ненависть к убийцам лучших людей рабочего класса и всего немецкого народа.

Контрреволюционные банды захватили все важнейшие здания. Повсюду готовые открыть огонь пулеметы, удвоенные и утроенные посты. Огромные щиты предупреждали: «Кто двинется дальше, будет расстрелян!» И все-таки контрреволюционеры не решались вылезать из своих забаррикадированных опорных пунктов: ведь в ря-

дах демонстрантов шагало полмиллиона рабочих и работниц, а во главе колонны шла делегация славной Народной морской дивизии, оставшейся верной великому делу революции.

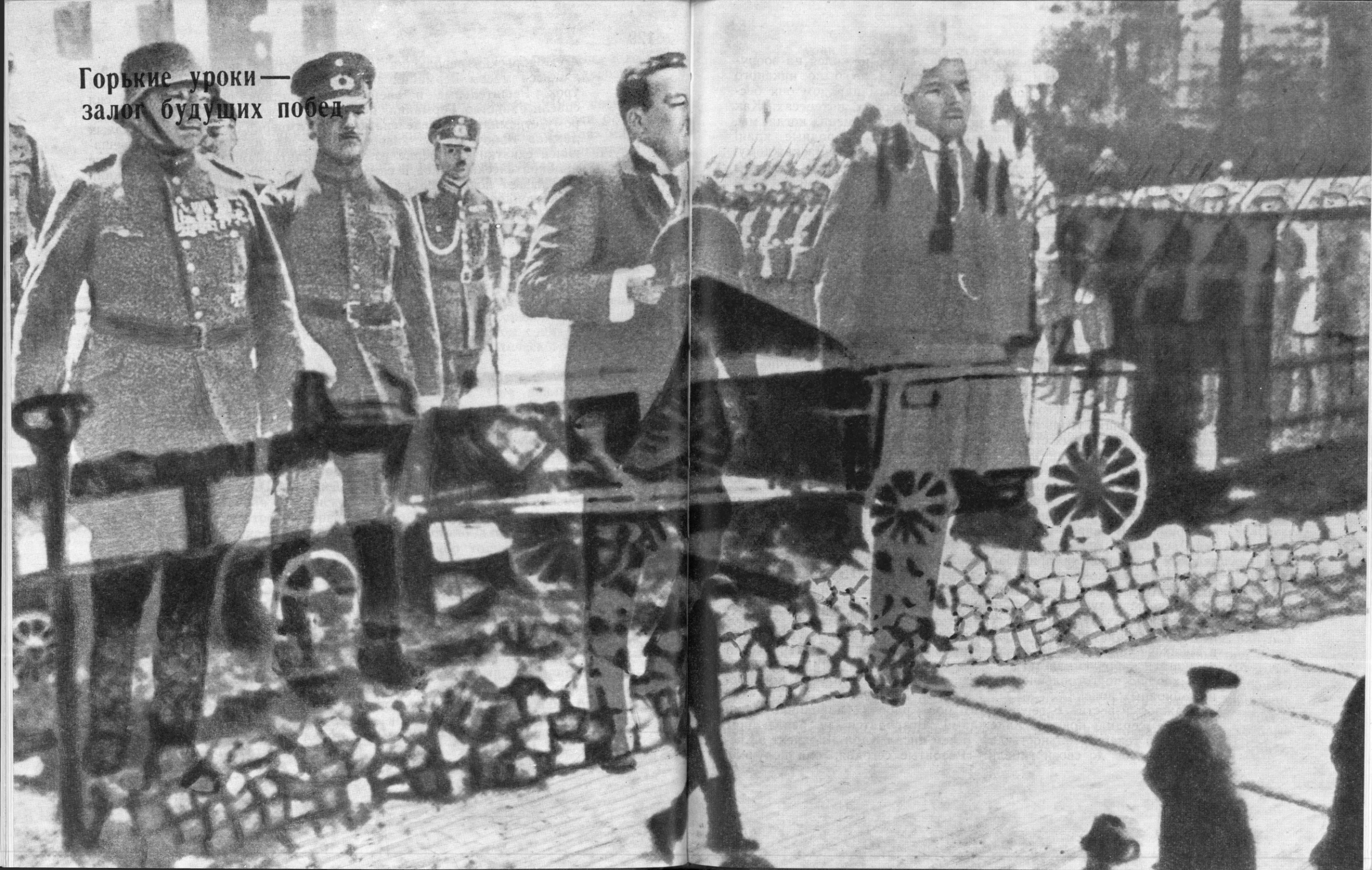
Под защитой штыков контрреволюции 19 января 1919 г. состоялись «свободные», «демократические» выборы. Они принесли большинство буржуазно-капиталистическим партиям. «Демократия» миллионеров и милитаристов была подготовлена кровавой расправой с самоотверженными борцами против войны и империализма, за мир, демократию и социализм, с теми, кто действовал в интересах народа. Теперь реакционеры предъявили рабочему классу счет, который скрепил его поражение в Ноябрьской революции. В Национальном собрании, открывшемся 6 февраля 1919 г. в Национальном театре в Веймаре, вдали от центров революционного рабочего движения, оказалась преобладающая часть депутатов бывшего кайзеровского рейхстага. В самом Веймаре и вокруг него были под командованием генерала Меркера сконцентрированы «добровольческие корпуса» общей численностью 7 тысяч человек, чтобы охранять это хваленое конституционное собрание, которое признало основой республики капиталистический строй и избрало ее президентом социал-демократа Эберта, а рейхсканцлером — социал-демократического депутата Шейдемана.

И все-таки — несмотря ни на что! — Ноябрьская революция имела чрезвычайно важное историческое значение. Она явилась первой революцией германского рабочего класса против империализма, самым мощным после Великой Октябрьской социалистической революции антиимпериалистическим выступлением в Европе. Она помогла Советскому государству разорвать грабительский Брестский договор и облегчила ему освобождение областей, оккупированных империалистической Германией.

Порожденная германской монополистической буржуазией национальная катастрофа первой мировой войны показала, что освобождение от империализма и милитаризма стало для немецкого народа коренной жизненной необходимостью, ибо только таким образом можно было обеспечить условия для нормального развития германской нации. Однако с помощью своих агентов в рабочем движении империалистам удалось спасти экономические устои своего строя от революционного натиска. Поскольку германский рабочий класс не обладал к тому времени имеющей прочные корни в массах марксистско-ленинской партией, Ноябрьская революция осталась революцией буржуазно-демократической, которая в известной мере осуществлялась пролетарскими средствами и методами. Главная ее задача — свержение германского империализма — осталась нерешенной. Не были последовательно осуществлены даже требования буржуазно-демократической революции, ибо крупные помещики сохранили свою экономическую власть, а юнкеры — свои позиции в государственном аппарате.

Ноябрьская революция 1918 г. обогатила рабочий класс и трудящиеся массы Германии значительным опытом, дала им важный урок. Решительные и энергичные действия революционных сил спасли единство Германии, помешали расчленению страны, к которому стремились определенные круги империалистических западных держав. Рабочий класс завоевал более выгодные позиции для решающей схватки с империализмом и милитаризмом, а также важные демократические права и свободы. Его кровавые жертвы послужили зародышем нового подъема революционного движения за социальное и национальное освобождение немецкого народа. Несмотря ни на что!

Горькие уроки —
залог будущих побед

Они победили — биржевые спекулянты, все те, кто нажился на вооружении и войне, юнкеры и крупные аграрии, и не было никакого сомнения в том, что этой победой над трудовым народом они беспощадно воспользуются в собственных классовых интересах. Как резко изменился политический климат к тому времени, когда мы, смертельно усталые и оборванные, возвратились в родные края! Реакционеры повылезали из своих нор, давая понять всем и каждому: теперь снова царит наш «порядок», все опять повинуетеся нам, мы больше не допустим непокорности! На бирже труда писаря вели себя, как унтеры в казарме, «бунтовщикам» они подыскивали самую грязную и плохо оплачиваемую работу в местах подальше, а кто возмущался, того вообще вычеркивали из списков. На предприятиях вновь воцарился грубый произвол. От рабочих требовали повышенной производительности труда, их «просеивали» изо дня в день, безжалостно увольняя всякого, кто казался хоть чуть политически подозрительным. Голод не прекратился, продуктов, выдаваемых по карточкам, не хватало, даже чтобы жить впроголодь, цены неудержимо росли, бурно процветал «черный рынок».

Когда я уже совсем потерял надежду найти работу, мне вдруг повезло. Правда, с бумагами моими пришлось проделать кое-какие не вполне законные манипуляции, но в конце концов я получил направление кочегаром на электростанцию. И именно в тот самый февральский день 1919 г. грозная весть заставила меня спуститься с облаков на землю: всеобщая забастовка в Рурской области! Шахтеры, добывающие уголь под землей, и металлурги, стоящие у доменных печей и прокатных станов, перешли в контрнаступление. Они не покорились, они встали на защиту завоеваний революции, они не позволили отменить 8-часовой рабочий день на заводах и 6-часовой на подземных работах, лишить прав производственные советы.

Восстание в Руре было подавлено, но пламя всеобщей забастовки сразу же вспыхнуло в промышленном районе Средней Германии и в Тюрингии. В начале марта поднялись рабочие Берлина, тоже объявив всеобщую забастовку. Носке натравил на рабочих белогвардейских наемников и приказал перестрелять из пулеметов солдат Народной морской дивизии. Шахтеры Верхней Силезии, рабочие Штутгарта и многих других городов ответили всеобщей забастовкой. Горняки, металлурги, металлисты Рура снова прекратили работу, потребовав разоружения и роспуска контрреволюционных «добровольческих корпусов». 13 апреля взяли за оружие и установили в Мюнхене Советскую республику рабочие Баварии. Они героически защищали рабочую власть, пока она не пала 1 мая 1919 г. в результате хорошо подготовленного массированного наступления контрреволюционных войск.

Каждое известие о героических боях рабочих наполняло наши молодые сердца новыми надеждами. Возродится ли революция? Станет ли теперь реальностью то, о чем писал Карл Либкнехт за несколько часов до своей гибели: «Разбитые сегодня, они получили

урок... Только рассчитывая на свои собственные силы, будут вести они свои будущие битвы, завоевывать свои будущие победы. А слова «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса» приобрели для них в результате горького урока этих недель новый, более глубокий смысл».

Но руководитель революционного движения — молодая Коммунистическая партия Германии, еще не имевшая достаточного боевого опыта и широкой сети своих организаций, прочно укоренившихся в массах, была загнана в подполье. Этому небольшому революционному авангарду противостояла опытная, хорошо организованная и до зубов вооруженная контрреволюция. Никакой героизм не мог предотвратить тогда поражения борющегося пролетариата, ибо отдельные выступления были изолированы друг от друга и не имели единого руководства, а союз изменников из социал-демократии и профсоюзов с буржуазией углублял раскол рабочего класса.

Тяжелые и обильные жертвами бои февраля 1919 г. по сути своей были направлены на защиту трудящимися массами позиций, завоеванных ими в ходе Ноябрьской революции, когда стало ясно, что сил рабочего класса и его революционного авангарда недостаточно, чтобы разбить старый, полуабсолютистский аппарат государственной власти и создать рабоче-крестьянское правительство. Правые социал-демократические лидеры поддерживали поход против коммунизма. Они выдавали себя за поборников «чистой» демократии, утверждая, что указывают «третий» путь, который, мол, не является ни коммунизмом, ни капитализмом. Это было гнусным маневром, опасной теорией, которая маскировала истинный характер буржуазной демократии как формы диктатуры монополистического капитала и подчиняла широкие слои трудящихся интересам империалистической буржуазии.

К чему стремится агрессивная буржуазия, делалось яснее с каждым днем. Уже в феврале 1919 г. ее контрреволюционная армия подавления рабочего класса насчитывала более 400 тысяч человек. В Веймарской республике господствовали Крупп и Стиннес, банковые воротилы и бывшие кайзеровские генералы. Они смогли укрепить свои экономические и политические позиции, и это в то время, когда охваченный всеобщим кризисом капиталистический мир ощущал на себе воздействие Октябрьской революции, сотрясаясь от революционных восстаний во Франции, Италии, Румынии, Венгрии и Финляндии. Германия рабочих и крестьян явилась бы гарантией как возрождения немецкого народа, так и мира в Европе, она освободилась бы и от мертвой хватки иностранных монополий. Революционная Германия облегчила бы борьбу французского рабочего класса, оказала бы благоприятное воздействие на рабочее движение Италии и других стран. Но та Германия, которая возникла теперь, Германия, в которой власть осуществляли те самые силы, которые в 1914 г. ввергли ее в катастрофу и в ответ на предложение Совет-

ского правительства о мире навязали ему грабительский Брестский договор, оставалась опасностью для народов всего мира.

28 июня 1919 г. был подписан Версальский договор; французские, бельгийские, английские и американские империалисты объявили в нем Германию единственной виновницей первой мировой войны. Она должна была терпеть теперь на своей территории оккупационные армии западных держав и платить репарации, которые позднее были определены суммой в 226 миллиардов золотых марок. Все это было призвано ограничить суверенитет Германии и устранить ее как конкурента с мирового рынка.

Таков был итог политики германских «патриотов», в тогу которых столь охотно рядились империалистические правители, таково было следствие трагического поражения революционного восстания ноября 1918 г. Враги революции уже давно объединились против нее: она была для них страшнее всего на свете. Державы-победительницы потому и сохранили германскому империализму основы его экономической и политической власти, что ему предназначалась роль ударного острия против молодого Советского государства — этого бастиона мира и социализма. Таким образом, Версальский договор нес в себе зародыш новой войны.

Невероятные тяготы и экономический гнет, которые испытывали на себе трудящиеся слои, бессовестно использовались германскими реакционными кругами и закоренелыми милитаристами для шовинистического подстрекательства широких масс, прежде всего мелкой буржуазии, и раздувания реваншистских настроений. «Насилие! Национальный позор! Немецкий народ — в цепях!» — неистовствовала послушная монополиям пресса, кричали изо дня в день все немецкие радиостанции.

КППГ была единственной немецкой партией, выступавшей против этой антинациональной, демагогической политики, пагубной для Германии. Она была единственной немецкой партией, призывавшей к братской солидарности с первым в мире государством рабочих и крестьян. «Руки прочь от Советской России!» — это требование звучало по всей Германии. Трудовой народ все настойчивее добивался, чтобы из России были отозваны пресловутые «прибалтийские войска», которые от имени «демократической» Веймарской республики, с благожелательного одобрения империалистических держав-победительниц подавляли Советскую власть в Литве и Латвии.

Германские империалисты — и каждый новый день все убедительнее доказывал это — не намеревались отказываться от своих планов мирового господства.

Пример могучего единства действий

Вясный весенний день 13 марта 1920 г. по всей Германии прозвучал лозунг, зовущий покончить с бессилием рабочего класса, — всеобщая забастовка!

Что же произошло? Опираясь на «добровольческие корпуса» и части только что созданного рейхсвера, наиболее реакционные группы монополистов и юнкеров прогнали правительство из Берлина. Они сочли, что уже пришло время под знаком антикоммунизма установить открытую военную диктатуру, окончательно подавить революционное рабочее движение, ликвидировать завоевания Ноябрьской революции и разорвать Версальский договор на свой, империалистический манер, подвергнув пересмотру результаты мировой империалистической войны. Контрреволюционные «добровольческие корпуса» со свастикой на стальных шлемах — впереди «прибалтийцы» — вступили в Берлин. Во главе их стоял Капп — доверенный человек остальбских юнкеров, рядом с ним — Людендорф, бывший начальник кайзеровского генерального штаба, тот самый, что хотел поднять полмира под сапог прусско-германской военщины.

Всеобщая забастовка! — впервые коммунисты, независимцы и социал-демократы вместе призвали к ней. Наконец-то вместе! Потушены огни в топках, завывли сирены, остановились локомотивы. Рабочая масса выплеснулась из заводских дворов и улиц, как один человек требуя покончить с контрреволюцией, с «добровольческими корпусами!». Теперь мы покажем, что значит единство действий рабочего класса!

Появились листовки, их прямо рвали из рук. Они были подписаны представителями НСДПГ, СДПГ и КПП и содержали требования рабочего класса, которые необходимо последовательно провести в жизнь. Отмена осадного положения, немедленное увольнение и наказание офицеров и гражданских чиновников, нарушивших конституцию! Роспуск рейхсвера и полиции безопасности, отрядов «самозащиты» и «временных добровольческих формирований», конфискация у буржуазии всего оружия! Образование революционного ополчения под контролем рабочих Советов! Освобождение всех политических заключенных!

Это был единый фронт рабочего класса, это было единство действий в активной борьбе против реакции. 12 миллионов человек по всей Германии последовали призыву к всеобщей забастовке, доказав, что они принадлежат к действительным поборникам демократии. Во многих местах они с оружием в руках выступили против путчистов, одетых в военную форму. В Берлине они обратили наемников реакции в бегство и с первого натиска захватили ратушу в Шёнеберге, где окопалось контрреволюционное офицерье. В Средней Германии, в буроугольном районе Зенфтенберга, в Мекленбурге и во многих других частях страны разгорелась борьба не на жизнь, а на смерть. Рабочие еще раз показали, что умеют бороться, когда надо защищать свое дело. Они захватывали тайные склады оружия контрреволюционеров, обезоруживали полицию и реакционные полувоенные формирования. Между Котбусом и Берлином рабочим, вооруженным лишь пулеметами и винтовками, пришлось вести бой даже с бронепоездом, и они заставили путчистов отступить.

Белые банды располагали отличным вооружением, у них имелись броневики, орудия, минометы; в них состояло много опытных офицеров, и они не останавливались ни перед чем. Но героически сражавшиеся отряды рабочих после тяжелых и кровопролитных боев разбили и обратили их в бегство повсюду: в Мекленбурге, под Бременом, в Гамбурге, Любеке и Киле, в промышленных районах Лейпцига, Галле и Биттерфельда, в Зенфтенберге и Пирне, во Франкфурте, Нюрнберге, Мангейме, Штутгарте и Мюнхене.

Ненавистному рабочим «добровольческому корпусу Лихт-шлаг» было приказано восстановить «порядок» в промышленном районе Хагена. У Веттера рабочие преградили ему путь, завязался ожесточенный бой. Хотя рабочих было гораздо меньше, они бились стойко, захватили у противника артиллерию, минометы, станковые пулеметы и упряжки. В их руки попали даже два вагона с совершенно новенькими, в заводской упаковке, винтовками и карабинами и достаточным количеством патронов, которые предназначались для вооружения реакционных отрядов «самообороны».

Быстро родилась регулярная Красная Армия Рура. С захваченными винтовками, пулеметами, огнеметами, минометами и орудиями рабочие батальоны продвигались вперед. Автомашины торговых фирм и предприятий были конфискованы, пулеметы устанавливали прямо на передках извозчичьих пролеток, конные отряды вели разведку. Никто не говорил ни о какой оплате, не было ни налаженного питания, ни планового подвоза. Коммунисты, «независимцы» и социал-демократы, члены профсоюзов и не состоящие в них рабочие сражались кто в чем был. Их воодушевляло стремление нанести наконец уничтожающий удар контрреволюции. Девушки и женщины ухаживали за ранеными, перевязывая их под огнем, подвозили продовольствие, варили суп в огромных бельевых чанах и под пулями и снарядами доставляли горячую пищу на позиции.

Уже 16 марта был очищен от контрреволюционных банд Дортмунд, потом Бармен, Эльберфельд, Ремшейд. Затем рабочие заняли Хамм, Унну, Герне, Гельзенкирхен. В Эссене шли тяжелые бои. «Зеленые» — находящаяся на казарменном положении полиция безопасности — забаррикадировались на водонапорной башне и на скотобойнях. Когда их окружили, они выбросили белый флаг. Рабочие, стремясь избежать ненужного кровопролития, сочли, что бой закончился, и стали собирать брошенное оружие. Тогда «зеленые» открыли по ним огонь и под прикрытием белого флага стали забрасывать ручными гранатами. Укрыться на открытой площади было негде, стали падать раненые и убитые. Но через несколько минут эта важная позиция была взята рабочими.

19 марта в руки Красной Армии Рура перешел Эссен. Возглавляемая коммунистами и левыми «независимцами», Красная Армия Рура быстро выросла до 100 тысяч человек. Ее части подошли к Мюнстеру и находились в 7 километрах от него. 21 марта 1920 г. над Динслакеном взвился красный флаг, командование Рурской

Красной Армии расположило свой главный командный пункт в Мюльгейме-на-Руре. Эта рабочая армия превосходила противника своим высоким боевым духом и моральным обликом. Ее поддерживали не только рабочие всех политических направлений, но и крестьяне, средние слои, интеллигенция и демократическая буржуазия. В этой самой крупной до той поры в Германии акции пролетарского единства действий коммунисты, «независимцы» и масса членов СДПГ боролись сообща, рука об руку с беспартийными рабочими и членами христианских профсоюзов. Они защищали демократические права и свободы трудящихся и нанесли контрреволюции тяжкое поражение.

Всего три дня «правили» Капп, Лютвиц и их приспешники; потом они бежали, скрылись. Правительство вернулось в Берлин — его спасло единство действий рабочего класса.

И тут снова произошло предательство. Правые лидеры СДПГ, профсоюзов и НСДПГ взорвали единый фронт, лишили трудящихся плодов достигнутой победы. Они объявили всеобщую забастовку оконченной, хотя общее собрание представителей производственных советов Берлина бурно протестовало против этого и потребовало разоружения контрреволюционных войск, ареста офицеров, роспуска «добровольческих корпусов» и предания рабочему суду всех, кто воевал против народа. Делегаты всех важнейших предприятий требовали конфискации оружия и передачи его рабочим отрядам. Центральный комитет КПГ призвал оказать помощь борющимся братьям по классу и потребовал вооружения организованных рабочих, признания стихийно избранных исполнительных советов.

Однако правительство и не думало выполнять эти требования, а назначило социал-демократа Зеверинга рейхскомиссаром Рурской области, поручив ему переговоры с рабочими. Зеверинг поспешил в Билефельд: там он вел переговоры, успокаивал, разглагольствовал о расследовании путча и наказании виновных. Правительству надо было во что бы то ни стало выиграть время. Тем временем генералы подтягивали подкрепления из Баварии, Силезии и других областей, спешно шла мобилизация «временных добровольцев» в рейхсвер.

Не бездействовала и профсоюзная бюрократия. Она зывала к «разуму», втолковывая, что надо прекратить «бессмысленное кровопролитие», рисовала ужасы хозяйственного хаоса, напоминала об оставленных дома и дрожащих за своих кормильцев семьях. И она добилась того, чего хотела: единый фронт начал распадаться.

Вильгельм Пик предложил создать рабочее правительство. Его предложение отвечало требованию, выдвинутому профсоюзами в первые дни массовой забастовки, — образовать правительство из представителей профсоюзов. Но Зеверинг всячески затягивал переговоры, а когда счел, что настал подходящий момент, заключил соглашение о перемирии... с контрреволюционерами! А для них оно было не больше чем клочок бумаги.

Началось «умиротворение». Военно-полевые суды генерала Ваттера свирепствовали повсюду, где им встречались рабочие отряды,

идушие домой с опущенными книзу дулом винтовками. Для спартаковцев существовал только один приговор — пуля. «Так не вернулись домой многие из тех, кто шел с горячим сердцем, полным надежд, — писал пролетарский писатель Ганс Мархвица. — Это было в пасхальное воскресенье. Над городом стоял колокольный звон. На углах улиц валялись брошенные рабочими винтовки. Смертельно усталые, тянулись последние кучки сражавшихся домой. Домой? Но у многих не было дома. Там их уже ждали убийцы».

При ликвидации капповского путча германский рабочий класс доказал, что, действуя едино, он непобедим. Результат мощного выступления открыл миллионам людей глаза на истинный характер Веймарской республики: хотя во главе ее и стоял в качестве президента социал-демократ, но решающими средствами власти обладали те силы, которые ввергли немецкий народ в катастрофу первой мировой войны и теперь продолжали свой антинациональный курс.

Только одни коммунисты указывали в этой республике путь к будущему без войны и социальной неустойчивости. Того, кто прочтет речь Клары Цеткин, произнесенную в рейхстаге 2 июля 1920 г., когда там впервые прозвучал голос коммуниста, и сегодня поразит та ясность, с какой революционный авангард немецкого рабочего класса предвидел ход дальнейшего развития.

«Первые слова коммунистов адресованы за стены этого здания, за пределы границ Германии. Это слова верности интернациональной солидарности с пролетариями всех стран, с которыми мы чувствуем себя связанными, несмотря на потоки крови, пролитые в мировой войне, с которыми мы едины в революционной классовой борьбе за свержение капитализма и установление социализма, коммунизма. Это особенно слова благодарного и полного восхищения братства с социалистической Россией, борющейся против целого мира и созидающей в условиях величайших трудностей. Это клятва нерушимого единства боевого духа и боевой цели с героическим русским пролетариатом, который под руководством отважных большевиков идет впереди рабочих всего мира в борьбе за осуществление социализма, указывая путь и служа примером».

Пролетарский интернационализм, тесная дружба с Советским государством были и остаются для немецкого народа основным вопросом подлинно национальной политики. Эта истина подтверждена всем ходом исторического развития после Великой Октябрьской социалистической революции. В своей замечательной речи Клара Цеткин сказала: «Мы считаем настоятельно необходимыми искренние, мирные и дружественные отношения между Германией и народами стран Антанты... Только разоружение буржуазии рабочими — как во всех странах, так и в Германии — служит залогом ликвидации милитаризма и установления мира между народами». Слова Клары Цеткин глубоко запали в сердца рабочих.

В декабре 1920 г. преобладающая часть НСДПГ объединилась с Коммунистической партией Германии, «В эти дни мы совершили

важное дело, — говорил Вильгельм Пик в своем заключительном слове на Объединительном съезде. — Мы создали германскому революционному движению массовую партию, при помощи которой немецкий пролетариат нанесет контрреволюции свои решающие удары».

И вновь — мартовские бои

С «карьерой» моей на электростанции кончено. Только я вернулся, даже и мать свою обнять не успел, как полиция отобрала у меня пропуск на электростанцию. Но что грустить, когда ты молод и полон жизни! Я нашел себе новых друзей, а они всеми правдами и неправдами устроили меня на другую работу. В тот самый день, когда мой отец вернулся из плена, я отправился отрабатывать свою первую смену на шахту «Диргард-I», находившуюся на левом берегу Рейна, в районе Мёрза.

Когда я первый раз в жизни спустился в шахту, мне показалось, что я попал в шайку разбойников. Одежда на шахтерах была самая разношерстная: от синих, отслуживших свой век комбинезонов и всевозможных предметов военной формы до отренчеванного костюма; почти ни у кого пары приличной обуви.

Угольный ажиотаж был в самом разгаре. Совершались сногшибательные сделки и спекуляции: каменный уголь приносил на мировом рынке твердую валюту — доллары. В то время как в английской угольной промышленности шахты закрывались одна за другой или на них вводился укороченный рабочий день, добыча угля в Германии резко росла изо дня в день: ведь немецкий уголь был куда дешевле английского.

На шахте, на которую я поступил, царила совсем другая атмосфера, чем на электростанции: у горняков солидарность издавна была гораздо выше. И теперь каждый день на шахту приходили солдаты Красной Армии Рура, которые спасались в оккупированной области¹ от преследования немецкой реакции и которым надо было помочь. А в Рурской области суды уже вынесли приговоры более чем на тысячу лет тюремного заключения и каторги. Были заведены тысячи судебных дел, и полиция лихорадочно искала новые жертвы для бывших кайзеровских прокуроров и судей. Многие из преследуемых переплывали через Рейн, некоторые переправлялись ночью, в туман, рискуя жизнью: бельгийские часовые, заметив на поверхности реки что-нибудь подозрительное, сразу открывали огонь.

Наша шахта обеспечивала «Диргард-II», находившуюся на другом берегу Рейна, свежим, так называемым шахтным, воздухом. Хотя квершлаги, пролежавшие под руслом реки, были перегорожены массивными решетчатыми воротами, наш разбитной шахтный слесарь уже давно подобрал к ним ключи. Угрозой забастовки мы добились

¹ Левобережье Рейна оккупировалось французскими и бельгийскими войсками. — *Прим. пер.*

вывода с шахты бельгийских солдат, которые, стоя наверху, у спуска, с винтовками с примкнутыми штыками, следили, чтобы через подземные ходы сообщения в оккупированную область не проникало ничего «нежелательного». И все же в ночную смену стало происходить тайное общение между шахтами по ту и эту сторону Рейна. В частности, к нам стали приносить толстые пакеты с листовками на французском и немецком языках; их надо было распространять среди бельгийских солдат. Дело это было опасное: бельгийские военные суды не знали снисхождения, когда речь шла об антимилитаристской пропаганде в их армии.

Германский рабочий класс считал своим долгом защиту русской революции. Империалистические круги планировали новый захватнический поход с целью отторжения западных областей Советской страны. Немецкие рабочие откликнулись на призыв КПГ не допустить этого преступления, быть верными принципам пролетарского интернационализма. Они задерживали пароходы с боеприпасами и военной техникой, а железнодорожники угрожали всеобщей забастовкой. В Эрфурте, например, они установили твердый контроль над всеми товарными составами. Выявилось, что под видом «металлоизделий» на Восток транспортировалось тяжелое оружие. Железнодорожники не стали поднимать много шума, но сделали так, что вместо тщательно замаскированных орудий убийства на Восток были отправлены действительно металлоизделия.

Поскольку в Польше еще находились крупные контингенты французских войск, между Парижем и Варшавой ежедневно ходил экспресс «Полония»; он считался военным и потому был неприкосновенен для германских властей. Но эрфуртские железнодорожники не дали провести себя и подвергли досмотру все вагоны с французскими солдатами и офицерами. Поездное военное начальство сначала пыталось не допустить контроля, начальник состава даже приказал солдатам построиться и взвести затворы винтовок. В конце концов поезд отбыл, но товарные вагоны остались на месте — железнодорожники отцепили их. Дирекция железной дороги распорядилась немедленно прицепить эти вагоны к следующему французскому поезду. Распоряжение было выполнено, но еще раньше рабочие (независимо от того, к какой именно партии сами они принадлежали) выгрузили содержимое этих вагонов — 300 ящиков с боеприпасами — на открытую площадь у товарной станции, облили бензином и подожгли. Председатель контрольной комиссии железнодорожников коммунист Отто Кюн был арестован властями. По призыву КПГ 3 тысячи рабочих, в большинстве своем железнодорожники, устроили демонстрацию перед тюрьмой, их не удалось запугать даже большими нарядами полиции и пулеметами. Железнодорожники стали угрожать всеобщей забастовкой, и тогда властям пришлось выпустить Отто Кюна, взявшего всю ответственность лично на себя.

Это лишь один пример из многих. Он показывает, что рабочие Германии даже и после трагического исхода мартовских боев 1920 г.

не позволили связать себя по рукам и ногам; наоборот, их воля к единству росла, а усилия Коммунистической партии по созданию единого фронта становились все более успешными.

Рабочим и представителям средних слоев постепенно делалось все яснее, что означает поражение Ноябрьской революции для каждого из них, они начинали осознавать, что бремя Версальского договора переложено на плечи трудящихся. Война поглотила все их сбережения, фонды больничных касс и тому подобных учреждений — все, что было накоплено трудящимися за много лет тяжелого труда; кайзеровская Германия оставила после себя государственный долг 156 миллиардов рейхсмарок. Теперь началась на первых порах не очень заметная, а затем все более ощутимая «крадущаяся» инфляция — она отняла у бесчисленных миллионов людей последнее, что у них было. Постепенно все, без чего можно было как-то прожить, перекочевывало на черный рынок. На заработную плату рабочего или жалование служащего с каждым днем можно было купить все меньше и меньше. Генеральная комиссия профсоюзов опубликовала в конце 1920 г. анализ соотношения цен и заработной платы. Из него явствовало, что для «обеспечения хотя бы того скромного уровня жизни, который существовал до войны», зарплаты и оклады должны были бы увеличиться в сравнении с фактическими вдвое.

Однако для монополистического капитала как инфляция, так и выплата репараций по Версальскому договору представляли отличную возможность колоссальной наживы. Так, например, состояние Гуго Стиннеса за время войны возросло в 10 раз — со 100 миллионов до миллиарда, а в годы инфляции увеличилось до 3 миллиардов марок. По их же собственным данным, монополисты получали в 1920 г. не менее 24 процентов прибыли, между тем как в 1913 г., в период наивысшей довоенной конъюнктуры, вызванной гонкой вооружений, она равнялась «всего» 10 процентам.

Коммунисты организовали сопротивление этому грабежу. Влияние КПП на массы неуклонно росло. На выборах в прусский ландтаг в феврале 1921 г. она получила в среднегерманском промышленном районе и в Мансфельдском бассейне наибольшее число голосов. Тогда контрреволюция предприняла планомерные действия с целью разгрома авангарда рабочего класса. При поддержке социал-демократического правительства Пруссии она стала провоцировать рабочих Средней Германии на вооруженное выступление. Дело дошло до тяжелых, кровопролитных боев с отлично вооруженными специальными полицейскими формированиями — они, как на войне, пустили в ход артиллерию, огнеметы, минометы и даже бронепоезд. Рабочий класс Средней Германии во главе с горняками Мансфельдского бассейна и рабочими завода «Лёйна» оказал превосходящим военным силам реакции героическое сопротивление.

Над рабочими была учинена кровавая расправа. 29 марта 1921 г. социал-демократический президент Германии Эберт учредил

чрезвычайные суды, которые вынесли 2500 приговоров без предварительного следствия и, как правило, без предъявления доказательств и права защиты. Тюремные камеры были переполнены, ежедневно происходили расстрелы рабочих. Только в одном Мансфельдском бассейне, по неполным данным, жертвами военщины стали 154 схваченных ею рабочих — их без суда поставили к стенке.

Когда первые известия о событиях в Средней Германии дошли до нас, в оккупированную область левобережья Рейна, шахтеры «Диргард-1» подняли над копром красный флаг, их примеру последовали и шахты прусского Рейнланда. По примеру итальянских братьев мы заняли и стали оборонять свои предприятия на глазах у оккупационных властей. Те поначалу вели себя сдержанно, надеясь, что это движение пойдет в русле сепаратистов, стремившихся к отделению Рейнско-Рурской области от Германии. Один из сепаратистов, некий Габриель, на производственной конференции в Мёрзе попытался поймать некоторых делегатов с шахт на свою удочку всякими обещаниями. Мол, наготове уже лежат запасы продовольствия, которые немедленно выдадут бастующим рабочим, лишь только они выступят за сепаратную Рейнскую республику. Сепаратное государство, говорил он, сразу будет освобождено от репараций, заработную плату повысят, рабочим выдадут одежду и обувь. Но рабочие дали этому типу решительный отпор. На следующий же день хорошо вооруженные бельгийские команды арестовали около тысячи бастующих.

Против борющегося рабочего класса сомкнутым строем выступали и немецкие, и французские, и английские, и американские империалисты. Но они ожесточенно грызлись между собой за кусок добычи покрупнее и за решающие, господствующие позиции для будущих столкновений. Французские монополии желали воспользоваться благоприятным случаем, чтобы заполучить в свои руки Рейнско-Рурскую область с ее огромными ископаемыми богатствами и мощной индустрией. Английские же видели в образовании такого государства, меняющего соотношение сил, огромную опасность для своих планов. А за теми и за другими стояли стремящиеся к мировому господству империалисты Соединенных Штатов Америки. Вследствие поставок вооружения воюющим государствам они нажили несметные капиталы, которые требовали выгодного вложения. Что же касается крупнейших капиталистических хищников самой Германии — Стиннеса и Круппа, Тиссена и Кирдорфа, то они старались использовать эти противоречия в собственных интересах, ибо были убеждены в том, что исход борьбы за передел мира еще не решен и вскоре она снова разгорится с еще большей силой.

Это соперничество шло за счет немецкого народа, который должен был оплачивать его ценой своего ужасного обнищания. Еще 1 января 1919 г. курс американского доллара на биржах равнялся 8,5 рейхсмарки. К 1 ноября 1923 г. деньги, выпускавшиеся рейхсбан-

ком, обесценились настолько, что теперь один доллар стоил 8 миллиардов марок. Заправила германских концернов умышленно толкали немецкую валюту в пропасть. В 1919—1922 гг. банки и монополии перевели в «надежные» зарубежные страны ценности на сумму 15 миллиардов золотых марок. У рейхсбанка же они брали заем за заем якобы для того, чтобы поддерживать должный уровень производства. На полученные миллиарды они скупали экономически более слабые предприятия, а кроме того, спекулировали ценностями за границей. По истечении годичного срока они возвращали эти займы рейхсбанку, но уже совершенно обесценившимися деньгами — так сказать, мелочью на чай. От них не отставали и крупные помещики-юнкеры. В те годы они получили от государства почти 3 миллиарда марок на «оздоровление» своих имений и предприятий.

Из трудящихся же выжимали не только прибыли немецких монополистов, но и репарации, от выплаты которых иностранные империалисты получали гигантские доходы. За четыре года, с 1919 по 1923, за границу утекло почти на 3 миллиарда материальных ценностей и 2 миллиарда наличными деньгами. На словах репарации должны были служить восстановлению разрушенных немцами областей, на деле же они шли на вооружение империалистов западных держав, особенно Франции.

Инфляция, как страшный призрак, лишала трудящихся сна и покоя. Лишь только выдавали зарплату, все бросались истратить ее, чтобы успеть хоть что-нибудь купить, пока покупательная способность денег не упала еще ниже и они не обесценились еще больше. В первые дни февраля 1923 г. 500 граммов говядины стоили 3400 марок, а в октябре за них уже платили 56 миллиардов! 5 ноября 1923 г. торговцы на берлинском рынке продавали 0,5 килограмма говядины за 280 миллиардов, а за 500 граммов ржаного хлеба требовали 39 миллиардов марок.

Вот каковы были те экономические условия, на фоне которых Коммунистическая партия приступила к созданию единого пролетарского фронта. Опираясь на ленинские идеи, особенно на появившуюся в 1920 г. работу В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», КПГ повела энергичное наступление на сектантство в своих собственных рядах. III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала (он проходил в июне — июле 1921 г.) дал глубокую оценку мартовским событиям в Германии и сыграл большую роль в развитии международного коммунистического движения. Не только в Германии, но и в других капиталистических странах упорные бои показали, что рабочий класс не может достигнуть диктатуры пролетариата одним скачком. Вот почему лозунг коммунистов гласил: «В массы!»

На своем VII съезде в августе 1921 г. КПГ приняла важные решения по развертыванию широкой политической работы в массах, по привлечению на свою сторону всех трудящихся слоев для борьбы за демократические права и свободы. Под давлением масс правление

Всегерманского объединения профсоюзов (АДГБ) в ноябре того же года было вынуждено выдвинуть десять требований, направленных против наступления монополий; правда, правые социал-демократические лидеры вскоре отказались от своих же собственных требований.

Но в начале февраля 1922 г. крупная забастовка железнодорожников вновь привела все в движение. Вскоре на три месяца забастовали южногерманские металлисты: возглавляемые коммунистами 200 тысяч рабочих, служащих и чиновников отстаивали свои жизненные интересы. В профсоюзах росло возмущение предательской профсоюзной бюрократией; на Лейпцигском конгрессе АДГБ большинство делегатов даже потребовало его выхода из контрреволюционного Центрального рабочего содружества.

Так КПГ в качестве единственной партии защищала национальные интересы немецкого народа от грабительского Версальского договора. Будучи революционной партией рабочего класса, она заявляла о своей полной поддержке Советской страны, первого в мире социалистического государства. КПГ последовательно выступала за дружественные отношения между обеими странами и организовывала кампании помощи Советской России, находившейся в тяжелом положении в результате империалистической интервенции. Коммунисты мужественно несли знамя пролетарского интернационализма, тем самым зарекомендовав себя и подлинными патриотами.

Война в мирное время

Под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции и революционных событий в Германии, а также в других капиталистических странах обострились противоречия внутри немецкой крупной буржуазии. Определенные круги ее, все же научившиеся реалистически оценивать соотношение сил на международной арене, настаивали на том, что необходимо ослабить созданную Версальским договором внешнеполитическую изоляцию Германии и тем самым обеспечить собственные интересы, в частности установить разумные торговые и экономические отношения с Советской Россией вместо односторонней ориентации на Запад. В результате растущей дифференциации в среде немецкой крупной буржуазии и особенно благодаря инициативе Советского правительства 16 апреля 1922 г. между Германией и Советской Россией был подписан Рапалльский договор, обеспечивавший возможность длительного дружественного сотрудничества обоих государств. Этим договором, отвечавшим ленинским принципам мирного сосуществования государств с различными общественными системами, Советское правительство открыло также и немецкому народу путь к устойчивому миру и экономическому подъему: оно даже согласилось на наибольшее благоприятствование Германии в своих экономических отношениях и отказалось от возмещения ею убытков, связанных с минувшей войной.

Но враги взаимопонимания с Советской Россией пустили в ход все средства для срыва политики Рапалло. Наиболее реакционные круги германской монополистической буржуазии видели панацею в ориентации на американский финансовый капитал, при помощи которого они надеялись укрепить и расширить свои господствующие позиции. Всего через два месяца после того, как министр иностранных дел Ратенау с согласия рейхсканцлера Вирта от имени Германии подписал Рапалльский договор, он был убит террористической организацией «Консул», за спиной которой стояли определенные круги немецкой тяжелой промышленности.

КПГ развернула мощное движение протеста; в нем участвовали не только рабочие, но и видные представители средних слоев, интеллигенции и демократически настроенной буржуазии. Но правые лидеры социал-демократии и профсоюзов, которые вначале под давлением масс приняли участие в этом выступлении, и на сей раз подорвали широкий единый боевой фронт, помешав добиться ощутимых успехов в борьбе против реакции.

Обострение противоречий между империалистическими державами и страх крупной буржуазии перед растущим революционным движением в Германии привели в конечном счете к иностранной оккупации Рура. Французские монополии требовали себе 60 процентов продукции этого мощного индустриального района, немецкие же соглашались предоставить только 50 процентов. Поскольку «мирно» договориться они не смогли, премьер-министр Франции Пуанкаре — закоренелый шовинист и ставленник финансового капитала — 11 января 1923 г. дал приказ французским войскам вступить в Рурскую область. Вооруженные, словно они предназначены для ведения войны, французские войска с танками и артиллерией вторглись в эту часть Германии. Установленная Версальским договором демаркационная линия была отодвинута на восток и в других местах. Французские и бельгийские солдаты заняли заводы и шахты Рура.

К вступлению хорошо вооруженных французских и бельгийских армий в основной индустриальный район Германии привела гнусная национальная измена немецких монополистов. Ведь правительство, возглавлявшееся рейхсканцлером Куно, являлось по сути дела исполнительным органом реакционной части германской крупной буржуазии. Гуго Стиннес, баснословно нажившийся на вооружении, войне и инфляции, давно уже вел переговоры с крупными промышленниками по левую сторону Рейна о создании германо-французского синдиката угля и стали. Итак, в важнейших вопросах и французские, и германские монополисты были едины, торг шел только о распределении добычи. И прежде всего они были едины в том, что двойную эксплуатацию немецкого народа можно обеспечить только в том случае, если будет скован, лишен своих прав и обезоружен рабочий класс. Германское правительство и не подумало мобилизовать миллионные массы на протест против этого империалистического акта и положиться на силу рабочего класса самой Германии.

и соседних с нею стран. На оккупацию оно ответило призывом к «пассивному сопротивлению». Пресса немецких монополий развернула дикую шовинистическую кампанию.

В этой сложной, чреватой непосредственной опасностью для мира ситуации только одна партия не дала сбить себя с толку — партия коммунистов. Уже 23 января «Роте фане» опубликовала призыв к борьбе против французских оккупантов и германских монополистов. КПГ дала единственно правильный, подлинно национальный лозунг: «Бей на Руре Пуанкаре, а Куно — на Шпрее!»

Исполком КИМа обратился к молодежи всего мира, и прежде всего к молодым французским солдатам, с призывом: «Ваше место — на стороне немецких рабочих!.. Ваши братья во всех странах смотрят на вас! Братание всех пролетариев в рабочей спецовке, в крестьянской одежде или военной форме — таково веление времени!»

В эти тяжелые, решающие дни стало особенно ясно, сколь важно для трудящихся Германии, что есть на свете такая страна, где правят рабочие и крестьяне. Сразу же после вступления французских и бельгийских войск в Рурскую область Советское правительство заявило: «Рабоче-Крестьянская Россия в свое время решительно протестовала против жестокого безумия Версальского мира и предвещала тяжчайшие последствия для Европы и для всего мира от его проведения в жизнь... В эти решающие дни Рабоче-Крестьянская Россия снова поднимает голос негодующего протеста... против подавления права германского народа на самоопределение. Снова и сособой энергией предостерегает она народы мира от нависшей над Европой угрозы кровопролитий»¹.

В ответ на политику национальной измены пришли в движение широкие слои немецкого народа, с каждым днем усиливалась воля трудящихся к борьбе, росло доверие к коммунистам, которые приобретали все большее влияние в массовых организациях, прежде всего в профсоюзах. Росло понимание той истины, что только рабочее правительство способно покончить с голодом, нуждой и обнищанием.

В середине января 1923 г. общее собрание членов революционных производственных советов Берлина потребовало вооружения рабочего класса и немедленного формирования пролетарских «сотен». Такое же требование выдвинуло собрание рабочих заводов Круппа. Профсоюзный картель Ремшейда и производственные советы Золингена тоже приняли решение о создании пролетарских «сотен» для отражения террористических действий фашистских банд. На своем партийном съезде в конце января — начале февраля КПГ заявила: «Бои против французских оккупационных армий ведут не слуги господина Круппа, не илоты шахтовладельцев, а революцион-

¹ «Обращение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета к народам всего мира в связи с оккупацией Францией Рурской области». — «Документы внешней политики СССР», т. VI. М., 1962, стр. 151, 152.

ные немецкие рабочие, взявшие в собственные руки судьбы своего класса и всей нации!»

Демонстрации протеста и волна забастовок подняли весь рабочий класс. Возмущение стало еще сильнее, когда дирекция горнопромышленных предприятий в Дортмунде призвала на помощь против бастующих горняков оккупационные власти. В то время как женщины и дети мерзли в нетопленных квартирах, на шахтах высились целые горы угля, перед которыми устанавливали свои пулеметы солдаты оккупационных войск. 31 марта во время демонстрации у ворот завода Круппа в Эссене залпами французских винтовок были убиты 13 человек и 31 ранен. 18 апреля открыли огонь фашистские отряды. Заняв ратушу в Мюльгейме-на-Руре, они в слепой ярости стали стрелять по демонстрации голодающих рабочих и их жен, мостовая обгадилась кровью восьми убитых.

Эти кровавые злодеяния привели к тому, что 1 мая 1923 г. 25 тысяч членов пролетарских «сотен», надев на рукава красные повязки, возглавили необозримую колонну демонстрантов в Берлине — рабочие снова были полны решимости бороться. Весь май прошел под знаком становившихся все более острыми боевых выступлений. В Рурской области забастовали 400 тысяч шахтеров и металлургов. В Гельзенкирхене дело дошло до ожесточенных уличных боев; за несколько часов почти весь город оказался в руках шахтерских «сотен». Французским оккупационным властям пришлось вступить в переговоры с рабочими; они начали давать всяческие обещания и даже заявили, что, мол, ничто не препятствует введению в Руре «советской системы», если только коллективы предприятий обязуются работать под французским «правлением». Но рабочие, уже наученные опытом, не дали одурачить себя.

В июне в забастовку включились 100 тысяч шахтеров и металлургов Верхней Силезии. Их примеру последовало 120 тысяч сельскохозяйственных рабочих. Социал-демократический обер-президент двинул против них полицейские части, была мобилизована штрейк-брехерская организация; забастовку пыталась задуть и профсоюзная бюрократия. Батраки ответили прекращением всех работ, связанных с чрезвычайным положением, к стачке присоединились и их товарищи в 60 поместьях Шлезвиг-Гольштейна. В Берлине забастовали 150 тысяч металлистов; стачечная борьба разгорелась и в Средней Германии.

Во Франции благодаря энергичной работе Французской коммунистической партии и коммунистического союза молодежи состоялся ряд демонстраций против оккупации Рура. В Англии, Италии, Бельгии и Чехословакии все громче звучали требования прекратить опасную авантюру в Руре. Из Советского Союза прибывали железнодорожные эшелоны и пароходы с пшеницей для голодающих рабочих Германии, советские профсоюзы предоставили в их распоряжение 100 тысяч рублей золотом, коллективы многих советских предприятий

регулярно жертвовали 2 процента своего дневного заработка в поддержку немецких братьев по классу.

КПГ призвала всех немецких трудящихся сделать день 29 июля 1923 г. днем совместных действий против фашистской опасности; ее призыву последовали миллионы. В ответ правительство запретило собрания и демонстрации и в нарушение Веймарской конституции запретило КПГ. Но 11 августа 200 делегатов берлинских производственных советов на своем общем собрании приняли решение провести трехдневную всеобщую забастовку. Они потребовали, в частности, немедленной отставки правительства Куно, снятия чрезвычайного положения, отмены запрета демонстраций и пролетарских сотен, немедленного освобождения политических заключенных. Действующий в единстве рабочий класс поддержала даже значительная часть мелкой буржуазии города и деревни. Уже в первый день всеобщей забастовки правительству Куно пришлось уйти.

Победа над реакцией укрепила боевую сознательность рабочего класса, теперь искра борьбы перекинулась и на деревню. Наступило время создать рабочее правительство. Но президент Германии социал-демократ Эберт не пожелал посчитаться с требованиями рабочих и назначил рейхсканцлером Густава Штресемана, председателя Немецкой народной партии — партии магнатов тяжелой промышленности. Четыре социал-демократических министра, послушно вошедших в новое правительство, без зазрения совести поддерживали антисоциальную и антинациональную политику монополистического капитала.

После капитуляции перед французским империализмом «пассивное сопротивление» было 26 сентября 1923 г. прекращено и правительство Штресемана перешло в наступление на трудовой народ. 13 октября Эберт в нарушение конституции издал призванный обезоружить рабочий класс закон о чрезвычайных полномочиях. С одобрения правых лидеров профсоюзов на промышленных предприятиях Рура был увеличен рабочий день: средняя рабочая неделя на коксовальных печах составляла теперь 65 часов, а ее предельная продолжительность равнялась 74 часам, на остальных предприятиях работа длилась в среднем от 65 до 78 часов в неделю.

В это время, используя создавшееся положение, сепаратисты при поддержке французских и бельгийских оккупационных властей, на деньги из французских и иных источников предприняли попытку отторгнуть Рейнскую область и Рур от Германии. Их антинациональные происки начались еще непосредственно по окончании первой мировой войны. 7 января 1919 г. банковские и промышленные магнаты из дома кельнского банкира Штайна образовали свой Экономический совет и открыто заявили, что следует создать Рейнскую республику, для установления которой нужна военная сила. Призыв к образованию сепаратного государства, опубликованный 1 февраля 1919 г., был подписан и обер-бургомистром Кёльна неким господином Аденауэром, за спиной которого стояли Гуго Стиннес, кон-

церя Маннесмана и другие монополии, а кроме того, монархисты Рупрехт фон Виттельсбах и князь фон Турн-унд-Таксис. Через одного французского полковника сепаратистам было передано 100 миллионов марок, не скупился на доллары и американский автомобильный король Форд. После того как правительство Куно было сброшено и в Германии вновь развернулось революционное движение, сепаратисты поставили на карту все, чтобы при помощи силы достигнуть намеченной цели. Они собрали и вооружили своих приверженцев, захватили общественные здания, ввели новую администрацию, выпустили собственные деньги. В Лондоне и Париже уже начались переговоры о стабилизации мировыми банками валюты нового сепаратного государства.

Как и в первые годы после заключения Версальского мира, рабочие под руководством коммунистов решительно выступили наперекор планам сепаратистов, повсюду прогнали их, зачастую после ожесточенных боев. Так, в предгорье Эйфеля, в районе между Кёльном и Бонном, произошли многочасовые стычки, которые принимали характер настоящих сражений; пролилось немало крови, но в конце концов сепаратисты были обращены в бегство.

Вот один из эпизодов этой борьбы. В последнее воскресенье сентября 1923 г. в Дюссельдорфе должно было состояться окончательное провозглашение сепаратной Рейнской республики. Коммунисты попытались немедленно договориться с самыми различными партиями и организациями, чтобы призвать население Дюссельдорфа и прилегающих районов воспрепятствовать этому позорному акту. Однако буржуазные партии и СДПГ объявили Дюссельдорф на этот день «мертвым городом» и призвали население не выходить на улицы. КПГ оказалась вынужденной организовывать отпор сепаратистам одна.

Коммунисты под руководством Вильгельма Флорина остановили уже у Кёльна мчавшиеся в Дюссельдорф с юга и из района Эйфеля специальные поезда с сепаратистами, блокировали все железнодорожные пути. В самом Дюссельдорфе борьбу против сепаратистов возглавил депутат рейхстага коммунист Вальтер Штёккер. Сепаратисты попытались захватить важнейшие здания города силами самых надежных людей, в первую очередь фашистских элементов из «добровольческих корпусов». Оккупационные власти поддержали сепаратистов броневиками и кавалерией, поэтому правительственная германская полиция очутилась в безнадёжном положении — она была оттеснена, окружена и разоружена; на домах уже появились первые зелено-белые флаги сепаратного Рейнского государства. Тогда рабочие отряды, скрытно сосредоточившиеся под покровом ночи, со всех сторон устремились к центру города и преградили путь французским броневикам. Французские офицеры почувствовали неуверенность перед лицом этой организованной силы и не решились дать приказ открыть огонь по рабочим. Отборные ударные отряды коммунистов в конце концов вызволили из беды беспомощных полицейских, тех

самых, которых правительство при каждом удобном случае бросало против них!

Возглавляемые коммунистами, рабочие отстаивали тогда единство Германии, сорвали планы таких сепаратистов, как Стиннес, Аденауэр и Яррес. Германское же правительство натравливало на этих рабочих оккупационные власти. Напоминая о тех услугах, которые в 1871 г. Бисмарк оказал версальскому правительству при подавлении Парижской коммуны, правительственный президент Дюссельдорфа писал главнокомандующему французских оккупационных войск: «Должен напомнить Вам, что во время восстания Коммуны германское верховное командование шло во всем навстречу французским войскам с целью совместно подавить это восстание. Я прошу Вас оказать такую же поддержку, если Вы не желаете допустить, чтобы в будущем возникла опасная ситуация». Такова была истинная цена «патриотизма» господствующих классов Германии.

На баррикады!

В результате инфляции обнищание народных масс резко усилилось. Почти две трети трудящихся не имели работы или же работали всего несколько часов в неделю. Осенью 1923 г. трамвайный билет стоил 100 тысяч марок, а квалифицированный рабочий получал в неделю максимум 126 миллионов. Продуктов, которые он мог купить на эти деньги, хватало всего на два дня. Смерть косила всех ослабевших и неспособных сопротивляться ей.

В стране возник революционный кризис. Значительная часть рабочего класса, трудящегося крестьянства и средних слоев все яснее осознавала, что только свержение существующей власти может обеспечить их жизненные интересы. Классово сознательные рабочие во всех частях Германии требовали вооружения пролетариата. Под давлением масс в Тюрингии и Саксонии были образованы рабочие правительства, состоявшие из коммунистов и левых социал-демократов. В Саксонии концентрировалось более трети всех пролетарских «сотен». В этих высокоразвитых индустриальных областях Германии боевой дух рабочего класса был особенно высок. Возникла предпосылка для начала в Саксонии и Тюрингии народного восстания, которое сметет контрреволюцию во всей стране.

Однако входившие в рабочие правительства коммунисты, к сожалению, вели себя как обычные парламентарные министры буржуазного коалиционного правительства, не мобилизуя и не вооружая народ. С другой стороны, правящие классы были заинтересованы в том, чтобы наряду с рейнскими сепаратистами поощрять по всей Германии монархические элементы, а также особенно фашистское «движение», которое развернуло дику реваншистскую, антикоммунистическую и антидемократическую пропаганду.

В этой быстро обострявшейся ситуации президент Эберт ввел чрезвычайное положение и передал всю исполнительную власть

командованию рейхсвера во главе с генералом фон Сектом. Во время второй мировой войны он являлся начальником штабов различных армий, а в 1919 г. возглавлял северный участок «Пограничной стражи Восток», то есть командовал войсками, расправлявшимися с Советской властью в Прибалтике.

Перед КПГ встала задача привлечь на свою сторону рабочий класс, крестьянство и другие трудящиеся слои для борьбы за свержение кабинета Штреземана, за революционное правительство коммунистов, социал-демократов и представителей других демократических сил. КПГ готовила вооруженное восстание. Она создала Военный совет во главе с Эрнстом Тельманом, взявший в свои руки вооружение пролетарских «сотен».

В результате маневров правооппортунистической группы Брандлера — Тальгеймера в руководстве КПГ и колебаний левых лидеров СДПГ всеобщего выступления не произошло. Генерал Сект смог нанести рабочему классу сокрушительный удар. С согласия социал-демократического президента Германии он бросил против рабочих войска рейхсвера, они вторглись в Саксонию и Тюрингию словно во вражескую страну.

Только имевшие боевой опыт гамбургские рабочие под руководством возглавляемой Эрнстом Тельманом партийной организации мужественно взялись за оружие и доказали, что пролетариат способен успешно вести бой за завоевание политической власти даже против отлично организованных и хорошо вооруженных контрреволюционных сил буржуазного государства.

То было тяжелое сражение. Лишь в одном районе Гамбурга — Вандсбеке рабочим противостояло 600 человек полиции готовности и 6 броневиков. По плану восстания рабочие отряды должны были захватить склады оружия, а также разоружить полицию и фашистов, занять почтамт и телеграф, важнейшие вокзалы и аэродром, чтобы не допустить прибытия военных подкреплений. В ночь на 22 октября лучшие ударные отряды собрались в намеченных пунктах, имея в своем распоряжении 19 винтовок и 27 пистолетов. Точно в намеченную минуту они бросились на штурм и к 5 часам 30 минутам утра захватили 17 полицейских участков, а также 170 винтовок с патронами. Была объявлена всеобщая забастовка, остановлены все средства транспорта. К сожалению, не удалось помешать подъему по тревоге полицейских формирований. В 7 часов утра Эрнст Тельман дал приказ строить баррикады. Рабочие взламывали каменные плиты тротуаров, опрокидывали мебельные фургоны, катили пивные бочки. Плечом к плечу стояли организованные и беспартийные рабочие. Молодежь была в первых рядах, женщины и девушки взяли на себя связную службу и обеспечение сражающихся пищей и патронами. Отрядом, который удерживал особенно важную позицию — район Бармбек, командовал Вилли Бредель, впоследствии известный пролетарский писатель. Несмотря на применение броневиков и пулеметов, полиции не удалось взять баррикады.

Тогда на подмогу властям подошли крейсер «Гамбург» и два торпедных катера, но отряд матросов отказался сражаться против рабочих. В Гамбург были переброшены полицейские части из Любека, введены в действие даже самолеты. Полиция и войска с пулеметами и орудиями снова и снова атаковали Бармбек, но безуспешно. Восставшие сражались не только на баррикадах, они вели огонь с крыш и из окон. Пользуясь поддержкой населения, они все время перемещались с места на место, обходя врага с тыла. Три сотни рабочих противостояли многократно превосходящим силам противника.

Три дня выстояли рабочие Гамбурга, доказав, что народное восстание, возглавляемое целеустремленным руководством, невозможно подавить военными средствами. Но Гамбург оказался изолированным. Эрнст Тельман дал приказ к отступлению, и повстанцы дисциплинированно отступили без больших потерь. «Пролетарская революция, — писал Эрнст Тельман два года спустя, — перенесла не одно кровавое поражение.* Но она не истекла кровью. Она еще более сильно, более гордо, более решительно шла вперед... И Гамбург тоже не убит, нет, Гамбург непобедим! Новые восстания пролетариата, новые победы контрреволюции последовали за германским Октябрем. Рабочие поднимались и были разбиты в Польше, Эстонии, Болгарии. И все-таки мы победим! Восстания пролетариата — это этапы на пути победы революции благодаря своим не только непосредственным позитивным результатам, но прежде всего вследствие тех больших уроков, которые они вбивают в голову всего пролетариата».

Ожесточенные классовые бои тех лет закончились поражением германского пролетариата. Монополистическому капиталу и юнкерам-милитаристам удалось удержать свои позиции потому, что правые лидеры СДПГ, как и в конце первой мировой войны, поспешили прийти на помощь эксплуататорским классам, лишь только обозначился кризис власти империалистов. Вступив в коалиционное правительство Штреземана, они фиговым листком прикрыли наготу контрреволюции. Передачей исполнительной власти генералу Секту Эберт содействовал установлению военной диктатуры, разгоном созданных на основе конституции рабочих правительств Саксонии и Тюрингии (в которые входили и социал-демократические министры) подготовил почву для запрещения Коммунистической партии. Все это создало внутривластные предпосылки для усиленного финансового закабаления Германии американским монополистическим капиталом, для относительной стабилизации капитализма и нового подъема германского империализма и милитаризма.

Сравнительно молодая КППГ к тому времени еще не обладала достаточным опытом борьбы за завоевание политической власти. Большой вред ей наносили правооппортунистические влияния и «ультралевые» взгляды в собственных рядах, мешавшие привлечь к революционной борьбе большинство рабочего класса, а также широкие массы крестьянства. Зато тяжелые классовые бои в период послевоенного революционного кризиса послужили ей суровым уро-

ком и залогом будущих побед. Историческая задача КППГ состояла в свержении господства юнкеров и монополистов, в создании рабочего правительства, в привлечении народных масс на борьбу за завоевание политической власти и установление революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян в качестве предварительной ступени к диктатуре пролетариата. Решение этой задачи требовало превращения КППГ в марксистско-ленинскую партию, боевую партию нового типа, образцом которой является Коммунистическая партия Советского Союза.

Гитлер — это война!

BANKIER SCHRODER: Ein gemeinsames Interesse der Wirtschaft bestand in der Angst vor dem Bolschewismus und der Hoffnung, daß die Nationalsozialisten, einmal an der Macht, eine beständige politische und wirtschaftliche Grundlage in Deutschland herstellen würden ... Weiterhin erwartete man, daß eine wirtschaftliche Konjunktur durch das Vergeben von größeren Staatsaufträgen wirksam werden wird.

RIEHLER HENKEL: Von Dutzenden Parteien, die vor 1933 im Reichstag saßen, gab es keine, die nicht die nationalsozialistische Partei, und das war die Nazi-Partei. Als uns Hitler 1932 als Führer der nationalsozialistischen Partei vorstellte, entschlossen wir uns, ihn zu unterstützen.

politschewismus und der Hom...
politische und wirtschaftliche Grundlage in...
man, daß eine wirtschaftliche Konjunktur durch das Vergeben von...
werden wird.

GROSSINDUSTRIELLER HENKEL: Von Dutzenden Parteien, die vor 1933 im Reichstag saßen, gab es
nur eine hundertprozentige antikommunistische Partei, und das war die Naziartei. Als uns Hitler 1932
mit den Kommunisten aufräumen würde, entschlossen wir uns, ihn zu unterstützen.

Fort mit Hitler-Pa

Die Rote Fahne

Programmerklärung

zur nationalen und sozialen Befreiung des deutschen Volkes

[illegible]

GENERALSTREIK

gegen die faschistische Terrorherrschaft!

Hilf Reichskanzler
Wirtschaft

Hilf für die unterdrückten Bauern

Die Bauern haben durch den Krieg ihre wirtschaftliche Lage verschlechtert, und sie werden durch die faschistische Terrorherrschaft noch mehr bedrückt.

Die Bauern haben durch den Krieg ihre wirtschaftliche Lage verschlechtert, und sie werden durch die faschistische Terrorherrschaft noch mehr bedrückt.

Die Bauern haben durch den Krieg ihre wirtschaftliche Lage verschlechtert, und sie werden durch die faschistische Terrorherrschaft noch mehr bedrückt.

**Hitler Reichskanzler, Papen Vizekanzler, Hugenberg
Wirtschaftsdiktator, die Frick und Goebbels an der
Spitze der Polizei, Stahlhelmmann Selig Arbeit**

Das Kabinett Hitler-Hugenberg-Papen ist die offene faschistische Diktatur . . .

Es ist der Bourgeoisie Ernst damit, die Partei und die ganze Avantgarde der Arbeiterklasse zu zerschmettern. Sie wird deshalb kein Mittel unversucht lassen, um dieses Ziel zu erreichen. Also nicht nur Vernichtung der letzten spärlichen Rechte der Arbeiter, nicht nur Parteiverbot, nicht nur faschistische Klassenjustiz, sondern alle Formen des faschistischen Terrors; darüber hinaus: Masseninternierung von Kommunisten in Konzentrationslagern, Lynchjustiz und Meuchelmorde an unseren tapferen antifaschistischen Kämpfern, insbesondere an kommunistischen Führern – das alles gehört mit zu den Waffen, deren sich die faschistische Diktatur uns gegenüber bedienen wird. Schon die ersten Tage der Hitlerdiktatur beweisen den ganzen tiefen Ernst der Situation. Es wäre ein Verbrechen, irgendwelche legalistischen Illusionen in unseren Reihen zu dulden. Wir müssen in der ganzen Arbeiterklasse darüber Klarheit schaffen, daß es keine andere Art der Ablösung dieser Regierung geben kann als ihren revolutionären Sturz. Das bedeutet nicht, daß der Sturz der Hitlerregierung und der Sieg der proletarischen Revolution unbedingt ein und dasselbe sein müssen. Wir stellen die Frage des Kampfes für den Sturz der Hitlerregierung, die Frage der Beseitigung der Hitler-Hugenberg-Regierung als unmittelbare Aufgabe.

ERNST THIXLMANN auf der illegalen Tagung des ZK der KPD
am 7. Februar 1933 in Ziegenhals

Genosse Remmele zu 2½ Jahren Festung verurteilt /

Die Rote Fahne

Zentralorgan der Kommunistischen Partei Deutschlands (Sektion des kommunistischen Internats)

Verlegt von der Redaktion der Zeitung am 1. Mai 1920, No. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 8

Genosse Ernst Thälmann proklamiert:
Bauernhilfsprogramm der KPD

Hilfe für die unterdrückten Bayern

Alle für die unterdrückten Bauern

„На горизонте блеснул луч надежды! Над Германией всходит долларое солнце!» — кричали заголовки социал-демократических газет. День за днем они предвещали «растущее благосостояние» и «хозяйственную демократию», которая широко развернется отныне. А отсюда путь прямехонько поведет к социализму, в который рабочий класс сам собой «врастет» вполне мирно и без больших жертв. Теперь Германия получит, наконец, возделенную помощь извне, от США, ликовала вся буржуазная и социал-демократическая пресса: американские банки предоставляют заем 800 миллионов золотых марок, они оживят всю экономику, времена голода миновали навсегда.

Да, германским монополистам еще раз удалось выбраться из тяжелого послевоенного кризиса. Генерал Сект, стоявший во главе «республиканского» рейхсвера, выразил это крылатыми словами: «Форма меняется, дух остается!» А дух этот был духом кайзеровского офицерского корпуса, духом убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Он культивировался в рейхсвере Веймарской республики: там, где проходили его полки, оставались кровавые следы. На полную мощь работал судебный аппарат. С начала июня до середины сентября 1924 г. 1750 рабочих были приговорены в сумме к 1100 годам каторжной тюрьмы, а 65 преданы имперскому суду, приговоры которого гласили: 182 года каторги и 82 года тюрьмы.

Коммунистическая партия была запрещена, сопротивление рабочих казалось сломленным. Правительство Штреземана отменило гарантированный законом 8-часовой рабочий день; распоряжения о введении чрезвычайных налогов следовали одно за другим. На предприятиях началась «рационализация». Предприниматели изощренными методами поднимали нормы производительности труда до полного истощения рабочих; всех недостаточно «благонадежных» выбрасывали за ворота.

Одновременно монополисты производили реорганизацию своих вооруженных сил, предназначенных для подавления рабочего класса. Кадры «добровольческих корпусов» получили важные посты и в хозяйственном аппарате. В виде союза фронтовиков «Стальной шлем» вырос новый резерв для рейхсвера, превращавшегося в ярко выраженную кадровую армию.

Американские монополии почувствовали, что теперь уже можно выгодно вложить в Германию свои «избыточные» капиталы и вместе с тем расширить собственные позиции в Европе. Германские железные дороги были ренационализированы — только в одном 1929 г. государство должно было выплатить за них 660 миллионов золотых марок; таможенные пошлины и некоторые важнейшие налоги отданы в залог, а промышленности навязаны облигации на 5 миллиардов марок. Платить же приходилось трудящимся, которые должны были своим трудом обеспечивать выплату не только этих огромных сумм, но и репараций в размере не менее 2,5 миллиарда золотых марок в год.

Однако не только немецкие коммунисты создавали опасность финансового закабаления Германии американским капиталом. В начале октября 1924 г. в Кёльне встретились коммунистические депутаты парламентов Германии, Франции, Италии, Голландии, Бельгии, Чехословакии и Швейцарии. Они приняли «Манифест к рабочим всех стран», в котором разоблачили вредную демагогию правых социал-демократических лидеров и показали, к чему стремятся американские империалисты. Политика наиболее агрессивных империалистических кругов США имела целью создать в Центральной Европе предпосылки для нового широкого нападения на Советскую страну, германскому же империализму и милитаризму предназначалась при этом роль тарана. «На горизонте исторического поля битвы, — говорилось в манифесте, — вырисовывается перспектива борьбы мирового империализма против Советской России, и перспектива эта принимает гигантские размеры последней решающей битвы между капиталом и трудом, между буржуазией и пролетариатом».

Избрание 26 апреля 1925 г. генерал-фельдмаршала Гинденбурга, этого закоренелого милитариста, на пост президента красноречиво свидетельствовало о растущем влиянии самых реакционных сил монополистического капитала и юнкерства на политическую жизнь Германии. Прикрываясь демагогическими фразами о демократии, взаимопонимании между народами и мире, они после провала первой попытки передела мира брали курс на вторую.

Но боевая сила германского рабочего класса не была сломлена. Он не забыл о крупных классовых боях 1923 г. и теперь поднялся на защиту 8-часового рабочего дня и своего права на участие в управлении производством, на борьбу против нового наступления капиталистов. Продолжительные и ожесточенные забастовки кораблестроителей Гамбурга, горняков и металлистов Рейнланда-Вестфалии, рабочих химических заводов Людвигсгафена, а также пролетариев многих других промышленных центров проходили под неоспоримым руководством коммунистов.

С помощью Коминтерна ленинское ядро КПП приступило к развертыванию широкой работы в массах, ориентируясь на завоевание рабочего класса для общей борьбы за непосредственные повседневные интересы и демократические права с целью подготовки решительной схватки с германским империализмом. С избранием в октябре 1925 г. Эрнста Тельмана Председателем КПП и созданием ее ленинского Центрального Комитета, в который вошли Вильгельм Пик, Фриц Геккерт, Вальтер Ульбрихт, Клара Цеткин, Вильгельм Флорин и Эрнст Шнеллер, ленинизм одержал в Германии окончательную победу над различными проявлениями влияния буржуазной идеологии в молодой Коммунистической партии. Эта победа явилась важным этапом в развитии КПП, а впоследствии и Социалистической единой партии Германии, в борьбе за решение национального вопроса немецкого народа. Началось широкое, планомерное распространение трудов Маркса, Энгельса и Ленина, марксизм-ленинизм стал

творчески применяться к конкретным условиям классовой борьбы в Германии.

Коммунистическая партия последовательно выступала против нового похода реакции на трудящихся. По замыслу правого крыла монополистического капитала и крупных аграриев прогнанные в ноябре 1918 г. князья должны были получить теперь многомиллиардную «компенсацию» за потерю своих владений.

От имени ЦК КПГ Эрнст Тельман обратился к социал-демократической партии и Всегерманскому объединению профсоюзов, к социал-демократическому «Союзу республиканского флага» («Рейхсбаннер») ¹ и коммунистическому «Союзу красных фронтовиков» с предложением использовать всю силу организованного рабочего движения, чтобы не допустить ограбления немецкого народа Гогенцоллернами, Виттельсбахами, Кобургами и другими многочисленными свергнутыми германскими династиями. Предложение было встречено всеобщим одобрением.

Подготовкой народного опроса о безвозмездной экспроприации князей целеустремленно действовавшее новое руководство КПГ привело в движение огромные массы. Лозунг «Ни пфеннига князьям!» нашел отклик не только среди рабочих, но и среди крестьян и представителей средних слоев. «Ни пфеннига князьям!» — эти слова писались мелом на стенах цехов и вагонетках с углем. И снова стало видно, чего может добиться рабочий класс, действуя едино. Несмотря на ураганный огонь монополистической прессы, несмотря на запугивание со стороны государственной бюрократии, в период с 4 по 17 марта 1926 г. 12,5 миллиона имеющих право голоса граждан поставили в официальных списках свои подписи, требуя закона о безвозмездной экспроприации феодального крупного землевладения.

Это недвусмысленное выражение народной воли напугало правящие классы. Они пустили в ход все имевшиеся в их распоряжении средства, чтобы сорвать народный референдум, не допустить тайного голосования внесенного законопроекта. Даже с церковных кафедр они обрушивали на головы верующих гром и молнии, призывая в помощь себе небо и ад, лишь бы заклеить намеченную экспроприацию князей как «нарушение божественных заповедей», как «разбой и грабеж».

Но коммунисты не дали себя запугать. Напротив, благодаря публичной полемике аргументы их стали еще убедительнее, появились тысячи новых агитаторов. Подтвердилась правильность организационной перестройки партии — создания производственных ячеек.

20 июня 1926 г., в день плебисцита, 14,5 миллиона человек, обладающих избирательным правом, тайным голосованием высказалось за безвозмездную экспроприацию князей. Это было на 4 миллиона голосов больше, чем КПГ и СДПГ собрали вместе на последних выборах в рейхстаг.

¹ Социал-демократическая организация самообороны. — *Прим. пер.*

Что же произошло затем? 6 октября, через три месяца после столь убедительного выражения народной воли, прусский министр-президент социал-демократ Отто Браун подписал соглашение между Пруссией и династией Гогенцоллернов. В результате «компромисса» этим потомкам псов-рыцарей, виновникам массовой бойни первой мировой войны, прогнанным народом в 1918 г., возвращалось около 400 тысяч моргенов самой лучшей земли, дворцы, замки и прочие материальные ценности; сверх того они еще получали 15 миллионов золотых марок наличными.

С каждым днем все больше подтверждалась истинность слов Вальтера Ульбрихта: «Исторический опыт показывает, что вопрос может стоять только так: буржуазная демократия или пролетарская, диктатура буржуазии или диктатура пролетариата; середины, среднего пути быть не может. Правящие классы еще никогда не отказывались от власти и не делили ее с трудящимися. Болтовня о «чистой демократии» при господстве капитализма — это, таким образом, не что иное, как отказ от власти».

На своем XI съезде, состоявшемся в Эссене в марте 1927 г., КППГ констатировала, что буржуазия не видит иного выхода из приближающегося экономического кризиса и обострившейся конкуренции кроме как в войне. Принимая во внимание этот опасный ход развития, КППГ характеризовала борьбу против угрозы империалистической войны, против нового вооружения как самую актуальную задачу всех тех немцев, которым дороги национальные интересы. Еще 25 февраля 1927 г. «Роте фане» предостерегающе писала: «Вспомните о том море крови и слез, в которое ввергли социал-демократические вожди немецкий рабочий класс! Если дело пойдет так, как того хотят черно-бело-красные¹ поджигатели войны, Германия может стать теперь не только тылом войны против Советского Союза, но и полем битвы... Они хотят уничтожить Советский Союз потому, что он служит для угнетенных масс всего мира символом освобождения от капитализма. Речь идет не только о Советском Союзе, но и о судьбе германского рабочего класса».

В лице Коммунистической партии немецкий народ имел неустанный, непреклонный поборника его жизненных интересов, который бросил на чашу весов все свои силы, чтобы выковать боевое единство всех рабочих — коммунистов, социал-демократов, членов профсоюзов и неорганизованных. А в лице «Союза красных фронтовиков» германский рабочий класс создал в июле 1924 г. мощную организацию самообороны, мужественно противостоявшую милитаристским и реваншистским проискам и дававшую отпор наглевшим с каждым днем отрядам фашистских погромщиков во главе со «Стальным шлемом».

В первомайские дни 1927 г. его главарь мыльный фабрикант Зельдте провокационно заявил, что 8 мая его банды, которые

¹ Цвета флага кайзеровской Германии и «Стального шлема», а впоследствии — государственного флага гитлеровского «рейха». — *Прим. пер.*

соберутся на общегерманскую встречу, «завоюют красный Берлин в духе национализма и покажут берлинским рабочим, этому наглому красному сброду, силу «Стального шлема»». В открытом письме берлинским руководящим органам СДПГ, профсоюзов и «Союза республиканского флага» КППГ и «Союз красных фронтовиков» предостерегали, что участвовавшие выступления фашистско-реваншистских организаций носят характер планомерных действий против растущей воли рабочих к сопротивлению. «Состоявшаяся в майские дни этого года демонстрация берлинского пролетариата явилась столь мощным генеральным смотром его сил, показала такую могучую волю к единству и совместной борьбе против реакции, что было бы преступлением по отношению к пролетариату, если бы миллионная армия берлинских рабочих пренебрегла организованной самозащитой от сборища «Стального шлема», — говорилось в письме.

8 мая фашисты получили решительный отпор, а на троицу 1927 г. 100 тысяч рабочих в стального цвета форме красных фронтовиков вступили в Берлин под ликующие возгласы населения. Они торжественно дали боевую клятву.

«Клянусь:

Никогда не забывать, что мировой империализм готовит войну против Советского Союза.

Никогда не забывать, что судьба рабочего класса всего мира неразрывно связана с Советским Союзом.

Никогда не забывать опыт и уроки, полученные рабочим классом в мировой империалистической войне, день 4 августа 1914 года и предательство, совершенное реформизмом.

Всюду и всегда выполнять свой революционный долг перед рабочим классом и социализмом.

Всюду и всегда оставаться солдатом революции.

Всюду и всегда, во всех пролетарских массовых организациях, в профсоюзе и на предприятии быть пионером непримиримой классовой борьбы.

Оказавшись на фронте или в империалистической армии, действовать в интересах революции.

Вести революционную борьбу за свержение классового господства германской буржуазии.

Всеми средствами защищать русскую и китайскую революции.

Всегда и всюду защищать Советский Союз и бороться за победоносную мировую революцию».

Пламя вспыхивает вновь

В те годы мне пришлось работать и шахтером, и «вкалывать» как чернорабочему на строительстве, и по узкому дощатому трапу перетаскивать тяжелые грузы с рейнских барж на склады, и перевозить маргарин огромного концерна «Юргенс-Ван дер Берг». Как коммуниста, как «врага государства», меня прогоняли отовсюду. Мне

довелось на себе испытать капиталистическую рационализацию, жестокое наступление предпринимателей на трудящихся. Устремившийся в Германию иностранный капитал дал монополистам возможность поднять свой производственный аппарат на самый современный уровень, постоянно усиливать интенсивность труда. Одновременно они «чистили» свои предприятия: тот, кто не выдерживал убийственного, сумасшедшего темпа или же оказывался на подозрении, вылетал за ворота.

Но самым трудным была в то время борьба с парализующим воздействием классово враждебной идеологии. Правые социал-демократические лидеры пророчили длительное экономическое процветание; возникавшие гигантские тресты они выдавали за убедительное доказательство якобы происходящего изменения характера капитализма. Съезд СДПГ в 1927 г. охарактеризовал эти паразитические хозяйственные организмы как «организованный капитализм», а конгресс Свободных профсоюзов даже обнаружил здесь мифическую «демократизацию экономики», которая якобы «ведет к социализму».

Но даже когда появились явные признаки нового экономического кризиса, когда уже невозможно было не замечать, что конъюнктура прошла, когда различные массовые выступления и стачки приняли повседневной характер, даже тогда, в июне 1928 г., СДПГ послушно последовала призыву Гинденбурга и впервые за данный период возглавила правительство. В трогательном согласии с партиями крупного капитала правые социал-демократы продолжали антисоциальную и антинациональную политику правительства буржуазного блока и поддерживали империалистическое вооружение. Социал-демократическое правительство Германа Мюллера вопреки своим предвыборным обещаниям решило предпринять постройку «карманного» броненосца «А», тем самым положив начало созданию в Германии военно-морского флота, отвечавшего современным требованиям.

При возглавляемом социал-демократами правительстве их полицей-президент Берлина Цергибель приказал 1 мая 1929 г., в международный день борьбы за мир и социализм, открыть огонь по мирной демонстрации рабочих. Берлинскую мостовую, как в январские дни 1919 г., как 1 мая 1919 г. в Мюнхене, обагрила рабочая кровь. 33 убитых, свыше 100 тяжелораненых — таковы жертвы этого позорного акта. «Союз красных фронтовиков» был запрещен, зато фашистские формирования поощрялись.

Радужные иллюзии о длительном периоде экономического подъема, о социальной стабилизации, о «хозяйственной демократии» и «организованном капитализме» лопнули как мыльный пузырь. Экономический кризис потряс весь капиталистический мир. Он охватил прежде всего сказочную для социал-демократов страну — «золотую Америку», монополии которой во время мировой войны и в послевоенный период нажили огромные прибыли, накопили несметные богатства. Кризис цепной реакцией перекидывался с одной капиталистической страны на другую, особенно свирепствовал он в Германии.

Терпели крах банки, в стабильности которых до сих пор никто не решался усомниться, теряли свои сбережения миллионы людей. Закрывались предприятия, прибыли которых в последние годы непрерывно росли; теперь стоимость их машинного оборудования за одну ночь падала до цены железного лома. Скачкообразно шла вверх кривая безработицы, не исчезавшей и в период высокой конъюнктуры. К началу 1932 г. в стране насчитывалось свыше 6 миллионов официально зарегистрированных безработных. Доходы рабочих, служащих и чиновников упали ниже прожиточного минимума, десятки тысяч ремесленных заведений обанкротились, из 22 тысяч учителей, закончивших образование в 1931 г., работу получили только 900. Падение покупательной способности сократило и сбыт, крестьянам приходилось оставлять на полях несобранной часть урожая. Снова вспыхнули эпидемии на почве голода, быстро росло количество самоубийств.

Быть безработным, безработным на многие годы, жить без всякой надежды на получение работы, чувствовать себя отверженным, никому не нужным, видеть, как голодают твои жена и дети — кто может измерить душевные страдания от такого постепенного падения на дно! По истечении 26 недель бюро страхования по безработице, созданное после войны, прекращало выплату пособий. Теперь ты отдан на милость государственных органов, теперь тебе надо выклянчивать «благотворительное» пособие или подачку по бедности. Но и этого не хватает, чтобы утолить голод и заплатить за снимаемую квартиру. А не можешь платить, будь готов, что тебя вышвырнут на улицу, что ты окажешься в барачном лагере или в ночлежке.

Кризис душил не только потерявших работу, но и тех, кто пока еще имел ее. Призрак увольнения неотступно стоял за их спиной, заставлял их давать наивысшую производительность труда. Одним из самых рафинированных методов извлечения сверхприбылей из массовой безработицы служила система, при которой рабочий трудился только три или четыре дня в неделю, между тем как предприятие работало всю неделю. Одна группа сменяла у машин другую — так из каждого рабочего можно было выжать гораздо больше. Кроме того, предприниматели, «осуществляющие заботу» о них, получали государственные «дотации». Однако рабочие с неполным рабочим днем, заработок которых теоретически превышал возможное пособие по безработице, никакого права на вспомоществование не имели. Безработица, неполный рабочий день, благотворительные подачки (которые к тому же выдавались с запозданием) — все это было дьявольской системой; банкиры и монополисты жестоко пользовались ею для того, чтобы достигнуть своих политических целей, противопоставить одни слои трудящихся другим.

Миллионы жертв кризиса, особенно среди среднего сословия, в отчаянии задавали вопрос, в чем же причина их нужды, искали пути ее преодоления. Экономическое чудо, которым их дурачили правые социал-демократические лидеры, развеялось в прах. Чтобы отвлечь

внимание трудящихся от этих вопросов, все партии, начиная от крайне правых и кончая СДПГ, стремились превзойти друг друга в антикоммунизме, наперебой вопили о хаосе, который воцарится в Германии, если верх возьмут коммунисты, малевали жуткую, леденящую кровь картину жизни в Советском Союзе.

А между тем именно Советский Союз своими заказами давал во время кризиса возможность существовать целым отраслям немецкой промышленности. Уже в 1925—1929 гг. он покрывал добрую четверть, а в 1928 г. — почти треть всего своего ввоза за счет импорта из Германии. Когда мировой экономический кризис стал лишать Германию одного за другим ее рынков сбыта, 25 процентов общего объема немецкого экспорта сельскохозяйственных машин, 21 процент всех вывозимых токарных станков и 11 процентов других машин шло в Советский Союз. С началом первой пятилетки эта страна превратилась в важнейшего покупателя продукции германской индустрии. В 1931 г. она приобретала уже 25 процентов всех производившихся в Германии деталей машин, а также автомобилей, котлов, листопркатной и проволоочной продукции, более 50 процентов всех станков и металлов. Какие замечательные перспективы открылись бы для Германии, если бы столь многообещающе начавшиеся экономические связи были продолжены и превратились в дружественные отношения с Советским Союзом!

Но германский империализм, снова почувствовавший себя сильным и сконцентрировавший свою экономическую мощь в таких колоссальных концернах, как «ИГ Фарбениндустри» или «Ферейнигте штальверке», преследовал совсем иные цели: осуществление планов передела мира, которого ему не удалось добиться в первой мировой войне. Он безгранично использовал в своих антинациональных целях смятение и отчаяние, овладевшие широкими слоями народа.

В Германии, ставшей узлом всех противоречий империалистического лагеря, кризис экономический вскоре перешел в политический кризис капиталистической системы. Классовая борьба между основными силами общества — монополистической буржуазией и революционным рабочим классом — обострилась и грозила революционным взрывом. Политическая атмосфера была накалена до предела. Все более широкие слои народа требовали улучшения своего положения. Коммунистическая партия приобретала все большее влияние на трудящиеся массы. Еще до того как разразился кризис, в июне 1929 г., КПГ на своем XII съезде, проходившем в пролетарском районе Берлина Веддинге, указала на грозящую опасность фашизма: «Буржуазия все больше, все сознательнее и все чаще прибегает к фашистско-диктаторским методам защиты своего классового господства против пролетариата... Началась ликвидация остатков буржуазной квазидемократии. На повестку дня поставлено установление неприкрытой, лишенной формально демократических ограничений диктатуры финансового капитала».

И действительно, правящие классы были уже не в состоянии удерживать свою власть испробованными методами. В марте 1930 г. правительство социал-демократа Германа Мюллера вынуждено было уйти в отставку. Гинденбург назначил рейхсканцлером представителя правого крыла католической партии центра Брюнинга. Его кабинет начал править одними «чрезвычайными распоряжениями», без принятия законов парламентом. Это правительство повысило старые и ввело новые налоги, затронувшие широкие массы народа, резко сократило пособия безработным, а также нуждающимся в благотворительной помощи и другим социальным категориям, уменьшило пенсии инвалидам войны и труда, по старости, вдовам и сиротам, пенсии и оклады государственным служащим. «Чрезвычайными распоряжениями» были запрещены рабочие организации, ограничена или отменена свобода демонстраций и собраний, пущена ко дну свобода печати — словом, шаг за шагом ликвидированы завоевания Ноябрьской революции и гарантированные конституцией демократические права и свободы.

Самые агрессивные силы финансового капитала все сильнее ориентировались на гитлеровскую партию: ведь приход к власти нацистов (влияние которых на массы в условиях кризиса росло) с их национальной и социальной демагогией, с их неразборчивостью в средствах и авантюризмом, а прежде всего с их ненавистью к рабочему движению более всего отвечал разбойничьим интересам германского империализма.

После провала организованного гитлеровской партией в 1923 г. в Мюнхене путча против Веймарской республики партия эта совершенно потеряла всякое значение. Где бы мы, коммунисты, в своей политической работе ни сталкивались тогда с ее сторонниками, как правило, раздавался лишь хохот: даже полуобразованный рабочий мог без труда «расшелкать» нацистские аргументы. Но когда рабочий класс в период приближения кризиса перешел к мощным забастовочным выступлениям, партия свастики при поддержке монополий снова всплыла на политическую поверхность и на выборах в рейхстаг в мае 1928 г. даже получила двенадцать мест.

Потом наступил кризис. Он разорил бесчисленное множество мелких и средних предпринимателей, разрушил материальную базу существования десятков тысяч представителей средних слоев и довел до отчаяния массу задолжавших крестьян-бедняков. Лживыми лозунгами вроде «ликвидация процентного рабства» или даже раздел крупных имений нацистам удалось приобрести себе массовую базу среди крестьянства. Своими фразами о «народе без пространства», об «арийской расе господ», которая должна властвовать над другими, они подогревали и взвинчивали национализм и шовинизм. Своими призывами «против алчного капитала», «за ликвидацию универсальных магазинов» они вводили в заблуждение разоренных кризисом ремесленников и кустарей, служащих, чиновников, людей свободных профессий, натравливали их против организованного рабо-

чего класса. Проводившаяся правительством Брюнинга политика «чрезвычайных распоряжений», возлагая на плечи народа все новое бремя, усиливая невероятное обнищание широких слоев и их страх за свое существование, делала все, чтобы толкнуть разочарованных, сбитых с толку, колеблющихся в объятия расистских фанатиков со свастикой.

До тех пор мы дрались в основном со «Стальным шлемом», выступавшим под черно-бело-красным военным флагом кайзеровской Германии. Теперь картина изменилась. Как грибы из-под земли, повсюду стали появляться «пивные штурмовики» и «дома СА», принадлежащие нацистской партии. Там давали горячую пищу, там поили пивом и шнапсом, там было где выпасться — и все задаром! Вскоре по главным улицам уже демонстративно фланировали в элегантных черных мундирах члены «охранных отрядов» (Schutzstaffeln) — СС, а СА — «штурмовые отряды» (Sturmabteilungen) стали по любому поводу браво маршировать со всеми воинственными атрибутами. Своим внешним видом штурмовики поразительно напоминали солдат колониальных войск: покрой и цвет формы — наподобие английских тропических хаки, фуражка — на манер французского военного кепи, вот только тяжелые кованые сапоги — истинно прусские. Города и деревни были сплошь обклеены нацистскими плакатами, засыпаны листовками; мизерные дотолее тиражи газет со свастикой резко скакнули вверх, достигнув рекордных цифр. Они возвещали наступление новой эры, воцарение «третьего рейха»: все бедствия, все горести останутся позади, стоит только «сильной личности», «фюреру», ниспосланному «провидением», твердо взять в свои руки государственный руль, он покончит с этой «жалкой демократией», с этой «прогнившей парламентской системой»!

Источники, из которых гитлеровской партии и ее бандам громил текли многомиллионные суммы, отнюдь не были покрыты тайной. Это были те же источники, из которых еще перед первой мировой войной финансировались «Пангерманский союз» и все прочие шовинистско-милитаристские организации, служившие для психологической подготовки нападения на другие страны. Факт этот был доказан тысячекратно, да они и сами не делали из него секрета — все эти крупны и кирдорфы, гугенберги, тиссенсы и стиннесы, банковые воротилы и земельные магнаты, торговцы смертью. Нацистская партия, на которой они остановили свой выбор, предназначалась ими для того, чтобы не допустить возникновения широкого демократического фронта борьбы против врагов немецкой нации, противодействовать революционному натиску народных масс и в конечном счете обезоружить, сковать по рукам и ногам рабочий класс, дабы он уже не мог сопротивляться поджигателям новой войны. А так как социал-демократические лидеры отказались установить единство действий рабочего класса против правительства Брюнинга, после состоявшихся в сентябре 1930 г. выборов в рейхстаг в помпезном дворце на берегу Шпрее заняли депутатские места 107 субъектов со

свастикой на рукаве — гитлеровская партия в 9 раз увеличила число поданных за нее голосов. На политическом горизонте вспыхнули зловещие зарницы, предвещавшие национальную катастрофу.

Программа освобождения

Испытанная и ставшая зрелой в многочисленных боях, проникнутая чувством национальной ответственности, Коммунистическая партия Германии явилась в час грозящей опасности защитником жизненных интересов немецкого народа. Она и в невероятно сложной ситуации тех дней выдержала свое испытание перед лицом истории.

24 августа 1930 г. КПГ опубликовала разработанную Эрнстом Тельманом «Программу национального и социального освобождения немецкого народа». Лживым «национально-социалистским» лозунгам гитлеровской партии КПГ противопоставила подлинную альтернативу: ликвидация капиталистического классового господства, установление демократического строя. Нацистские обманщики народа, спекулируя на настроениях отчаяния и на политическом невежестве, пытались фальсифицировать причины обнищания масс, коренившиеся в антинациональной политике правящих классов. Версальский договор — следствие этой политики — они изображали главным злом и развернули неистовую шовинистическую пропаганду, выдавая борьбу за «жизненное пространство» в качестве коренной «национальной задачи». Выдвинутая КПГ программа освобождения беспощадно разоблачила этот маневр.

«Фашисты (национал-социалисты), — говорилось в ней, — утверждают, что они против установленных Версальским договором границ, против отделения ряда немецких областей от Германии. На деле же фашизм повсюду, где он стоит у власти, подавляет поработенные им народы...

Фашисты (национал-социалисты) утверждают, что их власть будет направлена против империализма. На деле же они заключают соглашение с империалистами. Они выступают против освободительной борьбы колониальных народов... требуют для Германии колоний и подстрекают к новой войне, прежде всего к интервенции против Советского Союза...

Национал-социалисты утверждают... что преодоление кризиса уже обеспечено, стоит только Германии сбросить с себя оковы Версальского договора. Это — грубый обман. Для того чтобы освободить немецкий народ, недостаточно сломить власть иностранного капитала, необходимо одновременно свергнуть господство собственной буржуазии в собственной стране».

Враг в собственной стране! Сохраняя верность антимилиитаристскому лозунгу Карла Либкнехта, КПГ указывала единственную возможность, единственный продиктованный историей путь националь-

ного возрождения Германии: «Мы... разорвем грабительский Версальский «мирный договор», аннулируем все навязанные трудящимся Германии международные долги и репарации. Мы, коммунисты, будем бороться за полное право самоопределения всех наций...

В противоположность лицемерным фашистским фразам по адресу крупного банкового и торгового капитала, в противоположность пустым словесным выпадам национал-социалистов против паразитов и коррупции мы осуществим следующую программу.

Придя к власти, мы решительно положим конец проискам финансовых магнатов, открыто навязывающих ныне свою волю стране... Мы сломим господство крупных помещиков, безвозмездно отберем у них землю и передадим ее малоземельным крестьянам... Железной пролетарской метлой мы выметем всех паразитов, крупных промышленников, банкиров, юнкеров, крупных торговцев, генералов, буржуазных политиков, предателей рабочего класса, спекулянтов и жуликов всякого рода. Мы разрушим аппарат власти, предназначенный для подавления и угнетения трудящихся... Мы поставим на службу трудящимся все производительные силы промышленности и сельского хозяйства... Мы воодушевим массы на борьбу за победу над буржуазией, за социальное и одновременно национальное освобождение трудового немецкого народа. Только социальная революция рабочего класса может разрешить национальный вопрос Германии».

Своей Программой освобождения КПГ дала немецкому народу и продемонстрировала всей мировой общественности цельную и всестороннюю концепцию революционного рабочего движения по национальному вопросу. Вооружение, война, инфляция, кризис и снова вооружение для империалистической разбойничьей войны — вот причины социального бедствия народных масс, устранить которые можно только решением коренного национального вопроса — ликвидацией империализма и милитаризма.

Коммунистическая партия вновь доказала, что рабочий класс не только воплощает будущее народа, но и является верным защитником национальных интересов даже в период до завоевания им власти. Опираясь на незыблемые принципы пролетарского интернационализма, неотъемлемо включающие в себя дружественное отношение к социалистическому Советскому Союзу, она выработала такую программу, на платформе которой могли объединиться рабочий класс, трудящееся крестьянство, интеллигенция и средние слои. КПГ целестремленно взяла курс на создание широкого антифашистского фронта, в котором коммунисты и социал-демократы действовали бы вместе со всеми патриотическими силами, чтобы предотвратить нависшую опасность новой бойни народов.

Этот основополагающий документ сыграл большую роль как в моем собственном идейном развитии, так и в развитии множества моих товарищей по партии. Он избавил меня от мучительной неуверенности и от того душевного бремени, которое все сильнее давило

с майских дней 1929 г. Осквернение Первоямайской социал-демократической полицией-президентом Берлина Цергигелем, кровавая расправа, учиненная им над мирно демонстрировавшими рабочими, вызвали не только открытое возмущение правой социал-демократией — у многих коммунистов оно превратилось в настоящую ненависть ко всему социал-демократическому вообще, что было вполне объяснимо.

Впервые это особенно резко бросилось мне в глаза на собрании членов местной организации КПП в Дюссельдорф-Обербильке. Там меня всегда охотно принимали как докладчика, и я регулярно разъяснял товарищам важные партийные решения. Собравшиеся и на этот раз внимательно слушали мое выступление, но лишь только я заговорил о необходимости интенсивного и безоговорочного сотрудничества с социал-демократическими рабочими и служащими, как сразу же ощутил импульсивное, стихийное неприятие и противодействие. Вспыхнула бурная дискуссия, но и она не сбила меня с правильной линии. В той весьма неясной ситуации, казавшейся многим крайне запутанной, неустойчивыми оказывались обычно прежде всего те, кто давал своим чувствам взять верх над разумом. Всю глубину опасности, грозившей развиться из справедливой ненависти к предателям рабочего класса, носящим в кармане членский билет СДПГ, я со всей ясностью осознал, когда встал и попросил слова рабочий, которого я знал как одного из самых надежных и стойких товарищей по партии. «Что же, может, прикажете ждать боевых действий от этой армии жалких мещан, цепляющихся за свои должностишки на биржах труда, в больничных кассах, потребкооперации и прочих заведениях? — спросил он с убийственным сарказмом. — А ведь тех, кто только и ждет, как бы заполучить какой-нибудь постик, и готов продать за это все на свете, даже свою рабочую честь, в десяток раз больше! И вот с такими-то — единый фронт? Да это значит предать рабочий класс!»

В ту ночь я не мог уснуть, мозг лихорадочно работал. Генеральная линия нашей партии верна, говорил мне разум, единый антифашистский фронт рабочего класса — правильный выход! Однако мы допустили серьезные упущения в своей повседневной разъяснительной работе, и вот широкие слои членов нашей партии даже и слышать не хотят о том, чтобы бороться вместе с социал-демократическими братьями по классу против оппортунистических вождей СДПГ, они даже ставят рабочих — социал-демократов на одну доску с политически разложившимися типами, готовыми оказывать палаческие услуги буржуазии.

Через два дня меня вдруг остановил на улице член производственного совета одного крупного завода старый профсоюзный работник, социал-демократ; я знал его по рабочему спортивному движению. «К чему все это приведет? — с тревогой спросил он меня. — Или, вы думаете, мы не видим, почему фашистам подбросили столько миллионов марок? Или, думаете, мы согласны с тем, что делается сейчас в руководстве профсоюзов и партии? Но раз вы кроете нас

«социал-фашистами», честите «цергибелишками», нечего удивляться, что этим вы отталкиваете от себя массу честных социал-демократических рабочих — да что там, прямо толкаете их в объятия этих правых мерзавцев!»

Его слова не давали мне покоя. С болью ощущал я, что за каждую нашу ошибку, за каждый наш сектантский уклон придется расплачиваться большими жертвами. Вся наша надежда была на Эрнста Тельмана, мы знали, что он вместе с большинством Центрального Комитета КППГ ведет упорную борьбу против левацких и правых извращений основной политической линии партии. «Программа национального и социального освобождения» дала каждому члену партии правильную ориентировку в невероятно сложной обстановке. Действовать в духе этой программы значило последовательно добиваться единства действий коммунистов и социал-демократов, сплачивать вокруг пролетарского ядра все патриотические силы, в первую очередь трудовое крестьянство.

Теперь мы могли сплоченными рядами и будучи теоретически вооруженными преградить путь фашизму. Оружием, которое дала нам в руки Программа освобождения, были убедительные аргументы, они служили ответом на все вопросы народа, в том числе и средних слоев, попавших в водоворот кризиса. В политической работе коммунистов произошел ощутимый подъем, высвободивший творческую энергию. Новый импульс ей дала и опубликованная КППГ в мае 1931 г. программа помощи крестьянству.

Все большее число социал-демократических рабочих и других трудящихся становилось на нашу сторону, настаивая на осуществлении сформулированных нами и отвечавших их надеждам и стремлениям требований дня, в частности: коренное изменение налоговой политики, введение новой системы социального страхования, предоставление работы безработным, равноправие женщин и трудящейся молодежи. «Объединяйтесь! — призывала наша программа. — Вставайте под знамя единого фронта борьбы в защиту демократических прав и свобод, за подлинную демократию, за счастливое будущее нашего народа!»

Антифашистское действие

Как могло случиться, что после горького урока первой мировой войны и ее последствий стала возможна фашистская диктатура и катастрофа второй мировой войны? Тот, кто намерен дать серьезный ответ на этот жгучий вопрос, должен основательно изучить период с 1929 по 1933 г. — годы крайнего обострения политической ситуации в Германии, годы ожесточенных боев между рабочим классом и нацистскими бандами, финансировавшимися за счет многомиллионных «пожертвований» германской тяжелой индустрии. Нараставшая мощная революционная волна увлекала за собой все новые слои трудового народа, и тем неприкрытее готовило приход гитлеровской

партии к власти самое агрессивное крыло германского финансового капитала.

27 января 1932 г. в Промышленном клубе в Дюссельдорфе собралось 300 некоронованных королей банков и монополий. В числе других присутствовали: Крупп Болен-унд-Гальбах, магнаты промышленности Кирдорф и Фёглер, председатель калийного синдиката Дизм, владелец среднегерманского «Стального треста» Флик, руководители концерна «ИГ Фарбениндустри», влиятельнейшие банкиры; не обошлось здесь и без таких видных представителей крупных землевладельцев, как князь Хенкель фон Доннерсмарк. В роли хозяина дома выступал Тиссен, чудовищно нажившийся на войне, репарациях, инфляции и экономическом кризисе. Впоследствии он написал книгу под многоговорящим названием: «Я платил Гитлеру».

Господин Адольф Гитлер, выдававший себя за «бунтовщика» и «революционера» и к стати даже не имевший германского гражданства, появился в элегантном фраке, чтобы изложить избранному обществу свою «принципиальную программу». Правда, еще в октябре 1930 г. его партия внесла в рейхстаг предложение о передаче всей «собственности банковых и биржевых князей» в государственную собственность, а также о безвозмездной конфискации «всех прибылей, нажитых после 1 августа 1914 г. на войне, инфляции или дефляции». Аудитория Гитлера в Промышленном клубе знала об этом и посмеивалась: не столь важно, какими методами пользуются гитлеровцы, чтобы обмануть народ, — дело в успехе! «Мы неумолимо решили до основания истребить марксизм в Германии» — вот что звучало музыкой в ушах этих «сливок общества»! Разумеется, подчеркивал Гитлер, все это направлено против «мирового большевизма», который «подрывает наше существование как белой расы», против Советского Союза — «опаснейшего экономического конкурента», из-за существования которого «нет больше ни малейших предпосылок для обеспечения получивших гигантское развитие отраслей промышленности». Насчитывает ли германская армия 100 или 300 тысяч человек, заявил Гитлер, не имеет «совершенно никакого значения»: для решения «вопроса о жизненном пространстве» потребуется ни много ни мало 8 миллионов солдат!

Возможно, кое-кого из присутствовавших монополистов и шокировали истерические выкрики этого столь нелепо выглядевшего субъекта, но программа его была в конечном счете их собственной программой, в решающих пунктах давно сформулированной ими самими. Уже в 1929 г. президент рейхсбанка Шахт во время своих переговоров с американским финансистом Юнгом потребовал пересмотра установленных Версальским договором восточных границ Германии. Год спустя представители немецкого монополистического капитала уже потребовали таможенного аншлюса (присоединения) Австрии к Германии. Еще через год Карл Дуйсберг, председатель треста «ИГ Фарбен», в своей речи призвал к созданию экономического блока от Одессы до Бордо, само собой разумеется, под руко-

водством германских империалистов. А посему господа промышленники остались весьма довольны тайной встречей в Дюссельдорфе. Гитлер записал в свой актив «решающий» успех, а в кассу его партии, в казну СА и СС потекли огромные суммы.

Уже на следующий день в роскошном дворце Тиссена Ландсберг главные вдохновители заговора, три диктатора самых могущественных трестов — Тиссен, Пёнсен и Фёглер — встретились с Гитлером. Герингом и Ремом для более конкретного делового разговора. Не желая терять ни минуты, они выложили на стол детально разработанный план ликвидации последних остатков Веймарской республики и установления ничем не ограниченной диктатуры.

Только единый фронт всех трудящихся был в состоянии повернуть судьбу немецкого народа. Созная эту национальную жизненную необходимость, сотни тысяч коммунистов во главе с Эрнстом Тельманом развернули неустанную деятельность. Они противостояли клевете и зверским преследованиям, их не пугали ни тюрьмы, ни каторга. Они организовывали демонстрации безработных и забастовочные бои, сопротивление систематическому террору фашистских убийц.

Однако правые лидеры СДПГ не только отвергали любое предложение Компартии о совместной борьбе против грозящей фашистской диктатуры, но даже предприняли массовое исключение тех членов своей партии и профсоюзов, которые участвовали в едином боевом антифашистском фронте. Делая вид, что никакой фашистской опасности не существует, один из руководящих социал-демократических деятелей, Тарнов, на Лейпцигском съезде СДПГ в 1931 г. доказывал, будто в Германии уже имеется прочный фундамент социалистического будущего, а капиталистический строй становится с каждым днем все слабее. При помощи такого передергивания фактов Тарнов и его коллеги вели подготовку к президентским выборам, состоявшимся весной 1932 г. Коммунистическая партия Германии, выдвинувшая в качестве кандидата рабочего класса Эрнста Тельмана, предостерегала: «Кто голосует за Гинденбурга — голосует за Гитлера!» Но правые лидеры СДПГ игнорировали весь исторический опыт немецкого народа, пренебрегли предостережениями КПГ. Они гнали своих сторонников к избирательной урне лживой «теорией», будто прусский юнкер и кайзеровский генерал-фельдмаршал фон Гинденбург, который считал войну «освежающей ванной», — это «меньшее зло» в сравнении с Гитлером (словно могут быть на свете безобидные поджигатели войны!).

В апреле 1932 г. Гинденбург при содействии голосов социал-демократии вновь был избран главой государства, а через несколько дней он заменил ставшее для реакции уж слишком «мягким» правительство Брюнинга президиальным (то есть не зависящим от парламента. — *Пер.*) кабинетом, в состав которого вошли представители юнкерства, тяжелой индустрии и генералитета рейхсвера. Во главе его был поставлен «стремянный» Гитлера аристократ Франц фон Папен.

В это же самое время коммунистическая фракция прусского ландтага добилась постановления на обсуждение внесенного ею законопроекта об увеличении пособий безработным. Фракция нацистской партии сорвала это обсуждение. Ее члены с кулаками набросились на оратора КПГ Вильгельма Пика, коммунисты поспешили ему на помощь, в стенах «высокого собрания» произошло настоящее побоище.

26 мая 1932 г. Коммунистическая партия Германии призвала немецкий народ к акции, получившей название «Антифашистское действие». «Трусливое нападение фашистских банд — сигнал тревоги для всего германского рабочего класса! Антифашистское действие массовой борьбой за ваши требования, в защиту жизненных интересов всех трудящихся, стачками рабочих на предприятиях, массовыми действиями миллионов безработных, политической массовой забастовкой объединенного рабочего класса должно преградить гитлеровскому фашизму путь к власти!»

Призыв КПГ зажег сердца миллионов. На предприятиях и в жилых районах возникли единые комитеты Антифашистского действия, состоявшие из коммунистов и социал-демократов, из христианских и беспартийных рабочих. Насколько велика была готовность совместными действиями предотвратить опасность фашизма, говорит, например, такой факт.

Гитлер, Геринг и Геббельс считали, что в Вуппертале — моем родном городе — они найдут наиболее благоприятные для своей партии условия. В этом городе с его кустарной промышленностью и бесчисленным множеством мелких и средних предприятий экономический кризис произвел сущее опустошение. На почве отчаяния и безысходности у многих рождалась надежда, что «сильная личность» Гитлер снова приведет все в нормальное состояние. Но Вупперталь, как и весь этот промышленный район в целом, обладал закаленным в боях рабочим классом, здесь были сильны славные традиции германского рабочего движения. Спустя два дня после назначения фон Папена рейхсканцлером мы узнали, что СА и СС получили приказ от руководства нацистской партии военной силой расправиться с «красными оплотами» — рабочими кварталами нашего города. Сведения об этом были довольно неопределенны. Но уже через час наши курьеры помчались во все концы города: немедленно привести наши силы в состояние обороны, мобилизовать все объединяемые Антифашистским действием организации, призвать на помощь социал-демократических рабочих — таковы были полученные ими указания.

Штурмовики и эсэсовцы незаметно сосредоточивались на своих опорных пунктах и в домах. Точно в назначенную минуту они выскочили на улицу, построились в большие колонны и с разных концов города звездообразно двинулись на отдельные рабочие кварталы — в полной форме, вооруженные холодным и огнестрельным оружием. Они были совершенно уверены в своем успехе, так как знали, что большинство командных постов в полиции уже давно занимают на-

дежные нацисты. Мы подготовились к обороне своих улиц, своих домов, но прежде всего к защите наших жен и детей. В какие-то считанные напряженные мгновения готовность к обороне переросла в неудержимый взрыв возмущения: рабочие перешли в атаку. Они бросились из домов на улицу, и фашисты на своей шкуре почувствовали силу их кулаков. Здесь были и коммунисты, и социал-демократы, и христиане, и беспартийные рабочие, и члены «Союза борьбы против фашизма», и «рейхсбаннеровцы». Женщины вырывали оружие из рук фашистских убийц, хватали их за горло, отвешивали им оплеухи. С верхних этажей на нацистские подкрепления летели тарелки, угольные брикеты, ящики с углем, цветочные горшки.

Полицейские машины примчались только через полчаса после того, как фашисты были обращены в бегство. Удирающие штурмовики и эсэсовцы запрудили дорогу: им приходилось подбирать своих раненых. А с прилегающих улиц все подходили и подходили новые отряды рабочих. Так было и в эльберфельдском «Керосиновом квартале», так было в Бармене, Хекингхаузене, Ротте и других районах Вупперталя. В полицейском донесении указывалось, что в больницы доставлено свыше 100 раненых, однако это были только фашисты, среди рабочих раненых имелось всего двое.

События в Вуппертале доказали, что действующий в единстве рабочий класс способен не допустить открытой фашистской диктатуры. Мощный отпор нацистам укрепил в рабочих сознание собственной силы, увлек за собой и средние слои. В последующие две недели ни один нацист не рискнул появиться на улицах Вупперталя в форме; даже полиция сразу стала «миролюбивой»: ведь в ней еще служило немало членов СДПГ.

Гитлеровцы бесились от злости. Чтобы сквитаться за свое поражение, они приказали провести крупную контракцию. Огромные плакаты величиной с целую афишную тумбу возвешали, что 12 июля 1932 г. 50 тысяч штурмовиков и эсэсовцев, съехавшихся сюда со всей Германии, пройдут маршем по Вупперталю, ну, а остальное довершит «величайший оратор всех времен» Йозеф Геббельс. У нас, коммунистов, не хватало денег даже напечатать листовки, к тому же крупные типографии давно уже не принимали наших заказов. Тогда стало из уст в уста передаваться: приедет Тельман!

Тельман прибыл 11 июля — за день до выступления фашистов. Еще с раннего утра зарядил мелкий дождь, но во второй половине дня он перестал, выглянуло солнце. Произошло то, о чем мы даже не решались и мечтать: огромная чаша вуппертальского стадиона Зоннборн была заполнена до краев — 60 тысяч человек ждали речи нашего «Тедди». Чтобы попасть сюда, они несколько часов прошагали в колоннах, многие насквозь промокли; их не запугали даже полицейские команды, стянутые сюда со всей Рурско-Рейнской области. Когда Тельман появился на трибуне, овации не было конца. «Гитлер — это война!» — вот был итог страстной речи Тельмана.

Он убедительно показал, какое значение имеет Антифашистское действие для защиты самых непосредственных жизненных интересов немецкого народа и нации. То был замечательный день! Незабываемый митинг вселил в нас силу и уверенность в победе; участники его организованно разошлись по районам, а полиция не решилась тронуть или спровоцировать их.

Назавтра в три часа дня в «Румесхалле» в Бармене, недалеко от дома, где родился Фридрих Энгельс, должен был начаться марш фашистов. Уже с утра туда прибыли полицейские команды прусского министра внутренних дел социал-демократа Зеверинга, которым было поручено взять коричневых под свою защиту. Но комитеты Антифашистского действия Эссена, Дуйсбурга, Кёльна и Дюссельдорфа приняли необходимые меры. Многие поезда и автомашины с нацистами так и не смогли выйти из своих городов, к тому же повсюду быстро распространилась весть о том, что произошло накануне в Вуппертале. К полудню улицы города были запружены рабочими и их женами, а особенно молодежью. Нацисты не осмелились на задуманное. К месту встречи прибыло, да к тому же в штатском, всего чуть более 300 гитлеровцев, но и они только под непосредственным прикрытием полиции решились переодеться в свою форму. Объявленное гигантское собрание нацистской партии провалилось, хотя около 2 тысяч полицейских из соседних городов в полной готовности восстановить «порядок» сидели на грузовиках, держа карабины между колен. Когда уже давно миновал назначенный для собрания час, подкатили грузовики. «Храброе» гитлеровское воинство погрузилось на них и окольными путями отправилось за город на стадион Зоннборн, где накануне выступал Эрнст Тельман. Геббельс неистовствовал от ярости. А вокруг стадиона полицейские с застывшими лицами ждали конца этого собрания, чтобы сопроводить его участников домой — ведь улицы были запружены рабочими массами.

События в Вуппертале обнадеживали, они служили доказательством, что совместный призыв рабочих партий, подобный тому, какой раздался в марте 1920 г., в дни капповского путча, вызвал бы в 1932 г. куда более сильную бурю, чем 12 годами ранее. Важно было то, что коммунисты направили свой главный удар против гитлеровской партии, поставив в центр всех стремлений к единству действий, в качестве национальной задачи именно ликвидацию этой партии, маскировавшейся под «революционную». Они предпринимали неустанные усилия для того, чтобы убедить правых лидеров СДПГ в необходимости совместной борьбы. Так, 8 июля 1932 г. Эрнст Тельман в беседе с социал-демократическими рабочими ответил на их 21 вопрос. Он дал ответ и на такой: «Честно ли стремится КПП к единому фронту?» Тельман сказал: «Как можем мы, коммунисты, перед лицом опасности, что Германия станет страной виселищ и костров, не стремиться честно к антифашистскому, пролетарскому единому фронту?» Антифашистское действие — это «надпар-

тийное объединение всех рабочих, желающих беспощадной борьбы против фашизма. Это вовсе не организация, а массовое движение. Это поток, в котором сливаются все боевые силы, действительно желающие бороться, вести массовое наступление на нынешнее правительство, стремящееся к непосредственному установлению фашистской диктатуры».

Два дня спустя в Берлине собрался конгресс Антифашистского единства. Из 1465 участвовавших в нем делегатов 132 принадлежали к СДПГ и «Союзу республиканского флага», 954 были беспартийными. Конгресс принял манифест и «Боевую клятву Антифашистского действия». Эрнст Тельман дал избранному на конгрессе общегерманскому комитету правильную линию: «Мы не выдвигаем для пролетарского единого фронта никаких условий, кроме одного: социал-демократические товарищи по классу, желающие заключить с нами единый фронт, должны быть готовы сообща с нами бороться против фашизма».

Это было 10 июля 1932 г. А через десять дней Гинденбург и Папен произвели государственный переворот в Пруссии, незаконно отстранив от власти существовавшее там социал-демократическое правительство. В Берлине и Бранденбурге было введено военное осадное положение. Редакцию «Роте фане» заняла полиция.

В предшествовавшие этому недели стало заметно явное сближение между коммунистическими и социал-демократическими рабочими, во многих местах состоялись совместные совещания функционеров обеих партий. Антифашистский фронт все шире вовлекал в свои ряды средние слои, служащих, мелких чиновников и интеллигенцию, даже внутри самой нацистской партии и отрядов штурмовиков раздавались голоса недовольства. Когда же из Берлина пришли тревожные вести, мнение рабочих повсюду было едино: теперь надо действовать, теперь надо покончить с реакцией!

Как томительно тянулись минуты и часы! Но должен же, должен, наконец, прийти долгожданный сигнал! ЦК КПГ немедленно обратился к Правлению СДПГ с предложением объявить всеобщую забастовку. Скоро стали доходить кое-какие сведения о событиях в Пруссии. «Я уступаю силе!» — вот единственное, что ответил прусский министр внутренних дел Зеверинг на свое антиконституционное смещение. «Я уступаю силе!» — а ведь в руках этого человека находились все полицейские силы Пруссии, насчитывавшие 100 тысяч человек, вооруженные броневиками, пулеметами и тяжелым оружием! Кроме того, в распоряжении социал-демократии имелся «Союз республиканского флага» с его полутора миллионами членов и огромный аппарат профсоюзов!

«Готовьтесь к борьбе на предприятиях! — призвал ЦК КПГ. — Капитуляция означает поражение!» Мы лихорадочно работали, принимали необходимые меры, готовясь к упорной борьбе. Но в ожидании сигнала проходили драгоценные часы. Все радиостанции

Германии передали выступление Папена: он успокаивал, что все это направлено «только» против коммунистов. И тут нас и многих честных социал-демократов словно обухом по голове ударило решение Правления СДПГ: никакой всеобщей забастовки! Вместо этого оно подало в государственный суд жалобу на «нарушение конституции» — все равно что жаловаться на черта чертовой бабушке! Правление СДПГ уговаривало: случай ответить на государственный переворот еще представится — на выборах, избирательным бюллетенем! И так, руководство СДПГ не пожелало защитить от империалистической реакции даже свои собственные позиции, оно капитулировало перед Гинденбургом и клеветнически назвало провокацией призыв к всеобщей забастовке. Огромный шанс рабочего класса был упущен. 20 июля 1932 г. показало, что только одна партия — партия коммунистов действительно была готова последовательно защищать демократические права и свободы и отстаивать перед лицом грозящей фашистской диктатуры буржуазно-демократический строй Веймарской республики, даже несмотря на то, что тот достаточно часто доказывал свой антирабочий характер.

В ходе «антипапеновских забастовок», которые вспыхнули под руководством коммунистов, рабочие и безработные стояли плечом к плечу. Антифашистское действие захватило и деревню. Несмотря на свое бедственное положение, трудящиеся крестьяне собирали продовольствие для бастующих рабочих и, вопреки всяческим препятствиям и действиям фашистских громил, доставляли его в город, на кухни «Международной рабочей помощи», которая организовала выдачу горячей пищи стачечникам и их семьям.

Антифашистское действие шло в наступление, единый фронт трудящихся крепнул. Это убедительно доказали состоявшиеся 6 ноября 1932 г. выборы в рейхстаг. Хотя гугенберговская и гитлеровская пресса лезла из кожи вон, хотя полиция и фашистские банды изо дня в день нападали на коммунистов и срывали их собрания, хотя большая часть коммунистических газет была запрещена, КППГ, которая по замыслам реакции должна была потерпеть поражение, получила 6 миллионов голосов. 100 коммунистов и 121 социал-демократ заняли места в рейхстаге. А гитлеровская партия потеряла 34 мандата, в ней явно возникал кризис, и влияние ее заметно упало.

Приверженность 6 миллионов трудящихся Коммунистической партии привела монополистов в ужас. В своем послании Гинденбургу, подписанном Фрицем Тиссенем, Яльмаром Шахтом и другими ведущими финансовыми магнатами и военными промышленниками, они потребовали от президента Германии передать правление «фюреру крупнейшей национальной группы» — кто подразумевался под ним, Гинденбург прекрасно знал. Над Германией нависла тяжелая предгрозовая туча, политическая атмосфера стала невыносимо душной.

30 января 1933 г. Гинденбург вручил власть авантюристу Адольфу Гитлеру. Папен стал вице-канцлером, Гугенберг, доверенный

человек Тиссена, Кирдорфа, Дуйсберга и Пёнсгена, диктатор монополистической прессы — министром хозяйства, а главарь «Стального шлема» Зельдте — министром труда.

«Этот новый кабинет открытой фашистской диктатуры — самое жестокое и неприкрытое объявление войны германскому рабочему классу, трудовому народу... «Социальные» фразы заменены штыками рейхсвера и револьверами творящих убийства колонн СА и СС... КППГ обращается к миллионам социал-демократических, а также объединенных в рядах христианских и свободных профсоюзов и состоящих в «Союзе республиканского флага» рабочих города и деревни и к организованным рабочим массам... Осознайте, что удар по революционному пролетариату — это удар по всему германскому рабочему классу. Проводите на всех предприятиях и в рабочих кварталах вместе с вашими товарищами коммунистами массовые демонстрации, забастовки, массовую забастовку, всеобщую забастовку!» — таков был ответ КППГ. Листовки с его текстом были распространены в тот же самый день — 30 января 1933 г.

Но на следующий день «Форвертс» сообщил позицию правых социал-демократических лидеров. Суть ее была выражена одной фразой: «Объявить сегодня всеобщую забастовку — значит без нужды расстрелять в воздух снаряды рабочего класса». Они без борьбы дали погибнуть Веймарской республике, они без борьбы выдали палачам германский рабочий класс, а вместе с ним и всю немецкую нацию!

Через несколько дней, 7 февраля 1933 г., Центральный Комитет КППГ, пренебрегая опасностью, провел свое тайное заседание в Цингхальзе, неподалеку от Берлина. Проанализировав создавшееся положение, Эрнст Тельман подчеркнул огромную ответственность германского рабочего класса перед своим собственным народом и перед пролетариатом и трудящимися всего мира. Полностью сознавая эту свою ответственность, немецкие коммунисты твердо держали знамя освободительной борьбы против фашизма и не выпустили его из рук даже в самую темную ночь, опустившуюся на Германию.

Враг — в собственной стране!

Куда идешь, Германия?.. Не только в Европе, но и во всем мире миллионы людей задавали вопрос, куда же идет она, эта страна, обладающая таким крупным пролетариатом, страна, которая дала миру столько ярких личностей, страна, которая была родиной основоположников научного социализма. Прошло всего 15 лет с того времени, как немецкий народ поднялся на Ноябрьскую революцию, свергнул монархию и создал республику. И вот уже эта республика, ставшая ареной драматических схваток, исход которых имел большое значение для всего мира, позорно исчезла с лица земли.

Почему же погибла Веймарская республика? Этот вопрос с растерянностью задавали и многие честные социал-демократы, и

христианские рабочие. Почему немецкий народ не смог пойти по пути мирного развития и разрешить свой основной национальный вопрос?

Веймарская республика погибла потому, что при ее рождении преступно игнорировались все уроки истории и законы развития общества. Эта республика буржуазной демократии несла в себе зародыш собственной гибели уже тогда, когда в ноябрьские дни 1918 г. «Совет народных уполномоченных» вступил с представителями милитаризма в союз против рабочего класса, когда социал-демократические лидеры профсоюзов заключили «договор о сотрудничестве» с самыми контрреволюционными силами. Государственная власть не перешла в руки народа. Враги нации сохранили экономические основы своего господства, крупные банки, тяжелая индустрия и крупное землевладение остались нетронутыми, они удержали в своих руках и средства воздействия на массы. Поэтому враги немецкого народа смогли безнаказанно расширить свои первоначальные позиции, чтобы затем нанести удар буржуазно-демократическому строю, который столь «великодушно» предоставил им возможность вести глубоко антинациональную политику. Таким образом они сумели переложить на народные массы бремя инфляции, репараций и экономического кризиса, чтобы тем успешнее погнать разочарованных и отчаявшихся прямо в объятия нацистских обманщиков.

Веймарская республика погибла потому, что она позволила душителям нации развернуть под флагом антикоммунизма дикую травлю первого в мире рабоче-крестьянского государства, социалистического Советского Союза, а также революционного рабочего движения Германии. При помощи антикоммунизма трудящиеся были обмануты, а рабочий класс лишен способности выполнить свою историческую миссию. Методы антикоммунизма многообразны, но суть их едина: защита отжившего, гниющего капиталистического общественного строя, слепая ненависть ко всему новому, прогрессивному. Поскольку антикоммунизм не может противопоставить социализму ничего позитивного, поскольку капитализм в мирном соревновании с социализмом неизбежно окажется побежденным, он превратился в самую реакционную идеологию, крайним выражением которой является фашизм.

Рабочий класс революционен или он ничто! Короткий период Веймарской республики неумолимо подтвердил истинность этой основной мысли Маркса. Тому, кто принимал сознательное участие в Ноябрьской революции 1918 г., в отпоре капповскому путчу и во многих других мощных выступлениях германского рабочего класса вплоть до 1933 г., особенно ясен вывод, сформулированный Вальтером Ульбрихтом: «Урок Веймарской республики таков: рабочий класс добивается успехов и обеспечивает демократические права народа и мир, когда он в единстве борется против милитаризма и монополистического капитала. Рабочий класс терпит поражение,

если он расколот, а его крупные силы идут на поводу у буржуазии, пренебрегая самостоятельной политикой, отвечающей интересам народа».

Тот, кто вдумается в эти слова, не только поймет, что значит раскол рабочего класса, но и осознаёт пагубную роль правых социал-демократических лидеров. Исповедуя антикоммунизм, они затушевывали подлинный характер буржуазной демократии как формы диктатуры крупной буржуазии. Они замазывали непримиримое противоречие между империализмом и социализмом, выдавали себя за поборников «чистой демократии», непрерывно углубляли раскол рабочего класса и выдвигали вредную теорию «третьего пути», который, мол, не является ни социализмом, ни капитализмом и идти по которому можно без революционной борьбы. Их политика вела к подчинению значительной части рабочего класса интересам врагов демократии — крупной буржуазии и милитаристов, жаждущих войн и захватов. Тем самым они помешали рабочему классу объединить вокруг себя все демократические силы вплоть до либеральной буржуазии, преградили путь к подлинной демократии, к национальному и социальному освобождению немецкого народа. Своей капитуляцией перед Брюнингом, Папеном и Шлейхером, своей ложью о «меньшем зле» они сделали возможным установление открытой фашистской диктатуры.

Опыт Веймарской республики весьма наглядно убеждает в том, что только коммунисты указывали путь, отвечавший интересам нации, они не останавливались ни перед какими жертвами, не жалели своих сил, чтобы повести ее по этому пути. 15 лет буржуазно-демократического режима доказали, что повести немецкий народ по правильному пути можно, только ликвидировав власть крупных капиталистов и помещиков, господство милитаристов. Только так можно обеспечить подлинную демократию, только так можно создать благоприятные условия для прогрессивного развития нации. Предпосылкой такого развития служит рабочий класс, едино и сплоченно действующий в качестве решающей и творящей историю силы нашей эпохи.

Борьба за такой путь — трудное дело, оно требует самоотверженности, мужества и верности убеждениям. Но жертвы, необходимые для этого, ничтожно малы в сравнении с теми, которые выпадают на долю народа, если он оказывается не в состоянии противостоять своим могильщикам. Именно в этом предостерегающий урок, огненными буквами вписанный в германскую историю после 1933 г.

178

За свободную
Германию!

В зареве пылающих факелов 30 января 1933 г. штурмовики и эсэсовцы пронесли свои штандарты через Бранденбургские ворота. Теперь они чувствовали себя хозяевами Германии, их кованые сапоги стучали по улицам немецких городов, повсюду свирепствовал необузданный террор против коммунистов, социал-демократов и всех рабочих. Гитлеровцы совершали нападения на рабочие кварталы, открыто убивая на глазах полиции. Их банды не оставили камня на камне от иллюзий парламентарной демократии и от беспочвенных уверений социал-демократических лидеров, что и Гитлеру тоже придется подчиняться конституции.

Но эта кровавая власть была еще далеко не прочной. На предприятиях и в рабочих кварталах была сильна воля к решительному сопротивлению; в феврале 1933 г. во многих местах произошли демонстрации рабочих, забастовки, совместные боевые выступления коммунистов и социал-демократов. В руках рабочего класса еще оставалось грозное оружие всеобщей забастовки, которая перечеркнула бы все планы нацистов. Сотни тысяч «рейхсбаннеровцев» и членов профсоюзов все еще ждали сигнала, который неоднократно обещали дать социал-демократические лидеры. Но Гитлер, Геринг и Фрик уже не боялись ее. А ведь нет никакого сомнения в том, что совместный призыв профсоюзов, «Союза республиканского флага» и «Союза красных фронтовиков» даже в январе 1933 г. привел бы в движение многомиллионные массы и мог бы еще предотвратить самое страшное.

10 февраля 1933 г. у могилы трех молодых рабочих, убитых фашистами, Вильгельм Пик произнес волнующую речь, обращенную к социал-демократическим товарищам. Он призывал их создать единый классовый фронт, протянуть друг другу руку, чтобы вместе воздвигнуть железную, боевую стену против буржуазии, против всех врагов рабочего класса.

23 февраля Геринг предпринял гнусную провокацию: полиция ворвалась в здание Центрального Комитета КПП — Дом имени Карла Либкнехта и произвела там обыск, «неожиданно» найдя «планы восстания», «планы поджогов» и «другие секретные документы» — и это три недели спустя после 30 января! Теперь Геббельс мог кричать по всем радиостанциям Германии, что нацистам удалось своевременно предотвратить чудовищное преступление. А известный своей жестокостью нацистский гаулейтер Саксонии Мучман еще накануне налета на Дом имени Карла Либкнехта, 22 февраля, заявил: «Без «Варфоломеевской ночи» не обойтись!.. Национал-социалисты будут наготове, никакой жалости! Сентиментальность неуместна!»

Эрнст Тельман 27 февраля обратился с открытым письмом к социал-демократическим и христианским рабочим, к членам профсоюзов и «Союза республиканского флага»: «Фашистским злодеям, этим убийцам, пускающим в ход против рабочих ножи, револьверы и бомбы, все равно, какой у вас членский билет — КПП, СДПП или

профсоюзов. Поэтому принадлежность к разным партиям не может служить препятствием для освободительной борьбы всех антифашистов, чтобы идти в одном строю и вместе сражаться... Если мы будем бороться вместе, мы непобедимы, тогда мы вовлечем в общий фронт антифашистской освободительной борьбы миллионы крестьян-бедняков, миллионы служащих, представителей средних городских слоев!»

В тот же день штурмовики и эсэсовцы по всей Германии получили приказ о полной боевой готовности. Все было тщательно подготовлено. Превращены в тюремные застенки подвалы, заготовлены стальные пруты и плети, цепи и веревки, у штурмфюреров в карманах уже лежали списки людей, подлежащих аресту. А через несколько часов началась «Варфоломеевская ночь». Около 9 часов вечера запылал рейхстаг. Гитлер сразу же примчался на «место преступления» и с ходу заявил окружившим его журналистам, что пожар — это «перст божий»: теперь никто и ничто больше не помещает ему железным кулаком уничтожить коммунистов. Устроенный самими же нацистами поджог рейхстага послужил сигналом к разгулу кровавого террора против коммунистов и других антифашистов.

Никто не знает всего объема преступлений, совершенных в ту ночь в Германии нацистами, никто не знает точно число арестованных и брошенных в камеры пыток, замученных и убитых. В ту ночь в одном только Берлине штурмовики вытащили прямо из постелей и бросили в свои застенки 1500 человек, а по всей Германии — более 10 тысяч. Правда, главный удар этого невиданного в истории погрома направлялся против коммунистов, но для бешеных орд эсэсовцев и штурмовиков социал-демократические рабочие и профсоюзные функционеры тоже были «большевистскими ублюдками».

Еще в феврале 1932 г. Эрнст Гейльман, один из лидеров СДПГ, писал в газете «Дас фрейе ворт»: «Мы можем упрекать господина фон Гинденбурга в чем угодно, но рейхспрезидентом фашизма, рейхспрезидентом национал-социалистского попрания конституции и кровавого режима этот человек, которого мы вот уже семь лет знаем как президента Германской республики, не будет никогда». Однако Гинденбург, избранный на свой пост и голосами СДПГ и принесший присягу конституции, на следующий день подписал «Чрезвычайный декрет о защите народа и государства», который не только фактически, но и официально ликвидировал все гарантированные Веймарской конституцией основные права граждан, узаконил пытки и убийства. Каждый день вновь и вновь подтверждал вывод Георгия Димитрова: фашистская диктатура — это открытая террористическая диктатура самых реакционных, самых шовинистских элементов германского финансового капитала. Нацистская партия с ее авантюризмом, с ее зверским террором против народных масс, с ее оголтелым реваншизмом и антикоммунизмом и не в последнюю очередь с ее бессовестной национальной демагогией

являлась наилучшим инструментом осуществления империалистических планов мирового господства.

Для КППГ в целом и для каждого ее члена в отдельности наступили времена тяжелейших испытаний. Она была единственной партией, оставшейся верной своему народу. Вооруженная идеями марксизма-ленинизма, она знала, что гитлеровский фашизм — это продолжение и усиление реакционной, антинародной линии империалистов, что он воплощает в себе все пагубные традиции истории Германии. Крайний антикоммунизм являлся главной составной частью фашистской идеологии — этого сгустка всех реакционных, антинаучных и антигуманистических «теорий», сочинявшихся в интересах эксплуататорских классов со времени начала заката капитализма в Германии. Фашистская идеология была призвана подчинить гитлеровскому режиму широкие массы, сделать их пригодными для новой войны за передел мира, для зверского уничтожения других народов. Между эксплуататорскими и властолюбивыми интересами правящих монополистических кругов и жизненными интересами немецкого народа лежала непроходимая пропасть.

В те недели каждый коммунист, просыпаясь утром, не знал, будет ли он жив к вечеру. Тысячи коммунистов были схвачены, брошены в тюрьмы, убиты, среди них и многие члены ЦК КППГ, окружных и подокружных комитетов партии. 3 марта 1933 г. в руки нацистских палачей попал и Эрнст Тельман. Но фашистам не удалось разбить, а тем более уничтожить КППГ. Верная своим принципам и сознавая свою ответственность за судьбы нации, она и в условиях жестокого фашистского террора продолжала борьбу против империализма и войны, за мир, демократию и социализм.

А правые социал-демократические лидеры даже и в эти дни все еще возлагали надежды на исход назначенных на 5 марта 1933 г. выборов в рейхстаг. Некоторые из них даже пытались «приспособиться» к фашистскому государству, полагая, что этим смогут спасти свою партию и организации.

Посредством выборов в рейхстаг Гитлер и его сообщники хотели накинуть на себя лицемерный флер законности, показать миру, будто за ними идет подавляющее большинство народа. Но коммунисты сорвали их расчеты. Несмотря на непрекращавшийся террор кровавых банд СС и СА, Коммунистическая партия получила 5 марта 1933 г. почти 5 миллионов голосов. Тогда Гитлер уничтожил последние остатки буржуазного парламентаризма: недолго думая, он аннулировал 81 мандат Коммунистической партии и организовал настоящую охоту на избранных народом коммунистических депутатов.

Рейхстаг не являлся теперь больше парламентским органом даже с точки зрения элементарных принципов формальной буржуазной демократии. Однако это ничуть не смущало представителей «демократических» партий. По поручению католической партии центра прелат Каас сделал елейное демагогическое заявление: «Перед ли-

цом грозowych туч, собравшихся над Германией и вокруг Германии, мы от имени немецкой партии центра протягиваем в этот час всем, в том числе и нашим прежним врагам, руку, чтобы обеспечить спасение нации». Друг Касса по партии Аденауэр, пресловутый обер-бургомистр Кёльна, немедленно поддержал его заявление в городском собрании депутатов: «Существование призванного к власти господином рейхспрезидентом и утвердившегося в ходе национальной революции правительства не может быть поставлено под угрозу, ибо это вызвало бы последствия, которые трудно предвидеть. Оно должно иметь возможность с учетом существующих условий опереться на возможно более широкую базу. Мы приветствуем уничтожение коммунизма и борьбу против марксизма, что в послевоенный период не удавалось осуществить в нынешнем масштабе». «Партия середины» с поднятыми знаменами перешла в лагерь кровавого фашизма, христианская партия центра сделалась приспешницей правительства бесчисленных убийств, жертвой которых стали и антифашисты-христиане.

Что касается правых лидеров СДПГ, то они даже после аннулирования мандатов КППГ писали в официальном комментарии: господина из нацистской партии «имеют теперь в рейхе и в Пруссии большинство, они назначены рейхспрезидентом и утверждены народом. Им нужно всего лишь оставаться законным правительством, а тогда мы само собой будем тоже законной оппозицией».

Многие видные социал-демократические деятели уже пали жертвами фашистского террора, другим удалось спастись своевременным бегством за границу. Среди оставшихся разгорелись острые споры, но правые социал-демократические лидеры все еще верили, что им вместе с профсоюзами удастся уцелеть и в «третьем рейхе». Так, профсоюзный орган «Металльарбейтерцейтунг» еще 1 апреля 1933 г. писал: «Никто не может более горячо, чем профсоюзы, приветствовать то, что [нацистами] начинается наконец решительная борьба с бедственным экономическим положением. Разумеется, за сотрудничеством профсоюзов дело не станет. Если правительство смело приступит к этому, оно сможет морально завоевать и те 48 процентов народа, которые 5 марта не голосовали за него».

Но мировой экономический кризис к середине 1932 г. уже без того миновал свою кульминационную точку. Хотя Гитлер и орал на весь мир: «Дайте мне шесть лет, и вы не узнаете Германии!», не надо было обладать особенно большой проницательностью, чтобы распознать обман. Экономические меры гитлеровского правительства были направлены на гонку вооружений, строительство авто-страд служило стратегическим целям, подготовке войны. Однако ослепленные антикоммунизмом правые социал-демократические лидеры тешили себя надеждой, что гитлеровское правительство сохранит им прежние позиции и таким образом они смогут продержаться до тех пор, пока фашизм сам собой не потерпит крах. Правление Всегерманского объединения немецких профсоюзов пошло и

далее: оно призвало рабочих принять участие в праздновании 1 Мая, которое нацисты объявили «Днем национального труда»! Иллюзии рухнули уже 2 мая, когда гитлеровцы захватили профсоюзные здания.

Через несколько дней, 10 мая 1933 г., в Берлине, на площади перед университетом имени Гумбольдта, вспыхнул огромный костер; его пламя показало всему миру, что Германии грозит погрузиться в пучину варварства. Под личным руководством Геббельса, под пение «Германия, Германия превыше всего» было предано огню то, что снискало немецкому народу самое глубокое уважение всего мира: труды Маркса и Энгельса, Бебеля, Меринга и Карла Либкнехта, книги Генриха Гейне, Альберта Эйнштейна, Генриха и Томаса Маннов, Бертольда Брехта, Стефана Цвейга, Леонгарда Франка и многих других писателей, поэтов и ученых. Одна из газет издательского концерна Гугенберга, «Берлинер локальанцейгер», 7 мая даже провозгласила: «Мы не являемся и не хотим быть страной Гёте и Эйнштейна». В связи с этим преступлением против мировой культуры, с этим крестовым походом против гуманизма началась травля видных деятелей культуры и науки; более тысячи ученых, профессоров и доцентов были вынуждены отказаться от своей преподавательской и научной работы в Германии.

17 мая 1933 г. собрался новый «рейхстаг». Фракция СДПГ сократилась с 119 до 60 человек; 18 социал-демократических депутатов находились в заключении, многие эмигрировали или же предпочли не явиться. Гитлер сделал внешнеполитическое заявление, в котором демагогически потребовал ревизии Версальского договора и «равноправия» Германии. Хотя внутри социал-демократической фракции «рейхстага» разгорелись споры, правые лидеры СДПГ добились своего: она проголосовала в поддержку выдвинутой Гитлером внешнеполитической линии и, как говорилось в ее заявлении, «в этом решающем для жизни и судеб нации вопросе о равноправии немецкого народа встала на сторону правительства». Как будто фашисты действительно боролись за равноправие народа, а не прикрывали этим демагогическим лозунгом свое стремление к вооружению и к главенству в Европе!

После этой трусливой капитуляции и фактического предательства по отношению к тем социал-демократическим рабочим, которые мужественно боролись против фашизма, правые лидеры СДПГ 19 июня предприняли еще одну попытку выклянчить себе благоволение нацистов. Они категорически отмежевались от направленных против Гитлера заявлений членов заграничного (пражского) правления партии и исключили из Правления СДПГ всех евреев, а кроме того, демонстративно заявили о своем выходе из II Интернационала.

Два дня спустя, когда в Кёпенике¹ началась «Кровавая неделя», штурмовики убили многих социал-демократических функционеров,

¹ Рабочий район в юго-восточной части Берлина. — *Прим. пер.*

в том числе Иоганнеса Штеллинга, всего за двое суток до того избранного в новое Правление СДПГ. 22 июня Гитлер кассировал депутатские мандаты СДПГ; 14 июля под страхом тяжелейшего наказания было запрещено дальнейшее существование прежних и создание новых партий.

На следующий день собрался «Генеральный совет германского хозяйства». В нем встретились подлинные властители Германии: Тиссен, Фёглер и Симменс, генеральные директора и председатели наблюдательных советов могущественных банков, калийного синдиката, владельцы крупных судоходных компаний, земельные магнаты. Фриц Тиссен, этот торговец смертью, получил верховную власть над германской кузницей оружия; он был назначен государственным комиссаром Рейнланд-Вестфалии. Об общности целей монополистов и главарей нацистской партии весьма определенно высказался в 1944 г. пушечный король Крупп: «Немецкие предприниматели с готовностью пошли по новому пути и в благородном соревновании и с благодарностью сделали великие стремления фюрера своими собственными, став его верными сподвижниками».

Ход истории неумолимо и жестоко показал немецкому народу и народам Европы, сколь правильную оценку дали гитлеризму коммунисты, сколь верно предвидели они дальнейшее развитие. Как дорого пришлось заплатить германскому рабочему классу за гнилые «плоды» социал-демократической политики антикоммунизма, сотрудничества с буржуазией и отказа от революционной борьбы за политическую власть!

В подполье

Все организации рабочего класса были запрещены или «унифицированы». Целая армия шпиков и агентов помогала государственной тайной полиции — зловещему гестапо, насаждая страх и ужас. Грязный поток лжи и клеветы, направляемый геббельсовским министерством пропаганды, изо дня в день изливался со страниц газет и из радиоприемников. Любая гуманистическая и демократическая мысль преследовалась; учащающиеся еврейские погромы предвещали новые кошмарные преступления.

И все-таки, несмотря ни на что, Коммунистическая партия Германии единственная не подчинилась запрету. Ее железные ряды не дрогнули. Не страшась каторги и топора фашистского палача, коммунисты действовали так, как призывал их действовать Эрнст Тельман: «Каждый коммунист — зажигающий пример единства в антифашистской борьбе, каждый коммунист — до последнего вздоха преданный своей партии и ее руководству солдат, сражающийся за социальное и национальное освобождение Германии».

В то время как СДПГ ввиду полного банкротства политики ее правых вождей все больше и больше распадалась и фактически перестала существовать в качестве цельной партии, КПП оставалась

как политически, так и организационно сплоченной и прилагала огромные усилия для развертывания антифашистского сопротивления, стремилась не допустить распространения среди рабочих чувства безнадежности. Она возглавила множество локальных забастовок, которые были проведены на многих предприятиях после «унификации» профсоюзов в защиту социальных и демократических прав. Несмотря на понесенные ею тяжелейшие потери, КПГ продолжала организацию борьбы против фашистского террора — теперь уже нелегально.

Нелегально! Тот, кто не работал в подполье сам, с трудом может представить себе, что значит это! Бороться, будучи вне закона, не иметь связи с семьей, с домом, быть постоянно гонимым, ежеминутно подвергаться опасности, в любой миг быть зверски убитым, сознавать, что даже близкие и друзья не узнают о твоей гибели, — такая жизнь требует от человека предельной самоотверженности.

Подпольщику надо где-то спать, но кто предоставит человеку, находящемуся на нелегальном положении, кров, пренебрегая опасностью ареста и истязаний? Подпольщику нужна пища и одежда, но того, кто окажет ему помощь, возможно, самого ждет за это концлагерь или каторга. Надо восстановить оборванные связи, надо передавать информацию, доставлять партийные материалы, но повсюду тебя уже караулят ищейки Гиммлера — жизнь коммуниста для них ничего не стоит, в их донесениях то и дело лаконично говорится: «Убит при попытке к бегству».

Тот, кто знал Йона Шеера, Эриха Штейнфурта, Эйгена Шёнхаара и Рудольфа Шварца, этих замечательных товарищей, ближайших соратников Эрнста Тельмана, тот поймет, как потрясен был я, узнав, что 2 февраля 1934 г. их подло застрелили при перевозке в другое место заключения. Как часты были тогда такие лаконичные известия о преднамеренно совершенных убийствах! Однажды, когда была прервана связь с Дюссельдорфом, мы послали туда энергичного, всегда жизнерадостного товарища, истинного берлинца. Он прибыл в Дюссельдорф утром, а когда на город спустились сумерки, его уже не было в живых, он погиб под пытками гестаповцев.

Кто сочтет листовки, напечатанные и разбросанные с риском для жизни! Кто может оценить, чего стоило добиться, чтобы многие окружные газеты КПГ продолжали регулярно выходить, а тираж «Роте фане» — центрального органа запрещенной и преследуемой Коммунистической партии — достиг 300 тысяч экземпляров! А ведь вполне достаточно было гестапо найти у человека хоть один экземпляр коммунистической газеты или листовку, чтобы схватить его. Нечего и говорить о судьбе тех, кто попадал в лапы гестаповцев, будучи схвачен при распространении или транспортировке коммунистических газет.

На фоне этой ожесточенной борьбы ярким маяком вспыхнуло имя Георгия Димитрова. Фашисты арестовали его по обвинению

в поджоге рейхстага и обращались с ним, одним из руководителей революционного рабочего движения Болгарии, хуже, чем с приговоренным к смертной казни убийцей. Целыми неделями с него не снимали оков, здоровье его было подорвано. Показательный процесс над ним готовился 7 месяцев — ведь этот процесс должен был оправдать в глазах мировой общественности варварский террор против коммунистов и доказать, что Гитлер и его сообщники спасли мир от «коммунистической опасности». Задуманный гитлеровской кликой спектакль был призван служить подготовительным этапом к суду над Эрнстом Тельманом. Германское радио готовилось к трансляции процесса, уже получили пропуска 82 корреспондента иностранных газет. Однако представителей коммунистических, социалистических и даже левобуржуазных органов печати на процесс не допустили.

В Лейпциге перед «высоким судом» по обвинению в преступлении, караемом смертной казнью, предстал казавшийся одиноким и беспомощным, скованный по рукам и ногам коммунист. Ему инкриминировался поджог рейхстага, предпринятый с целью дать сигнал к коммунистическому восстанию. Но в ходе судебных заседаний обвиняемый превратился в пламенного обвинителя. Димитров разорвал лицемерные покровы, которыми фашистская пресса пыталась прикрыть массовые убийства, бесчеловечные пытки, истязания и шантаж, преследование всего прогрессивного. Он указал путь рабочему классу и борющимся в подполье коммунистам, со всей силой подчеркнув важнейшее значение пролетарского единства действий и создания широкого антифашистского фронта с целью свержения гитлеровского режима. Он изложил и разъяснил смысл политической линии Коминтерна. И хотя трансляция процесса была прервана, смелые разоблачительные слова Димитрова, брошенные в лицо «судьям» и самим фашистским главарям Герингу и Геббельсу (выступавшим на суде в качестве «свидетелей» обвинения), передавались из уст в уста.

Еще перед процессом прогрессивные немецкие и иностранные журналисты, писатели и юристы опубликовали потрясающий документ — «Коричневую книгу о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре». Писатели с мировым именем — Мартин Андерсен Нексе, Ромен Роллан, Эгон Эрвин Киш, Анри Барбюс и многие другие, поддержавшие ее издание, придали ей международный авторитет. Она была распространена в сотнях тысяч экземпляров также и в Германии. Возник «Всемирный комитет помощи жертвам гитлеровского фашизма» во главе со знаменитым ученым Альбертом Эйнштейном и лордом Марли. Миллионы людей требовали свободы Димитрову, Эрнсту Тельману и всем остальным томящимся в концлагерях антифашистам. Развернулось всемирное движение против фашизма, охватившее также значительную часть интеллигенции и средних слоев.

Мужественное поведение Димитрова перед имперским судом в Лейпциге придало коммунистам новые силы. *«Колесо истории вертится, движется вперед... И это колесо, подталкиваемое пролетариатом под руководством Коммунистического Интернационала, не удастся остановить ни истребительными мероприятиями, ни каторжными приговорами, ни смертными казнями. Оно вертится и будет вертеться до окончательной победы коммунизма!»*¹ Эти слова из заключительной речи Димитрова на суде придали мужество и уверенность в победе тем, кто боролся во тьме фашистской ночи, они стали клятвой борцов-подпольщиков. Недаром гестапо пришлось признать в одном из отчетов: «Вновь и вновь подтверждается тот факт, что нелегальная КПГ располагает огромным штабом функционеров, обладающих выдающимися тактическими и организационными способностями и сумевшими, несмотря на строжайший надзор, путем неустанной работы восстановить в отдельных округах свои организации, причем частично с большим успехом».

Пример Димитрова помог и мне честно выполнить до конца свой долг коммуниста, когда настала моя очередь проделать тот путь на Голгофу, который прошли до меня уже десятки и сотни тысяч немецких антифашистов.

Это произошло промозглым, серым февральским днем 1935 г. после нелегального совещания в Берлине, вблизи вокзала городской электрички Грайфсвальдерштрассе. Я весь еще был погружен в мысли о только что услышанном, как вдруг передо мной словно из-под земли выросли двое неприметно одетых мужчин. Через секунду за моей спиной оказались еще двое. Щелкнули стальные наручники, полицейская машина стояла наготове. «Принц-Альбрехт!», — процедил один. «Конец!» — словно иглой кольнуло меня: на Принц-Альбрехтштрассе, во дворце, щедро предоставленном нацистам одним из гогенцоллернских принцев, помещались имперское руководство СС и государственная тайная полиция.

«Золотую рыбку поймали!» — кивнул один из гестаповцев двум эсэсовцам, неподвижно стоявшим у входа в здание с винтовками на плече. Меня потащили на четвертый или пятый этаж и втолкнули в тесное помещение, приказав встать лицом к стене, с поднятыми скованными руками в узком углу за раскрытой дверью. Когда я искоса поглядел в щель, взгляд мой упал на умывальник: вода из неплотно закрытого крана капала на висевшие на нем резиновые дубинки. Пришел час и моего испытания. Выстоять во что бы то ни стало! Начался «допрос». Удары сыпались на меня со всех сторон, еще прежде чем звучал вопрос... Было неопишимо тяжело. Гестаповцы «экспериментировали» надо мной до полуночи, но не добились ничего, даже моего имени. Потом меня бросили в страшный подвал и оставили в ножных и ручных оковах на голом полу. Часов

¹ Г. Димитров. Лейпцигский процесс. Речи, письма и документы. М., 1961, стр. 185.

в девять утра загремели ключи, открылся замок и меня, избивая по дороге, снова потащили на «допрос». Через час я, почти теряя сознание, услышал: «В «Колумбиахауз» — на размягчение!»

«Колумбиахауз» был зловещим местом пыток и находился на территории нынешнего аэродрома Темпельгоф. Штурмфюрер СС и один из гестаповцев втолкнули меня в элегантную легковую машину и посадили между собой, как опасного уголовного преступника. Словно издавдала до сознания моего дошли слова: «Обер-фюрер приказал оставить для себя лично!» Этот генерал СС сразу же взял меня в работу, он добивался, чтобы я назвал свою фамилию, и грозил, что иначе через несколько минут я превращусь «в кучу дерьма» и никто об этом даже не узнает. Увидев, что я не встал перед ним навтыяжку, он побагровел от злости, водянистые глаза его чуть не повывлезали из орбит. Этот субъект в роскошном мундире, увешанном бесчисленными орденскими ленточками, явно не отличался умом. Сунув мне вдруг в руки лист бумаги и карандаш, он приказал написать фамилии моих «сообщников», словно это какие-нибудь уголовники. Я не выдержал и вполголоса произнес: «Ничтожество, вы можете меня убить, но предателем не сделаете!» От неожиданности рот его на одутловатом лице широко раскрылся, блеснув золотыми зубами. Вне себя от ярости он крикнул ухмылявшемуся эсэсовскому офицеру у двери: «В расход, сию минуту! Застрелить эту свинью!» Эсэсовцы целой ордой выволокли меня во двор, приставили к единственному дереву и, щелкнув затворами, взяли на прицел. В самый последний момент к обер-фюреру подбежал гестаповец и, жестикулируя, стал что-то говорить ему. Кипя от бешенства, тот дал команду отставить: очевидно, я еще представлял для них какую-то ценность, от меня еще надеялись добиться показаний. Но обер-фюрер расправился со мной по-другому: приказал высечь плетью.

Когда сознание снова вернулось ко мне, я валялся в луже воды на каменном полу карцера. Пять дней и пять ночей пробыл я в этой дыре — без койки, без соломенного матраца и одеяла, без капли воды и без крошки хлеба, трясясь от лихорадки. Пять дней и ночей через каждые двадцать минут охранники заставляли меня вставать. Потом режим «улучшили». Теперь я каждое утро получал жестяную кружку воды и жалкий ломоть хлеба. Вручили мне и напечатанную на гектографе бумажку с неразборчивой подписью — приказ «о содержании под превентивным арестом за государственную измену».

Восемнадцать дней провел я в «превентивном заключении» в «Колумбиахаузе». Потом меня под конвоем нескольких эсэсовцев и гестаповцев отправили в полицей-президиум на Александерплац, а на следующий день препроводили в следственную тюрьму Моабит, где поместили в «строгое одиночное заключение».

Каким длинным кажется день, как невыносимо долго тянется ночь, когда сидишь в камере и с минуты на минуту ждешь смертного приговора! Целый год ждал я его, но мои товарищи оказались

стойкими и не выдали. Гестапо, следователи и 1-й сенат «народного трибунала» так ничего и не узнали о моей подпольной работе, хотя из каторжных тюрем, концлагерей и предварительного заключения был доставлен целый ряд «свидетелей». Каждый из них держал в своих руках мою жизнь, но ни один не сказал ни слова.

Народный фронт

И так, немецкий народ оказался во власти самых гнусных преступников. Политический бандитизм торжествовал в Германии и готовил теперь тягчайшее преступление во всей мировой истории.

Фашистские преступники еще до конца 1934 г. арестовали и бросили в концлагерь 80 тысяч членов Коммунистической партии, а 2 тысячи убили. Многие исчезли бесследно; их близкие так никогда и не узнали, где и как они погибли. Одного доноса, малейшего подозрения было достаточно, чтобы разрушить семью, превратить здоровых людей в калек, лишить их всяких прав и на многие годы посадить за колючую проволоку.

В Германии царил страх — страх перед камерой пыток, перед «допросом» в гестапо и перед тем, что будет потом. Он заставлял людей вздрагивать, когда около дома скрежетали тормоза автомашины или ночью вдруг скрипнула дверная ручка. «Коммунист» или «еврей» — эти понятия не просто были низведены до уровня грязных ругательств, за ними таилась постоянная опасность отправиться в непроглядную тьму.

Под предлогом уничтожения коммунистов и евреев фашисты подавляли любое проявление демократии. Так, в 1935 г. в моем родном городе Вуппертале состоялся массовый процесс. На скамью подсудимых посадили 628 человек — коммунистов и социал-демократов, а вместе с ними христианских и беспартийных рабочих, которые, будучи членами профсоюзов, объединились для совместной организации выступлений против гитлеровской диктатуры. В ходе другого процесса был приговорен к 11 годам тюрьмы католический священник Йозеф Россен, один из руководителей католического юношеского союза; с конца 1933 г. он вместе с коммунистами создавал антифашистский единый фронт в районе Дюссельдорфа. Обвиняемые, а также коммунисты, доставленные из тюрем в качестве свидетелей, держались перед фашистским «народным судом» мужественно и твердо.

Фашистская Германия пользовалась финансовой поддержкой иностранных империалистов. Американские монополисты вложили в нее еще миллиард долларов! Не отставали от них и английские, они в свою очередь вложили в гитлеровский рейх 200 миллионов марок. Военный бизнес давал жирный доход. Но американский, английский и французский монополистический капитал прельщали не только высокие прибыли — финансовые магнаты этих стран знали, что фашистская Германия готовит войну против Советского

Союза. Господа с Уолл-стрита делали ставку на длительную и кровопролитную войну: когда обе стороны взаимно обессилят друг друга, настанет час осуществить свои собственные планы. Поэтому они охотно поставляли гитлеровской Германии сырье, оружие, самые современные самолеты и прежде всего нефть для танковых армий и авиации.

После установления открытой фашистской диктатуры перед КПГ встала задача, тщательно изучив причины поражения рабочего класса, выработать новую стратегию и тактику, отвечающую изменившимся условиям. При этом следовало использовать не только опыт, приобретенный самой КПГ до и после 1933 г., но и уроки боев международного рабочего класса против фашизма, особенно во Франции, Австрии и Испании. В этих странах антифашистский Народный фронт при помощи мощного магнита единства действий рабочего класса сумел привлечь к себе все демократические слои народа независимо от их конечных политических целей и мировоззрения и добился решающих успехов.

25 июля 1935 г. в Москве на VII конгресс Коминтерна собрались делегаты от 4 миллионов коммунистов 65 стран. В центре обсуждения стоял доклад Георгия Димитрова: «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, в борьбе против фашизма». Конгресс осветил всемирно-историческое значение победоносного движения Советского Союза к социализму. С учетом изменений, происшедших в международной обстановке, а также в соотношении классовых сил в отдельных странах, была выработана стратегия и тактика, дающая коммунистическим партиям возможность объединить все миролюбивые, демократические и антифашистские силы в Народный фронт борьбы против фашизма, милитаризма и войны, за демократию и мир. Необходимо было перед лицом наступления фашизма отстоять буржуазно-демократические права и свободы трудящихся капиталистических стран. Решения VII конгресса Коминтерна указали путь к новой, антиимпериалистической демократии. В них подчеркивалось, что «осуществление единого фронта борьбы рабочего класса представляет на нынешнем историческом этапе главную, ближайшую задачу международного рабочего движения».

В октябре 1935 г. КПГ на своей Брюссельской конференции сделала важные выводы из решений VII конгресса Коминтерна. Несмотря на жесточайшие преследования, делегаты на эту конференцию прибыли из всех частей Германии. Они рассказали о забастовочных выступлениях (особенно на строительстве автострад), о введении на предприятиях безжалостного потогонного темпа, о росте производственных травм и заболеваний. Недовольство ширилось и в средних слоях, которым Гитлер обещал «ликвидацию процентного рабства». Десятки тысяч ремесленников, мелких кустарей и торговцев вынуждены были закрывать свои лавки и мастерские, бесчисленные крестьянские хозяйства разорялись. Безудержное вооружение

поглощало производительные силы народа. Усиление антикоммунистической травли, шовинизм и реваншизм служили целям ускоренной подготовки войны. В марте 1935 г. гитлеровский режим ввел всеобщую воинскую повинность. При благосклонном отношении и пособничестве наиболее реакционных кругов западных держав Германия превращалась в главный очаг новой мировой войны.

Немецкие коммунисты признавали свою ответственность за судьбы нации. Они дали ответ на вопрос, каким образом в Германии стало возможным установление открытой фашистской диктатуры и почему рабочий класс потерпел поражение. Главная причина этого в политической раздробленности рабочего класса и всех антифашистских сил. Отсюда они сделали вывод о необходимости новой стратегии и тактики, о значении борьбы за демократию, об изменении отношений коммунистов с социал-демократией, о создании единых свободных профсоюзов, об использовании легальных возможностей для антифашистского движения Сопротивления, об установлении единства рабочего класса как основы объединения всех противников Гитлера и ядра широкого антифашистского Народного фронта. Преодолеть устарелые взгляды было нелегко, но благодаря решительной позиции Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта удалось убедить большинство ЦК КПП в правильности новой стратегии и тактики, обеспечить единство и коллективность партийного руководства КПП как в самой Германии, так и за ее пределами.

Решения Брюссельской конференции сыграли важную роль в дальнейшем развитии партии и для будущего Германии. В центр антифашистской борьбы КПП поставила борьбу за демократические права и свободы народа. Новая стратегия и тактика была нацелена на свержение гитлеровского правительства, на недопущение войны и создание коалиционного правительства Единого рабочего фронта или антифашистского Народного фронта. Только антиимпериалистический, подлинно демократический строй мог послужить этапом перехода к социализму. КПП была единственной из всех германских партий, выдвинувшей подлинно национальную программу, именно такую, на основе которой могли объединиться все немцы, действительно заинтересованные в свержении гитлеровской диктатуры.

В то же самое время правые социал-демократические лидеры, несмотря на многократно подтвержденный опыт, по-прежнему отклоняли пролетарское единство действий и ориентировались на часть германской крупной буржуазии, на генералитет и западные державы, ожидая, что те свергнут Гитлера.

Коммунистическая партия указывала на грозящую катастрофу новой мировой войны. В своем заключительном слове на Брюссельской конференции Вильгельм Пик говорил:

«Создание антифашистского Народного фронта, объединение всех противников фашистского режима на базе политической программы борьбы против фашистской диктатуры, установление бое-

вого союза рабочего класса с крестьянами, мелкой буржуазией и интеллигенцией, объединение всех трудящихся города и деревни на борьбу за свободу, мир и хлеб — такова решающая предпосылка свержения гитлеровской диктатуры... Авантюристическая и провокационная внешняя политика гитлеровского правительства, в результате которой немецкий народ может быть неожиданно вовлечен в войну, находится в глубоком противоречии с его национальными интересами. Германии нужны мир и сотрудничество с другими народами, она нуждается прежде всего во взаимопонимании с Советским Союзом».

Огромное историческое значение Брюссельской конференции состоит в том, что, как отмечал Вальтер Ульбрихт, она «впервые полностью применила к условиям Германии развитие Лениным в его труде «Две тактики социал-демократии в демократической революции» учение о борьбе рабочего класса за демократическую республику и о перерастании демократической революции в социалистическую».

Коммунисты дали ответ и на вопрос о том, что должно произойти после свержения гитлеровского режима. Этот ответ был изложен в «Призыве к немецкому народу», опубликованном в декабре 1936 г. в Париже Комитетом подготовки немецкого Народного фронта. Обращение явилось первым программным документом, который подписали такие руководящие деятели КППГ, как Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Вильгельм Флорин, Вильгельм Кёнен, Франц Далем и другие, и такие руководящие деятели германской социал-демократии, как Рудольф Брейтшейд, Тони Зендер, Альфред Браун-таль, Зигфрид Ауфхойзер. Под обращением стояли также подписи известных немецких писателей Лиона Фейхтвангера, Генриха Манна, Эрнста Толлера, Эгона Эрвина Киша, Иоганнеса Р. Бехера.

«Интересы народа безжалостно принесены в жертву подготовке войны, которая будет страшнее всех предшествовавших... Мир во всем мире и счастье нашей родины можно обеспечить только свержением нацистского режима, — говорилось в этом документе. — История послевоенного времени показала, как небольшая группа привилегированных лиц, господствующая в крупном землевладении, крупных промышленных концернах и банках, превратилась в могильщиков свободы. Чтобы обеспечить свободу, новая Германия лишит власти этих врагов народа... Будет установлена великая, миролюбивая, сильная власть, которая покончит с угрожающим делу мира вмешательством в дела других государств. Она положит конец бессовестной травле Советского Союза. Право, которое должно заступить место насилия и воцариться в государственной и частной жизни Германии, будет играть определяющую роль и в формировании отношений между народами».

«Призыв к немецкому народу» кончался словами: «Так ударим же единым фронтом по нашему общему врагу! Наша ближайшая цель — свержение Гитлера и всех мучителей немецкого народа! За

свободу, мир и хлеб!» То был голос истинных патриотов, голос нации. Будущая Германия должна была стать миролюбивой державой, наследницей всех революционных и прогрессивных традиций немецкого народа.

Несмотря на все преследования, моральным и идейно-политическим центром антифашистской борьбы продолжала оставаться КППГ — единственная организованная и целеустремленная сила, имеющая единое руководство и опирающаяся на научно обоснованную программу. Коммунисты являлись ядром самых активных групп Сопротивления, они прилагали огромные усилия, чтобы постепенно преодолеть пропасть, разделявшую их и социал-демократов.

Так, если ограничиться лишь одним примером, в конце 1936 г. в Берлине возник «Немецкий народный фронт», в который вошли коммунистические, социал-демократические и буржуазно-демократические группы. Он выдвинул свою программу из десяти пунктов, в которых отчетливо отразились решения Брюссельской конференции: «Свержение и уничтожение гитлеровской диктатуры; право и справедливость для всех, ликвидация кровавой юстиции, освобождение политических заключенных; свобода вероисповедания и мировоззрения; полное самоуправление и самоуправление немецкого народа в обновленном государстве политической, экономической и социальной демократии; прекращение гонки вооружений; конфискация крупного землевладения, широкое предоставление земли крестьянам; передача в государственную собственность банков, тяжелой промышленности и энергетического хозяйства». Программа заканчивалась призывом: «Долой угнетателей и могильщиков Германии! Да здравствует новое, мирное и счастливое отечество!»

Молодые коммунисты и молодые католики уже в 1934—1935 гг. стали издавать для католической молодежи разъяснительные материалы, выпускавшиеся под невинными названиями «Санкт-Георг» и «Письма Роланда». В Париже, Праге и Лондоне изгнанные с родины юноши и девушки, следуя призывам Брюссельской конференции КППГ, начали объединяться в первые группы Свободной немецкой молодежи.

О масштабах антифашистской работы в Германии, естественно, точных данных нет. Но в гестаповских докладах указывается, что уже в 1935 г. существовало 5 тысяч пунктов по распространению антифашистской литературы. По тем же источникам, в следующем году гестапо изъяло 1,6 миллиона «антигосударственных» листовок и изданий КППГ и СДПГ. Можно с уверенностью предполагать, что «необезвреженных» было во много раз больше. Коммунисты и социал-демократы, христиане и беспартийные оказывали друг другу помощь в распространении агитационного материала, вместе давали отпор террористическим актам фашистов. В промышленных центрах стали возникать зачатки Народного фронта. Но правые социал-демократические лидеры, особенно из созданного ими в эмиграции

Пражского правления СДПГ, подрывали все подобные стремления: они боялись, что единый фронт с коммунистами оттолкнет оппозиционные круги, прежде всего германского генералитета.

Мир — величайшее благо

Коммунисты ни на мгновение не забывали уроков истории, они досконально изучали каждое новое явление, и их решения были научно обоснованы, они постоянно были тесно связаны с народом и воспринимали его интересы как свои собственные, поэтому они и в той сложной ситуации смогли дать правильную концепцию решения жизненных вопросов немецкой нации.

А гитлеровская шайка толкала немецкий народ на позорный путь ограбления чужих земель, разорения других народов. «Мы будем шагать все дальше, пусть рушится все вокруг: сегодня наша — Германия, а завтра — весь мир!» — в этой песне, которую горланили нацисты, была выражена их политическая цель. Лживо прикрываясь требованием «права немецкого народа на самоопределение», они готовили разбойничье нападение на народы Европы и всего мира, стремясь к подавлению и, более того, к полному уничтожению некоторых из них.

Никто не может сказать в свое оправдание, будто он не знал, что за курс взяли гитлеровская банда и германский империализм. Ведь еще в 20-х годах в своей пресловутой книге «Майн кампф» Гитлер достаточно четко провозгласил ту политику, проводить которую он намеревался: «Нам нужны Европа и ее колонии. Если мы говорим сегодня о новых землях, то мы можем в первую очередь думать о России и подвластных ей окраинных государствах». Что скрывалось за демагогическими фразами о «народе без пространства» и лозунгом «борьбы за жизненное пространство», позднее цинично разъяснил Геббельс: «В конце концов мы хотим однажды оказаться у обильной мировой кормушки. До сих пор мы боролись за смутные идеалы. На этот раз речь идет о вещах поважнее: об угле, железе, нефти и прежде всего о пшенице».

На состоявшемся в 1936 г. в Нюрнберге «рейхспартейтаге» нацистской партии Гитлер отбросил прочь ту фразеологию, которой он до сих пор прикрывал лихорадочное вооружение, и без обиняков заявил, что нацистской Германии необходимы «Урал с его неизмеримыми сырьевыми богатствами, Сибирь с ее щедрыми лесами и Украина с ее бескрайними зерновыми полями».

Прельщая немцев ожидаемой «жирной добычей», Гитлер надеялся использовать для осуществления своих планов агрессии усилившиеся требования рабочих об увеличении заработной платы и улучшении материального положения. А оно к этому времени значительно ухудшилось: импорт продовольствия, на который даже в кризисный 1932 г. расходовалось ежемесячно 107 миллионов марок, упал в 1936 г. до 77 миллионов марок, ввоз сливочного масла

сократился с 1936 тысяч тонн в 1926 г. до 75 тысяч тонн в 1936 г. «Пушки вместо масла» — это значило, что вместо продовольствия во все большем объеме ввозилось сырье для производства вооружения. При содействии английских, американских и французских монополий в Германии была создана невиданная в истории военная машина. Если первая мировая война поглотила из национального богатства 145 миллиардов марок, то Гитлер, по некоторым данным, только за первые шесть лет своего господства выжал из немецкого народа на подготовку второй мировой войны 90 миллиардов.

Усердную помощь в агрессивных приготовлениях оказывала Гитлеру так называемая пятая колонна, действовавшая во многих странах. В Испании заграничная организация нацистской партии создала свои первые базы еще в 1931 г. «Пятая колонна» располагала неограниченными средствами и развила лихорадочную деятельность, чтобы укрепиться и в других странах. Так, под реваншистским лозунгом «Один народ — один рейх!» в Судетах — северной части Чехословакии — возникло «генлейновское»¹ движение, представлявшее собой настоящую военную организацию. Нацисты издавна стремились к захвату Чехословакии, ибо она давала им выход на Балканы и могла служить плацдармом для запланированного нападения на Советский Союз. Подобные организации были созданы позже в Австрии, Венгрии, Румынии и даже в Африке и Америке. В Испании для развязывания гражданской войны были использованы генералы, изменившие законному республиканскому правительству, во Франции эта роль возлагалась на монархические и контрреволюционные организации. Задачей «пятой колонны» повсюду было подрывать силы сопротивления народов фашистским агрессорам, создавать благоприятные условия для установления «нового порядка» в Европе.

7 марта 1936 г. Гитлер устранил одно из важнейших препятствий на пути агрессивной политики фашистской Германии, нарушив тот пункт Локарнского соглашения, который гласил о демилитаризации Рейнской области. После осторожного зондажа насчет возможной позиции западных держав Гитлер решил, что наступил момент ввести немецкие войска в эту демилитаризованную зону. Таким образом, дабы создать себе возможность осуществления своих агрессивных планов на востоке и юго-востоке Европы, германские империалисты установили военный барьер на Западе. Хотя Лига наций подтвердила тот факт, что Германия односторонне разорвала Локарнский пакт, а советская делегация в этой международной организации заявила, что существование лиги теряет всякий смысл, если она не в состоянии защитить международные договоры от попрания, западные державы удовольствовались вялым протестом, чем поощрили гитлеровское правительство к новым агрессиям.

¹ По фамилии главаря нацистской организации судетских немцев Генлейна. — *Прим. пер.*

КПГ, ведя свою агитацию в условиях подполья, беспощадно разоблачала подготовку к войне. Так, Вальтер Ульбрихт напоминал немцам, что Гитлер говорил: «Армии существуют не для сохранения мира, а для победоносного ведения войны». Функционеры коммунистической и социал-демократической партий, а также представители прогрессивной интеллигенции указывали в одном из своих обращений, что ремилитаризация Рейнской области и ее занятие германскими войсками осуществлены с целью «облегчить гитлеровской диктатуре нападение на Францию, Бельгию, Австрию, Чехословакию и Советский Союз». В промышленных центрах Германии рабочие перефразировали фашистский лозунг «Пушки вместо масла» в народный лозунг: «Масло вместо пушек!» На демагогический вопрос нацистских главарей: «Хотите вы сырьё для вооружения, а значит, работы — или масла, а потом безработицы?» — они ясно и понятно отвечали: «И масла, и работы!»

Насколько правильно оценивали коммунисты ситуацию, насколько верно предвидели они ход развития, доказала интервенция гитлеровской Германии и фашистской Италии в Испании в июле 1936 г. Немецкие «кондоры», «юнкерсы» и «мессершмитты» разбойничали в испанском небе, чтобы оказать поддержку возглавляемой Франко контрреволюции и задушить мощное движение Народного фронта. Германские и итальянские самолеты перебрасывали в Испанию из Северной Африки солдат «Иностранного легиона» и мавров, немецкие и итальянские фашисты, вооруженные по последнему слову военной техники, вели войну против мужественного народа Пиренейского полуострова. Нацистское правительство направило в испанские воды два линкора, крейсер и флотилию торпедных катеров, за ними последовали несколько подводных лодок. Германские военные корабли подвергли обстрелу испанский порт Альмерию, немецкие самолеты варварски бомбили Гернику.

Сразу же после начала интервенции Вальтер Ульбрихт писал в своей нелегально распространявшейся работе «Гитлер — жандарм Европы»: «В Испании готовится мировая война. В сражениях испанской гражданской войны уже отрабатываются, как на учениях, сражения новой мировой войны. В Испании борьба идет не только за свободу испанского народа, здесь Гитлер при помощи Франко и Мола пытается улучшить свои стратегические позиции для будущей войны, создать более благоприятное для себя соотношение сил. Гражданская война в Испании должна дать представление о мировой войне: столкновение между фашизмом и демократией приведет в огромнейшем масштабе к тому, что уже практикуется в Испании военно-фашистской кликой, — к комбинации так называемой регулярной войны, ведущейся при помощи самой современной военной техники, с беспощадностью гражданской войны, где действует приказ: «Пленных не брать». Гитлер репетирует в Испании мировую войну!»

Сброшенные на испанские города и деревни бомбы, жертвами которых были старики, дети и беззащитные женщины, наглядно показали народам, чего им следует ждать от фашистской Германии. Заключение 25 ноября 1936 г. «Антикоминтерновского пакта» между Германией и Японией (позднее к нему присоединилась и Италия) подтвердило, что Испания — только начало.

Возмущение фашистской интервенцией привело к бурному росту международного движения протеста. Через испанские свободные радиостанции антифашисты призывали народы к борьбе против фашизма, клеймили варварские методы ведения войны. Уже 3 августа 1936 г. ЦК КПГ обратился к немецким антифашистам с призывом проявить солидарность с испанским народом: «У всех друзей мира одна цель: разбить Франко, кровавого союзника Гитлера. Мы призываем всех находящихся за границей немецких антифашистов, имеющих военную подготовку, предоставить себя в качестве солдат в распоряжение испанского Народного фронта».

Борьба за свободу Испании поистине стала гимном международной солидарности. Добровольцы, принадлежавшие к различным политическим направлениям, пришли на помощь из 21 страны, со всех континентов. Именно они начали выковывать то единство антифашистских сил, которое немного спустя, во второй мировой войне, одержало победу над Гитлером, Муссолини и милитаристской Японией. Уступая в численности и вооружении войскам франкистов и германо-итальянских интервентов, они представляли собой такую моральную силу, которая, словно сигнал тревоги, поднимала весь мир на борьбу против фашизма. Здесь шла битва в защиту свободы всех народов.

На залитых солнцем нивах Испании сражались за свою родину немецкие коммунисты, социал-демократы и беспартийные, рабочие, интеллигенты, поэты — солдаты и офицеры Интернациональных бригад. Они показали всему миру, что есть две Германии: Германия монополистов, Гитлера, Геринга и Гиммлера и Германия антифашистского Сопротивления, защитников свободы и мира. Это была Германия Гёте и Шиллера, Маркса и Энгельса, Бебеля и Либкнехта. Это была та Германия, контуры которой возникали в Народном фронте. Во главе этой Германии шла Коммунистическая партия, которая видела высшее благо народа в сохранении мира и приносила любые жертвы в борьбе за него. Интернациональные батальоны «Эрнст Тельман» и «Эдгар Андре» покрыли свои знамена бессмертной славой. 3 тысячи немецких антифашистов отдали свои жизни в Испании. «Песня Интернациональных бригад», родившаяся на немецком языке, облетела весь земной шар, ее поют и поныне на множестве языков.

А в самой Германии борцы Сопротивления, не щадя собственной жизни, распространяли принятое в декабре 1936 г. обращение ЦК КПГ. Оно призывало немецкий народ не допускать больше, чтобы его сыны гибли как ландскнехты в Испании. «Требуйте масла для

себя вместо пушек для Франко! Требуйте более высокой зарплаты для себя вместо миллионов для Франко! Делайте все для поражения Франко! Все для поражения Гитлера как в Испании, так и в Германии!»

Испания была огненным предостережением для всего мира. Но только одно правительство решительно встало на сторону испанского народа, используя все возможности для защиты его интересов: правительство социалистического Советского Союза.

Позорное потворствование фашистской интервенции со стороны правящих кругов США, Англии и Франции привело к созданию «Комитета по невмешательству», при помощи которого им удалось задушить героическое сопротивление испанского народа. Хотя западные «демократические» державы поддерживали с законным испанским правительством нормальные отношения, они отказали ему в праве покупать оружие для защиты от агрессии. Французское правительство придерживалось политики так называемого строгого нейтралитета, поскольку французские финансовые магнаты видели в Гитлере спасителя от преследующего их страха социальной революции. Английское правительство присоединилось к этой политике, хотя это угрожало собственным интересам Великобритании. Когда лейбористские депутаты в английской палате общин потребовали от правительства разрыва торговых отношений с Франко, премьер-министр Чемберлен 28 июня 1938 г. ответил, что «это поставило бы под угрозу 40 миллионов фунтов стерлингов, вложенных британскими капиталистами в той части Испании, которая удерживается Франко». Представители Советского Союза в «Комитете по невмешательству» постоянно разоблачали лицемерное, предательское поведение политиков Англии и Франции, которые, с одной стороны, давали интервентам возможность подбрасывать оружие и живую силу, а с другой — осуждали республиканскую Испанию на гибель ее изоляцией.

В результате этого неприкрытого империалистического «братства по оружию» гитлеровское правительство смогло подготовить цепь новых нападений. Уже 12 марта 1938 г. оно нанесло очередной удар.

13 марта в Австрии должен был состояться плебисцит по вопросу о независимости страны. Тогда Гитлер предъявил австрийскому правительству ультиматум, потребовав отмены народного голосования и угрожая, что в противном случае в Австрию вторгнутся 200 тысяч солдат фашистского вермахта. Австрийское правительство капитулировало. Еще 12 марта гитлеровский агент Зейсс-Инкварт в качестве нового федерального канцлера подписал декрет, объявивший Австрию «государством германского рейха». Гитлеровские войска перешли границу. В Австрии стало действовать гестапо. Концерн Геринга поглотил австрийскую горнопромышленную компанию «Альпине монтангезельшафт» и ряд других крупных промышленных предприятий; военный потенциал фашистской Германии

значительно возрос. Кроме того, Гитлер приобрел выгодную стратегическую позицию для своей агрессии на Восток.

Центральный Комитет КПГ сразу же после «аншлюса» обратился к ЦК Коммунистической партии Австрии и австрийскому народу с письмом: «Германский рабочий класс, немецкий народ решительно отвергают чудовищный акт насилия, совершенный Гитлером над Австрией. Рабочий класс и немецкий народ не желают иметь ничего общего с военным подавлением и угнетением австрийского народа». КПГ охарактеризовала агрессию против Австрии как «тяжелый удар свободе и миру, праву наций на самоопределение», как дальнейший шаг «к развязыванию мировой войны, которая явится катастрофой для немецкого народа».

Советское правительство вновь предостерегающе заявило, что международная пассивность приведет к повторению и учащению подобных актов. Оно предложило немедленно обсудить меры с целью недопущения дальнейших агрессий и создания в Европе системы коллективной безопасности. Завтра будет уже поздно, категорически заявило оно. Сегодня же время еще не упущено, если все государства, а особенно великие державы, займут ясную, недвусмысленную политику в вопросе о коллективном спасении мира. Советский Союз указал на то, что гитлеровское правительство готовит Чехословакии такую же судьбу, какая уже постигла Австрию.

Советское правительство выразило мысли, волновавшие миллионы людей. В Германии и других европейских странах росла воля народных масс отстоять мир. Это растущее антивоенное стремление было результатом самоотверженной борьбы антифашистов. Народные массы все больше сознавали значение вещих слов коммунистов: «Гитлер — это война!» Частичные забастовки и так называемые летучие митинги все чаще проходили и в самой Германии, распространялись листовки: «Враг — в собственной стране! Долой Гитлера, тогда обеспечен мир!» Хвастливые разглагольствования нацистов об огромном количестве миллионов, вложенных в вооружение вермахта, усиливали в немцах страх перед ужасами новой войны, вызывали в памяти воспоминания о бедствиях и страданиях времен первой мировой войны. Фашистские суды выносили один смертный приговор за другим, но вопреки этому во многих частях Германии коммунисты и социал-демократы объединялись для совместных действий. В результате Гитлер оказался вынужденным отсрочить назначенное на май 1938 г. «молниеносное» нападение на Чехословакию.

Однако империалистические западные державы, особенно США и Англия, поощряли нацистскую клику на новые захватнические акты. Но они боялись, что если фашизм потерпит серьезное внешнеполитическое поражение, то в такой высокоиндустриализованной стране, как Германия, это может поставить на повестку дня революцию. Поэтому накануне планировавшегося нацистами вооруженного нападения на Чехословакию английский премьер-министр кон-

серватор Чемберлен, до тех пор никогда не садившийся в самолет, дважды в течение одной недели слетал в Мюнхен для переговоров с Гитлером. В миссии «умиротворения» агрессора Чемберлену энергично содействовал бывший американский президент Гувер, заявивший 27 октября 1938 г. в газете «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Я убежден в том, что ни Германия, ни другие фашистские державы не желают войны с западными демократиями, пока эти демократии не мешают продвижению фашизма на Восток».

Английские монополисты предложили гитлеровскому режиму в качестве «займа» 20 миллионов фунтов стерлингов. Концерн «ИГ Фарбен» вместе с американским нефтяным трестом «Стандард-ойл» — поставщиком горючего для гитлеровских танковых армий — создал в Германии запасы нефти на сумму 20 миллионов долларов. Таким весьма выгодным для себя способом реакционные, антисоветские круги западных держав усиливали фашистский «дранг нах Остен», натиск на Советский Союз. Итог этой «политики умиротворения» Черчилль подвел в нескольких словах: «Англия стояла перед выбором между войной и позором. Ее министры предпочли позор, чтобы затем получить и войну».

Заключение 1 октября 1938 г. Мюнхенского соглашения между Германией, Англией, Францией и Италией, насилие, совершенное над Чехословацкой республикой, и включение Судетской области в состав фашистского рейха дали нацистскому правительству повод поднять дикий победный вой и громогласно заявить, что нет, мол, в мире такой силы, которая могла бы помешать созданию «Великогерманской империи». Заранее подготовленная «Хрустальная ночь» — страшный еврейский погром, проведенный в Германии в ноябре 1938 г., — должна была внушить парализующий страх и задуть любое сопротивление немецкого народа.

Однако в самой Германии все шире распространялись антивоенные настроения, а в других капиталистических странах усиливалось давление народных масс, которые требовали решительных мер против растущей опасности войны. Советское правительство предпринимало все возможное, чтобы задержать роковой ход развития. Оно неустанно вело переговоры о заключении пакта коллективной безопасности с целью сохранения мира и недопущения новых актов агрессии, но тщетно — даже правительство панской Польши, которой угрожало германское нападение, отклонило это предложение.

30 января 1939 г. немецкие коммунисты собрались в Берне на конференцию, чтобы обобщить приобретенный ими опыт антифашистской борьбы, подвести итоги и уточнить свою политическую линию. События со времени Брюссельской конференции ясно доказали, что данная тогда оценка классовых сил в Германии оказалась правильной, что, как и прежде, спасение немецкой нации возможно только путем свержения Гитлера.

«На Западе, как и на Востоке... гитлеровский режим создает такое положение, при котором немецкий народ в любой момент может

оказаться ввергнутым в катастрофу войны — войны против мощного фронта всех народов, находящихся под угрозой со стороны Гитлера и держав военной оси и подвергшихся их нападению». КПГ решительно указала, что правящие круги западных держав явно намерены использовать гитлеровский фашизм в качестве тарана, а немецкий народ — в качестве пушечного мяса в войне против Советского Союза. КПГ разоблачила такие нацистские лозунги, как «единство всех немцев», «Великая Германия», «национальное самоопределение», показав, что все это не что иное, как гнусная национальная демагогия. КПГ поставила перед каждым членом партии задачу настойчиво вскрывать то глубокое классовое противоречие, которое существует в Германии «между национальными интересами народа, с одной стороны, и интересами его властителей и угнетателей, монополистического капитала и гитлеровского фашизма — с другой». Вильгельм Пик в своем докладе убедительно показал, что политика фашистского режима «наносит вред национальным интересам немецкого народа, что она унижает достоинство германской нации, мешает ее единству и что в результате гитлеровской политики войны ставится на карту само ее существование».

На конференции подчеркивалось: «Борьба против национал-социалистской диктатуры, за режим, отвечающий интересам германской нации, является поэтому не только борьбой за интересы отдельного класса или слоя, будь то рабочие, крестьяне или среднее сословие, но одновременно и борьбой за интересы всего народа, за спасение германской нации. Объединить немецкий народ вокруг этой задачи — вот чего желает Народный фронт». При формулировании этой высшей национальной задачи той эпохи коммунисты опирались на незыблемые принципы пролетарского интернационализма. Подчеркивая решающую роль Советского Союза во всемирной борьбе за сохранение мира, КПГ заявляла, что «проводить в отношении такой страны политику вражды и гнать немецкий народ на войну против нее является преступлением». Действовать в национальных интересах, даже если война разразится, означало бороться на стороне народов, подвергшихся нападению гитлеровской Германии, против агрессивного германского империализма. КПГ ясно предвидела будущее. Если немецкому народу, говорила она, не удастся собственными силами вовремя вырвать горящий факел из рук фашистских поджигателей войны, то настанет день, когда он будет приветствовать армию Советского Союза как своего избавителя и союзника в борьбе за освобождение от фашизма.

Бернская конференция КПГ, состоявшаяся в канун второй мировой войны, имеет большое историческое и национальное значение, ибо она приняла научно обоснованную программу создания на немецкой земле подлинно демократического государства. «Новая демократическая республика... в противоположность Веймарской республике с корнем вырвет фашизм, экспроприацией фашистских трестов она лишит его материальной базы и опять же в противополож-

ность Веймарской республике создаст себе в лице армии, полиции и государственного аппарата надежных защитников демократических свобод и демократических прав народа. В новой демократической республике в противоположность Веймарской крупная буржуазия, прикрываемая коалицией с рабочей партией (имеется в виду социал-демократия.— *Ред.*), не сможет осуществлять экономическое и политическое наступление на народ, а судьбу страны будет определять единый рабочий класс, объединившийся в Народный фронт с крестьянством, средними слоями и интеллигенцией».

К этому времени КПГ в результате гитлеровского террора уже потеряла от 60 до 70 процентов своих членов, обладавших большим стажем и опытом борьбы; 300 тысяч антифашистов томились в тюрьмах и концлагерях. Но хотя гитлеровская армия уже насчитывала свыше 2 миллионов солдат, унтер-офицеров и офицеров и только ждала приказа двинуться в бой, коммунисты указали немецкому народу путь к спасению нации. Этот путь вел к созданию новой, антифашистской, демократической республики, которая по своему характеру неизбежно должна была являться антиимпериалистической.

Огненные годы

Мировой империализм, и особенно его ударный отряд — фашистская Германия, пытались опустошительной войной задержать закономерный переход человечества от капитализма к социализму, разгромить в Европе и других частях земного шара демократическое и национально-освободительное движение и прежде всего уничтожить Советский Союз. Одним из бесчисленных доказательств этого стремления служит протокол записи беседы Гитлера с лордом — хранителем печати Галифаксом. Согласно этому протоколу, сей высокопоставленный английский политический деятель заявил, что «фюрер» не только «свершил великое дело в самой Германии, но и уничтожением коммунизма в собственной стране преградил ему путь в Западную Европу, а потому Германия по праву может считаться бастионом Запада против коммунизма».

Планы германского фашизма были известны, цели — вполне определены: разбойничьими методами сколотить «великогерманский рейх», создав «твердое, как сталь, ядро немецкого могущества», включающее Австрию, часть Чехословакии и Польши, истребить или изгнать население захваченных территорий. «Нам мало разбить русскую армию и захватить Ленинград, Москву и Кавказ. Мы должны сровнять эту страну с землей и уничтожить ее народ» — такую задачу поставил перед генеральской верхушкой Гитлер, принявший на себя верховное командование фашистским вермахтом.

После занятия Судет — северной части Чехословакии — Гитлер торжественно заявил, что отныне у него нет больше никаких территориальных притязаний в Европе. Но на рассвете 15 марта 1939 г. необозримые колонны тяжелых танков и мотопехоты устремились через новую границу в направлении Праги. 9 миллионов чехов и словаков были лишены своей независимости, стали жертвами разбоя и каторжного режима гестапо. Бумажные протесты западных держав не смутили Гитлера и Геринга — спустя два месяца они как «правопреемники» Чехословацкой республики получили от правительства Чемберлена 30 миллионов долларов золотом!

Еще 26 сентября 1938 г. Гитлер лицемерно заявил насчет отношений Германии с Польшей: «Мы создаем, что здесь существуют два народа, которые должны жить рядом, и ни один из них не может устранить другой». А 23 мая 1939 г. он дал своему генералитету категорическую директиву: «Уничтожение Польши — на первом плане. Цель — уничтожение живой силы, а не достижение определенной линии. Даже если на Западе вспыхнет война, уничтожение Польши все равно остается на первом плане... Никакой жалости... Жестокие действия. Право на стороне сильного... Я дам пропагандистский повод для начала войны. Неважно, будет он правдоподобным или нет. Победителя потом не будут спрашивать, говорил ли он правду. Начиная и ведя войну, нужно иметь в виду, что не право, а победа имеет значение».

1 сентября 1939 г. 56 гитлеровских дивизий с 2500 танками при поддержке 2000 самолетов вторглись в Польшу, неся смерть и разрушение. За армией следовали карательные команды СС и гестапо, специальные штабы по созданию концлагерей.

Волей-неволей Англии и Франции пришлось выполнить свои союзнические обязательства по отношению к Польше и объявить Германии войну. Однако война сия была «странной»: французские войска продолжали держать винтовку к ноге у так называемого Западного вала. Это позволило Гитлеру сконцентрировать все свои военные силы на Востоке и, несмотря на героическое сопротивление польской армии, за 19 дней закончить «блицкриг». Только Варшава продержалась еще до 28 сентября.

9 апреля 1940 г. последовал удар на севере. Овладев Данией и Норвегией, фашисты обеспечили себе шведскую руду, обезопасив ее от захвата английскими войсками.

10 мая началось нападение на нейтральную Голландию. Фашистская авиация варварским налетом разрушила старинный город Роттердам, жемчужину Европы, несмотря на то что к тому времени уже было подписано перемирие. Погибли тысячи женщин и детей. Танковые колонны нацистского вермахта ворвались и в нейтральные Бельгию и Люксембург. Торжественно заключенные договоры превратились в клочки бумаги, народы стали жертвами насилия. А в это время 120 французских и 10 английских дивизий, не двигаясь, по-прежнему стояли на франко-германской границе против всего-навсего 20 немецких дивизий. Верховное командование вермахта смогло совершенно спокойно сосредоточить свои армии на тщательно подготовленных исходных позициях для захвата Франции. Поход против этого «заклятого врага» был закончен 22 июня 1940 г. подписанием германо-французского соглашения о перемирии. Морис Торез, испытанный руководитель французских коммунистов, четко объяснил причины этой позорной капитуляции: «Клика, выдавшая Францию Гитлеру, видела в поражении давно желанный случай установить во Франции фашизм».

Таким образом, фашистская Германия завладела всем военным потенциалом Западной Европы, за исключением Англии. Захватом Югославии и Греции она обеспечила себе и южный фланг исходных позиций для нападения на Советский Союз.

В Германии имелась только одна-единственная политическая сила, которая с первого дня войны разоблачала гитлеровскую агрессию как империалистическую разбойничью войну, предостерегала немецкий народ, что эта политика закономерно приведет к национальной катастрофе, и противодействовала разрушительной военной машине. Это были коммунисты. Именно коммунисты высоко подняли знамя освободительной борьбы, организуя сопротивление фашистским агрессорам. Они не убоялись ни гестаповских пыток, ни палачей. Только по официальным данным, в 1939 г. в Германии было приведено в исполнение 143, а в следующем году 306 смертных приговоров.

Когда все переговоры с правительствами западных держав о совместных оборонительных мерах оказались бесплодными и СССР стала грозить опасность изоляции, Советское правительство в августе 1939 г. заключило с Германией пакт о ненападении. Тем самым оно не допустило образования единого антисоветского фронта империалистических государств и получило драгоценное время для усиления своего оборонного потенциала.

18 декабря 1940 г. гитлеровцы начали полным ходом подготовку к осуществлению «плана Барбаросса» — плана войны против Советского Союза; в качестве даты вероломного нападения было назначено 15 мая 1941 г. Но героическое сопротивление народов Югославии и Греции фашистскому вермахту вынудило Гитлера перенести нападение на 22 июня 1941 г. Упоенный своими «молниеносными победами», Гитлер намеревался разгромить советские армии до конца июля; к тому же сроку намечалось захватить Москву, Ленинград и Донбасс, полностью уничтожить налетами авиации промышленные центры Урала. Дальнейшая задача гласила: продвижение танковых армий на Средний Восток с целью захвата для германских монополий его нефтяных богатств.

22 июня 1941 г. без объявления войны, в нарушение элементарных норм международного права гитлеровская клика перешла к «уничтожению большевизма». 170 немецких и 30 румынских, итальянских, венгерских и финских дивизий вторглись в Советский Союз с жестокостью, опрокинувшей все человеческие представления о ведении войны. Гитлеровцы безжалостно предавали огню и превращали в груды пепла целые города, расстреливали попавших в плен советских солдат и офицеров, уничтожали политработников, комиссаров и евреев. Начальник штаба верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршал Кейтель, всегда кичившийся «честью» прусского офицера, заявил: «Здесь (в войне против Советского Союза. — *Пер.*) речь идет об уничтожении целого мировоззрения. Поэтому я одобряю эти мероприятия и покрываю их». Это именно он подписал 16 сентября 1941 г. приказ верховного командования вермахта: «Смертный приговор 50 или 100 коммунистам... должен рассматриваться как приемлемое возмещение за жизнь одного германского солдата. Метод, которым приводится в исполнение приговор, должен усиливать устрашающее действие».

С гражданским населением в оккупированных фашистскими войсками областях обращались, как с рабочим скотом, заставляли работать на военных заводах и изготавливать смертоносные снаряды, предназначенные для убийства своих же соотечественников. Из 5 миллионов советских граждан, насильно угнанных в Германию, умерло от голода и болезней 3 миллиона. Концентрационные лагеря разрастались в целые барачные города, трубы крематориев дымились день и ночь, убийство людей разных национальностей и политических убеждений велось на фабриках смерти промышленным методом. Концерн Сименса взял на себя поточное производство газовых камер-

душегубок, «ИГ Фарбениндустри» поставлял для них отравляющее вещество «Циклон-Б», а особенно тщательно отобранные эсэсовцы проходили специальное обучение его наиболее рациональному и эффективному массовому применению.

Но гитлеровские варвары просчитались: они не учли политического, экономического, военного и прежде всего морального превосходства социалистического общества. Напав на Советский Союз, они напали на народы, освободившиеся от рабства, эксплуатации и угнетения, разбившие добрую дюжину армий интервентов и возглавляемые марксистско-ленинской партией. Гитлеровские генштабисты, воспитанные в прусском духе и ослепленные классовой и расовой ненавистью, были не способны учесть эти реальные факты.

Как проучила их жизнь! В огненном море пылающих городов и сел, в дыме и гари рвущихся снарядов и бомб поднялся на священную Великую Отечественную войну советский человек! Ошеломленный поначалу чудовищным преступлением гитлеровцев, обливаясь кровью бесчисленных ран, он встал во весь свой могучий рост на защиту своей свободной Родины, на борьбу за спасение всего человечества от фашистского варварства.

Немецкие антифашисты, несмотря на всю их героическую борьбу, оказались недостаточно сильными, чтобы остановить свой народ у зияющей бездны. Роковым образом сказались теперь раскол рабочего класса, разложение его ревизионистами. Но антифашисты не опустили рук. В своем воззвании от 6 октября 1941 г. КПГ заклеймила войну фашистской Германии против Советского Союза как величайшую национальную трагедию во всей истории немецкого народа. Это нападение неумолимо подтвердило справедливость тех предостережений, которые КПГ вот уже много лет адресовала немецкому народу. Непоколебимо, мужественно, вопреки всем опасностям следуя решениям своей партии, действовали немецкие коммунисты, чтобы объединить всех патриотически мыслящих немцев на свержение гитлеровского господства и собственными силами покончить с национальным позором. Они приносили во имя этого бесчисленные жертвы. В 1941 г. было официально зарегистрировано 1146 казней немецких антифашистов — в 3 раза больше, чем в предыдущем году. Число казненных антифашистов возросло в 1942 г. до 3393, в 1943 г. — до 5684 и в 1944 г. — до 5764. Но эти кошмарные цифры даже в самой отдаленной степени не дают представления о том, сколько героев, достойных самых высоких почестей, отдали свою жизнь в борьбе против фашистского варварства. Только одни военные трибуналы (на основе так называемого упорядоченного судопроизводства), по приблизительным данным, приговорили к смертной казни за антифашистские действия и высказывания 20 тыс. солдат и офицеров!

Гитлеровскому командованию приходилось бросать на поля сражений все новые и новые дивизии, кровь текла рекой. Героическое сопротивление советских войск сорвало все планы фашистов, уже

назначивших на 7 ноября 1941 г. свой парад победы на Красной площади в Москве. Хотя в первый период войны целые советские армии оказались в окружении и выходили из него группами, они собирались вновь и, даже не имея связи с базами снабжения, продолжали сражаться. Глубоко в тылу врага возникло партизанское движение. 6 декабря 1941 г. Советская Армия перешла в контрнаступление. В ходе сорокадневной битвы под Москвой фашистский вермахт потерял 300 тысяч человек. Нимб его непобедимости был уничтожен.

Советский Союз был не одинок в своей борьбе, у него имелись союзники во всех странах земного шара. Они были полны той уверенности, которую выразил Вильгельм Пик: «Никогда не удастся Гитлеру завоевать эту страну, никогда советский народ не даст победить себя гитлеровской армии. Он будет сражаться до тех пор, пока на русской земле не останется ни одного живого немецкого солдата. Гитлеру никогда не выиграть этой войны. Его поражение неизбежно». Эта уверенность немецких коммунистов основывалась на знании закономерностей исторического развития, на понимании исторической неизбежности поражения германского империализма. В качестве главной ударной силы мировой реакции он вел самую несправедливую из всех войн, угрожая порабощением и уничтожением целым народам. Поэтому закономерно должен был возникнуть антифашистский фронт народов, объединивший во главе с Советским Союзом все силы, которые боролись за демократию и независимость. Планы мирового господства германского империализма находились в непримиримом противоречии и с его ограниченными политическими, экономическими и военными возможностями.

Вооруженные пониманием этих факторов, вдохновляемые глубокой любовью к своей отчизне, коммунисты Германии под руководством своего Центрального Комитета боролись за спасение жизней миллионов немцев. Они установили связь с социал-демократами и христианами, они спланировали на сопротивление рабочих и интеллигентов, они множили силы антифашистов в невероятно тяжелой борьбе за свержение гитлеровского режима. Крупные централизованные организации германского Сопротивления навсегда вошли в историю под именами таких своих руководителей, как Роберт Уриг, Гарро Шульце-Бойзен и Арвид Гарнак, Бернгард Бестлейн, Франц Якоб и Йозеф Абсхаген, Георг Шуман, Антон Зефков, Отто Энгерт и Курт Крессе, Георг Лехлейтер, Теодор Нейбауер и Магнус Позер.

С началом Великой Отечественной войны Советского Союза решительно изменился весь ход второй мировой войны. Теперь полностью выявился ее характер как антифашистской освободительной войны народов. Под руководством коммунистических и рабочих партий справедливая народная борьба за свободу и независимость переросла во всеобъемлющую освободительную войну против фашистских агрессоров.

Поддержка правящими кругами западных держав, являвшихся конкурентами германского монополистического капитала, планов агрессии гитлеровской Германии против Советского Союза обострила и противоречия между империалистическими государствами. Их предательская политика привела к мюнхенскому сговору. Теперь они ощутили бурлящий гнев народов. Они побоялись потерять свое влияние, а еще больше их пугало то, что в результате продолжающихся нацистских завоеваний военная и экономическая мощь фашистской Германии возросла настолько, что теперь и они сами могли стать ее жертвой. Они оказались вынужденными изменить свою политику и выступить против «оси Берлин — Рим — Токио».

Так возникла антигитлеровская коалиция. Она объединяла в борьбе против проводимой германским империализмом политики захвата и уничтожения государства с различными общественными системами, народы, которые уже подверглись нападению гитлеровской Германии или которым оно угрожало. 26 мая 1942 г. английское правительство под давлением народных масс заключило с Советским Союзом договор о союзе в борьбе против гитлеровской Германии и ее сателлитов и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Аналогичное соглашение было подписано 11 июня того же года между правительствами Советского Союза и США. Тем самым западные державы приняли на себя обязательство еще в 1942 г. открыть второй фронт, чтобы заставить верховное командование вермахта перебросить на Запад часть сил с Восточного фронта. Но в конце 1943 г. советским армиям все еще противостояли 257 фашистских дивизий. Только после того как рухнула надежда империалистических кругов на то, что Советский Союз истечет кровью в длительной войне, 6 июня 1944 г. — через два года после заключения соответствующих договоров! — англо-американские войска высадились на севере Франции.

Советскому Союзу пришлось на всем протяжении войны нести на себе ее главное бремя; он принес величайшие жертвы для победы над варварским фашизмом, а также и для освобождения немецкого народа от его душителей и могильщиков. 19 ноября 1942 г. началось контрнаступление советских войск на Волге, завершившееся крупнейшей победой во всей мировой истории. Уже после четырех дней боев были окружены 22 фашистские дивизии. Верховное главнокомандование Советской Армии предложило немецким войскам почетную капитуляцию, но тщетно. Более 147 тысяч немецких солдат остались мертвыми на поле боя, когда 2 февраля 1943 г. фельдмаршал Паулюс наконец капитулировал и вместе с 24 генералами, 2500 офицерами и 91 тысячей оставшихся в живых солдат сдался в плен. Такого поражения германская армия не переживала еще никогда.

Теперь было окончательно покончено с теми планами германских монополий, которые Гитлер изложил спустя три недели после нападения на Советский Союз. Согласно этим планам, Прибалтика, Крым,

вместе со значительными областями — «хинтерландом» — на севере, бассейн Волги и прежде всего нефтяные источники Баку, а также Кольский полуостров с его огромными залежами никеля подлежали включению в «великогерманскую империю». Для эксплуатации богатых нефтяных областей крупные банки уже создали акционерное общество «Континентале эрдоль АГ», а гитлеровское правительство предоставило ему сроком на 99 лет право на разведку и эксплуатацию нефтяных месторождений, а также на продажу нефти, газа и побочных продуктов.

Американские и английские монополии в немалой степени содействовали осуществлению этих планов германского империализма тем, что после первой мировой войны вложили в Германию огромные капиталы. Даже во время войны против Советского Союза американские банки предоставили фашистскому режиму Франко кредит на сумму 13 750 тысяч долларов, а английские — 2 миллиона фунтов стерлингов. На эти огромные деньги испанские банки закупали важное сырье для гитлеровской военной промышленности. Однако после происшедшего на Волге перелома в ходе войны англо-американские монополисты стали бояться за свои крупные капиталовложения; часть германской буржуазии тоже осознала, что пришло время переориентироваться. Морис Торез метко охарактеризовал этот принципиальный поворот в позиции мирового империализма: «После Сталинграда значительная часть буржуазии сочла дело Гитлера проигранным. Она сняла ставку с германской карты и поставила на американскую».

Покушение на Гитлера, совершенное 20 июля 1944 г., родилось именно из этой концепции, предназначенной спасти позиции германского империализма. Хотя в заговоре против Гитлера участвовали и честные, истинные патриоты из офицерской среды и буржуазных кругов, решающая роль среди заговорщиков принадлежала реакционной группе Герделера. Ее план состоял в том, чтобы заменить гитлеровский режим правительством из доверенных лиц монополистического капитала и милитаристов, еще не столь скомпрометированных в глазах народных масс, как нацистские главы. Новое правительство должно было установить военную диктатуру, заключением сепаратного договора с западными державами остановить продвижение Советской Армии на Запад и не допустить полного уничтожения империализма в Германии. Эти намерения отвечали взглядам реакционных, антисоветских кругов США и Англии.

А тем временем сотни тысяч сыновей Германии продолжали гибнуть...

Совесть нации

Во времена глубочайшего падения Германии антифашисты своей неустанной самоотверженной борьбой против нацистского режима спасли честь немецкой нации и внесли свой вклад в победу народов

над гитлеризмом. Жестоко преследуемая Коммунистическая партия с первых же дней войны начала вести свою работу среди рабочих, крестьян и интеллигентов, которые воевали в рядах гитлеровской армии вопреки своим национальным и классовым интересам. Она неустанно указывала, что цели социалистического Советского Союза в Великой Отечественной войне — уничтожение германского фашизма и освобождение всех поработанных нацистами народов — полностью совпадают с жизненными интересами самого немецкого народа. Она говорила, что борьба за национальное и социальное освобождение немецкого народа в свою очередь неразрывно связана с жизненными интересами народов Советского Союза.

После беседы с Вальтером Ульбрихтом и другими видными немецкими коммунистами 158 немецких солдат, находившихся в советском плену, обратились к военнослужащим фашистского вермахта с призывом начать борьбу за свержение Гитлера, взять в свои руки судьбу нации, чтобы создать новую Германию, «в которой народ будет хозяином в собственном доме».

По инициативе ЦК КПГ 12—13 июля 1943 г. в Красногорске, под Москвой, состоялся широкий обмен мнениями между пленными солдатами, офицерами и священнослужителями вермахта. Среди них были представители самых различных социальных слоев и политических взглядов — рабочие, крестьяне, интеллигенты, кадровые офицеры, бывшие депутаты рейхстага, профсоюзные функционеры, известные писатели. Резко сталкивались противоположные точки зрения. Что будет с Германией? — вот вопрос, который волновал всех. В памяти оживали воспоминания о 1807 и 1813 гг., о Блюхере и Шилле, Кернере и Йорке¹, о тогдашнем победоносном братстве по оружию с русским народом. Нужно было найти путь для развертывания широкого национального движения, которое смогло бы объединить в своих рядах и повести на совместную борьбу всех патриотов независимо от социального происхождения, мировоззрения и партийной принадлежности. Речь шла о жизни и смерти миллионов людей, необходимо было не допустить, чтобы Германия стала полем битвы. Вместе с тем, чтобы обеспечить германской нации счастливое будущее, следовало сделать необходимые выводы. После уничтожения фашистских армий на Волге, означавшего коренной перелом в ходе войны, немецкие офицеры и солдаты должны были сами сказать свое слово во имя спасения народа от страшных последствий поражения.

Свободный обмен мнениями в лагерях военнопленных привел к началу нового этапа германского антифашистского Сопротивления: был создан Национальный комитет «Свободная Германия». В него вошли рабочие, кадровые офицеры, писатели, политические и профсоюзные деятели, люди различных политических взглядов и мировоз-

¹ Прогрессивные немецкие политические и военные деятели периода освободительной борьбы народов Европы против наполеоновского господства — *Прим. пер.*

зрений, а также и такие испытанные в боях коммунисты, как Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Вильгельм Флорин и Эдвин Хёрнле. Председателем Национального комитета был избран поэт Эрих Вайнерт. Единогласно принятый «Манифест к вермахту и немецкому народу» дал программу этому движению.

«Ни один внешний враг никогда не ввергал нас, немцев, в такое бедствие, как Гитлер. Факты доказывают: война проиграна, Германия может лишь затягивать ее ценой неизмеримых жертв и лишений... Но Германия не должна погибнуть! Речь идет теперь о том, быть или не быть нашему отечеству. Если немецкий народ безвольно, без сопротивления и дальше даст вести себя на погибель, то с каждым днем войны он будет становиться не только все более слабым, но и все более виновным... Немецкий народ нуждается в немедленном мире и желает его. С Гитлером же никто мира не заключит. Никто не станет вести с ним переговоры. Поэтому неотложная задача нашего народа — создание подлинно немецкого правительства. Только оно будет пользоваться доверием немецкого народа и его бывших противников...

Цель гласит: свободная Германия. Это значит: сильная демократическая государственная власть, не имеющая ничего общего с бессилием веймарского режима; демократия, которая беспощадно пресечет в зародыше любую попытку заговора против прав и свободы народа или против мира в Европе...

За народ и Отечество! Против Гитлера и его войны!
За немедленный мир!
За спасение немецкого народа!
За свободную, независимую Германию!»

Мир прислушался к этим словам. Это был голос другой Германии! Его не удалось задуть, он громко провозгласил цели справедливой антифашистской борьбы. А 12 сентября 1943 г. эфир принес в Германию весть о том, что около 100 делегатов из всех офицерских лагерей военнопленных в Советском Союзе основали «Союз немецких офицеров» и приняли решение о присоединении к Национальному комитету «Свободная Германия». Во главе объединения немецких офицеров, которые отреклись от ложных идеалов своей прежней жизни, встал бывший командир армейского корпуса генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц, председателем был избран генерал-лейтенант Эдлер фон Даниельс, его заместителями — полковники ван Хоовен и Штайдле. В правление союза вошли бывшие командиры дивизий генерал-майор Корфес и генерал-майор Латтман. Адресованная генералам, офицерам и солдатам фашистского вермахта декларация учредительного собрания союза призывала уничтожить гитлеровскую диктатуру, «бороться вместе с нами, рука об руку с народом, выполнить наш священный долг перед нацией». Этот документ был ярким свидетельством действительности и влияния

той освободительной программы, которая была принята немецкими коммунистами на конференциях в Брюсселе и Берне.

С 20 июля 1943 г. начала работать радиостанция «Свободная Германия» — рупор Национального комитета. Она систематически разоблачала лживую геббельсовскую пропаганду и распространяла правду о положении на различных участках фронта. Пленные немецкие офицеры и солдаты обращались по радио к военнослужащим вермахта, к немцам в Германии, передавали попавшим в безвыходное положение немецким частям конкретные предложения о прекращении боевых действий. Голос Национального комитета был слышен повсюду, он доходил и до войсковых частей вермахта и их штабов, и до гестапо, и до населения в самой Германии. По радиостанции «Свободная Германия» были переданы, например, обращения подполковника Бредта, одного из руководителей «Стального шлема», к бывшим членам этой организации, и обер-советника просвещения Рюккера к членам СДПГ, а также дискуссия между священником и коммунистом на тему «Христианин и коммунист». Обращение генерала фон Зейдлица к немецким войскам, окруженным под Корсунь-Шевченковским, передавалось 25 раз, а зачитанный фельдмаршалом Паулюсом призыв пленных немецких генералов — 20 раз.

Чтобы предотвратить бессмысленную гибель сотен тысяч немецких солдат, Национальный комитет развернул разъяснительную работу среди германских войск, на которые обрушивались сокрушающие удары Советской Армии. Окопные громкоговорители информировали их о положении на фронте, призывая сложить оружие и сдаться в плен. Специальные группы Национального комитета забрасывали обращения и листовки в немецкие части, расположенные глубоко в тылу. Военнопленные и перебежчики после беседы с членами Национального комитета возвращались назад в части, чтобы убедить своих товарищей тоже сделать спасительный шаг.

Действия сторонников движения «Свободная Германия» на фронте отличались подлинным мужеством. Так, бывший унтер-офицер Ганс Ян из Берлина, уже сражавшийся к тому времени в отряде советских партизан, получил задание, переодевшись в мундир обер-лейтенанта вермахта, проникнуть в штаб немецкого командования. На обратном пути Ганс Ян натолкнулся на усиленную немецкую роту во главе со свеженспекенным лейтенантом. Бравый «обер-лейтенант» назвал себя представителем штаба, которому поручено вывести роту на указанную позицию. Будучи хорошо осведомленным о линии фронта и расположении частей, он вывел ее прямо на позиции советских войск. Там он приказал сложить оружие и, воспользовавшись замешательством немецких солдат, произнес убедительную речь, после чего вся рота со всем оружием походным маршем направилась на командный пункт советских войск. Ганс Ян, храбрый антифашист, погиб за дело своего народа 20 декабря 1944 г.

Призывы Национального комитета находили большой отклик среди немецких войск и в самой Германии, и в оккупированных

странах. Они распространялись такими нелегальными газетами, как «Дер зольдат им Вестен», «Дер зольдат ам Миттельмер». В Англии, Швеции и Латинской Америке немецкие эмигранты заявляли о своей поддержке целей Национального комитета «Свободная Германия». Особенно успешно действовала наиболее крупная и боевая из этих организаций — Западный комитет «Свободная Германия», который с осени 1943 г. широко развернул свою сеть во Франции и уже в момент основания насчитывал около 2 тысяч членов. По его инициативе возникли добровольные отряды, состоявшие из политических эмигрантов и бежавших из армии немецких солдат. Были установлены контакты и осуществлены совместные действия с движением Сопротивления Бельгии, Голландии, Люксембурга и Франции.

Оценивая это движение, Вальтер Ульбрихт писал впоследствии: «Национальный комитет «Свободная Германия» был олицетворением другой, подлинной Германии перед лицом фашистского варварства. Сторонники движения «Свободная Германия» в труднейших условиях высоко держали знамя антифашистской борьбы и тем самым решающим образом содействовали восстановлению запятнанной фашистами чести немецкой нации».

Деятельность Национального комитета и его радиостанции «Свободная Германия» не в последнюю очередь привела к сильному подъему антифашистского движения в самой стране. Политика Центрального Комитета КПГ и Национального комитета давала этому движению направление и цель, помогала подпольным группам Сопротивления в их самоотверженной борьбе за то, чтобы совместными усилиями рабочего класса, буржуазной антигитлеровской оппозиции и оппозиции внутри армии добиться мира, а тем самым — прекращения страданий немецкого народа.

Пренебрегая опасностью, руководители крупнейших организаций Сопротивления Антон Зефков, Теодор Нейбауер и Георг Шуман встретились в феврале 1944 г. в Берлине, чтобы обсудить, каким образом выработанную ими программу «Мы, коммунисты, и Национальный Комитет «Свободная Германия» сделать платформой для широкого движения противников Гитлера. Этот документ они нелегально передали и коммунистическим борцам Сопротивления в концлагере Заксенхаузен, среди которых были Эрнст Шнеллер и Макс Рейман. Больше того, сознавая огромную важность этого документа, они сумели получить его одобрение от самого Эрнста Тельмана, томившегося тогда в тюрьме Баутцена. 1 мая 1944 г. документ был распространен по всей Германии. В нем говорилось: «Мы, коммунисты, протягиваем руку всем противникам Гитлера и сами готовы пожать любую честно протянутую нам руку для совместной борьбы против врага народа Гитлера... Грядущая демократия будет революционной демократией народных масс, борющихся за прогресс. Грядущая демократия будет воплощать подлинное господство трудового народа. Это зависит от той боевой работы, которую мы ведем

сегодня. Это зависит от создания единого рабочего движения (партии и единых профсоюзов)».

Постепенное отрезвление широких кругов населения в результате сокрушительного поражения фашистского вермахта в битве на Волге, растущая ненависть к могильщикам немецкого народа, поиски путей прекращения бессмысленной войны — все это создавало благоприятные предпосылки для возникновения в Германии антифашистского фронта. Так, подпольная организация Сопротивления с центром в Лейпциге поддерживала постоянные контакты с художниками, врачами, учителями, коммерсантами, ремесленниками, кустарями, инженерами, христианскими кругами и солдатами. В Тюрингии коммунисты тесно сотрудничали с социал-демократическими рабочими, функционерами СДПГ и профсоюзов, представителями средних слоев и с интеллигенцией. Подпольные организации в Тюрингии и Саксонии получали важные материалы, листовки и разъяснительные брошюры от берлинской группы Зефкова, имевшей прочные опорные пункты на крупных военных заводах и, кроме того, поддерживавшей прямые связи с нелегальными группами в Приморье, Средней Германии, Рурской области и Тироле, а также в лагерях советских военнопленных и «восточных рабочих». Благодаря плодотворному сотрудничеству прежде всего организаций антифашистского Сопротивления Берлина, Саксонии и Тюрингии внутри страны возникло возглавляемое ЦК КПГ оперативное руководство партии и национального движения «Свободная Германия».

О размахе политической активности в самой Германии, о том, что лучшие сыны и дочери немецкого народа под целеустремленным руководством коммунистов не капитулировали и во время варварского террора, говорят, в частности, следующие цифры. Только в первом полугодии 1944 г. за организацию антифашистских выступлений было арестовано 310 тысяч человек. Свыше 10 тысяч немецких рабочих и почти 200 тысяч насильно пригнанных в Германию иностранных рабочих участвовали в эти месяцы в забастовках протеста.

Недовольство войной росло и на фронте. Гитлер пытался подавить его самыми суровыми репрессиями. Лживая геббельсовская пропаганда, запугивая солдат и офицеров вермахта, громоздила один чудовищный вымысел на другой: якобы большевики подвергают перебежчиков и пленных пыткам и четвертованию. Но летом 1944 г. после разгрома центрального фронта германских войск на этом участке в плен сдались 16 немецких генералов и командиров частей, вступившие затем в «Союз немецких офицеров».

В этот же период Вальтер Ульбрихт встретился для свободного обмена мнениями с 50 пленными немецкими генералами. Все они были убеждены в том, что гитлеровская война давно проиграна. На вопрос, почему же тогда офицеры продолжают эту ставшую бессмысленной войну и заставляют гибнуть сотни тысяч людей, они ответили: верховное командование вермахта жертвует одну дивизию за другой,

чтобы удержать фронт и выиграть время для возможных переговоров гитлеровского правительства с западными державами о сепаратном мире; в результате такого мира оно смогло бы перебросить из Франции и Италии на Восточный фронт значительные контингенты своих войск.

В это время возник кризис в самом верховном командовании фашистской армии. Отставка генерал-фельдмаршала Рундштедта показала, что часть высших офицеров уже старалась, исходя из вышеприведенных соображений, отмежеваться от Гитлера. Они считали, что таким образом избегнут ответственности за соучастие в военных преступлениях, и надеялись спасти германский генеральный штаб после падения гитлеровского режима.

Для стабилизации положения на решающие посты в экономике и армии были поставлены самые свирепые «фюреры СС», а командование армией резерва принял лично на себя Гиммлер, человек, имевший на своей совести миллионы убитых. Гиммлер и Освенцим неотделимы друг от друга. В одном только этом лагере смерти жертвами потерявших всякий человеческий облик эсэсовцев стали 4 миллиона человек из многих стран Европы, в Майданеке было уничтожено 1,5 миллиона, в Львовской области — 700 тысяч советских граждан. Теперь Гиммлер беспощадно прочесывал тылы и лазареты, гнал на фронт калек и раненых. Доверенные люди Гиммлера заняли все командные посты. Любой подозрительный исчезал навеки, смертные приговоры стали для военных судов и специальных трибуналов делом самым обычным. Отобранная из тщательно проверенных эсэсовцев военная полиция не знала пощады. Цепные псы Гиммлера на месте расстреливали свои жертвы или же вешали на ближайшем дереве с доской на груди: «Так будет со всеми предателями фатерлянда!»

Но коммунисты, воспитанные партией Эрнста Тельмана, не дрогнули и перед этой вакханалией убийств. Что воодушевляло их, видно из письма, написанного приговоренным к смерти столяром Паулем Геше 21 августа 1944 г., накануне того дня, когда он погиб под топором палача: «Не плакать над нашими могилами должны вы, а унести в себе веру в величие и справедливость нашего дела и силу бороться за лучшее, прекрасное будущее».

Нелегальные листовки призывали народ: «Долой Гитлера! Покончить с войной! За свободную, независимую, демократическую Германию! Рабочие, крестьяне, горожане, немецкие патриоты, создавайте боевые группы для борьбы против нацизма! Создавайте центры Соппротивления и народные комитеты. С оружием в руках давайте отпор палачам и массовым убийцам Гитлеру, Гиммлеру и их сообщникам! Вовлекайте женщин и иностранных рабочих и работниц особенно на предприятиях в ряды боевого фронта борьбы против войны и фашизма!»

Прекратить войну! Германия превращалась в море развалин. Каждый день пожирал тысячи человеческих жизней, поглощал ма-

териальные и разрушал невозполнимые культурные ценности. Ценой огромных жертв Советская Армия прокладывала себе путь вперед, чтобы избавить от страданий и немецкий народ. В последней фазе первой мировой войны Людендорф выразил всю безответственность правящих кругов словами: «Тогда пусть Германия погибнет!» Гитлер еще более открыто сформулировал эту позорную национальную измену: «Если сами мы победить не сможем, то, погибая, увлечем за собой на тот свет полмира».

В капиталистических странах тоже росло давление народов на правительства, все громче раздавалось требование быстрой победы над гитлеровской Германией положить конец ужасам войны. Правительства западных держав реагировали на это по-своему. Они приказали своим армиям продвигаться вперед помедленнее, зато усилили воздушные налеты на германские города. Им не надо было экономить военные материалы. Военной промышленности США первые три года войны принесли официально зарегистрированную прибыль в сумме почти 110 миллиардов долларов — за один военный год она заработала больше, чем за пять мирных! Если произвести перерасчет, то за каждого убитого американского солдата миллиардеры с Уолл-стрита заприходовали прибыль 120 тысяч марок. Такой бизнес, калькулировали они, неплохо бы продлить и еще, а потому пусть соединения бомбардировщиков сбрасывают как можно больше фугасок на немецкие города, особенно в восточной части Германии.

Цифры говорят сами за себя. По подсчетам американских институтов, англо-американские бомбардировщики сбросили на Европу за время второй мировой войны почти 2,5 миллиона тонн взрывчатых веществ (не считая зажигательных бомб и канистр с фосфором). В результате было разрушено или сильно повреждено в 61 крупном германском городе около 3 600 тысяч домов и оставлено без крова 7,5 миллиона человек. 3 февраля 1945 г., когда исход войны был уже давно решен, англо-американская авиация террористическим налетом разрушила почти всю внутреннюю часть Берлина. В кошмарную ночь с 13 на 14 февраля 1945 г. в Дрездене, до предела забитом принудительно эвакуированным из восточных областей Германии гражданским населением, погибло страшной смертью свыше 35 тысяч человек. Великолепный город, богатый замечательными памятниками культуры, потерял в результате англо-американского воздушного налета около 80 тысяч из 220 тысяч квартир, а 75 тысяч были сильно повреждены. Погибшие же культурные ценности невозполнимы.

Чудовищно велика вина правящих классов Германии за их зверскую политику, за их разбойничью войну! По приблизительным международным подсчетам, ненасытный молох войны поглотил около 55 миллионов человек — солдат и офицеров на полях сражений, мужчин, женщин и детей, погибших во время бомбежек, в каторжных тюрьмах и концентрационных лагерях. Кто измерит всю глубину страданий, стоящих за этими сухими чудовищными цифрами! Целая

треть польского народа стала жертвой преступной «германизации», более 5 миллионов осиротевших польских детей поднимают свой голос обвинения, в концентрационных лагерях погибло 700 польских профессоров, 3500 священников и 5000 учителей. Отступая, фашистские армии оставляли позади пустыню «выжженной земли», по приказу своих генералов они разрушали все, что только можно было разрушить. Лишь в одном Советском Союзе остались без крова 25 миллионов человек.

Кто же в Германии должен был найти в себе мужество принять такое наследство?

Клятва

Последний акт кровавой драмы я пережил в Рурской области — самой густонаселенной части Германии. Благодаря помощи товарищей по заключению в каторжной тюрьме Мюнстера мне удалось избежать отправки в лагерь смерти Маутхаузен. Зато я был определен в «команду вознесения на небо» — мы должны были откапывать и разряжать неразорвавшиеся бомбы и снаряды. День за днем мы, «узники фюрера», были, что называется, на «ты» со смертью, но каждый раз мы думали о том, какое разрушение принесла бы обезвреженная нами бомба, если бы она разорвалась. А ведь все эти заводы, все эти дома через несколько недель будут принадлежать нам, их надо сохранить для восстановления новой Германии!

Смерть постоянно подстерегала нас на каждом шагу, но самым страшным было видеть изо дня в день страх и отчаяние женщин и детей. Лишь только начинали завывать сирены тревоги, они в паническом ужасе выбегали из домов, пытались скорее добежать до бомбоубежища, укрыться в безопасном месте. Многие уже отказались от мысли выйти живыми из этого ада, а потому оставались в своих подвалах, рискуя быть засыпанными. Лишь только переставали рваться бомбы, мы еще до сигнала отбоя были обязаны вылезать из своего укрытия (находить его мы должны были сами, так как в бомбоубежища нас не пускали) и замечать страшные следы бомбежки — хотя бы оттащить в сторону убитых и умирающих.

И так день за днем. В темные ночи небо освещалось «рождественскими елками» — так прозвали немцы гирлянды осветительных ракет, служивших ориентирами для приближающихся эскадр бомбардировщиков. Целые районы города исчезали под «ковром» сброшенных бомб, превращались в дымящиеся груды камней. И всегда одна и та же картина: горящие улицы, плачущие дети, рыдания и стоны.

Англо-американские бомбардировщики действовали по строгому плану: они щадили заводы монополий, тесно связанных с западными трестами, но не щадили жилые кварталы. Вот один пример. Вупперталь явился целью двух страшных ночных авиационных налетов; море огня залило почти всю долину, жертвой этой террористической

бомбежки стали 30 тысяч человек, но завод концерна «ИГ Фарбенин-дустри» в западной части города и завод «Бемберг» в восточной остались совершенно нетронутыми.

Мы отказывали неразорвавшиеся бомбы и выполняли свой долг коммунистов. Как все это стало возможно? — этот вопрос не давал мне покоя, каждый раз, когда земля под ногами содрогалась от взрыва бомб. Почему рабочий класс, несмотря на все принесенные им жертвы, не смог помешать национальной катастрофе? Вопрос этот неотступно стоял перед нами и в каторжной тюрьме, когда мы, «политические», совершенно безразлично, какого течения или партии, получали возможность перемолвиться хоть парой слов. Его задавали себе тогда миллионы людей.

Однажды пожилой слесарь с сутулой спиной и глубоко запавшими глазами несколько раз пытался подойти ко мне. Как-то он на глазах у охранника сунул мне в руку бутерброд. Когда прозвучал сигнал воздушной тревоги — это было в Шольвене — и мы поспешили укрыться в каком-то подвале (команды ПВО имели строгое указание не пускать «каторжников» и «восточных рабочих» в бомбоубежища), он вдруг оказался рядом со мной. Сунув мне тщательно перевязанный бечевкой пакет, он возбужденно зашептал: пять лет он был секретарем профсоюза металлистов и дисциплинированно держался линии СДПГ, за что ему, опять же пять лет, пришлось без всякого приговора «искupать вину» в Бухенвальде, хотя в первую мировую войну он за «храбрость на поле боя» был произведен в унтер-офицеры. Воздушная тревога длилась больше часа; оба наших стражника укрылись в безопасном месте, и мы смогли наговориться вдоволь. Когда завывли сирены отбоя, этот социал-демократ обеими руками с волнением крепко пожал мне руку: «Мы больше никогда не должны дать разъединить себя, — прозвучали, как клятва, его слова, — никогда больше не должно быть войны между братьями, между нами! Ведь вместе мы сильнее всех наших врагов!»

На страстную пятницу нас уже не погнали вперед. Американцы, отдохнувшие на том берегу Рейна от тягот наступления, теперь продвинулись в Рурскую область. Верховное командование войск западных союзников намеревалось закончить войну в Европе в сентябре 1945 г. Но Советский Союз ни в коем случае не хотел допустить, чтобы гитлеровская клика увлекла за собой на тот свет немецкий народ, и поэтому прилагал все силы для осуществления согласованной с союзниками безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Поэтому и союзному командованию пришлось усилить темп наступления своих армий.

Теперь для борцов антифашистского Сопротивления наступила новая фаза испытаний: решительными действиями надо было остановить преступную руку тех, кто, выполняя приказ «фюрера» защищать «каждый камень», бессмысленными военными действиями намеревался превратить всю Германию в сплошную пустыню. Сколько

мужества, смелости, самоотверженности проявили тогда подлинные немецкие патриоты!

Тысячелетний город Эйсleben с его многочисленными историческими памятниками архитектуры, город, в котором родился и умер Лютер, был словно чудом пощажен бомбежками англо-американской авиации. «Чудо» это, однако, легко объяснить: здесь находилась резиденция весьма влиятельного концерна «Мансфельд АГ». Гестапо, СС и части фашистского вермахта еще прочно удерживали этот город, когда из района почти полностью разрушенного Нордхаузена в направлении Галле стал наносить удар сильный танковый авангард американских войск. Эсэсовское командование приказало создать на господствующей высоте перед городом тщательно замаскированные позиции. Американские танки продвигались без всякой разведки. Ни один американский солдат и офицер, учитывая общую ситуацию, не ожидал какого-либо вооруженного сопротивления в этом районе. В тот день, 12 апреля 1945 г., ослепительно сияло весеннее солнце. Радостный, весенний пейзаж изменился в одно мгновение. Загрохотали противотанковые фаустпатроны, запылало пламя, поднялись облака порохового дыма. Прежде чем американские солдаты пришли в себя, пять их танков уже были подбиты. Американцы отступили, не в их обычае было ввязываться в бои, сулящие большие потери. Вперед выдвинулась их артиллерия, она выбрала хорошие огневые позиции и спокойно начала обстрел Эйсlebена; первый снаряд разорвался в центре города, во дворе старинного монастыря.

Каждому было ясно, что к концу этого обстрела Эйсleben будет выглядеть наподобие Нордхаузена. Коммунисты стали совещаться, как спасти город. Один из них, просидевший пять лет в каторжной тюрьме и концлагере, получил задание сделать это любой ценой. Спрятав под плащом крупнокалиберный пистолет, он миновал пытавшиеся задержать его посты и проник к самому обер-бургомистру города. Здесь он чуть не угодил прямо в лапы гестапо. В кабинете главы города находился начальник полиции, огромный детина с красным от ярости лицом. Коммунист потребовал от обер-бургомистра сдать город без боя и оградить население от гибели. Обер-бургомистр заколебался, на лбу у него выступили и покатались по обвислым щекам капли пота. Но мужественный поступок коммуниста не увенчался успехом, а самому ему лишь с огромным трудом удалось спастись от гестаповцев.

Когда на внешне столь мирный город спустилась ночь, коммунисты и беспартийные рабочие пробрались через тыловые охранения к самым позициям, где ополченцам-«фольксштурмистам» приказано было «защищать Германию» и где они под злобными взглядами нацистских начальников со страхом ждали дальнейших событий. Вдруг от одного к другому стало передаваться, превратившись в радостный клич: «Конец! Эйсleben объявлен городом госпиталей и будет сдан без боя!» Тщетно офицеры и эсэсовцы пытались, грозя писто-

летами, остановить бегущих назад, пришлось ретироваться и им самим. Теперь предстояло еще одно трудное дело. «Миллионный мост» — виадук, повисший на окраине города высоко над улицей, был подготовлен к взрыву и мог взлететь на воздух каждую минуту. Ударный отряд рабочих смело взялся за разминирование, добрался до взрывных камер и буквально в последний момент извлек взрыватели из огромных зарядов. Эйсleben был спасен. Фашистская мразь в панике бежала. Сразу же начал действовать Антифашистский гражданский комитет, сформированный в условиях тяжелейшего подполья; в него вошли представители всех трудовых слоев. Был избран новый обер-бургомистр — коммунист; именно он уже стоял во главе города, когда в Эйсleben вошли американцы.

Это было 13 апреля 1945 г. Двумя днями позже Гитлер отдал приказ «ликвидировать» каждого, кто саботирует «борьбу до последнего человека». Он хвастливо уверял, что ни один советский солдат не вступит в Берлин, так как с юга на помощь уже подходит гигантская резервная армия. А через десять дней кольцо вокруг Берлина замкнулось.

Советское командование хотело избежать разрушительных военных действий в Берлине. Чтобы не подвергать население дальнейшим страданиям, оно предложило фашистскому верховному командованию сдать Берлин без боя. Коммунисты распространяли листовки с призывами; одна из них начиналась так: «Красная Армия — у ворот Берлина! Солдаты Советского Союза приходят не как наши враги, они приходят как враги наших угнетателей и эксплуататоров, как враги гитлеризма. Берлинцы, будьте храбрыми! Остановите палачей немецкого народа! Спасите то, что еще осталось!» Но по воле обреченных гитлеровцев и без того ужасающе разрушенному городу было суждено стать ареной ожесточенных боев. 30 апреля, накануне боевого международного дня рабочего класса, солдаты Советской Армии водрузили над рейхстагом красное знамя с серпом и молотом. А за несколько часов до того «ниспосланный провидением фюрер» в расположенном глубоко под землей бункере покончил самоубийством, трусливо уйдя от ответственности за свои преступления.

Однако кровавая драма еще не кончилась. В Берлине были сконцентрированы наиболее надежные эсэсовские соединения. В самый последний момент эсэсовцы старались увлечь за собой на дно как можно больше людей.

Еще гремели взрывы снарядов, еще раздавались автоматные очереди и пистолетные выстрелы, еще пожинала богатую жатву смерть, а немецкие коммунисты под руководством Вальтера Ульбрихта уже приступили к новому делу — восстановлению. Преобладающая часть пережившего тяжкие страдания берлинского населения вот уже несколько недель прозябала в вонючих подвалах и бомбоубежищах. Водопровод и канализация были разрушены, почти в каждом подвале лежали раненые, тяжело больные, умирающие, не хватало врачей. Запасы продовольствия почти полностью израсходованы,

а последние резервы вывезены или уничтожены эсэсовцами. Город остался без всяких транспортных средств, из 225 мостов более или менее целы были только 85. Нет ни угля, ни нефти, чтобы пустить в ход еще кое-как сохранившиеся коммунальные предприятия. Куда ни брось взгляд, везде мертвецы и раненые, везде голодающие, мерзнувшие и больные. Опустошительные эпидемии грозят катастрофой уцелевшим. А чтобы довершить этот хаос, фашистские убийцы затопили метро и тем обрекли на мучительную смерть беспомощных женщин и детей, надеявшихся обрести там спасение.

Коммунисты, а с ними и многие честные немцы нашли в себе мужество и силы повести борьбу против голода и эпидемий. В этом им оказал всемерную поддержку советский комендант Берлина генерал-полковник Берзарин. Колонны советских грузовиков стали доставлять немецкому населению продовольствие. Советские воинские части уделяли ему из своих скромных запасов хлеб и другие продукты. Где еще сыскать в истории такой пример, чтобы победители поступали так великодушно с вероломными нарушителями мира после бесконечных кровавых жертв и пережитого страшного разрушения!

18 мая был сформирован демократический новый магистрат Берлина, который на следующий день получил полномочия от советского коменданта и приступил к исполнению своих обязанностей. Он состоял из коммунистов, социал-демократов, представителей самых различных слоев населения. Обер-бургомистром Берлина магистрат избрал директора инженерного училища доктора Вернера из Целендорфа; руководство отделом здравоохранения было поручено известному хирургу профессору Зауэрбруху, бывшему члену партии немецких националистов.

Коммунисты, ставшие «активистами первого часа», принялись за работу и в других городах. Они выходили на свободу из каторжных тюрем и концлагерей, возвращались из эмиграции. Зачастую полуживые от голода, больные, обессиленные, они, ни минуты не колеблясь, принимали на себя все бремя ответственности за восстановление нормальной жизни, собирали вокруг себя всех тех, кто сохранил верность своему народу и проявлял мужество, необходимое для трудного начала.

Их вдохновляла клятва, которую дали узники многих национальностей, люди самых различных мировоззрений, собственными силами освободившиеся из концентрационного лагеря Бухенвальд, что лежал на горе Эттерсберг над городом Гёте и Шиллера Веймаром.

Клятву эту каждый из них унес на свою родину в сердце:

«Мы, кого объединил Бухенвальд, этот символ всех юдолей страдания, собравшись перед священной чашей, наполненной землей всех лагерей смерти и всех мученических городов и деревень всех стран Европы,

Клянемся

хранить вечно живую память о жертвах нацистского варварства!

Клянемся
бороться за то, чтобы лагеря смерти никогда не возникли вновь
и чтобы применение средств массового уничтожения было запрещено!

Клянемся
встать на пути всему, что возвращает оружие палачам, их главарям
и хозяевам для нападения на народы и их порабощения!

Клянемся,
оставаясь верными единству, рожденному в страданиях и в сопротивлении фашизму, посвятить себя высокой цели взаимопонимания
между народами, дабы добиться для них безопасности, независимости, мира и свободы!

Клянемся в том!»

Новая страница истории

...Все стало сразу таким легким, сказочно радостным, невесомым... Не воют больше сирены воздушной тревоги, где-то далеко в прошлом остались взрывы бомб, не подстерегает на каждом шагу гестапо, не стоят на углах улиц его цепные псы. Ослепительно сияет весеннее солнце! Легкий ветерок играет в оконных проемах распоротых снарядами домов темными занавесями светомаскировки — они стали теперь не нужны. Чирикают воробьи, дерутся над трупом павшей лошади вороны. Около опрокинутого сгоревшего танка играют дети, старуха роется в когда-то заботливо ухоженном садике у обломков сбитого бомбардировщика...

Свободен! Ни железной решетки, ни автоматов эсэсовцев! В голове еще не укладывается: 8 мая фашистская Германия безоговорочно капитулировала. Свободен! Отворились тяжелые, обитые железом ворота человеческой клетки. Чудом избежавший смерти, я принадлежу к числу счастливых. Все, что накопилось и созрело во мне за годы многолетних мук, теперь должно претвориться в труд на благо великого дела!

Да, будет тяжело! Только на полях сражений остались лежать 33 миллиона мертвецов — разорванные, раздавленные танками, расплюснутые рухнувшими стенами, задохнувшиеся, замерзшие. А ведь каждого из них ждала дома мать, жена или невеста, дети. Каждый из них хотел засеять поле и снимать урожай, строить машины, дома и города. И вот он в самом расцвете жизни погиб мучительной смертью в какой-нибудь снарядной воронке. «Дайте мне всего четыре года — и вы не узнаете Германии!» — воскликнул однажды шарлатан и авантюрист. И миллионы немцев собственными руками помогли ему разрушить свою страну. Как смыть тот позор, которым покрыто имя Германии? Как преодолеть ту ненависть к ней, которая родилась в концентрационных лагерях, там, где осуществлялось массовое уничтожение людей?

Эти мысли омрачали радость освобождения, когда мы стремились как можно скорее вернуться домой, к своим товарищам. Железнодорожное сообщение, телефонная связь повсюду были прерваны, а военные автомашины американцев и англичан не обращали никакого внимания на наши жалкие фигуры, маячившие на обочине шоссе. Но нетерпение гнало нас вперед: ведь нам предстояло решать огромные задачи. На развалинах «тысячелетнего рейха» должна возникнуть новая Германия — без монополистов и милитаристов, Германия, в которой народ будет крепко держать власть в своих руках и охранять мир.

Когда мы, оставшиеся в живых, протянули друг другу на прощание руку, это выглядело как клятва. Я поспешил туда, где мне предстояло начать новую жизнь. Но все тяжелее становилось на сердце. Повсюду, будь то в Вуппертале, Хагене, Касселе или Нордхаузене, одна и та же картина: зловещие, как привидения, руины, узкие тропинки через груды щебня и развалин, вокруг бродят люди

словно тени: глаза потухшие, лица вялые, сведенные судорогой, ожесточенные, безнадежно смотрящие в будущее.

Мне надо было начинать в Эйслебене. Создавать в Мансфельдском горнорудном бассейне, имевшем славные традиции рабочего движения, единые профсоюзы, объединяющие всех рабочих: здесь должен возникнуть центр созидательной энергии, его искра воли к антифашистскому единству должна зажечь все трудовые слои.

Эйслебен, как я уже говорил, остался неразрушенным, и в него вошли американские войска. После всего пережитого мной за последние дни, попав в этот городок, я почувствовал себя так, словно неожиданно оказался совсем в другой стране. Товарищи уже восстановили прерванные связи со всеми рудниками и металлургическими заводами, а также с сельскохозяйственными рабочими в крупных поместьях. Во главе районного самоуправления и города стояли коммунисты, хорошо понимавшие, чьи позиции им надо отстаивать от американского коменданта.

Итак, я снова мог работать с товарищами, и это давало не покидавшее меня ощущение счастья. Никто не думал о своих личных нуждах. Нельзя терять ни часа. Много недель ночным ложем мне служил старый скрипящий диван.

Но вскоре я смог убедиться, что представления о внешнем мире, сложившиеся у меня за долгие годы заточения в тюрьме, не во всем совпадают с действительностью. На первой после войны конференции функционеров КПГ Большого Берлина 25 июня 1945 г. Вальтер Ульбрихт высказал то, с чем приходилось сталкиваться изо дня в день: «С глубоким сожалением мы должны отметить, что большая часть немецкого народа позволила использовать себя в качестве орудия нацистских главарей и военных преступников. Гитлер в течение шести лет совершал свои военные преступления потому, что немецкий народ имел недостаточно сил, способных дать отпор империалистической, милитаристской идеологии, потому что разбойничья идеология, слепое военное повиновение глубоко проникли в народ»¹.

В Мансфельдском горнорудном бассейне, где рабочий класс в героических боях ряда десятилетий приобрел богатый опыт классовой борьбы, не представляло большого труда создать на предприятиях ядро активистов-антифашистов. Они смело приступили к установлению контроля над производством, бдительно следили, чтобы нигде не допускался саботаж и не расхищались ценности. Но значительная часть населения была словно парализованной. Война проиграна, причитали эти люди, теперь нам крышка, никогда больше нам не есть досыта! К этому добавлялся страх перед сменой оккупационных властей: американские части, продвинувшиеся во время военных действий через Тюрингию до Саксонии-Ангальт, должны были вскоре отойти за демаркационную линию, определенную союзническим

¹ Вальтер Ульбрихт. Избранные статьи и речи. М., 1961, стр. 48.

соглашением в Ялте. Сколько труда стоило нам развеять систематически, многие годы насаждавшийся и раздувавшийся страх перед коммунизмом и сделать всеобщим достоянием ту истину, что народы Советского Союза вынесли на себе основную тяжесть войны и своей кровью добытой победой спасли цивилизацию Европы от фашистского варварства!

Большинство крупных помещиков еще продолжало сидеть в своих поместьях, все еще действовал управленческий аппарат концерна «Мансфельд-АГ», а американские оккупационные власти срывали, как только могли, наши усилия по организации рабочего класса. Представители концерна и крупные землевладельцы были в американской комендатуре своими людьми, а собрания антифашистов подвергались запрету: разрешались лишь совещания, в которых имело право участвовать не больше пяти человек. Так же действовали и английские оккупационные власти.

Накануне перехода советских войск к последнему штурму Берлина Гитлер в своем «завещании» назначил гросс-адмирала Деница «президентом рейха и верховным главнокомандующим вермахта». Тот всерьез считал себя преемником Гитлера и 1 мая 1945 г. в хвастливом «Обращении к немецкому народу» заявил, что вооруженная борьба против большевизма продолжается. На следующий день генерал-фельдмаршал Кейтель отдал вермахту приказ без боя капитулировать перед наступающими английскими войсками. А еще через три дня пятеро гитлеровских генералов и британский фельдмаршал Монтгомери подписали акт капитуляции «всех германских вооруженных сил в Голландии, Северо-Западной Германии, включая все острова, и в Дании». В секретном документе командования Кейтель приказал своим военачальникам: «На Востоке борьба продолжается».

Согласие на частичную капитуляцию германской армии было прямым нарушением соглашений, заключенных союзниками по антигитлеровской коалиции в Тегеране и Ялте. Английский премьер-министр Черчилль подтвердил впоследствии, что он отдал главнокомандующему британских вооруженных сил телеграфный приказ после капитуляции фашистского вермахта тщательно собрать и сохранить брошенное немцами оружие, чтобы без труда вернуть его германским войскам, если их придется использовать против Советской Армии. Даже и после безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии британское верховное командование сохранило «правительство Деница» со всеми его функциями и атрибутами, более того, оно предоставило ему «экстерриториальную зону» и разрешило иметь собственный охранный батальон.

10 июня мы, коммунисты Эйслебена, несмотря на запрет, проводили в укромной комнате свое совещание. Вдруг радио передало сообщение, которое нас очень взволновало: приказом № 2 Советской Военной Администрации в Германии в советской зоне оккупации разрешались создание и деятельность всех партий, «ставящих своей целью окончательное искоренение остатков фашизма и укрепление

начал демократизма и гражданских свобод в Германии и развитие в этом направлении инициативы и самостоятельности широких масс населения»¹.

Нас охватило ликование! Мы еще верили, что такие же меры будут проведены и в других оккупационных зонах. Велико же было наше разочарование, когда мы изложили американскому офицеру «по политическим вопросам» нашу просьбу, а тот наотрез отказал.

В те дни дел у нас было по горло. Крупные помещики и другие реакционеры пытались переправить на Запад все, что возможно. Но антифашисты под руководством коммунистов сумели помешать этому: в ход пускались даже кулаки, чтобы отстоять созданные тяжелым трудом народа материальные ценности. День и ночь работала наша «служба информации»: мы выставили в важнейших пунктах своих дозорных, наготове стояли мобильные группы. Стоило нам узнать, что где-нибудь ночью тайно тронулся в путь трактор с прицепом, его сразу же останавливали и без разговоров возвращали во свояси. Тут помещики, как правило, звали на помощь оккупантов, а те прогоняли «вторгнувшихся» из усадьбы; но лишь только американцы исчезали, рабочие возвращались.

Это были беспокойные дни и недели, спать приходилось мало. Каждый день выдвигал перед нами новые проблемы. Эвакуированные, хотя жилища их в больших городах и промышленных центрах были разрушены бомбами, во что бы то ни стало стремились вернуться домой. Их дальнейшая транспортировка и обеспечение, особенно детей, питанием требовали от нас больших усилий. Одновременно мы старались разъяснить им причины их бедствий, рассказать о задачах антифашистов. Лагеря военнопленных, насильно угнанных в Германию, были переполнены; измученные люди требовали, чтобы их как можно скорее отправили на родину. Но нельзя было допустить и срыва продовольственного снабжения местного населения, надо было крепко взять в свои руки самоуправление.

11 июня 1945 г. Коммунистическая партия Германии обратилась с воззванием ко всему немецкому народу, развернув перед ним такую программу построения новой Германии, на базе которой могли объединиться вокруг общего дела создания антифашистско-демократического строя рабочий класс, крестьянство, представители средних слоев, интеллигенция и даже значительная часть буржуазии. В тот вечер мы прикрепили к радиоприемнику, мы хотели уловить каждое слово. Да, именно по этому пути надо идти! На основе глубокого анализа недавних событий германской истории КПГ сделала единственно правильный вывод, полностью отвечавший жизненным интересам немецкого народа:

«Именно сейчас необходимо полностью учесть уроки прошлого и никогда не забывать о них. Нужно вступить на совершенно новый путь!

¹ Цит. по: *Вальтер Ульбрихт. К истории новейшего времени. М., 1957, стр. 339.*

Пусть каждый немец осознает, что наш народ шел до сих пор по ложному, ошибочному пути, который вел к преступлениям и позору, к войне и гибели!

Необходимо не только расчистить от руин наши города, но на чисто вымести реакционный мусор прошлого. Надо заложить прочные основы новой Германии, чтобы империалистические политики не привели в третий раз к катастрофе.

С уничтожением гитлеризма следует одновременно довести до конца демократизацию Германии, буржуазно-демократические преобразования, начатые в 1848 году, полностью устранить феодальные пережитки и уничтожить реакционный старопруссский милитаризм, как и все то, что он породил в области политики и экономики»¹.

КПГ в новой обстановке творчески развила решения Брюсселя и Берна, а также принципы политики Национального комитета «Свободная Германия». Объединение всех антифашистских, демократических и прогрессивных сил во имя достижения общей цели — демократического обновления Германии было высшим требованием исторического момента. Осуществление его в свою очередь требовало единства рабочего класса. В открытом длительном столкновении демократических народных масс с империалистической реакцией следовало обеспечить демократическое единство нации и уничтожить во всей Германии фашизм, милитаризм и империализм.

Программа ясно и убедительно обрисовывала непосредственные задачи демократического преобразования. Прежде всего было необходимо, чтобы антифашисты и демократы, следуя одному из важнейших уроков истории, заняли все решающие посты в экономике и государственном управлении. Предстояло осуществить уже целое столетие стоявшее на повестке дня освобождение крестьян путем безвозмездной конфискации собственности юнкеров и крупных помещиков и раздела их земли. Неотвратимо звучало требование наказания активных нацистов и военных преступников, передачи концернов, банков и крупных предприятий в руки народа. Восстановление демократических прав и свобод, развитие антифашистско-демократической культуры были призваны сделать немецкий народ способным осуществить свое право на самоопределение.

Центральный Комитет КПГ не только наметил исторически необходимые задачи, но и показал путь к их решению. Он предложил создать блок антифашистско-демократических партий — новую форму политики союза с целью образования широкого народного фронта для осуществления национальной программы. Прочное единство всех трудящихся во главе с рабочим классом давало возможность воспользоваться имеющимся историческим шансом и создать единую, миролюбивую, антифашистско-демократическую Германию — Германию без пагубной власти концернов и трестов, без юнкерского крупного зем-

¹ Цит. по. Вальтер Ульбрихт. К истории новейшего времени, стр. 345.

левладения. Такая Германия стала бы надежной гарантией мира в Европе, во всем мире.

Подлинной национальной концепция КПГ отвечала чаяниям, надеждам и стремлениям подавляющего большинства немецкого народа. Это подтверждалось и решением Центрального Комитета Социал-демократической партии Германии, заявившего 15 июня 1945 г. о своем согласии с программой, выдвинутой КПГ, а также и образованием через несколько дней блока антифашистско-демократических партий.

Теперь у нас появилась прочная основа для нашей работы, тем более что нам в Эйслебене вскоре пришлось выдержать суровое испытание. Хотя благодаря энергии антифашистов удалось справиться с труднейшими задачами, американский комендант, недолго думая, сместил обер-бургомистра города — испытанного коммуниста. На его место он назначил без всякого согласования с представителями населения сына одного фабриканта. Для отпора этому покушению на наши права было поднято на ноги все население, без разрешения коменданта собрался гражданский комитет, единогласно решивший: обер-бургомистр коммунист должен остаться на своем посту!

Путь открыт!

А потом наступило 1 июля — американские войска отошли на запад в свою зону. До сих пор нам приходилось осуществлять антифашистско-демократические преобразования вопреки официальной политике американских оккупационных властей в германском вопросе. Теперь мы с нетерпением ждали прихода Советской Армии, нашего классового союзника, политика которого как оккупационной державы совпадала с нашими целями и стремлениями.

В кабинете обер-бургомистра группа руководящих коммунистов обсуждала, как нам достойно встретить советских солдат, с боями прошедших путь от Волги до Эльбы. Вот как: в знак приветия мы вынесем навстречу советским войскам знамя рабочих Кривого Рога, спасенное немецкими коммунистами в годы гитлеровского варварства! Договорились о тексте листовок, в которых мы разъясним населению, что историческая победа над фашизмом означает коренной поворот во всей истории Германии и создает благоприятные условия для широкого развития демократии.

На рассвете 2 июля жители Эйслебена были разбужены стуком молотков. В сотне метров от памятника Лютеру рабочие соорудили пьедестал. Четыре лошади (бензина у нас не было) тащили прицеп с тяжелым драгоценным грузом. Первые лучи восходящего солнца ярко осветили бронзу другой выросшей на площади статуи — антифашисты установили первый на немецкой земле памятник Ленину! Эту статую фашисты похитили в районе Ленинграда. Памятник подлежал переплавке, из него должны были сделать ведущие пояски для несущих смерть и разрушение снарядов. Антифашисты спасли его от

уничтожения в годы гитлеровской диктатуры и сохранили до того дня, когда на площадь немецкого города вступят рабочие и крестьяне в красноармейской форме: пусть он покажет им, что в годы фашистского варварства была и другая Германия!

Со всех сторон на площадь стекались люди. Надо было разъяснить им, что означает этот день и что символизирует собой этот памятник. Товарищи поручили это мне. Стоя у статуи Ленина, я, до глубины души взволнованный, впервые после двенадцати страшных лет произнес речь о том, что не может быть счастливого будущего для нашего народа без дружбы с Советским Союзом. Через несколько часов, теперь уже с совсем иным содержанием, вышла газета «Эйслебер цейтунг». На первой странице крупный заголовок: «Путь в будущее». Статью эту написал Отто Готше¹. В следующем номере обращение «Привет Красной Армии!», оно тоже было написано Отто Готше. Над передовой только одно слово: «Ленин»!

С того момента, как в Эйслебене начала свою деятельность советская комендатура, для нас зажегся зеленый сигнал светофора. Само собой разумеется, обер-бургомистром остался коммунист Роберт Бюхнер, само собой разумеется, мы смогли провести свою давно подготовленную первую конференцию профсоюзов Мансфельдского бассейна. Она открылась 8 июля в кинотеатре «Капитоль». В ней участвовали делегаты всех предприятий, а также многих крупных сельских хозяйств, среди них были и женщины. На этой конференции (со всей отчетливостью показавшей и то, насколько глубоко проникло в рабочий класс пагубное влияние буржуазной идеологии), мы увидели и то, что владело умами рабочих всей Германии: стремление и воля к единству.

В Берлине еще 17 июня 600 профсоюзных функционеров, прежде принадлежавших к самым различным партиям и профсоюзным организациям, приняли обращение о создании Единых свободных профсоюзов, нашедшее повсюду, где оно стало известно, восторженный отклик. В Мюнхене еще в мае 1945 г. 60 ведущих рабочих профсоюзных деятелей образовали комитет, который подготовил план создания единого профсоюза. Покончить с раздроблением на 130 групп и группок! — таково было требование рабочих 185 шахт Рурской области. Они основали Комитет единства, состоявший из членов КПГ и СДПГ и христианских рабочих. На заводах Круппа, на предприятиях «Бохумер-ферейн», «ИГ Фарбен» и многих других концернов коммунисты и социал-демократы объединялись, чтобы сообща отстаивать профсоюзное единство. 19 июня 1945 г. в Берлине состоялось первое совместное совещание Центрального Комитета КПГ и Центрального Комитета СДПГ и был избран Рабочий комитет, в который вошло по пять представителей от каждой партии. Во всех частях Германии

¹ Антифашист-подпольщик, узник концлагеря, ныне известный немецкий писатель, автор книг о жизни и борьбе немецких трудящихся, в том числе романа «Знамя Кривого Рога», лауреат Национальной премии ГДР. — *Прим. пер.*

проявлялись те же стремления, в частности правления земельных организаций КПГ и СДПГ Баварии приняли совместную программу действий. Дело шло к желанному единству действий рабочего класса!

Глубокие борозды

Тому, кто больше десяти лет видел мир только сквозь узкую щель, через железную решетку одиночки каторжной тюрьмы, конечно, трудно сразу освоиться с жизнью на свободе. Кроме того, выйдя на волю, мы нашли совершенно изменившиеся условия и прежде всего совершенно изменившихся людей; перед нами встали задачи, казавшиеся почти неразрешимыми. Отто Готше, наш ландрат, был отозван в Мерзебург, ему предстояло работать там в качестве вице-президента окружного самоуправления. Я должен был принять на себя руководство районом с более чем 100 тысяч жителей, разнообразной промышленностью и крупными сельскохозяйственными предприятиями. Все мои опасения и возражения разбивались о трезвый довод: необходимо превратить государственный аппарат в главный рычаг в руках антифашистов для осуществления программы КПГ от 11 июня 1945 г.

Мы поддерживали постоянный контакт с окружным руководством и Центральным Комитетом нашей партии, всегда советовались с ними по трудным вопросам. Но первая же крупная конференция нашего округа ясно показала, что необходимо коренное изменение заимствованных из прошлого методов работы в соответствии с новыми условиями. Мы ожидали на конференции всеобъемлющего политического доклада о международном положении. Но докладчик Бернард Кёнен, хорошо известный нам как видный деятель немецкого коммунистического движения, очень быстро перешел к вопросам совсем другого характера. Сейчас даже трудно себе представить, чем только ни занимались тогда руководящие работники нашей партии в округах, городах и общинах! Уход за брюквой, подготовка сахарных заводов к новому сезону, ремонт немногих оставшихся у нас машин и устаревшего инвентаря, подготовка к уборке урожая и тысяча других непредвиденных дел — и все их надо было выполнять немедленно, к строго установленному сроку! А руки у нас и без того были до предела заняты восстановлением промышленных предприятий или недопущением их остановки. Не хватало решительно всего — транспортных средств, запасных частей и горючего; к тому же фашисты, прежде чем сбежать на Запад, уничтожили много технической документации.

В довершение всего ежедневно прибывали поезда с переселенцами. Они заплатились изгнанием из родных мест за преступную политику фашистской Германии и изменническую деятельность гитлеровской «пятой колонны». Нашим долгом было обеспечить этих людей

жильем, как можно скорее включить их в трудовой процесс, помочь им пустить корни на новой родине.

У сотрудников Советской Военной Администрации мы всегда находили поддержку и добрый совет. Они совсем не были такими офицерами, к каким мы издавна привыкли в Германии, — высокомерными, заносчивыми, чужающимися всяких хозяйственных вопросов. Нет, это были квалифицированные специалисты в области промышленности, финансов и сельского хозяйства. Они учили нас во всем находить главное звено, проводить целеустремленные меры и в первую очередь проверять выполнение принятых решений.

Советские офицеры ознакомили нас с решениями союзников по антигитлеровской коалиции, принятыми на конференциях в Москве, Тегеране и Ялте. Мы поняли, что только социалистический Советский Союз воспрепятствовал раздроблению Германии на множество бесильных мелких государств, к чему стремились западные державы, особенно США, только он один последовательно отстаивал единство нашей страны. Советское правительство, опираясь на опыт истории и понимание закономерностей общественного развития, прилагало все силы, чтобы после победы антигитлеровской коалиции превратить Германию в оплот мира в центре Европы. Но добиться этого можно было только путем победы прогрессивных, демократических сил во всей Германии.

Это наглядно показала всему миру историческая конференция, состоявшаяся в Потсдаме. Там, во дворце Цецилиенгоф, собрались главы великих держав-победительниц — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании, чтобы решить вопросы, имеющие жизненное значение для судеб немецкой нации. Американский президент Трумэн, присутствовавший на конференции в качестве преемника скончавшегося 12 апреля 1945 г. Франклина Делано Рузвельта, вновь выдвинул план раздробления Германии на «Южногерманское государство» (состоящее из Австрии, Баварии, Вюртемберга, Бадена и Венгрии) со столицей в Вене, на «Северогерманское государство» и, наконец, на «Западногерманское государство» (включающее Рейнскую, Рурскую и Саарскую области), которое подчинялось бы контролю четырех великих держав. Но эти планы раскола Германии были сорваны твердой позицией Советского Союза.

С 17 июля по 2 августа 1945 г. на этой знаменательной конференции резко сталкивались между собой различные точки зрения по германскому вопросу. Тем не менее она завершилась подписанием Потсдамского соглашения, которое и поныне полностью сохраняет свою государственноправовую силу и представляет собой неотъемлемую составную часть международного права. Его положения полностью отвечали жизненным интересам немецкой нации, а его осуществление создавало чрезвычайно благоприятные условия для решения национального вопроса Германии, ибо соглашение это требовало с корнем уничтожить агрессивный империализм и милитаризм и призывало немецкий народ к демократическому преобразованию своего государ-

ственного организма. Политическое, государственное и экономическое единство Германии было ясно и недвусмысленно провозглашено в соглашении о «Политических и экономических принципах, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период»¹.

Мы с головой ушли в работу, каждый день требовал от нас всех сил, но вечерами мы собирались вместе, изучали каждое слово Потсдамского соглашения, сравнивая его с программой КПГ от 11 июня 1945 г. Да, несмотря на все, что произошло, нашему народу дана перспектива построить новую жизнь и самим определять ее! Советскому Союзу, марксистам-ленинцам, которые, руководствуясь пролетарским интернационализмом, способны проводить различие между немецким народом и его империалистическими могильщиками, обязаны мы этим.

«Союзники не намерены уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ. Союзники намереваются дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе»², — читали мы в III разделе Потсдамских решений. Чтобы достигнуть этой цели для Германии как единого целого, Потсдамское соглашение ставило перед союзным Контрольным Советом задачу провести «во всей Германии» три коренных мероприятия. Первое из них коротко и ясно гласило: «Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и Союзники в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире»³.

Второе было неразрывно связано с первым: «В практически кратчайший срок германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений»⁴.

Тот, кто изучал историю нашего народа за последние сто лет, кто осознал причины и движущие силы опустошительных войн, знает, какую роль играли в них военная промышленность, крупные банки и монополистические объединения. Лишение власти этих могильщиков нации стало теперь жизненной необходимостью. Только таким образом могла быть решена третья задача:

«Подготовиться к окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе и к эвентуальному мирному сотрудничеству Германии в международной жизни»⁵.

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III М., 1947, стр. 340.

² Там же, стр. 339.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 343.

⁵ Там же, стр. 341.

Нет, Потсдамское соглашение отнюдь не было диктатом по образцу Версальского договора. Оно являло собой нечто совершенно новое в мировой истории. За это сложили свои головы лучшие сыны нашего народа. Те же цели ставила и программа КПГ от 11 июня 1945 г. Теперь дело было за нами, нам предстояло решить эту задачу.

Благодаря целеустремленной, энергичной деятельности коммунистов и других патриотов начала эффективно действовать демократическая власть, стали развиваться новые методы государственного управления.

Приведу два примера из жизни Мансфельдского района. На открытом собрании в своей усадьбе был осужден крупный помещик фон Трейенфельз, сгноивший 100 центнеров кормового картофеля прошлогоднего урожая, несмотря на то что голодали дети и женщины. Когда это преступление было раскрыто, мы арестовали его и передали дело прокурору (это происходило еще при американцах), но тот освободил Трейенфельза под предлогом, будто у обвиняемого не оказалось необходимой рабочей силы. Однако батраки придерживались иного мнения и требовали примерного наказания помещика, утверждая, что здесь имел место открытый саботаж. Это удалось доказать, и помещик-феодал получил по заслугам: его отправили в тюрьму.

Однажды из Безенштедта поступил тревожный сигнал. В связи с начавшейся уборкой урожая 50 добровольцев были направлены в крупное имение, имевшее 1200 гектаров плодороднейшей земли. Но «владелица» замка (в последние дни войны здесь располагались власти Мерзебургского округа) поместила их в те же самые бараки, в которых несколько лет жили полумертвые от голода пригнанные на принудительные работы военнопленные и иностранные рабочие. Через какой-нибудь час я приехал на место, чтобы «вправить мозги» знатной даме. Лакей во фраке провел меня через вход, предназначенный только для «господ». Хóленая «владелица» приняла меня с изысканной вежливостью, пригласила к завтраку. Когда я в резкой форме потребовал от нее объяснений, она сделала удивленное лицо и оскорбленно заявила, что перед прибытием добровольцев даже велела побелить бараки. С трудом сдерживаясь, я попросил старую «мадмузель» показать комнаты для гостей. Подобное мне приходилось видеть только в кино! Целая анфилада комнат — и каждая не похожа на другую, даже стеганные атласные одеяла всюду разные. Разговор был непродолжительным: «флигель полководцев», стены которого были увешаны портретами феодальных предков хозяйки, просто напросто конфисковали. И все-таки было нелегко убедить женщин и девушек, приехавших на уборку урожая, преодолеть свой страх и расположиться в этих фантастически роскошных покоях.

Подобные инциденты происходили чуть не каждый день. Уборку урожая необходимо было обеспечить во что бы то ни стало, а рабочей силы не хватало. На призыв о помощи откликнулись рабочие и работницы, домашние хозяйки и служащие, коммерсанты и священники; никто не спрашивал, принадлежит ли участок помещику или

крестьянину-середняку. Из города прибыли ремонтные колонны, рабочие с металлургического завода и рудников приводили в порядок почти негодные сельскохозяйственные машины, даже если они принадлежали частным собственникам.

Тем временем на столе ландрата росла стопка писем, просительных, умоляющих, продиктованных доброй волей, написанных неумелой рукой: «Нельзя ли дать нам немного земли?», «Мы хотим построить себе здесь новый дом, обрести новую родину, нельзя ли нам прирезать кусочек пахоты?» Но многие письма были более твердыми и требовательными: «Прогоните наконец ко всем чертям помещиков, довольно они измывались над нами!», «Сколько еще будут кататься как сыр в масле в своих замках и усадьбах те, кто виновен в наших страданиях?» Во всех этих вопросах и требованиях сквозило ожесточение веками угнетавшихся и эксплуатировавшихся крестьян, звучал гнев тех, кого военные преступники лишили родины и дома.

Программа КПГ от 11 июня 1945 г. требовала безвозмездной конфискации собственности юнкеров и крупных помещиков, раздела их земли, наказания активных нацистов и военных преступников. Потсдамское соглашение требовало уничтожения германского милитаризма и фашизма в качестве предпосылки демократического обновления Германии, охарактеризовав это как одну из самых неотложных задач. Крупные землевладельцы и юнкеры с давних пор были опорой милитаризма, несли значительную часть вины за две катастрофы на протяжении жизни одного поколения, а теперь устраивали саботаж, где и как могли. Самое время было навсегда обезвредить их и приступить к земельной реформе, вот уже более века стоявшей в Германии на повестке дня.

Земельная реформа! — в этих словах сконцентрировались многие чаяния и надежды трудового народа, стремление извлечь наконец уроки истории. Земельная реформа стала реальностью в той части Германии, где народ смог осуществить свое право на самоопределение.

Как только стало известно, что немецкие административные органы готовят постановление о проведении земельной реформы, мы сразу же созвали заседание образованного 14 июля 1945 г. блока антифашистско-демократических партий и представили на его обсуждение проекты всех важнейших решений. Ведь земельная реформа являлась таким революционным преобразованием, которое должны были провести в жизнь все демократические и прогрессивные силы, его надо было осуществить по возможности с наименьшими потрясениями. В нашем округе это являлось делом особенно трудным. Не менее 56 процентов всей полезной сельскохозяйственной площади находилось в руках крупных помещиков; каждый из них владел более 100 гектарами земли; еще 24 процента принадлежало кулакам, имевшим более чем по 20 гектаров земли; вместе же это составляло 80 процентов всей земли. Преобладало крупное феодальное землевладение. Так, в своем замке Писдорф все еще сидел камергер и министр двора Вильгельма II Бруссон фон Ведель, владевший 721 гектаром

прекрасной земли. К числу таких крупных помещиков-аристократов принадлежали «фюрер СС» генерал фон Альвенслебен (замок Шохвиг), барон фон Крозигк (роскошный замок у Хайлингентала с 1247 гектарами земли), барон фон Энтрес-Фюрстенэкк (Безенштедт, 500 гектаров), барон фон Штрюмберг (в Венденбурге на Зюсерзее с 2443 гектарами). Самым влиятельным был местный «король» Венцель — покровитель и главная финансовая опора «Стального шлема» в Средней Германии; он владел множеством современных сельскохозяйственных предприятий, а кроме того, большим числом сахарных, спирто-водочных и консервных заводов. Семейство Венцелей начало в конце XIX в. с 82 гектаров, а потом, сгоняя крестьян с земли, постепенно «округлило» свои владения до 900 гектаров. Концерн «Мансфельд-АГ» тоже со временем прибрал к рукам 300 гектаров пахотной земли и 5 тысяч гектаров лесных угодий.

Теперь с этими юнкерами, милитаристами и поджигателями войны предстояло покончить! Действовать и еще раз действовать, не теряя времени, пока на Запад не переброшены невосполнимые материальные ценности и еще не начались акты открытого саботажа.

Курьер доставил нам «Постановление о земельной реформе в провинции Саксония» от 3 сентября 1945 г., подписанное ее премьер-министром профессором Хюбнером. «Земельная реформа, — говорилось в нем, — должна обеспечить ликвидацию феодально-юнкерского крупного землевладения и положить конец господству юнкеров и крупных землевладельцев в деревне, так как это господство всегда представляло оплот реакции и фашизма в нашей стране и было одним из главных очагов агрессии и захватнических войн против других народов. Благодаря земельной реформе должна осуществиться вековая мечта безземельных и малоземельных крестьян о передаче в их руки земель крупных землевладельцев»¹.

Наше совещание окончилось только к утру, но еще ночью на все предприятия и в деревни были посланы курьеры, чтобы, согласно принятому плану, подготовить повсюду собрания и мобилизовать на проведение реформы наиболее сознательных рабочих.

Все разыгрывалось как по нотам. Когда мы прибывали в деревню, перед каждым замком или помещичьим домом нас уже ждали бургомистр, рабочие, батраки, крестьяне и «господа» со всеми своими инспекторами и управляющими. Бургомистр открывал собрание, ландрат произносил речь, заканчивавшуюся одними и теми же словами: «В силу данных мне полномочий ландрата Мансфельдского района я, во исполнение постановления о земельной реформе, конфискую весь живой и мертвый инвентарь этого поместья и назначаю в качестве опекуна, пользующегося всеми полномочиями, — здесь говоривший делал паузу и спрашивал фамилию стоявшего рядом рабочего, — господина такого-то».

¹ Цит. по: *Вальтер Ульбрихт. К истории новейшего времени*, стр. 371.

Затем мы спешили в другое место, а вновь назначенные опекуны без проволочек приступали к делу. Вместе с бургомистром и избранным комитетом сельскохозяйственных рабочих они прежде всего опечатывали дорогие библиотеки, брали под охрану картины и другие ценности и тщательно составляли инвентарную опись. Затем они обсуждали производственный план поместья и распределяли между собой обязанности. Землевладельцы обязаны были немедленно очистить замок или помещичий дом, им выделялась ровно такая жилплощадь, какая была нормально необходима для их семьи.

В провинции Саксония земельная реформа началась 4 сентября 1945 г. Спустя две недели в нашем сельском районе уже работали 78 местных земельных комиссий, избранных на открытых собраниях. Они составляли планы распределения земли и принимали заявки на земельные участки. После утверждения районной комиссией план раздела земли и прирезки участков вывешивался в общине на доске объявлений, и каждый мог заявить о своем несогласии или внести предложение об изменении. В нашем районе земельная реформа охватила 90 больших поместий, 6 доменов и 12 владений военных преступников. В свободную, не обремененную никакими долгами и ипотеками собственность землю получили 8620 семей.

Эти цифры далеко не дают представления о той огромной политической работе, которая потребовалась, чтобы осуществить земельную реформу. Юнкеры и их многочисленные прихвостни шли на все, чтобы остановить колесо истории. Такие попытки предпринимались даже и теми буржуазными кругами, которые до того времени сотрудничали в блоке антифашистско-демократических партий. Возникли различные группы, которые пытались повернуть руль в другую сторону, лишь только стали претворяться в жизнь эти программные положения. Так, приехавший к нам из Берлина один из руководителей Христианско-демократического союза в советской оккупационной зоне, доктор Шрайбер, выступил на большом собрании против земельной реформы, но потерпел полный провал: батраки, бедняки, а особенно переселенцы задали ему такого жару, что он предпочел сбежать из зала.

То были трудные и до предела заполненные работой недели. И вот настал день, вознаградивший нас за все: 6 октября началась передача разделенной земли, была подведена черта под хозяйничаньем феодалов. В поместье Крозигков в Хельмштедте 174 крестьянина и переселенца получили грамоты на владение землей, превращавшие их в свободных землевладельцев. Они пришли сюда под музыку, вместе со своими семьями, вместе с делегациями промышленных предприятий. «Юнкерскую землю в руки крестьян», «Отберем у юнкеров награбленное!» — вот что было написано на их транспарантах. Когда торжественно вручались грамоты, отцы и матери высоко поднимали детей: пусть видят и до старости не забудут эту замечательную минуту! По обветренным, изборожденным горестными морщинами лицам катились слезы, рукопожатия заставляли меня просто стискивать зубы

от боли — это были крепкие, мозолистые руки, они вызывали воспоминания об образах мужественных борцов германской Великой крестьянской войны, которые когда-то пели: «Разбиты мы в бою неравном, но внуки наши победят!» При передаче земли в Гербштедте рядом со мной стоял Отто Брозовски. Он держал в руках то самое знамя, которое когда-то вручили горняки Кривого Рога своим братьям по классу с мансфельдских рудников: он сохранил и пронес его сквозь ночь фашистской диктатуры. В тот момент оно служило символом возникающего прочного союза рабочего класса и крестьянства.

Вручение грамот на владение землей стихийно превращалось в настоящий народный праздник. Это было подлинно народное движение, его кульминационной точкой явилась земельная реформа, которую требовали и которую осуществили массы. Единство действий обеих рабочих партий оказалось сильнее всех тормозивших факторов, совместные действия антифашистско-демократических партий и организаций смели все препятствия с пути сил, объединившихся в блоке. Так свершилась крупнейшая до тех пор во всей истории Германии победоносная акция масс.

До конца 1947 г. более 3 миллионов гектаров земли перешло в советской оккупационной зоне в собственность более 466 тысяч крестьян, экспроприации подверглось около 6800 крупных помещиков и 1600 активных фашистов. И мы с гордостью можем сказать: при нашем участии!

Сила и знание

Настоящая дружба рождается в общности стремлений. И хотя мне пришлось работать в Мансфельдском районе всего несколько месяцев, я с тяжелым сердцем покидал своих новых друзей с металлургических заводов и рудников, когда партия направила меня на другую работу. В этот короткий период мы вместе изменяли жизнь, а жизнь изменяла нас самих. Да, все мы росли в суровой борьбе, день за днем, час за часом мы учились применять правильные, убедительные аргументы и разоблачать замаскировавшихся врагов.

Антифашистские силы росли вширь и вглубь, а демократическая земельная реформа помогла отделить плевелы от злаков. Установление антифашистско-демократического строя, подготовка к созданию парламентарно-демократической республики со всеми правами и свободами для народа требовали интенсивной идеологической разъяснительной работы, чтобы очистить от мусора ложных идей головы тех, кто честно хотел участвовать в строительстве нового. Так постепенно, шаг за шагом возникал широкий фронт антифашистов — от коммунистов и социал-демократов до бывших членов партии немецких националистов и бывших попутчиков нацизма.

В ходе демократического обсуждения (благодаря ему стало видно, как много людей выдавало себя тогда за противников Гитлера только для того, чтобы спасти свои позиции в экономике или в адми-

нистративном аппарате и продолжать старую политику), а особенно в процессе работы на ответственных постах развернулись творческие способности антифашистов. Рабочие решали трудные задачи. В тысячах, десятках тысяч случаев они опровергали доводы маловеров и пессимистов, утверждавших, что рабочие, с грехом пополам кончившие всего лишь начальную народную школу, не способны руководить экономикой и административными органами. Они справлялись с такими трудностями, перед которыми пасовали бюрократически мыслящие чиновники капиталистического государства. Эти новые люди вышли непосредственно из рядов рабочего класса и были неразрывно связаны с ним в решении повседневных задач.

Однажды я выбрал свободный денек, чтобы проехать по Мансфельдскому району, — хотелось лучше запечатлеть в памяти его ландшафт, попрощаться с друзьями. А потом поспешил к месту своей новой работы — в Веймар, город великих гуманистов Гёте и Шиллера, город, имя которого было осквернено Бухенвальдом.

Теперь ответственность моя стала большей, теперь мне предстояло решать задачи еще более сложные¹. Тюрингия, бедная сырьем, с ее весьма сильно разбросанной промышленностью и многими постоянно бедствующими районами, особенно сильно страдала от хозяйственного хаоса, оставленного фашистами. Требовалось также внести ясность в политические и идеологические вопросы, ведь Тюрингия была той землей, где нацистам удалось установить свое правительство еще до захвата власти во всей Германии.

18 октября 1945 г. Центральный Комитет КПГ и Центральный Комитет СДПГ опубликовали подписанное Вильгельмом Пиком и Отто Гротеволем обращение о коренной реформе школьного дела и образования: «Решающей предпосылкой и важнейшей гарантией действительной демократизации школы является демократическое учительство, новый тип демократического, сознающего свою ответственность и способного преподавателя. Воспитатели нашей молодежи выполняют свой высокий, определяющий будущее нашего народа долг только в том случае, если они желают и способны воспитать из подрастающего поколения сознательных строителей и создателей новой, миролюбивой, демократической Германии. Немецкая школа должна стать для всего народа очагом образования, обеспечивающим каждому одаренному человеку возможности прогрессивного развития и подъема, а также содействующим тому, чтобы мир снова уважал немцев как культурный народ».

В осуществление Потсдамских решений Советская Военная Администрация в Германии издала приказ № 40, которым предписывалось немедленно возобновить работу школ и определялись меры, необходимые для полного освобождения преподавания и воспитания от нацистских, милитаристских, расистских и других реакционных теорий,

¹ Автор книги возглавил тогда в качестве премьер-министра правительство земли Тюрингия. — *Прим. пер.*

а также от всех элементов теоретической и практической милитаристской подготовки.

Как известно, после Ноябрьской революции 1918 г. учительство кайзеровской Германии и учебные заведения по подготовке преподавателей смогли беспрепятственно продолжить свою деятельность в Веймарской республике. Правящие классы систематически использовали в качестве своего орудия высшие учебные заведения, школу, а также прессу, литературу и радио. В школах и высших учебных заведениях молодежи прививали идеи расовой ненависти и шовинистическое высокомерие, давали ей совершенно извращенное представление об истории Германии, искажая или замалчивая революционные традиции народных масс, их роль в истории. Уничтожение варварской нацистской идеологии, глубокое идейное обновление было невозможно без коренной школьной реформы.

Предвидя это, Политбюро ЦК КПГ еще в феврале 1945 г., за три месяца до капитуляции гитлеровской Германии, создало комиссию под председательством Вальтера Ульбрихта, которая выработала директивы для деятельности коммунистов после окончания войны. Комиссия весьма интенсивно занялась вопросами новой организации школьного дела и пришла к выводу, что большинство учителей должно быть отстранено от работы, поскольку оно полностью находится во власти фашистской идеологии. Не могли служить идейной основой для демократической школы и прежние учебные программы и учебники. Важнейшим делом комиссия считала тщательный подбор новых кадров учителей и их основательную подготовку к выполнению ответственной задачи по антифашистскому перевоспитанию народа.

Значительная часть школьных зданий была разрушена, не хватало угля, одежды и жилья, даже хлеба. Но необходимо было, не теряя времени, помочь подрастающему поколению. Откуда же взять новые преподавательские кадры для школ и высших учебных заведений? Проверка дала удручающую картину: ни в одной другой профессии не был так велик процент сторонников нацистской партии, как среди учителей и преподавателей. В Тюрингии, например, 90 процентов, а по всей советской зоне оккупации в среднем 72 процента учителей в недавнем прошлом состояли в гитлеровской партии. Часть учительства погибла на войне или еще не вернулась из плена, а более 22 тысяч бывших членов нацистской партии пришлось от работы в школе отстранить. Для возобновления в советской зоне нормального школьного обучения не хватало около 40 тысяч учителей — примерно трети всего преподавательского персонала.

И несмотря на все это, через несколько месяцев вновь открылось 11 тысяч школ, в которых обучалось более 2,3 миллиона учеников. Изгнанные при гитлеровском режиме педагоги с новой энергией принялись за дело, преодолевая неслыханные трудности. Рабочие предприятия, молодежь из различных слоев населения заявляли о своем желании изменить прежнюю профессию и стать учителями и воспитателями. В кратчайший срок им дали самые необходимые знания.

Уже 1 октября 1945 г. более 39 тысяч новых учителей приступили к преподаванию, а еще 30 тысяч начали заниматься на восьмимесячных курсах, чтобы с 1 января 1946 г. начать свою работу. Так мы заложили краеугольный камень демократической школы, в которой молодежь учат самостоятельно мыслить и воспитывают для творческого труда. Навсегда была уничтожена привилегия имущих классов на образование, двери университетов открылись детям рабочих и крестьян, для них были созданы рабоче-крестьянские факультеты. Несмотря на царившую тогда нужду, удалось выделить большие финансовые средства на государственные стипендии, чтобы обеспечить им возможность учиться.

Земельная реформа и школьная реформа — только две из тех важнейших задач, которые следовало решить в суровейших условиях послевоенного периода.

«Не допустить повторения ошибок 1918 года! Никакой пощады нацизму и реакции!» Коммунистическая партия Германии в соответствии с Потсдамскими решениями требовала полной ликвидации остатков гитлеровского режима и строжайшего наказания всех тех, кто в результате своего активного участия в гитлеровской разбойничьей войне был виновен в совершении попирающих международное право преступлений. Ведь в Потсдамском соглашении ясно говорилось: «Судебная система будет реорганизована в соответствии с принципами демократии, правосудия на основе законности и равноправия всех граждан, без различия расы, национальности и религии»¹. Закон № 4 Контрольного Совета уточнял это решение союзников, а Закон № 10 от 20 декабря 1945 г. предписывал наказание лиц, совершивших военные преступления, преступления против мира и человечности, тем самым сформулировав обязательную правовую норму.

Но какие же прокуроры должны были возбуждать обвинение, какие судьи выносить приговоры? Юстиция с давних времен являлась в Германии прибежищем самой мрачной реакции, она осталась нетронутой и в Веймарской республике. Большинство юристов высшего, с презрением смотрело на народ, рабочий класс был для них «скотом», «красными», «безродным сбродом». Они никогда не скрывали своей вражды к республиканскому режиму и всемерно содействовали подрыву «жалкой демократии», постоянно выступая в защиту контрреволюции. Гитлеровский «третий рейх» предоставил им полную свободу действий: они смогли полностью реализовать свою классовую ненависть к «ублюдкам». Для них не существовало ни норм международного права, ни международных законов о войне, они свирепствовали в оккупированных странах и областях так же, как в свое время кайзеровские генералы в колониях. Только в результате одних приговоров гитлеровских особых и чрезвычайных судов в Европе было казнено 80 тысяч человек.

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 342.

Полное уничтожение этой реакционной юстиции было непререкаемым требованием, и оно было выполнено в восточной части Германии. Испытанные антифашисты, выстоявшие в единоборстве с гитлеровской судебной машиной, стали теперь судьями и прокурорами.

Разумеется, и здесь пришлось преодолеть немалые трудности. Пожалуй, наибольшей из них была широко распространенная среди рабочих антипатия ко всему государственному, она коренилась в том опыте, который имелся у них в отношении аппарата подавления, находившегося в руках эксплуататорских классов. На это указывал В. И. Ленин, отмечая, что государство, в течение столетий являвшееся органом угнетения и эксплуатации народа, оставило нам в наследство величайшую ненависть и недоверие масс ко всему, связанному с ним, и что преодоление этого является трудной задачей и требует огромного терпения.

На призыв вступить в полицию рабочие откликались сразу. Они сознавали необходимость взять в свои руки то оружие, которое прежде направлялось против рабочего класса, а потому расставались со своим прежним занятием, чтобы приступить к нервной и малоблагодарной деятельности в новых административных органах. Но перед аппаратом юстиции они в ужасе отшатывались. Их пугал дремучий лес параграфов, в котором впору заблудиться простому человеку, и они наотрез отказывались становиться судьями и прокурорами. С другой стороны, даже готовые честно служить народу юристы из социал-демократических или либеральных кругов обычно находились в плену буржуазного учения о государстве и праве, а иногда их мышление бывало просто парализовано им. На каждом шагу у этих ученых мужей возникали тысячи оговорок и контраргументов.

Да, идеологическая борьба после двенадцати лет гитлеровской диктатуры была тяжела, но ее необходимо было довести до победы! Именно эта непримиримая идейная схватка отделяла друзей от врагов и укрепляла антифашистские силы. И удалось сделать то, что мало кто считал возможным: на краткосрочных курсах были подготовлены новые судьи и прокуроры, среди них оказалось особенно много женщин. В начале 1946 г. уже началось систематическое обучение демократических судей, призванных вершить правосудие именем народа.

Эти глубокие революционные преобразования потребовали невероятной энергии, ведь рабочие на предприятиях изо дня в день трудились с полной отдачей сил, стремясь, несмотря на все трудности, наладить производство и поддерживать его на должном уровне. Молодая антифашистская администрация давала образцы замечательной работы, чтобы обеспечить снабжение населения, облегчить острую жилищную нужду и постепенно улучшить функционирование транспорта.

Во всем этом нам энергично помогали офицеры Советской Военной Администрации. История не знает второго такого примера, когда бы держава-победительница поступала так, как социалистический

Советский Союз. Несмотря на чудовищный военный ущерб, который был нанесен ему гитлеровской Германией и который ему предстояло ликвидировать, он оказывал нам всю мыслимую материальную и идейную поддержку, помогая побежденному народу развернуть свои творческие силы. Советский Союз помогал создавать административный аппарат, а также (в духе положения Потсдамских решений о денацификации) очистить руководство экономикой от нацистских последышей. На этот раз уроки истории были учтены в Восточной Германии: реакционные силы не получили здесь легальной возможности организовать, один удар за другим разрушал их экономические, политические и идеологические устои. Здесь последовательно проводились демократические преобразования, суть которых четко сформулировал Вальтер Ульбрихт в докладе на XV съезде КПГ, проходившем 19 и 20 апреля 1946 г.:

«В настоящее время коренной проблемой в Германии является вопрос о ликвидации экономических основ германского империализма и милитаризма и борьба против империалистической и милитаристской идеологии. Нельзя позволить реакционным и империалистическим силам, владельцам концернов и банков и крупным землевладельцам еще раз использовать демократию для борьбы против демократического строя и для восстановления своих реакционных организаций.

Национальное несчастье нашего народа заключалось ведь как раз в том, что на всех решающих поворотных пунктах немецкой истории реакционным силам удавалось получать перевес над прогрессивными силами. Поэтому в настоящее время коренная национальная задача заключается в лишении власти носителей этой реакционной, разбойничьей, антинародной политики, каковыми являются владельцы концернов, банков и прочие господа, заинтересованные в войне, а также крупные землевладельцы и фашистская бюрократия»¹.

На нескольких примерах я хочу показать всю сложность, но вместе с тем и все величие того многогранного процесса формирования демократического сознания, который происходил тогда в одной из частей нынешней Германской Демократической Республики — Тюрингии.

Вступив в конце войны в Тюрингию, американцы назначили премьер-министром этой земли адвоката доктора Брилля, ставшего председателем земельной организации социал-демократической партии. После смены оккупационных властей демократическая администрация земли подверглась перестройке, и доктор Бриль не без оснований оказался не у дел. Однако вследствие своей ловкости ему удалось, используя собственное положение в социал-демократической партии, добиться назначения на должность директора управления по опеке бесхозного имущества. Это было не только теплое местечко: теперь он мог плести сеть связей с «собственниками» в других зонах

¹ Вальтер Ульбрихт. Избранные статьи и речи, стр. 124—125.

оккупации. Со временем юридически точно было установлено: Бриль с самого начала являлся агентом американских военных властей, недаром после того, как он покинул Тюрингию, они сделали его статс-секретарем в западногерманской земле Гессен.

Этот весьма странный председатель тюрингской организации СДПГ развивал на заседаниях демократического блока бурную деятельность. Секретарши не успевали подносить ему кыпы бумаг. Подписывая их, он из-под толстых роговых очков внимательно следил за выражением лиц присутствующих. С говорливостью адвоката, у которого хорошо подвешен язык, он выдвигал против любого, даже тщательно подготовленного предложения свои оговорки и контрпредложения. Мнения резко сталкивались, но в конце концов каждый раз ему приходилось капитулировать: нашим четким проектам он не мог противопоставить никаких конструктивных идей. Ко мне, руководителю окружной организации КПГ, доктор Бриль относился с ледяной сдержанностью. Потсдамское соглашение, а также воззвание КПГ от 11 июня 1945 г., совпадавшее с программными взглядами Центрального Комитета СДПГ, не имели для него особого значения. Наоборот, он при любом случае давал почувствовать свою точку зрения: русские уже исчерпали свои силы, и без американской помощи Германия погибнет. Вскоре подтвердилось, что этот человек отнюдь не выражал взглядов социал-демократов Тюрингии. Когда его темная игра была разоблачена, правление земельной СДПГ сразу же отстранило его от руководства.

Готовность участвовать в строительстве миролюбивой, демократической Германии росла и в средних слоях, и в кругах интеллигенции. Разумеется, привлечь на свою сторону этих людей, большинство которых до 1933 г. принадлежало к буржуазным партиям или же стояло «вне политики», было делом нелегким. Однако настойчивая разъяснительная работа и энтузиазм множества «активистов первого часа» вскоре принесли свои плоды.

После многочасовой беседы с профессорами Йенского университета я посетил известную писательницу Рикарду Хух, которая жила тогда в городе Галле. «Проявите терпение к нашим профессорам, много терпения, оно вознаградится, — сказала она мне во время нашей беседы. — Ведь на большинство из них наложила свой отпечаток кайзеровская Германия. В 1918 г. их мир рухнул. Веймарская республика не влила свежей крови в их жилы, не согрела их сердца. А «тысячелетний рейх» расколол их. Часть слепо попала на удочку обманщиков, но большинство глубоко ужаснулось варварскому насилию над всем гуманным. После перелома на Волге они блуждали впотьмах, как слепые курицы. Ведь коммунизм и коммунисты в их глазах были равнозначны господству грубой силы и угнетению. Поверьте мне, я хорошо знаю эти круги. — Выражение ее глаз изменилось, удлинненное лицо осветилось каким-то теплым светом. — А теперь в душе у них начался мучительный поворот, который пережила и я сама. Они начинают понимать, как и где воплощаются теперь

их гуманистические чаяния. Не ждите, что эти люди примут вас с ликованием, ведь правда лишь с большим трудом вытесняет глубоко укоренившиеся ложные взгляды, но они вступили на тернистый путь познания. И прежде всего их потрясает самопожертвование и сила убеждений борющихся нового общества. Их повергает в состояние удивления и восхищения то, что вы после всего варварства гитлеровского режима находите в себе мужество призывать к сотрудничеству, невзирая на происхождение, мировоззрение и партийную принадлежность, всех, кто только не совершал преступлений. Наберитесь терпения, но и проявите доверие; преобладающая часть будет благодарна вам и в конце концов вступит на указанный вами путь».

С радостным чувством покидал я эту уважаемую писательницу из буржуазных кругов. Несколько позднее она в качестве председательницы открыла первое совещательное земельное собрание, явившееся предтечей выборного ландтага.

Те недели и месяцы были тяжелым испытанием, но вместе с тем и поучительной школой. С каждым днем в шириющийся национальный фронт патриотически мыслящих и действующих людей вливались все новые силы. А от офицеров Советской Военной Администрации мы всегда могли получить дружеский совет, поддержку и энергичную помощь. Во главе их в Тюрингии стоял гвардии генерал-майор Колесниченко, сын рабочего, человек крепкого телосложения, с сильными трудовыми руками. Он прошел с боями долгий путь от Волги до Тюрингии, а теперь помогал нам организовывать мирное хозяйство, создавать демократические условия жизни, последовательно выполнять Потсдамские решения. Он обладал удивительно большими познаниями в области истории Германии, особенно демократических движений со времен Великой крестьянской войны. Вскоре я уже видел в нем не просто генерала, а представителя Страны Советов, члена славной Коммунистической партии Советского Союза. Он обладал качеством, всегда свидетельствовавшим о хорошем знании дела: умел внимательно слушать. От него исходили спокойствие и уверенность. В нескольких словах он умел отделить существенное от второстепенного, выделить главное, найти решающее звено во всей цепи. «Советую вам сконцентрировать свои усилия на трех задачах, — сказал он мне в конце нашей первой беседы. — Первая — «Максхютте»¹, вторая — Йенский университет, третья — Национальный театр в Веймаре и культура. Но не забывайте ни на миг, что главная сила, двигающая в нашу эпоху историю, — это рабочий класс».

Да, рабочий класс — главная историческая сила нашей эпохи! В стойшей многих жертв борьбе против кровавой гитлеровской диктатуры повсюду в Германии родилось стремление преодолеть роковой раскол рабочего класса, создать его единую партию. Рабочий класс сможет стать руководящей силой антифашистско-демократиче-

¹ Металлургический и сталепрокатный комбинат в Унтервелленборне (округ Гера). — *Прим. пер.*

ских преобразований и возглавить всех миролюбивых, демократически мыслящих, прогрессивных немцев только в том случае, если он объединится на марксистско-ленинской основе,— вот что все сильнее осознавалось с мая 1945 г. во всех оккупационных зонах. Установление единства рабочего класса отвечало интересам крестьянства, интеллигенции и других трудящихся слоев нашего народа, отвечало интересам немецкой нации, ибо только оно было в состоянии обеспечить полную ликвидацию основ империализма и милитаризма.

Решение этих коренных национальных задач встало теперь на повестку дня, приближалось великое испытание. Опираясь на Потсдамское соглашение, Главногоначальствующий Советской Военной Администрации в Германии маршал Г. К. Жуков издал в октябре 1945 г. приказ № 124, давший возможность конфисковать имущество банков, виновников войны и военных преступников, а также активных фашистов. Теперь антифашистско-демократическим силам предстояло доказать, что они способны демократическим волеизъявлением нанести уничтожающий удар по могильщикам нации и выбить у них из-под ног ту почву, на которой зиждилась их власть.

Кuem единство

На рассвете промозгло-холодного декабрьского дня мы, направляясь в Берлин, миновали заводы около Галле. Я был измучен, чувствовал себя усталым, грудь давило словно тисками. Плохие дороги повывтрясли из нас всю душу, пока мы пять дней добирались от Зоннеберга до Нордхаузена. Собрания, заседания, несколько часов отдыха в нетопленных комнатах, на жестких кроватях — и снова в путь. И повсюду одна и та же картина: растущее беспокойство, хозяйственные трудности, один и тот же настойчивый вопрос: что будет дальше, когда же произойдет наконец объединение обеих рабочих партий?

Как часто нам в те дни приходилось приводить важнейшее указание Ленина, что для того, чтобы объединиться на прочной базе, необходимо сначала выяснить коренные вопросы. Мы стремились к честному объединению обеих партий в одно целое. Но единая рабочая партия неизбежно должна была пройти самое суровое испытание на прочность. Она могла выдержать его, только обладая такой программой, которая отвечает жизненным интересам немецкой нации и каждый пункт которой неопровержим и понятен народным массам. Механическое и поспешное слияние обеих партий с самого начала открыло бы путь для проникновения в новую партию антинаучных, оппортунистических взглядов, дало бы противникам бесчисленное множество поводов для нападок на нее и сделало бы возможным ее разложение изнутри. Именно поэтому Центральный Комитет КППГ 11 июня 1945 г. выдвинул свою научно обоснованную программу на обсуждение всего народа. КППГ могла отстаивать каждый пункт ее, ибо эта программа была сгустком всего опыта германского и между-

народного рабочего движения, концентратом уроков истории для немецкой нации.

В течение прошедшего полугодия мы разъясняли это воззвание КПГ на бесчисленных собраниях и митингах. В результате обсуждения партии антифашистско-демократического блока и массовые организации постоянно приходили к выводам, совпадавшим с программой, выдвинутой КПГ. Рабочие увидели в ней перспективу, которая воодушевляла их преодолевать казавшиеся непреодолимыми трудности, пускать в ход предприятия, налаживать производство. Они все отчетливее осознавали, что дело не только в том, чтобы просто ликвидировать послевоенный голод и нужду, — они энергично требовали с корнем вырвать германский империализм и милитаризм, тем самым окончательно уничтожив причины, могущие привести немецкий народ к новой катастрофе.

Итак, мы ехали в Берлин: через несколько часов должно было начаться совместное совещание Центрального Комитета КПГ и Центрального Комитета СДПГ с представителями окружных организаций обеих партий. С какими результатами вернемся мы домой? Даст ли это совещание ответ на волнующие нас жгучие вопросы? Рядом со мной в машине сидел Ганс Эберлинг, секретарь нашего окружного партийного руководства. До 1933 г. он принадлежал к левому крылу СДПГ, а затем перешел в КПГ. Засиживаясь нередко далеко за полночь, мы пытались найти объяснение опасному ходу развития в западных оккупационных зонах. Как понять, что, несмотря на горький опыт минувших десятилетий, бывший депутат рейхстага от СДПГ доктор Курт Шумахер создал в Ганновере сепаратное правление этой партии для западных зон, хотя находившийся в Берлине Центральный Комитет СДПГ во главе с Отто Гротеволем считался центральным руководящим органом этой партии для всей Германии? Ведь это новый раскол со всеми его необозримыми последствиями для рабочего класса и немецкого народа! А раскольники и не думают мобилизовать рабочий класс на борьбу против возрождения германского милитаризма и бросить на весы истории всю его мощь.

Именно это необходимо было сделать сейчас, ведь каждый новый день вновь и вновь доказывал, что западные оккупационные власти не намерены выполнять Потсдамское соглашение, торжественно подписанное главами их правительств. Правда, под давлением народов им пришлось поначалу отказаться от открытой политики раскола Германии. Зато они ориентировались на те реакционные силы германского монополистического капитала, которые двенадцать лет поднимали на щит Гитлера, а потом бросили его, когда он обанкротился и скомпрометировал их тщательно сколоченную систему господства. Поведение западных держав являлось продолжением той политики, которая до последнего момента препятствовала открытию второго фронта и нашла своих немецких партнеров в лице группы Гёрделера: империалистическая линия без Гитлера, общий фронт против Советского Союза, включение в этот антисоветский заговор

Западной Германии с ее большим экономическим и военным потенциалом.

Западногерманская монополистическая буржуазия, искавшая приемлемого для нее выхода из военного поражения, стремилась теперь вновь достигнуть власти и снова вооружиться, чтобы в конечном счете однажды использовать агрессивный военный пакт с западными державами в своих собственных целях — для «исправления» результатов второй мировой войны. Нация? Отечество? Право народа на самоопределение? Конрад Аденауэр, заядлый сепаратист и законенный предатель национальных интересов, доверенный человек заправил банков и монополий Рура и Уолл-стрита, с отвратительным бесстыдством заявил 5 октября 1945 г. американским журналистам: «Самым лучшим было бы немедленно создать из трех западных зон федеративное государство и как можно сильнее сплести его в экономическом отношении с Францией и Бельгией». Германская крупная буржуазия была готова предать национальные интересы ради спасения своего классового господства. Она понимала, что из столкновения с прогрессивными силами в общегерманском масштабе ей победительницей не выйти, а потому взяла курс на раскол Германии, на отрыв западных зон от немецкого национального союза.

В осуществлении этой позорной антинациональной политики ей оказывали помощь и содействие оппортунистические лидеры СДПГ типа Шумахера: они отрицали необходимость последовательного антифашистско-демократического переворота, а также руководящую роль рабочего класса в борьбе за единую германскую демократическую и миролюбивую республику. Создание общегерманского правительства, как и вообще политика по германскому вопросу, утверждали они, — это и сейчас, и в будущем дело оккупационных держав.

Могильщики Германии считали, что действуют наверняка: ведь германский хозяйственный организм развился как единое целое, а это определяло зависимость восточной части страны, ее решающих областей экономики от западногерманских промышленных центров. В Западной Германии находились почти все крупные месторождения угля, сталелитейные и сталепрокатные заводы. Хотя рабочие Восточной Германии ценой невероятных усилий восстановили две единственные доменные печи, но «Максхютте» в Унтервелленборне являлся совершенно устаревшим и пришедшим в упадок металлургическим заводом концерна Флика, да к тому же нуждался в огромном количестве кокса из Рура. Итак, рассчитывали раскольники, не требуется особенно большого труда, чтобы взять «этих», из Восточной Германии, за глотку, ну а экономическая нужда и растущее недовольство населения довершат остальное.

Первый пункт повестки дня совещания, на которое мы приехали, гласил: единство рабочего класса. Затем надо определить позицию в отношении предстоящих общинных выборов в американской зоне оккупации и, наконец, дать ответ на вопрос, как обе рабочие партии

помогают созданию Свободных профсоюзов. В качестве основы для обсуждения предстояло заслушать по каждому вопросу повестки дня по одному представителю от КПГ и СДПГ.

Два дня подряд на этом совещании, проходившем под председательством Вильгельма Пика и Отто Гротеволья, мы стремились достигнуть полной ясности по всем вопросам. Иногда возникали острые споры, порой казалось, что добиться позитивного результата обсуждения невозможно. Некоторые социал-демократы открыто разделяли точку зрения Шумахера, который отнюдь не собирался извлекать уроки из истории, видел в лице западных оккупационных властей панацею и не давал рабочему классу Германии никакой реальной перспективы.

Снова и снова я поражался терпению и благоразумию Вильгельма Пика, меткой аргументации Вальтера Ульбрихта и умной рассудительности Отто Гротеволья. Подавляющее большинство представителей обеих партий глубоко сознавало свою ответственность. Пункт за пунктом они разбивали аргументы тех немногих, кто не желал следовать по сообщаемому пути. Два дня шла острая и суровая борьба, а затем 21 декабря 1945 г. все участники заседания подписали совместно выработанное заявление.

В нем говорилось: «Ставший очевидным в годы первой мировой войны раскол за прошедшие с тех пор три десятилетия превратился в величайшее зло для рабочего движения. Раскол в антифашистском лагере сделал возможным приход фашизма к власти. Различные направления рабочего движения были разбиты поодиночке, и оно вступило в период нелегальности, будучи расколотым.

Если наш народ шаг за шагом расчищает себе путь вперед сквозь груды мусора и развалины, если дело снова идет на подъем, то это результат антифашистского единства действий.

В нынешнем положении только единство всех антифашистских и демократических сил народа, единство действий в масштабе всей Германии может воплощать национальное единство немецкого народа и служить его опорой... Мы с особой торжественностью подчеркиваем, что дальнейшее развитие единства действий в направлении политического и организационного единства рабочего движения явится надежной гарантией нашего успеха как ныне, так и в будущем. Вместе с ним наступит заря нового времени».

Время уже близилось к полуночи, когда наша тарахтящая автомашина, миновав горы берлинских развалин, покатила назад в направлении Веймара, но мы не чувствовали усталости. На конференции была создана специальная комиссия из представителей руководящих органов обеих партий. Ей было поручено выработать программу завершения демократического обновления Германии и перехода к строительству социализма; скоро начнет регулярно выходить совместный теоретический орган КПГ журнал «Айнхайт». Итак, сделан важный шаг к созданию единой революционной партии германского рабочего класса.

3 января 1946 г. Вильгельму Пику, верному соратнику незабвенного Эрнста Тельмана, исполнилось 70 лет. Этот славный юбилей надо отпраздновать как подобает. Еще накануне мы отправили в Берлин два грузовика с подарками от предприятий и деревень, с трогательными письмами, в которых звучали любовь и добрые пожелания руководителю партии коммунистов. Как изменилась картина всего за несколько месяцев! Представитель партии, в течение двенадцати лет подвергавшейся клевете и репрессиям, приверженцев которой преследовали, убивали, обезглавливали, за несколько месяцев стал для нашего народа символом борьбы за лучшее будущее! Бесконечна была череда делегаций, поздравлявших юбиляра. Ему снова и снова приходилось выходить на балкон, чтобы отвечать на приветствия. «Сын народа» — так назвал Вильгельма Пика Центральный Комитет КПГ в своем приветственном послании, зачитанном на торжественном заседании. Да, он был великим сыном немецкого народа, человеком, которому народ доверял и которого считали одним из самых лучших представителей германского пролетариата не только коммунисты, но и социал-демократические и христианские рабочие. Представители всех объединившихся в демократическом блоке партий в сердечных словах выразили свое глубокое уважение человеку, который рука об руку с Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург и Францем Мерингом основал Коммунистическую партию Германии и отдал всю свою жизнь борьбе за национальное и социальное освобождение немецкого народа. Его чествовали как неустанного борбника единства рабочего класса, как передового борца за мир и антифашистско-демократический единый фронт, как человека, который служит примером сознательного и упорного труда. Об этом говорил в своей приветственной речи председатель СДПГ Отто Гротеволь. На торжественном заседании присутствовали представители всех четырех оккупационных держав. Они сидели в почетном президиуме и аплодировали, когда председатель Либерально-демократической партии Германии доктор Вильгельм Кюльц, обращаясь к юбиляру от имени своей партии, заявил: «Я знаю, что если когда-нибудь история станет награждать почетными грамотами за труд на благо человечества и за подлинный гуманизм, Вы будете стоять в первых рядах награжденных». Магистрат Большого Берлина удостоил Вильгельма Пика, первым после победы над фашизмом, звания почетного гражданина столицы Германии.

«Необходимо создать в немецком народе предпосылки и гарантии того, чтобы враги мира, демократии и благосостояния никогда больше не смогли восстановить своего господства, — подчеркнул в своей ответной речи юбиляр. — При этом мы опираемся на все то благородное и возвышенное, что, несмотря на все заблуждения и ошибки, живет в нашем народе и передано ему в наследство в непреодолимых творениях его мастеров науки и искусства — сокровища, которые когда-то сделали наше отечество местом паломничества всех людей, жаждущих прекрасного и знаний... Мы хотим воздвигнуть

такую Германию, которая будет жить в мире и дружбе с другими народами, единую Германию благосостояния, счастья и мира!»

Впечатления от чествования Вильгельма Пика еще не потеряли своей остроты, когда три дня спустя я входил в Веймаре в конференц-зал отеля «Императрица Августа». Здесь должно было состояться совещание представителей КПГ и СДПГ Тюрингии — по 60 человек от каждой партии. Я сразу ощутил накаленную атмосферу ожидания больших событий, хотя зал был нетопленный и температура в нем была несколько градусов ниже нуля. Когда мы докладывали об итогах берлинской конференции, в зале царила полная тишина. После Генриха Гофмана, председателя земельной СДПГ, слово в поддержку единства рабочего класса взял один из старейших социал-демократов — Август Фрелих. Собственно, он не произносил никакой речи, а только рассказывал, но слова его били в самую точку. Он вспоминал, что всегда был дисциплинированным социал-демократом и добросовестно выполнял указания руководства своей партии, но, когда гестаповцы ночью арестовали его, бывшего государственного министра, а потом сковали одной стальной цепью с коммунистическим депутатом рейхстага Теодором Нейбауером, он словно прозрел.

Совещание единогласно приняло решение созвать 19—20 января в Йене новую конференцию. В ней должны были принять участие 600 делегатов коммунистической и 600 делегатов социал-демократической партии. В нашем распоряжении оставалось всего две недели. За эти немногие дни мы провели десятки собраний на всех крупнейших предприятиях и в отдельных цехах, а также совещания женщин и молодежи. Ни один вопрос не должен был остаться без ответа. Происходили жаркие споры. Обстановка осложнялась и тем, что все еще не хватало важнейших продуктов и товаров. Выдачу мизерных продовольственных пайков удавалось обеспечивать лишь с огромным трудом, повсюду царила острая нужда. Демагогическая идеология «третьего рейха» еще далеко не выветрилась из умов многих людей, и на этой почве процветали враждебные единству аргументы шумиховцев.

Многие считали предложенные темпы объединения слишком поспешными, предсказывали провал конференции в Йене. Да, конечно, зима была суровая, Тюрингский лес покрылся снегом и льдом, в поездах не топили, не хватало квартир, нечем было даже как следует накормить делегатов. И тем не менее результаты конференции превзошли самые смелые ожидания. Рабочие, крестьяне, женщины, молодежь, в том числе много переселенцев, съехались из самых отдаленных уголков Тюрингии. Большой зал Народного дома в Йене едва вместил делегатов предприятий и местных групп. Мысли всех, будь то делегаты с «Максхютте» или из постоянно бедствующих районов Тюрингского леса, текстильщики из Геры или крестьяне, были направлены к одному: нам нужна сильная, единая партия, которая

справится со всем, которая увлечет за собой средние слои и прогрессивную интеллигенцию.

Только немногим было известно о готовящемся сюрпризе: Вильгельм Пик и Отто Гротеволь дали нам знать, что придут на конференцию, если не помешают другие дела. И они действительно приехали, когда мы уже потеряли надежду и собирались открыть конференцию без них. Присутствующие встретили их с воодушевлением: ведь оба они олицетворяли незыблемую волю навсегда ликвидировать, наконец, раскол рабочего класса, возымевший такие пагубные последствия для нашего народа.

Но для того чтобы осуществить это единство, необходимо было сначала преодолеть неверие в силы рабочего класса, нанести главный удар по оппортунистическим взглядам тех, кто утверждал, будто тот перед лицом отчаянно тяжелого положения немецкого народа не в состоянии объединить вокруг себя все прогрессивные слои общества и стать ведущей силой в строительстве новой Германии. Было очень радостно видеть, как простые рабочие, исходя из собственного опыта, спорили с колеблющимися и сомневающимися, как переселенцы разбивали лживые аргументы противников единства и разъясняли им, почему они лишились своей прежней родины. После выступления Вильгельма Пика и Отто Гротеволь по основным вопросам можно было быть уверенным, что эта конференция окажет мобилизирующее действие.

Тюрингия — только один из примеров, характерных для тогдашней советской оккупационной зоны. Но настойчивое стремление к единству обеих рабочих партий прокладывало себе дорогу и в западных зонах. 9 февраля 1946 г. в Берлине состоялся первый конгресс Объединения свободных немецких профсоюзов (ОСНП); его решения вызвали сильное эхо во всех частях Германии. В ответ даже сам генерал Клей, тогдашний заместитель командующего американскими оккупационными войсками в Германии, счел необходимым открыто выступить с целью подорвать авторитет находившихся в Берлине центральных руководящих органов СДПГ и КПГ. Правые социал-демократические лидеры, группировавшиеся вокруг Шумахера, реагировали послушно, стараясь противодействовать стремлениям к единству, а западные оккупационные власти предоставили в их распоряжение радио, типографии и неограниченное количество бумаги. Итак, прежде маскировавшиеся враги единства теперь сбросили маску. Правые социал-демократы Клингельхофер, Гермер и Дарендорф, без всяких оговорок подписавшие решение «Комитета 60-ти», теперь открыто выступили против единства и сделали своим фракционным раскольническим листком газету «Тагесшпигель», выходившую в Западном Берлине по английской лицензии. Они прибегали к любым средствам, чтобы сбить людей с толку или оклеветать сторонников единства, грозили членам СДПГ исключением из партии и всячески старались подорвать стремление к единству.

Но рабочие давали отпор раскольникам. Когда, например, Шумахер выступил в Любеке перед социал-демократическими функционерами со злобной, подстрекательской речью, комитеты действия СДПГ этого города ответили заявлением, в котором говорилось: «Мы не дадим разрушить созданное нами единство действий с нашими коммунистическими братьями. Мы знаем, что от этого зависит: безусловное единство немецкого народа. Раскола рабочего класса больше не должно быть никогда».

Приняли все меры к подрыву блока антифашистско-демократических партий и организаций также раскольнические группы в Христианско-демократическом союзе (ХДС) и Либерально-демократической партии (ЛДПГ) советской зоны. Пришлось потратить немало энергии, чтобы отразить их наскоки. Эти споры потребовали невероятного терпения, поглощали много времени и сил, но у нас были четкие позиции по всем жизненным для немецкого народа вопросам. Особенно острым оружием в наших руках была программная речь, произнесенная Вальтером Ульбрихтом еще 25 июня 1945 г. на конференции функционеров КППГ, а также экономическая программа, разработанная руководством партии в октябре 1945 г. Выяснение спорных вопросов нередко сопровождалось острой борьбой и на совместных заседаниях земельного правления СДПГ и земельного руководства КППГ Тюрингии. 6 апреля 1946 г. партийные съезды СДПГ и КППГ Тюрингии единогласно постановили: на предстоящих съездах этих партий в Берлине решительно выступить за объединение.

Вечером 6 апреля в огромном зале «Шютценхауз» в Готе торжественно открылся совместный съезд Коммунистической и Социал-демократической партий Тюрингии. Среди присутствовавших были Вильгельм Пик и Отто Гротеволь. Они приняли участие в предварительных совещаниях своих партий и теперь заняли места в президиуме. Зазвучала Девятая симфония великого немецкого композитора: «Радость, пламя неземное...» Тот, кто видел лица слушавших, понимал, что происходило в тот момент в душе этих людей, которые должны были выполнить волю своих единомышленников именно здесь, в Готе, где в 1875 г. в результате слияния эйзенахцев и лас-сальянцев возникла та партия, которая понесла дальше знамя основанного Марксом и Энгельсом Союза коммунистов, — первая в Германии общенациональная единая рабочая партия. Никогда больше миллиардеры и торговцы смертью, банкиры и монополисты не будут определять судьбу немецкой нации — нет, ее будет определять народ, возглавляемый единым рабочим классом! Пусть возникнет партия, кристаллизующая в себе все доброе, прекрасное, устремленное в будущее, — вот что звучало для нас в звуках бессмертного творения Бетховена!

Совместные съезды КППГ и СДПГ, состоявшиеся и в других землях советской оккупационной зоны, единогласно приняли решения об их организационном слиянии и избрали делегатов на Объединительный съезд КППГ и СДПГ. Каким счастливец мог считать себя

каждый, кто удостоился чести участвовать в этом подлинно историческом событии 21 и 22 апреля 1946 г.! Мы отправились в Берлин хорошо подготовленными: ведь Вальтер Ульбрихт на общегерманской конференции КППГ 3 марта подробно изложил и поставил на обсуждение план демократического строительства Германии, исходивший из того, что, как говорил весь опыт истории, воля народа должна стать высшим законом, а экономика призвана служить его интересам.

На своих съездах накануне объединения обе партии еще раз подвели итог последних пятнадцати лет и подвергли критическому анализу достигнутые к тому моменту результаты строительства новой Германии. Вальтер Ульбрихт вновь указал на грозящую опасность. «В настоящее время ясно, что фашистские и реакционные силы в Германии являются носителями сепаратизма и раскола Германии. Поэтому борьба против реакции является национальной задачей нашего народа. Существует только одно средство раз и навсегда преградить дорогу реакции — это единство антифашистско-демократических сил, это единый фронт антифашистско-демократических партий!»¹

Центральный Комитет КППГ и Центральный Комитет СДПГ представили на обсуждение делегатов и всего немецкого народа программное заявление — «Принципы и цели Социалистической единой партии Германии». На этой платформе могло объединиться подавляющее большинство немецкого народа, чтобы обеспечить демократический переворот во всей Германии. Только когда эта национальная задача будет решена, когда будут созданы подлинно демократические условия, можно будет поставить на повестку дня ту цель рабочего класса, которая сформулирована в разделе «Борьба за социализм»: *«Целью Социалистической единой партии Германии является ликвидация всякой эксплуатации и угнетения, экономических кризисов, нищеты, безработицы и угрозы империалистических войн. Осуществить эту цель и разрешить тем самым национальные и социальные проблемы, жизненно важные для нашего народа, можно только на пути социализма»*².

Как хоть в самых общих чертах обрисовать незабываемый Объединительный съезд! Сидя в президиуме, я видел перед собой вечно молодых и не знающих покоя борцов германского рабочего движения, защитников национальных и социальных интересов нашего народа. Вот они — в напряженном ожидании, с сияющими глазами, у многих время уже посеребрило головы, на их лицах оставили свой след нужда, преследования, невероятные страдания в концлагерях и каторжных тюрьмах. И вот настала наконец великая минута: братское рукопожатие Вильгельма Пика и Отто Гротеволья символизировало объединение обеих рабочих партий! «Этот момент кладет конец тридцати годам борьбы между братьями!» — взволнованно ска-

¹ Вальтер Ульбрихт. Избранные статьи и речи, стр. 129.

² Цит. по: Вальтер Ульбрихт. К истории новейшего времени, стр. 406.

зал председатель Центрального Комитета СДПГ Отто Гротеволь. «На нас, — ответил ему Вильгельм Пик, — смотрит весь немецкий народ, национальное единство которого сегодня снова находится под угрозой. От нас он ждет обеспечения национального единства и мира». И, выражая наши самые сокровенные чувства, он произнес слова, прозвучавшие как клятва: «Мы сделаем нашу Социалистическую партию многомиллионной партией немецкого народа».

Потом на трибуну поднялся один из старейших ветеранов германского рабочего движения социал-демократ Георг Шёпфлин, на глазах у него были слезы: «Поклянемся же в этот незабываемый для нас всех, в этот столь решающий для судеб германского пролетариата час, что с открытым сердцем, честно, с любовью и порядочностью, с искренним товариществом будем бороться один за всех и все за одного! Пусть потерпят позорный провал надежды врагов!»

На какой-то момент в зале тогдашней Государственной оперы, что около вокзала Фридрихштрассе, воцарилась мертвая тишина, и вдруг все делегаты в едином порыве поднялись со своих мест и неопишное ликование охватило всех. В зал внесли новое знамя — красный флаг с символом единства: братское рукопожатие. Передавая это знамя Вильгельму Пику и Отто Гротеволью, теперь уже бывший социал-демократ Бернхард Гёринг сказал: «Мне выпала радость передать вам от берлинских товарищей первое знамя Социалистической единой партии».

1055 делегатов (в том числе 230 из западных зон, а из них в свою очередь 103 социал-демократа) единодушно утвердили документы съезда, сознавая, что объединение рабочего класса — величайшее достижение всей истории германского рабочего движения со времен «Манифеста Коммунистической партии». Эта победа марксизма-ленинизма в Германии над оппортунизмом имела исключительное национальное и интернациональное значение. Из беспросветной тьмы национальной катастрофы немецкого народа выросла сила, символом которой стало братское рукопожатие. Эта сила была призвана осуществить заветы тех, кто в борьбе за счастливое будущее немецкого народа отдал самое ценное, что только есть у человека, — жизнь. Перед немецким народом открылась замечательная перспектива. И мы гордимся тем, что были участниками этого исторического события!

Народное голосование

„Каким богатым народом мы могли быть, если бы не допустили маленькую кучку магнатов вооружений, фашистов, милитаристов и помещиков расточать народное достояние на нужды грабительской войны, использовать миллиардные ценности для того, чтобы разрушать жилища других народов»¹.

¹ Вальтер Ульбрихт. Развитие германского народно-демократического государства. 1945—1958. М., 1961, стр. 69.

Какой горькой истиной звучали эти слова Вальтера Ульбрихта на хозяйственной конференции, состоявшейся в мае 1946 г. в Лейпциге! Как чудовищен был счет, который надлежало оплатить немецкому народу за то, что он не нашел в себе сил сорвать кровавые попытки германского милитаризма переделить мир! Всего несколько лет настоящего мира выпали на долю немецкого народа за всю первую половину нашего века. За десять лет империалистических войн жертвами преступной политики правящих классов Германии пали почти 8 миллионов немцев. Неизмеримы страдания, стоящие за этими цифрами, и все-таки они охватывают только часть тех бедствий, которые навлекли на немецкий народ его империалистические правители. Как тяжело, например, простому человеку день за днем урывать жалкие гроши, чтобы скопить на старость или на черный день, а вторая мировая война поглотила почти 43 миллиарда марок этих сбережений. Зато богатства магнатов экономики скачкообразно возросли, были вложены в реальные ценности и таким образом были спасены в послевоенный период.

Мне невольно вспоминалась речь, произнесенная Эрнстом Тельманом в 1925 г. с трибуны рейхстага: «В истории классов и наций не может быть разрыва. В тот самый момент, когда буржуазия перестанет олицетворять национальную независимость Германии, на сцену германской истории выступит другая сила, которая в своих классовых интересах провозгласит себя поборницей национальной независимости Германии. Сила эта — немецкий рабочий класс».

В своем труде «Развитие германского народно-демократического государства. 1945—1958» Вальтер Ульбрихт, дав основательный анализ истории немецкого народа, приходит к выводу: «Сегодня каждый немец может видеть, сколь пагубные последствия имела неспособность нашего народа завершить буржуазно-демократическую революцию в 1848 г., какие роковые последствия имело то обстоятельство, что объединение Германии в 1871 г. произошло не на основе демократической воли народа, а под началом прусских юнкеров. Даже после поражения в первой мировой войне немецкий народ не понял, что ликвидация господства крупных землевладельцев и милитаристов отвечала бы национальным интересам»¹.

Произошло именно то, что предсказывали коммунисты. Поражение германского империализма во второй мировой войне стало поворотным пунктом в развитии Германии, пробил час национального возрождения немецкого народа. Жизнь и будущее нации требовали окончательного уничтожения господствующих позиций финансовых магнатов и крупных землевладельцев.

Решения Брюссельской и Бернской конференций КПГ указали направление действий, политика Национального комитета «Свободная Германия» служила образцом создания широкого демократиче-

¹ Вальтер Ульбрихт. Развитие германского народно-демократического государства 1945—1958, стр. 27.

ского фронта, воззвание КПГ от 11 июня 1945 г. четко обрисовало исторические задачи, которые предстояло решить. Руководящие органы КПГ и СДПГ в декабре 1945 г. на своей совместной конференции определили необходимые немедленные меры: «Передача демократическим самоуправлениям всех предприятий военных преступников, а также активных нацистов в тех случаях, если указанные предприятия не подчинены оккупационным властям. Передача в руки общин всех предприятий, служащих удовлетворению жизненно необходимых потребностей населения (транспорт, водопровод, газовые заводы, электростанции)».

Эти решения выражали волю всего народа. В частности, во второй половине 1945 г. в центре Рурской области Эссене возникло движение, охватившее подавляющую часть населения. Обер-бургомистр города коммунист Гейнц Реннер сформулировал эти требования в меморандуме, который он вручил английской военной администрации. Следуя Потсдамским решениям, все предприятия пушечного короля Круппа надлежало безвозмездно передать в народную собственность, и они должны были управляться городскими органами Эссена. Эти требования поддерживались производственными советами огромного предприятия, за них стояли единые профсоюзы и городские комитеты обеих рабочих партий. Вслед за экспроприацией Круппа должны были перейти в общественную собственность все концерны земли Северный Рейн — Вестфалия. Однако английские военные власти, игнорируя волю народа, грубо отвергли меморандум. Но борьба продолжалась. В начале 1947 г. более 300 тысяч рабочих объявили 24-часовую забастовку, потребовав немедленной национализации шахт и металлургических заводов и передачи предприятий концернов в руки народа. Они настаивали также на демократической земельной реформе и чистке административного аппарата от нацистов.

Так было не только в Руре. Когда судебная палата в Нюрнберге слушала дело гитлеровского вице-канцлера Франца фон Папена после оправдания его (Международным военным трибуналом вопреки особому мнению советского судьи. — *Пер.*), забастовали, требуя наказания нацистского преступника, свыше 10 тысяч рабочих этого города. Во многих других случаях коллективы предприятий энергичными действиями добивались устранения активных нацистов из руководства предприятий. В Гессене 70 процентов населения проголосовало за проект конституции, предусматривавший передачу в руки народа важных предприятий и крупного землевладения. Но американский военный губернатор генерал Клей без колебаний лишил этот пункт законной силы. Ландтаг земли Северный Рейн — Вестфалия 6 августа 1948 г. высказался за социализацию всей тяжелой промышленности Рурской области, но ставленник американских монополий Клей и на этот раз позаботился о том, чтобы англичане, в чью оккупационную зону входил Рур, отменили это решение.

Таких примеров можно привести множество. Принятые демократическим путем закон о земельной реформе в Шлезвиг-Гольштейне, законы о производственных советах в Бремене, Гессене и Вюртемберг-Бадене были отменены оккупационными властями одним росчерком пера. В то время как Объединительный съезд КПГ и СДПГ заложил в восточной части страны краеугольный камень демократической Германии, в то время как прогрессивные силы под руководством коммунистов предпринимали и в западных зонах героические усилия, чтобы преодолеть послевоенную нужду и создать предпосылки мирного развития, представители мирового империализма в мундирах офицеров оккупационных войск западных держав становились им поперек пути. Они препятствовали проведению демократических реформ, запрещали слияние обеих рабочих партий и открыто поддерживали консолидацию реакции во главе с заядлым сепаратистом Конрадом Аденауэром.

Теперь подтверждалось то, что отмечал в декабре 1945 г. в своем заявлении «Комитет 60-ти» представители КПГ и СДПГ: «Еще не устранена опасность, что реакция и фашизм рано или поздно вновь поднимут голову. Опыт периода после первой мировой войны учит нас, что после первого испуга, вызванного полным банкротством своей политики, враг сначала заползает в мышиные норы и прибегает к «демократической» маскировке, чтобы избежать уничтожающего удара пробуждающихся народных масс и выждать подходящий момент для перехода в новое наступление против демократических завоеваний трудящихся».

В советской зоне оккупации демократические силы получили полную возможность своего свободного развития. Для представителей Советской державы Потсдамское соглашение было не клочком бумаги, а важным международноправовым документом. После того как советские оккупационные власти составили список тех предприятий, которые подлежали демонтажу согласно решениям, совместно принятым союзниками на конференции в Ялте, они приказом № 124 передали конфискованные предприятия и имущество в распоряжение немецкого народа: их судьбу должны были решать демократические административные органы.

Передача банков, предприятий и других имущественных ценностей в народную собственность не могла произойти просто посредством административного акта, осуществить ее можно было только демократическим путем. По этому пути по предложению СЕПГ и решил пойти демократический блок. Ведь дело заключалось не только в том, чтобы ликвидировать экономическую основу фашизма и милитаризма, следовало прежде всего уничтожить милитаристско-фашистскую идеологию. Народные массы должны были осознать, что такое демократия, что такое суверенитет народа. Поэтому для того, чтобы обеспечить демократическое обсуждение, во всех землях и округах советской зоны были образованы комиссии, состоявшие из представителей всех партий и демократических организаций. Им поручалось

тщательно проверить, какие именно предприятия подлежат окончательной конфискации. В Саксонии, где концентрировалось 40 процентов всего промышленного производства советской зоны, вопрос этот должно было решить народное голосование.

Этот первый после 1945 г. плебисцит, которому предшествовали тысячи собраний и бесчисленные дискуссии, вне всякого сомнения, имел важное политическое значение для всей Германии. Все реакционные силы в Западной Германии сразу же подняли дикий вой: угроза самому священному достоянию, покушение на частную собственность, разбой, грабеж! Но мы не дали сбить себя с намеченного пути истощными воплями, а целеустремленно принялись за дело, давая ясный ответ на каждый вопрос и разбивая лживые аргументы истинными. Подготовка народного референдума потребовала огромного напряжения сил, но в итоге трудящиеся осознали, что в конечном счете им самим предстоит решить, будет ли война и впредь определять содержание истории Германии или же она пойдет по антиимпериалистическому пути. Участвовать в плебисците мог каждый, имеющий право голоса; голосование было тайным; счетные комиссии состояли из представителей всех партий и демократических организаций; подсчет голосов производился открыто. Не менее 94,1 процента всех имеющих право голоса граждан советской зоны приняло 30 июня 1946 г. участие в этом важном народном голосовании. Приговор военным преступникам, активным нацистам и всем, кто наживался на войне, был вынесен 77,7 процента всех поданных голосов. Итак, подавляющее большинство населения советской зоны спустя год после безоговорочной капитуляции фашистской Германии потребовало безвозмездной экспроприации виновников войны и передачи их собственности в руки трудового народа.

Всему немецкому народу было показано, каким образом при определенных исторических условиях можно без кровопролития положить начало глубоким революционным преобразованиям и разрешить основной вопрос национального развития. Народное голосование в Саксонии показало на практике, что значит единство рабочего класса, оно доказало, что в истории немецкой нации началась новая глава. Объединенная партия рабочего класса стала руководящей силой революционного и подлинно демократического народного движения. Народные массы не только выразили свою волю, но и воплотили ее в демократическое решение, на деле осуществили свое право на самоопределение.

В результате перехода предприятий в общественную собственность коренным образом изменилось положение рабочего класса. Из закабаленного, эксплуатируемого в старой, империалистической Германии пролетариата он превратился теперь в новый, свободный от эксплуатации рабочий класс и мог свободно развернуть свои творческие силы для сознательного преобразования общества. 30 июня 1946 г. стало днем рождения в Германии новых производственных отношений и народного сектора в экономике. Вместе с народными

предприятиями, созданными тогда, возникла экономическая база антифашистско-демократического строя, основа для развития производительных сил в интересах трудового народа. На этом прочном фундаменте подлинной демократии можно было в дальнейшем начать воздвигать здание нового общества — социализма. В наиболее важной части народного хозяйства стали терять свое действие законы капиталистического и начали с необходимостью действовать законы социалистического развития; удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей трудящихся стало главной целью экономики.

Итоги первых во всей истории Германии свободных, демократических выборов осенью 1946 г. убедительно доказали, что политика единой рабочей партии и объединенных в демократическом блоке партий совпадает с волей народных масс. Каждая партия выдвинула своих кандидатов, голосование было тайным, а подсчет голосов публичным. Под ураганным огнем травли и клеветы из Западной Германии и Западного Берлина нам удалось вовлечь в основательное народное обсуждение, затрагивавшее все острые вопросы, даже самые отдаленные деревни. Итоги выборов подтвердили результат народного референдума в Саксонии и окончательно придали новому строю законную силу. Половину всех голосов получила СЕПГ. Возникли настоящие представительные народные органы, они служили целям дальнейшего антифашистско-демократического преобразования и создавали основу для социального и национального обновления.

В то время как в советской зоне росла сила рабочего класса и его авангарда, креп его союз с крестьянством, интеллигенцией и другими слоями и в суровой борьбе вопрос о власти был решен в пользу трудящихся, империалистические западные державы во главе с США вступали в темный заговор с западногерманской реакцией, возрождали новый «Священный союз». Боясь демократического движения как чумы, они видели только одно средство избежать единоборства с ним: подавление всех демократических сил, выступающих за мирное развитие и единство Германии, прежде всего коммунистов.

Германская монополистическая буржуазия снова доказала, что она при всех условиях ставит свои классовые интересы выше интересов нации и в любой момент готова совершить открытую национальную измену. Но печальнее всего, что в этот решающий для судеб Германии час она нашла поддержку у правых социал-демократических лидеров, группировавшихся вокруг Шумахера. Они и не помышляли о том, чтобы извлечь уроки истории, а продолжали тот путь, по которому шли в 1914, 1918 и 1933 гг. В дни Ноябрьской революции 1918 г. они обманывали пролетариат лживым лозунгом: «Социализм шагает вперед!» В мае 1946 г. Шумахер в демагогических целях громогласно требовал «социализации», он заявлял: «Полная передача тяжелой промышленности в общественные руки — это политически неотложная необходимость». С наигранным возмущением

Шумахер провозглашал: «Крупным землевладельцам как главным носителям феодального и капиталистического мировоззрения и как главному оплоту милитаристского мышления нет места в новой Германии!» Но на деле он не упускал ни малейшего случая, чтобы призывать к «спокойствию и благоразумию» западногерманских рабочих, возмущенных отвратительным обманом так называемой денацификации. Он уверял их: «Социал-демократия борется за обобществление созревших для социализации отраслей хозяйственной жизни, за ликвидацию монопольных рент, за подчинение картелей и трестов господству общества». Однако какие именно отрасли хозяйства являлись «созревшими для социализации», какие именно монопольные ренты подлежали ликвидации и что именно понимает он под «господством общества», об этом Шумахер благоразумно умалчивал. Одновременно он не скупился на бешеные, неистовые подстрекательские речи против земельной реформы в «восточной зоне» и против экспроприации виновников войны. За этой завесой обмана, лжи и клеветы заправили банки и концерны с помощью своих друзей из западных оккупационных органов систематически восстанавливали свои прежние позиции.

Ограничимся лишь двумя примерами, показывающими, как они отвлекали от себя гнев народа, попирали его право на самоопределение и превращали Потсдамское соглашение в постыдный фарс. Альфред Гугенберг, один из главных поджигателей войны, еще с 1909 г. идейный отец пресловутого «Пангерманского союза», организатор «Стального шлема» и соучастник поджога рейхстага, министр гитлеровского правительства был зачислен «комиссией по денацификации» в категорию «попутчиков». Все его имущество, превращенное в реальные ценности, осталось неприкосновенным, он даже сохранил свой роскошный дворец с 50 комнатами около Ринтельна-на-Везере вместе с 2 тысячами моргенов земли. Гуго Стиннесу, одному из главных виновников первой и второй мировых войн, пришлось немного хуже: судебная палата Мюльгейма зачислила его — этого «патриота»! — в группу подлежащих надзору лиц, на имущество которых должен быть наложен арест и политическая деятельность которых ограничивалась. Решение это обжалованию не подлежало, и никакая инстанция не имела права его пересматривать. Поэтому американские друзья Стиннеса порекомендовали ему ходатайствовать о рассмотрении дела вновь. Ведь как-никак речь шла о состоянии в 10 миллиардов марок! Оправданием Стиннеса занялась судебная палата Дюссельдорфа. 14 июля 1948 г. бывший «вервирафтсфюрер»¹ Гитлера, занимавший при фашистском диктаторе 45 руководящих хозяйственных постов и награжденный «Крестом за военные заслуги» первой и второй степени, был оправдан как невиновный, а его имущество осталось нетронутым. Только с пятью поместьями площадью

¹ «Фюрер военной экономики» — так именовались руководители военной промышленности гитлеровской Германии, — *Прим. пер.*

3872 гектара господину Стиннесу «не повезло»: все эти земли оказались в ненавистой «восточной зоне», а там батраки, крестьяне-бедняки и переселенцы без всякого спроса поделили между собой его «священную» собственность.

Вот на таком-то фоне Шумахер, поднимая страшный шум, и требовал «обобществления»! Но что мешало ему и его сторонникам, опираясь на Потсдамские решения, создать мощный единый фронт коммунистических и социал-демократических организаций, включающий трудящихся-христиан и всех антифашистов вплоть до буржуазных кругов? Воля народа, словно низвергнувшаяся лава, смела бы на своем пути все. Но правые социал-демократические лидеры закоснели в своем буржуазном мышлении, в своем почтительном страхе перед реакционным государственным аппаратом, в котором уже тогда окопались нацисты, милитаристы и прочие уцелевшие реакционеры. Правые социал-демократы не верили в мощь рабочего класса и антифашистских сил, находились во власти своих иллюзий относительно политики американских, английских и французских оккупационных властей, не желали избавиться от своего раболепства перед владельцами концернов и крупными капиталистами. Они не решались посягнуть на их экономическую власть, даже если речь шла о крупных военных преступниках, вина которых была доказана.

Какое великое счастье для немецкого народа, что в этот узловой момент его исторического развития на Объединительном съезде КППГ и СДПГ в апреле 1946 г. была выкована та политическая сила, которая в одной части Германии не допустила повторения ошибок 1918 г.! Вальтер Ульбрихт говорил в своем заключительном слове на этом съезде: «Социалистическая единая партия станет носительницей прогрессивных идей наших великих мыслителей и поэтов... Социалистическая единая партия будет гарантом единства нашей немецкой родины.

Наша сила — в нашем единстве, наша сила — в нашей программе, которая служит только благу нашего народа. Наша сила — в мощной организации, способной повести наш народ по пути к лучшему будущему»¹.

Разумеется, объединение обеих рабочих партий не шло без помех и препятствий. До их слияния удалось внести ясность далеко не во все основные вопросы, надо было опровергнуть многие ненаучные представления, разоблачить замаскировавшихся оппортунистов и ревизионистов, а также вывести на чистую воду кое-каких карьеристов. Представители оппозиционных взглядов попытались протасовать в СЕПГ реакционную политику шумахеровской клики. С другой стороны, некоторые сектанты не понимали, что с созданием антифашистско-демократического строя и развитием народного сектора в промышленности задачи партии пролетариата и само содержание рабочего движения коренным образом изменились.

¹ Вальтер Ульбрихт, Избранные статьи и речи, стр. 151.

Благодаря своему ясно сознающему цель революционному руководству, имеющему большой боевой опыт, объединенная рабочая партия в условиях самой суровой классовой борьбы против реакционных сил, против американского империализма и его немецких пособников превратилась в идеологически и организационно окрепшую боевую марксистско-ленинскую партию — партию нового типа.

В качестве члена Центрального Комитета СЕПГ я был участником этой борьбы за превращение партии в единую и сплоченную силу, тесно связанную с массами и не допускающую проникновения в свои ряды буржуазной идеологии. С заседаний в Берлине я возвращался в Тюрингию с новым приливом энергии, вооруженный убедительными аргументами. Каждое новое явление анализировалось здесь тщательно и глубоко, каждый шаг вперед основательно продумывался и взвешивался. И всегда мы руководствовались тем, что было осознано нами столь дорогой ценой: для того чтобы немецкий народ жил и процветал, необходимо покончить с германским империализмом. Грозным предостережением вставал перед нами страшный итог господства империалистов: разрушение и бессмысленная растрата производительных сил ради осуществления их захватнических планов мирового господства, нравственное одичание и упадок культуры как следствие их варварской, бесчеловечной идеологии, жестокое подавление демократических свобод и прав немецкого народа, ограбление и уничтожение других народов.

В бурном водовороте сменявших друг друга событий нам придавал силу и уверенность тот непреложный факт, что историческая победа над фашизмом привела к коренному изменению соотношения сил на мировой арене. Международное влияние Советского Союза гигантски возросло, начала складываться мировая система социализма, целый ряд народов вступил на путь народно-демократической революции; разворачивалась национально-освободительная борьба в колониях и зависимых странах, начался распад колониальной системы.

Радость активного участия в великом деле строительства новой жизни на немецкой земле заставляла сильнее биться наши сердца. Каким далеким представлялось нам это время в те годы, когда мы томились в оковах за железной решеткой фашистских тюрем!

Великий шанс, данный историей немецкому народу, надо было использовать во что бы то ни стало!

Волки щелкают зубами

Сегодня уже трудно скупыми штрихами нарисовать картину первых послевоенных лет и воспроизвести их характерные черты. То были суровые годы. Изо дня в день перед нами вставали все новые проблемы, которые надо было решать в сложной обстановке, лицом к лицу с ожесточенным, готовым на все врагом. Примером может служить Берлин.

Как уже говорилось, еще в мае 1945 г. был образован общеберлинский демократический магистрат. Опираясь на тесное сотрудничество антифашистско-демократических партий, он отстранял активных нацистов от власти, создавал новые органы самоуправления и народную полицию. Постановлениями магистрата от 20 июня и 2 июля 1945 г. вся собственность активных нацистов была конфискована, предприятия военных преступников переданы до окончательного решения судьбы этих предприятий в общественное временное управление. Когда в июле в Берлин на основе союзнических соглашений вступили войска западных держав, чтобы принять участие в оккупации германской столицы и управлении ею, берлинскому населению уже давно не грозила опасность гибели от голода и эпидемий, город в достаточной мере обеспечивался водой, электрическим светом и газом, работал транспорт, открылись школы, театры, концертные залы.

Задача оккупационных властей в Берлине была определена ясно: проведение в жизнь Потсдамских решений. Еще 11 июля 1945 г. Союзная комендатура своим приказом № 1 категорически подтвердила все приказы и распоряжения, отданные до того советским комендантом города и немецкими административными органами. 28 июля было издано дополнительное распоряжение о конфискации нацистского имущества. Затем последовали приказы о денацификации, директивы по выработке временной конституции Берлина и другие меры во исполнение Потсдамского соглашения.

Но отнюдь не случайно американские оккупационные власти назначили генеральным уполномоченным по делам конфискованных немецких предприятий в своем секторе Берлина одного из директоров американского концерна «Стил корпорейшн». Вскоре в Западный Берлин толпами устремились сбежавшие до этого в Западную Германию активные нацисты и военные преступники. Уже в 1946 г. вопреки распоряжениям Союзной комендатуры возникли объединения предпринимателей, начали действовать вновь основанные банки, тайно продолжавшие деятельность ранее закрытых, наконец, представители западных держав в Союзной комендатуре, саботируя Потсдамские решения, отказались утвердить закон о конфискации предприятий концернов, принятый подавляющим большинством городского собрания депутатов. Кроме того, они шаг за шагом лишали немецкие административные органы в западных секторах возможности оказывать влияние на производство и на руководство предприятиями.

В явное нарушение принятых в Потсдаме директив западные оккупационные власти немедленно стали создавать в своих секторах сепаратную администрацию, чтобы подорвать единый общеберлинский магистрат, задним числом лишить законной силы прогрессивные мероприятия, проведенные демократическими органами самоуправления, и взять под свою защиту военных преступников. Честных демократов изгоняли из административных органов, испытанных

антифашистов смещали с должностей опекунов секвестированного нацистского имущества. Концерны же были «конфискованы» западными оккупационными властями для того, чтобы не отдать их в руки народа, требовавшего экспроприации предприятий военных преступников. Во всем этом западным державам подыгрывали берлинские правые социал-демократические лидеры, группировавшиеся вокруг Эрнста Рейтера. Хотя значительная часть западноберлинских социал-демократов, несмотря на весь оказанный на них нажим, объединилась с коммунистами в Социалистическую единую партию Германии, СДПГ во главе с правыми оппортунистами была сохранена в Западном Берлине вследствие поддержки со стороны империалистических западных держав.

Аналогичную политику западные державы проводили и в Западной Германии. Уже через год после окончания войны правительства США и Англии приняли решение о создании сепаратной Бизонии путем слияния своих оккупационных зон. Этот шаг резко противоречил Потсдамским соглашениям, призванным гарантировать политическое и экономическое единство Германии.

Конференция премьер-министров германских земель, состоявшаяся в Мюнхене в июне 1947 г., послужила тревожным сигналом того, что за два года после безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии между западными и восточной зонами возникла пропасть. Главы правительств пяти земель советской оккупационной зоны старались обратить внимание конференции на опасность политического раскола и на его последствия для немецкой нации. Они предложили провести совещание с представителями партий, профсоюзов и председателями земельных парламентов. Однако премьер-министр Баварии резко отверг это предложение, выполняя тем самым волю американского генерала Клея — закулисного режиссера конференции. Заместитель главы баварского правительства доктор Хегнер признал, что повестка дня и ход конференции определены американской военной администрацией, давшей строгое указание западногерманским представителям не участвовать ни в какой политической и государственноправовой дискуссии. Точно так же все партии западных зон, за исключением КППГ, отвергли предложение СЕПГ направить общую делегацию всего немецкого народа на предстоявшее в Лондоне совещание Совета министров иностранных дел четырех держав, на котором должен был обсуждаться вопрос о мирном договоре с Германией.

На своем II съезде в сентябре 1947 г. СЕПГ, констатируя, что «борьба за единство Германии — самая актуальная задача», сделала отсюда неизбежный вывод: грозящий раскол следует предотвратить широким народным движением. В своем решении «От Паульскирхе¹ до Народного конгресса» СЕПГ напоминала о

¹ В Паульскирхе (церковь св. Павла) во Франкфурте-на-Майне в период революции 1848—1849 гг. заседало первое общегерманское Национальное собрание. — *Прим. пер.*

прогрессивных, демократических традициях немецкого народа и заявляла: «Это народное движение, порожденное горьким историческим опытом последних ста лет германской истории, может, если оно воодушевит своими целями большинство нашего народа, осуществить великую национальную задачу и стать наследником всего лучшего, что есть в истории Германии».

Движимая сознанием ответственности за судьбы немецкой нации, СЕПГ предложила созвать Немецкий народный конгресс за единство и справедливый мир. Не назначенные западными оккупационными властями премьер-министры земель, не партийные лидеры, идущие в фарватере монополистов и империалистических оккупантов, а сам народ — вот кто должен был сказать теперь свое слово, выразить свою волю. Поскольку усилия созвать общегерманское совещание сорвались из-за сопротивления руководящих групп буржуазных партий и социал-демократии западных зон, СЕПГ апеллировала ко всем тем немцам, которым дороги национальные интересы: «На основе уже имеющегося согласия многих организаций мы предлагаем всем антифашистско-демократическим организациям, профсоюзам и другим массовым организациям, производственным советам и коллективам крупных предприятий, крестьянским организациям, представителям науки и искусства во всей Германии сообща поднять свой голос в защиту немецкого народа».

Социалистическая единая партия Германии подняла национальное знамя. Ее призыв отозвался мощным эхом. Отклики шли из всех частей Германии: из Приморья и Баварии, из Рура и Пфальца, из Саксонии, Тюрингии и Мекленбурга, от рабочих, крестьян и профсоюзных функционеров, ученых и деятелей искусств, женщин и молодежи. Эти люди принадлежали к различным партиям и организациям, разделяли самые различные взгляды, но всех их воодушевляло общее стремление спасти единство Германии, бросить на весы истории силу народа, чтобы сорвать замыслы монополистов и их пособников.

6 декабря 1947 г. в Берлине собрался первый Народный конгресс; его открыл Вильгельм Пик. Он отметил, что, несмотря на короткий срок после опубликования призыва о конгрессе, уже возникло крупное движение за единство Германии и справедливый мир. «Через все границы зон и земель, выше всех различий между партиями, вероисповеданиями и профессиями мы поднимаем свой голос немцев, испытывающих одни и те же нужды, живущих одной и той же заботой», — сказал в своей речи Отто Гротеволь. *«Есть лишь одно непоправимое зло: когда народ теряет веру в себя»*¹, — предостерегал Отто Гротеволь. Но немецкий народ не желал терять ее. 2215 делегатов (в том числе 664 из западных зон, хотя, например, в Баварии им не выдали паспортов на выезд) сознавали опасность, нависшую над немецким народом, и собственную ответствен-

¹ Отто Гротеволь. Избранные статьи и речи М., 1961, стр. 26.

ность за судьбу Германии. Вильгельм Кюльц, председатель Либерально-демократической партии, сформулировал эту ответственность в трех заповедях: смертельная ненависть к фашизму, создание подлинной германской демократии на основе экономического и государственного единства и включение Германии как миролюбивой страны в содружество народов всего мира. Отто Нушке, председатель Христианско-демократического союза, заклеил антинациональные маневры Шумахера. Социал-демократ Эмиль Боргман, штейгер из Дортмунда, рассказал о росте числа несчастных случаев на шахтах в результате лихорадочной гонки добычи угля: только за один 1946 год в Рурской области погибло 800 горняков. Он изложил требование шахтеров: «Ликвидация зональных границ, создание центрального общегерманского правительства, лишение концернов власти и передача всей промышленности в руки немецкого народа. Нужна и земельная реформа, так как юнкеры-помещики вместе с заправками концернов и промышленными баронами несут вину за нашу теперешнюю нужду».

Немецкий народный конгресс явился первым общегерманским представительством. Он единодушно принял манифест и избрал делегацию, которая должна была в зале заседаний Лондонского совещания министров иностранных дел четырех великих держав говорить от имени немецкого народа. Ведь там решался вопрос о дальнейшей судьбе немецкой нации. Западные державы, в полном согласии с западногерманскими монополистами и в нарушение Потсдамских соглашений объединившие американскую и английскую зоны в Бизонию, теперь готовили присоединение к ней французской зоны. Вопреки положениям Потсдамских соглашений для Бизонии были созданы сепаратные Экономический совет и хозяйственные органы. Важнейшие отрасли промышленности Западной Германии все больше переходили в руки иностранного капитала, Саарская область была подчинена Франции.

Представители Советского Союза решительно выступали против расчленения Германии и требовали на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел выполнения Потсдамских решений, заключения мирного договора с единой Германией. Советское правительство вновь пыталось воспрепятствовать грозящей Германии опасности. Оно настаивало на том, чтобы немедленно создать германское центральное правительство и в течение двух месяцев подготовить мирный договор. Но западные державы наотрез отвергли предложения СССР, отказались впустить делегацию Немецкого народного конгресса в Англию и в конце концов сорвали это совещание министров иностранных дел. В январе 1948 г. они запретили движение за единство и справедливый мир и при поддержке западногерманской реакции стали сколачивать сепаратное государство. На конференции западных держав и стран Бенилюкса в июне 1948 г. было официально принято решение о его создании.

Учитывая такой ход событий, второй Немецкий народный конгресс решил провести народный опрос, чтобы противопоставить намерениям раскольников Германии волю народных масс. В результате этого опроса, несмотря на ложь и клевету, травлю и террор, 13 миллионов немцев в западных зонах, открыто поставив свои подписи, потребовали народного голосования по жизненно важным вопросам существования нации; они выступили за создание единой демократической Германии и дали сокрушительный отпор раскольникам с Рейна и Рура.

Однако те грубо игнорировали права народа на самоопределение. 20 июля 1948 г. премьер-министры западногерманских земель встретились с главами оккупационных властей западных держав, чтобы одобрить насилие над немецкой нацией. Социал-демократ Шток из Гессена зачитал их официальное заявление, в котором они выражали свое полное согласие на создание в западных зонах такой политической структуры, которая послужит базой для объединения Западной Германии на основе федерализма.

Вот уже несколько месяцев у внешнего причала порта Бремерсгафен стоял таинственный грузовой корабль, строго охраняемый и герметически изолированный ото всех американскими солдатами. Груз его состоял из водонепроницаемых ящиков, доверху наполненных свеженькими банкнотами, которые с соблюдением полной секретности были отпечатаны в США еще в конце 1947 г. 20 июня 1948 г. началась разработанная до мельчайших деталей раскольническая акция, которой руководил Людвиг Эрхард, будущий канцлер ФРГ: была проведена сепаратная денежная реформа, отколовшая Западную Германию от германского национального союза.

Трудящиеся восточной зоны к этому времени с невероятным напряжением сил наладили свое хозяйство. Когда 29 июня 1948 г. Вальтер Ульбрихт внес предложение о первом двухлетнем плане развития народного хозяйства, в советской оккупационной зоне уже работало более 40 тысяч предприятий, объем промышленного производства поднялся до 111 процентов по сравнению с 1946 г. и составил 59 процентов от уровня 1936 г. А ведь в восточной части Германии к концу войны находилось всего 20 процентов предприятий горно-угольной и всего 15 процентов металлургической и чугуноплавильной промышленности, к тому же совсем разрушенных.

Сепаратная денежная реформа привела к отрыву от Восточной Германии значительной части общегерманской экономики, исторически сложившейся как единое целое, и это поставило нас перед казавшейся неразрешимой проблемой. Наступили трудные дни и недели, пришлось напрячь все силы, чтобы избежать тяжелых последствий этого раскольнического акта. Но план Эрхарда захлестнуть восточную зону потоком обесцененных бумажных денег и тем самым вызвать в ней экономический хаос полностью провалился.

Молодые демократические органы самоуправления выдержали свой трудный экзамен: за несколько часов удалось поставить штампы на все находившиеся в обращении бумажные денежные знаки, а затем заменить их новыми.

Тогда западные державы решили нанести новый удар. Несмотря на то что американский военный губернатор генерал Клей официально сообщил Главноначальствующему Советской Военной Администрации в Германии маршалу Соколовскому, что сепаратная валюта не будет распространена на Западный Берлин, через пять дней это письменно зафиксированное заверение превратилось в клочок бумаги. Западногерманская сепаратная марка была введена в качестве единственного платежного средства и в трех западных секторах Берлина, чтобы таким образом подорвать финансы и народное хозяйство восточной части Германии.

Ввиду усиливавшегося политического раскола нашей страны все больше возрастала роль движения Народного конгресса в защите национального единства Германии на демократической и миролюбивой основе. Второй Немецкий народный конгресс, проходивший 17 и 18 марта 1948 г., избрал руководящий орган этого движения — Народный совет и поручил ему выработать проект конституции для всей Германии, который должен был затем подвергнуться всенародному обсуждению. Принципы этой конституции были намечены еще в «Манифесте к немецкому народу», принятом Учредительным съездом СЕПГ 21 апреля 1946 г.:

«Социалистическая единая партия Германии — это партия строительства антифашистско-демократической парламентской республики, которая гарантирует народу все политические права, полную свободу религии и совести, но уничтожит с корнем фашизм и милитаризм. Государство, которое мы строим, является подлинно демократическим государством, проявляющим далеко идущую терпимость по отношению к религиозным общинам. Новая Германия должна стать неделимой свободной республикой»¹.

Сообщение о создании Народным советом Конституционного комитета под председательством Отто Гротеволья вызвало широкое одобрение, которое разделялось также прогрессивными буржуазными кругами и видными специалистами по государственному праву. На четвертом заседании Народного совета 3 августа 1948 г. Отто Гротеволь охарактеризовал основные установки новой общегерманской конституции, подчеркнув, что они являются выражением серьезной борьбы за линию, приемлемую для всей Германии, за объединение самых различных взглядов под углом прогрессивных демократических принципов. Он осудил антинациональную позицию западногерманских премьер-министров и их согласие идти на политический раскол страны: «Никто не давал им полномочий на это.

¹ «20 лет СЕПГ. Документы Социалистической единой партии Германии». М., 1966, стр. 14—15.

Это голос не немецкого народа, а одиннадцати премьер-министров, находящихся под давлением трех генералов военных оккупационных властей. Мы отказываемся считать такие решения и вынужденные признания голосом немецкого народа и заявляем здесь, что не успокоимся и не сложим руки до тех пор, пока вопрос единства Германии и справедливого мира не найдет своего решения в духе интересов немецкого народа и мирного урегулирования для всего мира».

Патриотические силы под руководством СЕПГ использовали в 1947—1948 гг. все возможности для того, чтобы не допустить раскола Германии и обеспечить такое решение жгучей национальной проблемы, которое отвечало бы демократической воле народа.

После того как сепаратная денежная реформа вырыла первый ров, разделивший Германию, раскольники воздвигли труднопреодолимую стену на пути германского единства. Под покровительством империалистических оккупационных держав, без всяких выборов и соблюдения какой-либо законности в Бонне был созван так называемый Парламентский совет. Председательское место в нем занял не кто иной, как доверенный человек западногерманского и американского финансового капитала, закоренелый реакционер и сепаратист Аденауэр. 1 сентября 1948 г. этот антидемократический орган собрался на свое первое заседание. Уже упоминавшийся выше социал-демократ Шток во вступительной речи сказал: «Сегодня мы впервые действуем не в силу диктата, а по соглашению между господами военными губернаторами и премьер-министрами». Представители Коммунистической партии Германии, которых поневоле пришлось включить в Парламентский совет, сразу заявили решительный протест против создания нового «Рейнского союза» — сепаратного западногерманского государства. «Мы не поставим свои подписи под расколом Германии!» — заявил Макс Рейман. Вскоре после этого английский военный суд вынес ему приговор и подверг тюремному заключению.

Немецкий народ был не одинок в своей справедливой национальной борьбе. Действия западных держав получили отпор на совещании министров иностранных дел СССР и других социалистических стран. Правительства этих государств понимали, что безопасность их народов во многом зависит от того, станет ли индустриально высокоразвитая Германия, страна, лежащая в центре Европы, оплотом мира или же очагом новой войны. Участники совещания решительно отстаивали Потсдамское соглашение. Они потребовали от правительств четырех великих держав установления контроля над тяжелой промышленностью Рура с целью развития мирной экономики и недопущения возрождения военного потенциала Германии. Далее, заявили они, необходимо образовать временное демократическое общегерманское правительство, выработать мирный договор, базирующийся на Потсдамских решениях, и подготовить

вывод из Германии всех оккупационных войск не позднее чем через год после подписания этого договора.

После неудачи всех попыток созвать совместные совещания с руководящими политиками западных зон блок антифашистско-демократических партий и организаций по предложению СЕПГ принял решение провести свободные выборы делегатов на новый Народный конгресс. В результате этих выборов возникло законное народное представительство. В широкое демократическое обсуждение судьбы немецкой нации были вовлечены все слои населения. Как члену Немецкого народного совета мне приходилось выступать с докладами и отчетами перед коллективами крупных предприятий, на открытых собраниях, отвечать на бесчисленные вопросы, разъяснять наш проект конституции, и я видел, как изменились люди за эти немногие годы, видел, что они учатся мыслить самостоятельно.

Несмотря на все предостережения и протесты, раздававшиеся и в Западной Германии, Парламентский совет 8 мая 1949 г. без участия общественности принял угодный западным державам и немецкой реакции проект Основного Закона. Не спросив народ, эту конституцию 23 мая ввели в действие, а 7 сентября 1949 г. было объявлено о создании западногерманского сепаратного государства. «Зачатое на Уолл-стрите, крещенное в Бонне государственным переворотом и благословленное политическим клерикализмом, это государство с самого начала несло на себе каинову печать национальной измены и раскола Германии», — указывалось в тезисах Идеологической комиссии при Политбюро ЦК СЕПГ «15 лет Германской Демократической Республики». Борьба миролюбивых, демократических сил всей Германии против реакционных, империалистических правителей на Западе, за решение национального вопроса в интересах немецкого народа вступила в новую стадию.

29 мая 1949 г. в Берлине собрался избранный в результате свободных, демократических выборов и потому обладающий законной силой третий Немецкий народный конгресс. Он принял проект конституции, подвергшийся обсуждению на 9 тысячах собраний. Было получено более 15 тысяч одобряющих резолюций, рассмотрено 503 предложения редакционного характера. «Во время работы над конституцией у нас был лишь один наставник: наша собственная история, которая так богата опытом, ошибками, разочарованиями, — сказал Отто Гротеволь. — Все хорошее и здоровое в нашем прошлом должно жить и ускорить наступление лучшего будущего»¹.

Избранный конгрессом Немецкий народный совет стал выразителем воли народа, представителем интересов всей нации, зародышем новых, народно-демократических государственных органов.

¹ *Отто Гротеволь. Избранные статьи и речи, стр. 67.*

Поворотный пункт

Долгие месяцы мы упорно и терпеливо пытались добиться общегерманского объединения на демократической основе, но это не удалось. После того как введением сепаратной администрации в западных секторах был совершен раскол Берлина, после того как провозглашение боннского государства обнажило истинные цели и практику империалистических западных держав в германском вопросе, настал момент основать независимую, демократическую и миролюбивую Германскую республику, чтобы обеспечить жизненные интересы немецкого народа.

И вот 7 октября 1949 г. наступил великий день! Немецкий народный совет, действуя в духе демократически выработанной Конституции, объявил себя Временной Народной палатой и, сознавая свою национальную ответственность, а также историческую закономерность этого акта, провозгласил Германскую Демократическую Республику.

Враги немецкого народа потерпели решающее поражение — треть Германии навсегда выпала из лап империализма. В то время как Западная Германия превращалась в базу агрессии, на Востоке возникло первое в истории немецкое государство мира и демократии. Это государство, за которое бились еще повстанцы Томаса Мюнцера, за которое лилась кровь лучших сынов немецкого народа на баррикадах 1848 г., за которое поднялись на бой миллионы трудящихся в 1918 г., теперь стало явью. Германская Демократическая Республика — результат столетней борьбы германского рабочего движения со времен Карла Маркса и Фридриха Энгельса, воплощение исторических уроков борьбы рабочего класса и вернейших патриотов немецкого народа, олицетворение самых передовых научных и гуманистических традиций немецкой нации. Демократическая правомочность нашей республики имеет глубокое историческое обоснование.

Все партии и организации демократического блока были едины в том, что только один человек достоин стать главой этого государства: наш Вильгельм Пик — подлинный сын народа, закаленный в боях руководитель германского рабочего класса, соратник Карла Либкнехта и Розы Люксембург, преемник дела Эрнста Тельмана! Сильнее забили наши сердца, когда он твердо произнес присягу в качестве президента первого в истории Германии государства рабочих и крестьян: «Все свои силы и опыт долгой, богатой трудом и политическими событиями жизни я посвящаю служению на благо немецкого народа... Я буду постоянно рассматривать себя как представителя интересов немецкого народа, который своим трудом добьется еще более богатого и светлого будущего»¹.

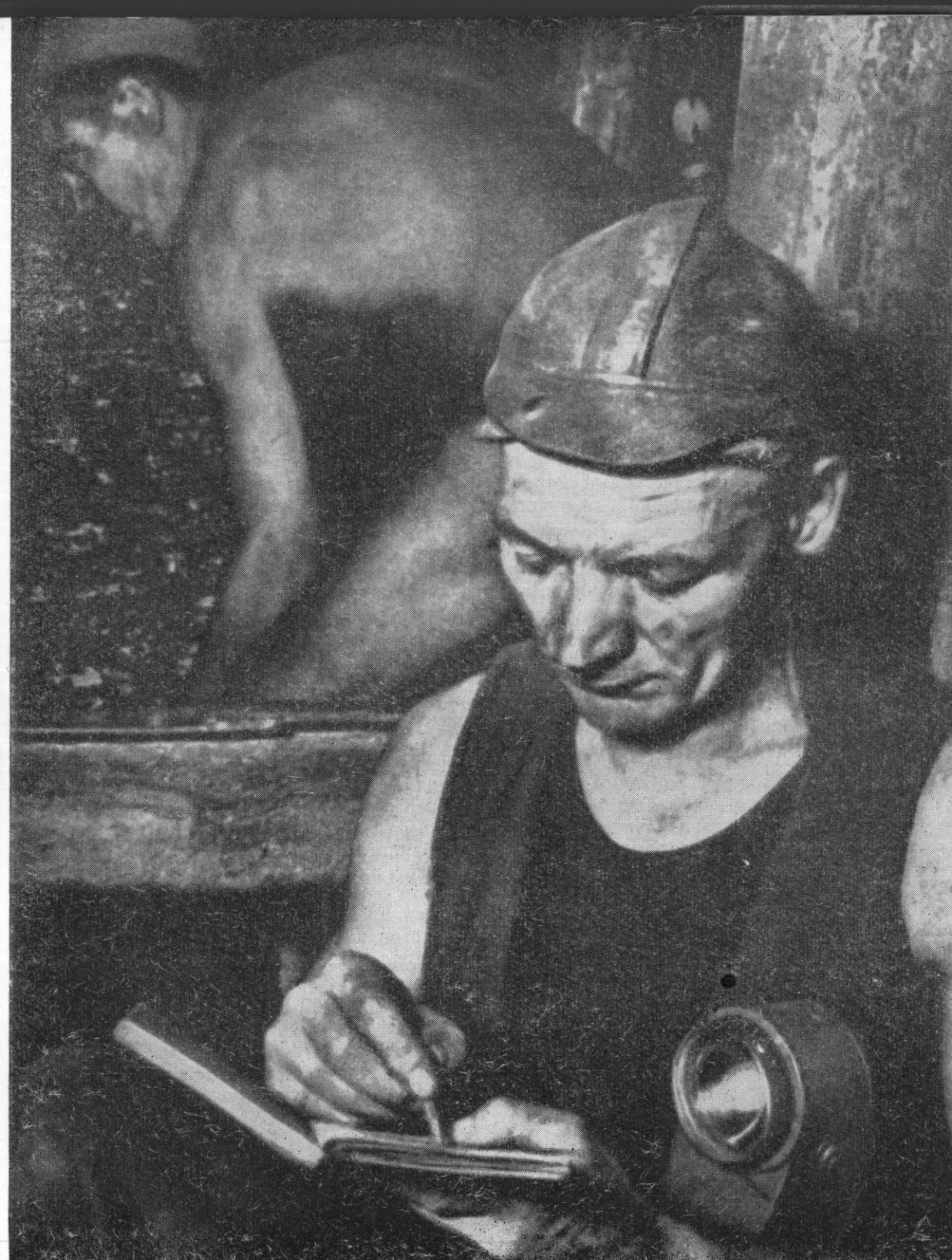
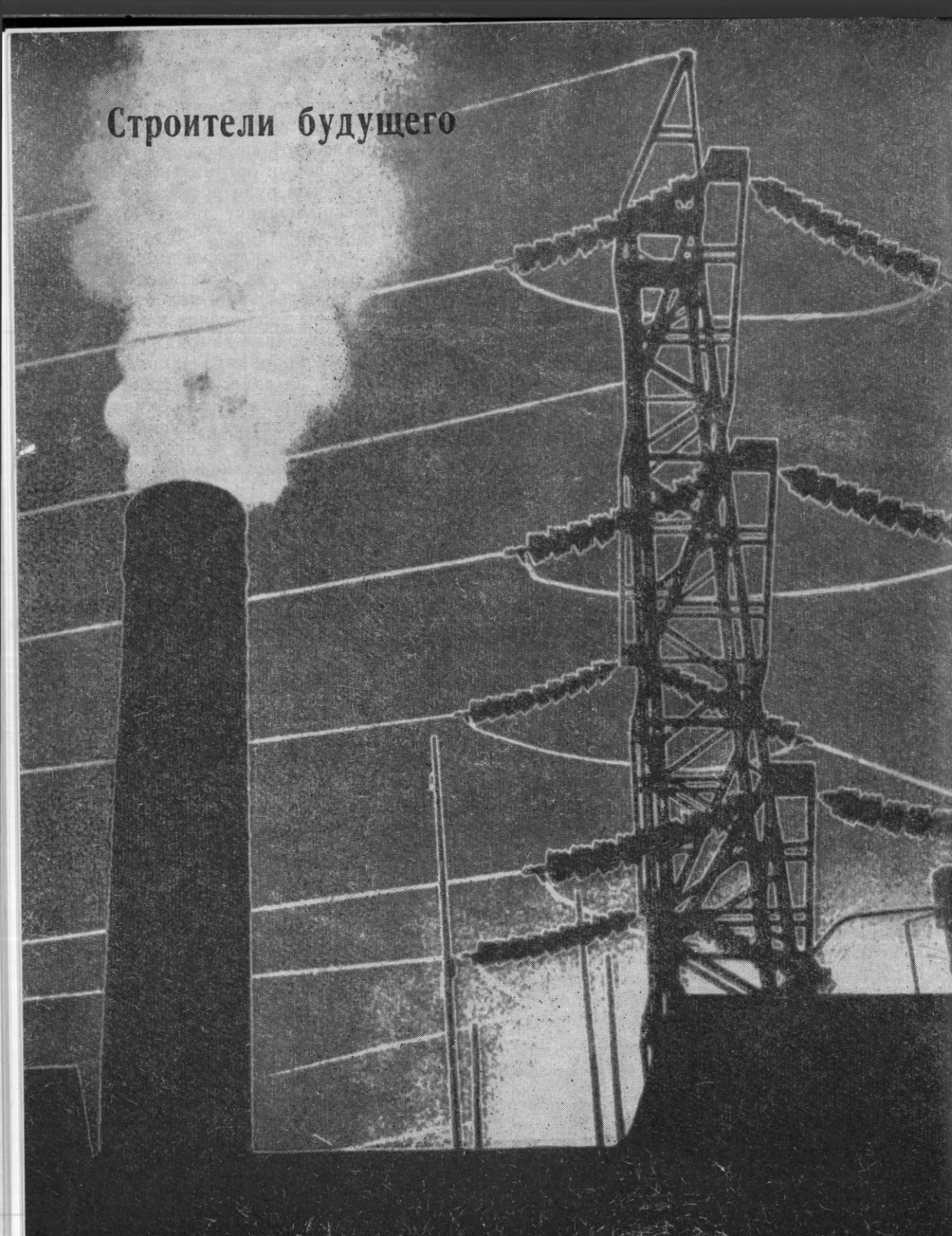
¹ «Образование Германской Демократической Республики». Документы и материалы. М., 1950, стр. 63—64.

Вильгельм Пик и Отто Гротеволь, единогласно избранный премьер-министром ГДР, олицетворяли нерушимое единство рабочего класса, творящую историю силу нашей эпохи, которая в тесном сотрудничестве со всеми партиями и демократическими организациями, опираясь на творческую силу народа, взяла в свои руки руководство государством. В духе заявления «Национальный фронт демократической Германии», опубликованного ЦК СЕПГ 4 октября 1949 г., все патриотические силы немецкого народа, из каких бы классов и слоев общества они ни происходили, каковы бы ни были их политические убеждения и религиозные взгляды, еще теснее сплотились под руководством рабочего класса для совместной борьбы за спасение нации.

Как сейчас вижу Отто Бухвица¹, бывшего социал-демократического депутата рейхстага, убежденного сединой поборника единства рабочего движения. Мы вместе идем к выходу из зала, где только что была провозглашена Германская Демократическая Республика, и он с волнением жмет мне руку. Не забуду его глаза на изборожденном морщинами лице, когда он тихо произнес: «Нет, не напрасно прожил я жизнь!» Да, поистине мы можем быть счастливы и горды тем, что участвовали в этом историческом событии! Навсегда останутся в памяти ликующие юноши и девушки, которые бесконечной колонной проходили вечером в лучах прожекторов, приветствуя рабочего президента и правительство только что родившейся республики. Эта молодежь выполнит заветы павших борцов и завершит их дело!

¹ Лауреат Международной Ленинской премии мира. — *Прим. пер.*

Строители будущего

Возвращаясь из Берлина после памятных событий этих дней, я решил отправиться в Веймар не по однообразной бетонной ленте автостреды, а через города и деревни нашей только что возникшей республики. Хотелось вновь посмотреть на знаменитую церковь в Виттенберге, на дверях которой Мартин Лютер когда-то прибил свои знаменитые «Тезисы», взглянуть на Наумбургский собор с его скульптурами, ощутить трудовую атмосферу завода «Лёйна», увидеть его уставившиеся в небо трубы...

Как верно предвидел будущее Карл Маркс, как правильна была его оценка молодого германского рабочего класса, когда 23 июля 1870 г. он писал в первом воззвании Генерального Совета I Интернационала о франко-прусской войне: «В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу, французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее. Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — мир, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — труд!»¹

Каждый, кто изучит историю немецкого народа, увидит, что с подъемом революционного рабочего движения все больше крепились прогрессивные, отвечающие интересам нации силы, которые противопоставляли реакционной, антинародной политике эксплуататорских классов, германского империализма и милитаризма глубоко национальную политику. С образованием Германской Демократической Республики эта политика одержала победу в одной части Германии. Созданное из представителей рабочего класса и других патристических слоев, правительство ГДР стало олицетворением этих сил, которым принадлежит будущее и которые наверняка победят во всей Германии.

Однако на пути осуществления своей исторической миссии немецкому рабочему классу приходилось преодолевать чрезвычайно тяжелые препятствия. Германский империализм всегда отличался высокой организованностью и особенно разбойничьим, крайне агрессивным характером; монополисты и банкиры, крупные землевладельцы и милитаристы оказывали огромное влияние на все области общественной жизни. К тому же в самом рабочем движении получила опасное распространение буржуазная идеология. Предательское поведение ревизионистов и оппортунистов в значительной степени способствовало тому, что немецкий народ дважды оказывался в пропасти военной катастрофы.

Революционное рабочее движение стало наиболее последовательным защитником не только социальных, но и национальных интересов немецкого народа. Оно постоянно сочетало борьбу за социальное

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 5.

освобождение с упорными боями за подлинную демократию внутри страны, за миролюбивую внешнюю политику, за демократическое единство и национальную независимость Германии.

В годы второй мировой войны эта политика в конечном счете привела к образованию Национального комитета «Свободная Германия» и после 1945 г. блестяще оправдала себя в блоке антифашистско-демократических партий, в движении Народного конгресса за единство и справедливый мир. Шаг за шагом на основе твердого стремления демократическим путем вести исторический спор с реакционными, империалистическими силами и убедить рабочий класс и всех трудящихся в необходимости демократического решения национального вопроса происходило осуществление программы, выдвинутой КПГ 11 июня 1945 г.

Губительные силы прошлого, которые при поддержке западных держав смогли восстановить свое классовое господство в Западной Германии, считали, что им удастся наглухо изолировать хозяйство восточной части от остальной страны и тем экономически удушить крепнущую немецкую демократию. Но их постигло разочарование. Трудящиеся дали твердый ответ: будем строить собственными силами, без долларовой помощи! Творческое классовое сознание рабочих родило на востоке страны нечто совершенно новое и невиданное для Германии — движение активистов производства, которое первоначально получило имя его зачинателя шахтера Адольфа Хеннеке.

Пока я размышлял обо всем этом, мы уже ехали по Тюрингии. Перед нами лежало «Зеленое сердце» Германии — теперь в нем мощно пульсировала новая жизнь. Под руководством СЕПГ здесь широко развернулась инициатива масс.

Мне вспомнилось, как вначале мы натолкнулись на решительное сопротивление даже доброжелательных специалистов, когда поставили перед заводом «Максхютте» в Унтервелленборне большие производственные задачи. Как, этот дряхлый «Макс» должен через два года давать такое большое количество чугуна, сырцового стали и проката? Только люди, ничего не смыслящие в технике, могут требовать этого! Да одно только водоснабжение, необходимое для охлаждения доменных печей, ставит непреодолимые границы — так считали песимисты, пытаясь подтвердить это точными расчетами. Но невозможное стало возможным! Наша партия бросила лозунг: ««Максу» нужна вода!» Специалисты разработали план постройки новой системы водоснабжения, но при самых благоприятных условиях проект их мог быть осуществлен только за год. Вода же нужна была «Максу» не через год, а через три месяца. На призыв СЕПГ откликнулись студенты университетов Йены и Лейпцига, рабочие народных предприятий, служащие народной полиции, даже крестьяне. Несмотря на сильный мороз, отсутствие теплой одежды и разбитую обувь, они принялись за дело. На смежных предприятиях развернулось соревнование за наилучшее выполнение поставок в установленные краткие сроки. И произошло то, что считали невозможным специалисты: спустя три

месяца «Макс» имел вдоволь воды! Работа пошла полным ходом. Старые и молодые, мужчины и женщины с энтузиазмом следили за показателями соревнования: ведь теперь они работали на себя, а не на акционеров и тунеядцев, стригущих купоны; сознание этого вдохновляло всех: мы покажем монополистам на Западе, что значит рабочая власть!

Как много создал наш трудолюбивый и талантливый народ во всех областях жизни за многие столетия своей богатой событиями и изменчивой истории, думалось мне, когда мы проезжали в Йене мимо знаменитых заводов Цейса и университета, в котором Карл Маркс получил диплом доктора. Как часто наш народ пролагал новые пути в науке и технике, в философии, литературе и музыке, в изобразительном искусстве, но сам он никогда не мог воспользоваться плодами своего созидания — его творческий гений служил его угнетателям. Небольшая правящая верхушка присваивала себе плоды народного труда, злоупотребляла трудолюбием и талантами немецкого народа для разбойничьих войн против других стран и каждый раз снова ввергала его в бедствия. Две войны за последние полвека наложили отпечаток на всю жизнь немецкого народа, а следующее за каждой из этих войн двадцатилетие проходило под знаком преодоления тяжелейших последствий военных авантур.

История поставила на повестку дня решение главного противоречия всего развития Германии: на одной стороне — монополистический капитал, милитаристы и юнкеры с их империалистическим аппаратом власти, на другой — народные массы, миролюбивые люди.

В восточной части Германии с образованием Германской Демократической Республики были достигнуты цели буржуазно-демократической революции, осуществлены намеченные на Объединительном съезде СЕПГ антифашистско-демократические «требования сегодняшнего дня». Но останавливаться на этом было нельзя, ибо, как указывалось в программном документе «Принципы и цели Социалистической единой партии Германии» от 21 апреля 1946 г., ликвидировать всякую эксплуатацию и угнетение, экономические кризисы, нищету, безработицу и угрозу империалистических войн и *«разрешить тем самым национальные и социальные проблемы, жизненно важные для нашего народа, можно только на пути социализма»*¹.

Империалистические волки не глядели бездейтельно на то, как Германская Демократическая Республика показывает всему немецкому народу пример строительства новой, демократической Германии, которая развивается собственными силами, без кабальной «помощи» в виде «плана Маршалла». Они всячески пытались помешать нам. Вот один пример. В моем несгораемом шкафу лежал детальный утвержденный план реконструкции «Максхютте»; вот уже много месяцев велись переговоры с западногерманскими фирмами о поставке

¹ Цит. по: Вальтер Ульбрихт. К истории новейшего времени, стр. 406.

оборудования, которое пока еще мы не могли изготовить сами. Они бы охотно дали его, но за ними стояли невидимые силы, которые мешали этому. Нет сомнения в том, что нас хотели шантажировать, что эти силы были готовы предпринять и другие меры, чтобы сорвать наши планы мирного строительства. Но нас это не испугало. Мы научились бороться, а вера в творческие силы народных масс позволяла нам ставить перед собой смелые цели. С единой партией рабочего класса мы могли свернуть горы. Ведь речь шла о великом деле, об окончательном освобождении нашего народа, об осуществлении тех благородных целей, за которые страдали и сражались многие поколения.

...Вот и Веймар... На память невольно приходят вещие строки гётевского «Фауста»:

Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум сложил.
Лишь тот, кем бой за жизнь изведан,
Жизнь и свободу заслужил.
Так именно, вседневно, ежегодно,
Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пусть живут муж, старец и дитя.
Народ свободный на земле свободной
Увидеть я б хотел в такие дни.
Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье!
О как прекрасно ты, повремени!
Воплощены следы моих борений,
И не сотрутся никогда они»¹.

Великий план

Когда в самых общих чертах воскрешаешь в памяти весь период после образования Германской Демократической Республики, порой спрашиваешь себя, каким же образом удалось справиться со множеством проблем, вставших перед молодым государством? На многие важные посты тогда поневоле пришлось ставить людей, которые были недостаточно подготовлены к решению сложных государственных и экономических задач, поскольку в капиталистической Германии они не имели никакой возможности приобрести необходимые специальные знания. Простые рабочие часто руководили большими предприятиями, трудились в области сельского хозяйства, народного образования и культуры. Но уже вскоре они доказали, что руководят лучше, чем их предшественники, поскольку опираются на производственные советы, на коллективы трудящихся, прислушиваются к голосу масс.

Жизнь убедительно показала, что руководство нашей партии правильно оценило положение, что его доверие к творческим силам народных масс, несмотря на сомнения, возникавшие даже у многих наших товарищей, было оправданным. Задачи двухлетнего плана по

¹ Гёте. Фауст. Перевод Б. Пастернака. М., 1953, стр. 554.

восстановлению довоенного уровня хозяйства были выполнены не за два, а за полтора года. Валовой объем промышленной продукции составил к концу 1950 г. в сравнении с 1936 г. не 81 процент, как планировалось, а 103 процента. Народный сектор дал 55 процентов, а в промышленности даже 75 процентов продукции, тем самым приобретя преобладающий вес во всем народном хозяйстве.

Какое огромное напряжение сил стоит за этими цифрами, какие исключительные трудности приходилось преодолевать изо дня в день! Реакционные силы Западной Германии в союзе с правыми лидерами СДПГ предпринимали все на свете, чтобы оживить укоренившуюся десятилетиями империалистическую идеологию, подогреть антикоммунизм с целью парализовать героический труд по строительству нового общества, посеять неуверенность и недовольство. Одновременно они всячески саботировали межзональную торговлю, коварно задерживали именно те поставки, которые были нам особенно необходимы и отсутствие которых ставило под вопрос использование уже полученного.

Почти каждый день с наших предприятий приходили тревожные сигналы, все время приходилось импровизировать и искать выход. Например, часовой и машиностроительный завод в городе Рула работал на полный ход: часы служили важной статьей нашего экспорта, они приносили нам валюту для покупки сырья. Но чтобы выпускать часы, нужна высоколегированная синяя сталь для пружин, а ее производили в Западной Германии заводы Клёкнера, которые нам ее не поставляли. Аналогичное положение было и с некоторыми видами оборудования, а уж о цейсовских заводах в Йене и говорить не приходится. Не хватало даже важнейших медикаментов. Но мы сумели в труднейших условиях организовать производство пенициллина, со временем возникло ставшее известным предприятие «Йена-фарм». Ко всем попыткам реакционных кругов подорвать наше хозяйство добавлялась систематическая вербовка западногерманскими концернами ученых и специалистов.

И все-таки, несмотря ни на что, нам удалось справиться с поставленными задачами. Круто поползла вверх кривая не только промышленного, но и сельскохозяйственного производства. Земельная реформа заложила краеугольный камень тесного союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, теперь он целеустремленно укреплялся. Успехи промышленности дали возможность в возрастающем размере предоставлять крестьянам сельскохозяйственные машины и создать широкую сеть опорных пунктов рабочего класса в деревне — 540 машинно-тракторных станций. Уже весной 1949 г. Советский Союз, несмотря на собственные чрезвычайно большие трудности в восстановлении областей, разрушенных гитлеровской войной, предоставил в наше распоряжение 100 тракторов и 500 грузовых автомашин. К концу 1951 г. в МТС работало 16 тысяч тракторов и десятки тысяч сельскохозяйственных машин.

Противники земельной реформы предрекали развал нашего сельского хозяйства, но уже в 1951 г. урожайность превысила уровень 1936 г. Если в 1934—1938 гг. с одного гектара снималось в среднем 17,1 центнера ржи, то в 1951 г. — уже 23,4 центнера. Урожай пшеницы соответственно возрос с 20,6 до 26,5 центнера, а кормовых злаков — с 21,9 до 27,7 центнера с гектара. При этом надо иметь в виду, что перед войной в неограниченном количестве имелись искусственные удобрения. К 1951 г. поголовье свиней возросло на 11 процентов по сравнению с 1936 г. и в 2,5 раза по сравнению с 1946 г., а рогатого скота увеличилось против уровня 1936 г. даже на 12 процентов.

Эти сухие цифры — одно из свидетельств революционного преобразования в той части Германии, где политическая власть из рук капиталистов и юнкеров перешла в руки народа и где рабочее движение приобрело свое новое содержание: мобилизация масс на планомерное увеличение производительных сил в интересах народа. Под руководством Социалистической единой партии Германии профсоюзы стали видеть свой первейший долг в организации движения активистов производства и соревнования, в обеспечении на практике равноправия женщин. Так были достигнуты успехи, казавшиеся немислимыми в прежней Германии.

Поэтому можно было выдвинуть новые, еще более смелые цели. В июле 1950 г. III съезд СЕПГ принял первый пятилетний план — великий план создания миролюбивой, прогрессивной Германии. Объем промышленного производства должен был возрасти по сравнению с 1936 г. вдвое, урожайность с гектара — в среднем на 25 процентов, производительность труда в результате всесторонней механизации — на 60 процентов.

Внутренние закономерности начатого в 1945 г. народно-демократического переворота и обострение борьбы между двумя главными общественными силами в Германии сделали необходимым переход от антифашистско-демократического строя к социалистической революции. Основным содержанием нашей эпохи является переход от капитализма к социализму, и СЕПГ своими действиями сознательно помогает этому историческому процессу. После того как в ГДР были уничтожены основы империализма, создан мощный народный сектор в экономике и снизу доверху установлена новая государственная власть, можно было шаг за шагом мирным путем преодолеть антагонистические противоречия, характерные для капитализма, а одновременно и классовые противоречия и трудности в нашей молодой республике.

После тщательного обсуждения пятилетнего плана на предприятиях, в профсоюзах и других демократических организациях, после его одобрения блоком антифашистских партий Народная палата ГДР рассмотрела этот документ большого национального значения и приняла его как закон. Пятилетний план ставил задачу создать в ГДР собственную металлургическую базу и ликвидировать или по

меньшей мере сократить диспропорции в народном хозяйстве, углубившиеся в результате раскола Германии.

Мне пришлось выступать тогда перед рабочими, рассказывать им о сессии Народной палаты, разъяснять им значение плана, обосновывать его необходимость и раскрывать его цели. Рабочие слушали с огромным вниманием. Мы построим, говорил я, ряд новых крупных электростанций, на Одере вырастет металлургический комбинат, в Лауххаммере поднимется большой коксовый завод. Мы создадим новые города по самым современным проектам. Наука и культура расцветут так, как до 1945 г. никто не решался и мечтать. И все это — своими силами! Перед нашей одаренной молодежью и интеллигенцией развернется замечательное поле деятельности.

После собрания на «Максхютте» ко мне подошел пожилой инженер и попросил разрешения побеседовать. «Сегодня мне стало ясно, как неудачно сложилась моя прежняя жизнь, — тихо сказал он, задумчиво снимая очки. — Вот уже тридцать лет я работаю на этом заводе инженером, я состоял в «Стальном шлеме», а после 1933 г. вступил в нацистскую партию, потому что верил, что наконец-то будет покончено с взлетами и падениями конъюнктуры, с ужасными экономическими кризисами. После 1945 г. я остался здесь, не соблазнился приманками концерна, потому что вся моя жизнь связана с этим старым «Максом», а кроме того, я все еще продолжал верить, что в один прекрасный день он снова станет принадлежать господину Флику. Теперь я вижу, все мои представления были ложны. Вы дали нам что-то такое, чего нам всегда не хватало, вы дали нам перспективу, мирную перспективу, поставили перед нами такие задачи, от которых сильнее бьется сердце. — Он в смущении замолк, повертел дужки своих очков, потом с надеждой взглянул на меня: — Позвольте ли вы и нам, «бывшим», участвовать в этом? Освободите ли вы нас от балласта нашего прошлого? Я хотел бы сделать все, что смогу, использовать все, чему я учился, весь мой опыт, я хотел бы всеми своими силами принять участие в строительстве новой Германии».

Таких людей, которые честно желали покончить с прошлым и сделать вывод из своих заблуждений, было много. Они с доверием шли к нам и вместе с нами, старыми антифашистами, сообща тянули один и тот же канат. Они поняли, что делают это ради счастливого будущего нашей нации. Народные выборы в октябре 1950 г. доказали, что подавляющее большинство граждан ГДР воодушевлено тем же стремлением: 99,7 процента проголосовало за программу и кандидатов Национального фронта демократической Германии, а тем самым за национальный план мирного строительства, за пятилетний план.

Резкую противоположность поддерживаемой народными массами политике ГДР представляло собой развитие на Западе Германии. При помощи американских «кредитов» были пущены на полный ход именно те отрасли промышленности, которые являются

основой военной индустрии. Уже в ноябре 1950 г. индекс объема производства этих отраслей промышленности, по официальным данным, составил 120 процентов к уровню 1936 г. Специальный штаб бывших гитлеровских с «восточным опытом» офицеров занимался тем, что извлекал для следующей войны этот «опыт» из недавнего поражения. Милитаристские органы печати изо дня в день требовали немедленно ввести воинскую повинность и создать воспитанную в «традиционном солдатском духе» армию для «энергичной борьбы с коммунизмом». Как грибы после дождя, росли всякие неофашистские формирования. «Европа зовет нас — мы зовем Европу!» — таков был их лозунг.

Согласованный между американским и боннским правительствами «план Шумана» ясно показал, что США намерены сделать германский империализм своим главным союзником в Европе, превратить Западную Германию в плацдарм западной системы военных блоков и вместе с жаждущими «возмездия» банкирами и монополистами, а также частью бывшего гитлеровского генералитета подготовить войну против Советского Союза. Западнгерманская монополистическая буржуазия со своей стороны надеялась под лозунгом «объединенной Европы» осуществить свою экономическую экспансию, добиться главенства над Францией, Бельгией, Голландией и другими западноевропейскими государствами. Одновременно она предоставила США контроль над Рурской областью и право на оккупацию Западной Германии в течение пятидесяти лет.

Не требует доказательства, что те, кто нажился на двух мировых войнах и наживается на подготовке третьей, ставят свои эгоистические классовые цели превыше жизненных интересов нации. Правда, торговцы смертью могут проводить свою антинациональную политику только потому, что они снова получают поддержку правых лидеров СДПГ и профсоюзов. Они сознательно игнорировали законную волю народа, большинство которого решительно осудило ремилитаризацию Западной Германии. Возмущение конфискацией крестьянской земли под новые военные аэродромы и стратегические автодороги, а также происками реваншистских союзов и прочих неонацистских организаций непрерывно росло и вылилось в движение, в котором приняли участие все слои населения.

В январе 1951 г. 1700 делегатов, собравшихся в Эссене на конференцию в защиту мира, приняли призыв к решительной борьбе против ремилитаризации, против намерения боннского правительства вопреки праву и закону рекрутировать 200 тысяч солдат для армии наемников. Избранный на конференции комитет обратился к правительствам обоих германских государств и потребовал в соответствии с боннским «Основным законом» и Конституцией ГДР проведения народного опроса. Правительство ГДР ответило согласием. За период с 3 по 5 июня 1951 г. 96 процентов имеющих право голоса граждан нашей республики единодушно высказалось против ремилитаризации Западной Германии, за мирный договор.

Правительство Аденауэра ответило присущим ему образом: народный опрос был запрещен, а все организации и комитеты, активно или пассивно поддерживавшие эту акцию, объявлены «антиконституционными». Тем самым оно последовательно продолжило свою антидемократическую линию, нашедшую свое выражение в решении правительства ФРГ от 19 сентября 1950 г. об увольнении с государственной службы всех членов Коммунистической партии Германии, «Объединения лиц, преследовавшихся при нацистском режиме», Общества германо-советской дружбы и других прогрессивных организаций.

Правые социал-демократические лидеры не проронили и слова протеста против грубого насилия над демократией. Более того, председатель СДПГ Шумахер еще 23 августа 1950 г. выступил за то, чтобы предоставить Люнебургскую пустошь для обучения американских дивизий, и, пользуясь этим случаем, заявил: «Мы готовы снова носить оружие, если западные союзники в равной степени разделят с нами риск и шансы в войне против Советского Союза». Еще яснее высказался он на заседании Правления СДПГ 31 марта 1951 г.: «Все, что за последний год делалось в области политики, касающейся проблемы Востока и Запада, исходит от социал-демократии, поддерживается и теоретически сформулировано ею. Федеральное правительство пользуется идеями, выработанными социал-демократией».

Какая позорная картина: социал-демократические лидеры рука об руку с главными виновниками гибели 55 миллионов человек! Впрочем, руководство западногерманской социал-демократии знало и о меморандуме, который в октябре 1950 г. 14 генералов и высших офицеров гитлеровской армии в строжайшей тайне разработали в монастыре Эйфель. Этот меморандум показывал, каковы главные требования «ведомства Бланка», служившего зародышем западногерманского военного министерства. 10 февраля 1951 г. Аденауэр, считая себя уже достаточно сильным, чтобы раскрыть свои карты, заявил: «Важнейшая цель моей политики состоит в том, чтобы перевооружение Западной Германии явилось подготовкой к установлению нового порядка в Восточной Европе».

На 6-м пленуме Центрального Комитета СЕПГ в июне 1951 г. Вальтер Ульбрихт проанализировал ход развития в Западной Германии и его движущие силы. Он указал, что возродившийся германский империализм выступил теперь со своими притязаниями, с собственной империалистической реваншистской программой, которая может навлечь новое бедствие на немецкий народ. То же самое агрессивное крыло финансового капитала, которое всего несколько лет назад привело наш народ на край пропасти, теперь вновь бессовестно ставит на карту существование немецкой нации. С целью эффективно противодействовать этой угрозе, гарантировать мирное строительство и демократическое возрождение Германии, говорил Вальтер Ульбрихт, мы должны приложить все силы для того, чтобы

укрепить наше молодое народно-демократическое государство в качестве бастиона национально-освободительной борьбы, расширить его экономический базис, а также его международные связи.

Краеугольный камень германской демократической внешней политики, служащей делу мира, был уже заложен. Еще 15 октября 1949 г. Советский Союз официально признал Германскую Демократическую Республику и принял решение об обмене дипломатическими миссиями; его примеру последовали и другие социалистические страны. В речи после своего избрания президентом Германской Демократической Республики Вильгельм Пик наметил основную линию дружественных отношений с польским народом, так жестоко пострадавшим от фашизма: «Мы никогда не потерпим, чтобы заинтересованные в новой войне империалисты использовали границу по Одеру — Нейсе для натравливания немецкого народа на нашего польского соседа. Граница по Одеру — Нейсе должна стать границей мира и никогда не должна мешать дружеским связям с польским народом»¹.

Переговоры между Польской Народной Республикой и Германской Демократической Республикой, начавшиеся 5 июня 1950 г. в Варшаве, были проникнуты твердым стремлением навсегда уничтожить источники ненависти и вражды между обоими народами. Они завершились подписанием важного соглашения об урегулировании взаимных отношений и в соответствии с Потсдамскими решениями декларацией о незыблемости германо-польской границы по Одеру — Нейсе. Через несколько дней, 23 июня, последовало торжественное подписание совместной декларации правительства Германской Демократической Республики и Чехословацкой республики, в которой категорически подчеркивалось, что между обоими государствами нет никаких спорных вопросов.

В марте 1952 г. Советский Союз предложил западным державам и обоим германским государствам свой проект мирного договора с Германией. Народная палата ГДР обратилась к западногерманскому бундестагу с призывом воспользоваться предоставленным нашему народу шансом, чтобы покончить наконец с послевоенным периодом и вступить в эпоху мира. Однако правительство Аденауэра в конце мая 1952 г. подписало Общий договор о так называемом Европейском оборонительном сообществе. Этот сепаратный пакт, заключенный на неограниченный срок, исключал какое-либо право западногерманского населения на самоопределение и вместе с тем попирает неотъемлемое право немецкого народа на суверенитет. Западные оккупационные державы получили право распоряжаться экономикой западных зон, а в случае, если они почувствуют себя находящимися «под угрозой», вводить чрезвычайное положение, устанавливать открытую военную диктатуру.

¹ «Образование Германской Демократической Республики», стр. 69.

В Берлине 9 июля 1952 г. в зале «Вернер-Зееленбиндерхалле» открылась II партийная конференция СЕПГ. Все крупные газеты и информационные агентства прислали на нее своих корреспондентов; мировая общественность ожидала от нее решений исторического значения.

«Вторая партийная конференция проходит в поворотный момент в развитии Германии, в обстановке, когда немецкий народ во главе с рабочим классом должен взять в свои собственные руки дело сохранения мира и восстановления единства Германии на демократической основе»¹, — так начал Вальтер Ульбрихт свой доклад, в котором он дал исчерпывающий ответ на вопрос: куда идешь, Германия?

Мир раскололся на два противостоящих лагеря: мира, демократии и социализма, возглавляемый Советским Союзом, и империализма и войны, центром которого являются США. Исторически обреченный империализм не имеет перспектив, зато лагерь мира и социализма находится на непрерывном подъеме. Так, Советский Союз за послевоенную пятилетку вдвое увеличил объем промышленной продукции по сравнению с 1940 г. Уже треть населения земного шара принадлежит к этому лагерю, его экономическая, военная и идейная мощь растет быстрыми темпами.

Quo vadis, Germania? Ясно, четко и убедительно ответил на этот исторический вопрос Вальтер Ульбрихт. Он делал это по праву как человек, вот уже четыре десятилетия стоящий в самых первых рядах германского рабочего движения, вооруженный непобедимым учением марксизма-ленинизма и закаленный в тяжелой и самоотверженной борьбе за счастливое будущее нашего народа. С глубоким удовлетворением он мог заявить теперь в этот важный, переломный момент истории Германии, что именно рабочий класс наиболее последовательно отстаивает национальные интересы немецкого народа и играет решающую роль в его национально-освободительной борьбе. Перед рабочим классом во главе с Социалистической единой партией Германии стоит историческая задача организовать и возглавить борьбу за спасение и объединение германской нации.

Вальтер Ульбрихт показал всему немецкому народу тот путь, который должен вывести германскую нацию из тьмы к свету: «Строительство социализма в Германской Демократической Республике и Берлине может иметь для борьбы за единую, демократическую, миролюбивую и независимую Германию только благоприятные последствия... Благодаря социалистическому строительству немецкому рабочему классу и всему трудовому народу будет облегчено решение вопроса о будущем общественном строе Германии,

¹ Вальтер Ульбрихт. Избранные статьи и речи, стр. 477.

ибо каждый сможет на основе собственного опыта убедиться в том, какой путь служит интересам трудового народа и какой путь — интересам магнатов вооружения, капиталистов и крупных землевладельцев»¹.

Достаточно было посмотреть на делегатов конференции, чтобы понять, насколько окрепла и возмужала за немногие годы партия рабочего класса, как быстро доросла она до решения величественных исторических задач. Среди них были не только ветераны германского рабочего движения, кто уже ряд лет руководил крупными предприятиями, кто в процессе повседневной политической работы зарекомендовал себя настоящим вожаком масс, но и много молодых строителей нового общества, тех, кто получил высшее образование уже при народной власти. С глубоким одобрением восприняли делегаты констатацию результатов нашей борьбы: *«Наша народная власть основывается на власти рабочего класса в союзе с трудовым крестьянством, интеллигенцией и другими трудящимися»*². Ведь они сами участвовали в создании ее, не щадя своих сил ради того, чтобы возникла новая Германия. С огромным воодушевлением встретили они слова Первого секретаря ЦК СЕПГ: *«...демократическое и экономическое развитие, а также сознание рабочего класса и большинства трудящихся достигли ныне такого уровня, что строительство социализма стало основной задачей. На пути социалистического развития мы сможем преодолеть все существующие у нас трудности.*

*Учитывая предложения, поступившие от рабочего класса, трудящегося крестьянства и других слоев трудового народа, Центральный Комитет Социалистической единой партии Германии решил выступить на II конференции с предложением о планомерном строительстве социализма в Германской Демократической республике»*³.

После этих слов в зале воцарилась какая-то особенная тишина. Она взорвалась такой бурей аплодисментов, какой мне еще не приходилось слышать никогда. Все поднялись со своих мест, многие в каком-то порыве обнимались. Социализм! Сколько чаяний, сколько надежд воплотилось в этом слове! Миллионы людей на всем земном шаре отдают свои силы достижению этой цели! И вот теперь и в Германии, стране, давшей миру своих величайших сынов Карла Маркса и Фридриха Энгельса, будет положено начало созданию самого справедливого на земле общественного строя, будет осуществлено то, о чем мечтали, за что боролись многие поколения...

Наступил великий час, о котором Иоганнес Р. Бехер писал:

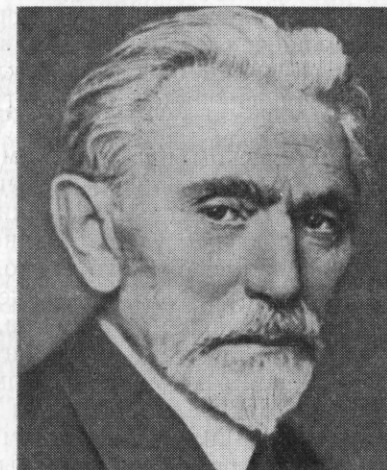
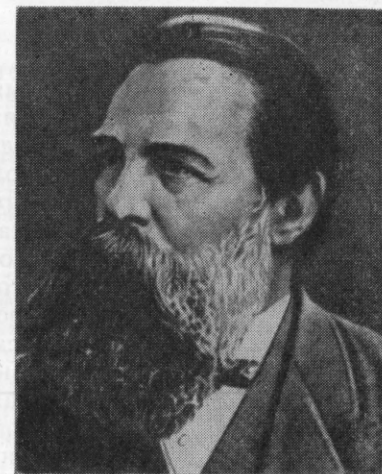
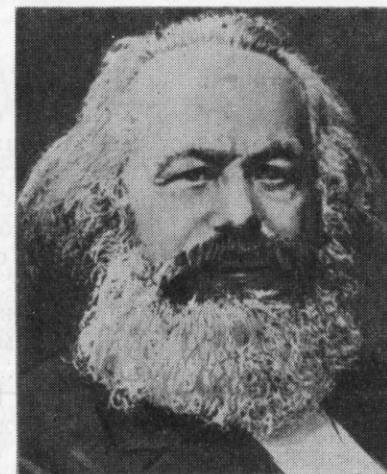
Хоть волосы у нас в боях седали,
О будущем своем мы лишь мечтать могли.
Но день пришел, знамена заалели,
Колокола весть о победе принесли.

¹ Вальтер Ульбрихт. Избранные статьи и речи, стр. 486—487.

² Там же, стр. 487—488.

³ Там же, стр. 483—484.

Победа

Когда во время первой мировой войны мне приходилось слышать слова «нация» и «родина», в моем сознании с этими понятиями связывалось представление о генералах, обвешанных орденами, и пушечных королях во фраках и цилиндрах, о солдатах, умирающих на «поле брани», о плачущих матерях и невестах. Изю дня в день я наблюдал, как моя мать сидит по 8—10 часов за швейной машиной, чтобы заработать на кусок хлеба для своих семерых детей. Я думал об отце, которого война на целых семь лет разлучила с семьей. Я словно прозрел, когда познакомился с историей немецкого рабочего класса, узнал о героической борьбе многих поколений за решение основных вопросов германской нации.

Выработанная Марксом и Энгельсом в 1848 г. программа буржуазно-демократической революции, содержавшая требование создать «единую, неделимую республику», была основой глубоко национальной политики революционного рабочего движения.

«Ни одного человека и ни одного гроша этой системе!» — заявил Август Бебель, обличая прусский милитаризм, который оказывал на нацию столь сильное тлетворное влияние. «Главный враг — в собственной стране!» — таким был боевой клич Карла Либкнехта и «Союза Спартака», доносившийся сквозь грохот сражений первой мировой войны.

В антиимпериалистическом программном заявлении о национальном и социальном освобождении немецкого народа в августе 1930 г. Центральный Комитет КППГ, учитывая надвигающуюся угрозу фашистской диктатуры, указал единственно возможный выход: устранение империалистического господства, завоевание политической власти рабочим классом, создание германского государства без монополий и крупных помещиков, без эксплуатации и подавления, без нищеты и нужды. Незадолго до начала второй мировой войны на Бернской конференции Коммунистическая партия выдвинула программу строительства новой демократической республики после свержения Гитлера, программу, на основе которой могли объединиться для совместной борьбы все противники Гитлера. КППГ требовала экспроприации фашиствующих монополистов и проведения экономической политики, которая была бы направлена на повышение жизненного уровня народа и служила делу мира.

Эти основные моменты содержались и в программном заявлении КППГ от 11 июня 1945 г. С первого дня своего существования единая рабочая партия, основанная в апреле 1946 г., показала себя решительной поборницей национального и демократического единства страны, подлинной защитницей интересов нации, ее руководителем. В своем решении «Национальный фронт демократической Германии и Социалистическая единая партия Германии» от 4 октября 1949 г. она четко и ясно заявила: СЕПГ готова к сотрудничеству со всеми немецкими патриотами, в том числе и с бывшими членами нацистской партии, бывшими офицерами, мелкими и средними предпринимателями и той частью крупной буржуазии в Западной Германии,

которой дороги интересы Германии и которая готова поддержать немецкий народ в его стремлении к восстановлению единства и независимости.

Последовательно осуществляя свою основную национальную концепцию, авангард рабочего класса на II конференции СЕПГ принял решение о переходе к строительству социализма в Германской Демократической Республике. Постановка этой задачи отвечала объективным закономерностям общественного развития, главным требованиям нашей эпохи, жизненным интересам немецкого народа. В западных зонах был восстановлен империализм; своей политикой вооружения и неприкрытого реванша он создавал величайшую угрозу миру и самому существованию нации. Поэтому священной долгом трудящихся ГДР являлось построение такого общественного строя, при котором империалистические силы были бы лишены своей экономической и политической власти, а тем самым навсегда устранена причина войны.

В решении II партийной конференции отмечалось, что строительство социализма в ГДР — это удар по реакционным заправителям Западной Германии, выражение твердой воли населения Германской Демократической Республики и Берлина всеми силами бороться за сохранение мира. Строительство социализма дает возможность населению всей Германии воочию убедиться в том, что путь демократии и социализма — единственный путь, отвечающий интересам народа и гарантирующий немцам великое будущее как равноправной нации в семье миролюбивых народов.

Великие и сложные задачи вставали перед народно-демократической государственной властью: ведь ей предстояло играть главную роль в сознательном и планомерном социалистическом преобразовании, будить инициативу народных масс и обобщать их опыт, развивать социалистическое сознание и одновременно обеспечивать условия для эффективной защиты нового строя.

Однако структура государственного аппарата ГДР, формы и методы государственного руководства не отвечали новым требованиям. Для того чтобы превратить государство в сознательно организующую и движущую общество силу, необходимо было преодолеть противоречия между экономическим развитием и отжившими формами государственного управления. В соответствии с Конституцией Народная палата ГДР приняла поэтому закон о его дальнейшей демократизации. Руководство проведением этого закона в жизнь было поручено мне.

Существовавшее до того времени деление республики на земли стало тормозом нового. Оно осталось нам в наследство от эпохи феодализма, когда князья при каждом удобном случае расширяли свои владения посредством захватов, покупки земель или заключения династических браков. Осуществленное административное деление территории ГДР на четырнадцать округов (не считая столицы Берлина) с народными представительствами и их испол-

нительными органами — Советами соответствовало исторически сложившейся экономической структуре и отвечало потребностям ее дальнейшего развития в условиях социалистического строительства. Решающим было, однако, не само изменение административной структуры, а новые методы работы народных представительств. Центр тяжести их деятельности переносился на постоянные комиссии, в которых при активном участии трудящихся специалисты в какой-либо определенной области разрабатывали необходимые мероприятия и обеспечивали их проведение в жизнь. Так было окончательно устранено разделение законодательной и исполнительной власти, которое столь ревниво охраняли в прошлом правящие классы.

Сила нашего народно-демократического государства убедила и последних скептиков. Уже спустя два месяца после начала работы вновь образованных народных представительств, которые состояли из депутатов прежних земельных парламентов, вся государственная деятельность в областях перешла в руки новых исполнительных органов, причем это не сопровождалось сколько-нибудь существенными нарушениями в какой-либо сфере хозяйственной жизни. Мы расчистили широчайшим слоям народа путь к участию в управлении и руководстве своим государством.

Создание государственных органов, способных систематически использовать многообразный повседневный опыт трудящихся и проводить в жизнь волю народных масс, было лишь одной из многих задач, которые предстояло решить после II партийной конференции.

Постепенно и осторожно осуществлялся переход к социализму в сельском хозяйстве. Передовые крестьяне осознали, что мелкотоварное производство не имеет будущего, что оно изжило себя исторически. Они объединялись в кооперативы. Это отвечало закономерностям развития, требовавшим перехода к крупному хозяйству, ибо только в таком хозяйстве возможно использование современной техники, обеспечение значительно более высоких результатов при наименьших затратах труда. В капиталистических странах, включая Западную Германию, этот процесс ведет к разорению сотен тысяч мелких и средних хозяйств, в то время как в условиях народной власти кооперация открывает крестьянству широкие перспективы.

Все новое всегда пробивает себе дорогу с трудом, шаг за шагом вытесняя старое, отжившее, косное. В мелком крестьянине всегда жили рядом две души — собственника и эксплуатируемого, вынужденного платить крупному землевладельцу аренду и сборы, а кредиторам проценты, постоянно обкрадываемого поставщиками машин и удобрений, скупщиками продукции. Однако для многих крестьян переход к новой жизни, отказ от своего единоличного хозяйства и согласие работать в кооперативе были трудными и болезненными. Внутри деревни проходила граница между мелкими крестьянами и кулаками. Она часто делила пополам одну семью: молодые решительно восставали против старых.

Из года в год все большее число крестьян убеждалось в том, что кооперация открывает большие возможности для улучшения их жизни, для ликвидации культурной отсталости деревни. Многие крестьянки не хотели больше, как раньше, гнуть спину по 12—14 часов в день, вести хозяйство, смотреть за детьми, доить коров и коз, а вдсбавок ко всему выходить в поле, как велось исстари от дедов и прадедов. Молодежь требовала тракторов, современных машин, чтобы во много раз увеличить эффективность своего труда, она стремилась к знанию. Эти противоречия оказались бы трудноразрешимыми, если бы у крестьян не было надежного и сильного союзника в лице рабочего класса и народно-демократической власти. С помощью рабочего класса мелкие крестьяне и сельскохозяйственные рабочие изгнали крупных землевладельцев и военных преступников-юнкеров и стали хозяевами на земле своих отцов. Союз между городом и деревней приобретал новые черты. Рабочие промышленных предприятий брали шефство над создающимися кооперативами, выделяли квалифицированные кадры для организации бухгалтерского учета, планирования, наблюдения за машинным парком. Народные имения помогали молодым кооперативам. В деревню отправились специалисты-агрономы, они заботились о внедрении в сельскохозяйственное производство новейших достижений науки.

Политика союза рабочих и крестьян во второй раз выдержала испытание. Число машинно-тракторных станций возросло к 1955 г. до 600, на полях работало 37 546 тракторов — в 3 раза больше, чем пять лет назад.

Подготовка квалифицированных трактористов и расширение сети ремонтных мастерских позволили, кроме того, повысить среднюю производительность трактора до 334 гектаров средней пашни. Промышленность во все возрастающем объеме поставляла деревне самые современные сельскохозяйственные машины. В 1955 г. в распоряжении крестьянства имелось уже свыше 2 тысяч комбайнов с прицепами, все чаще и чаще появлялись на полях современные свекло- и картофелеуборочные комбайны. Все это изменило жизнь в деревне, открыло путь прогрессу, облегчило сельскохозяйственный труд, и прежде всего труд крестьянок.

Социалистические преобразования в деревне способствовали росту урожаев. Средний урожай зерновых с гектара с 1950 по 1955 г., несмотря на все трудности переходного периода, возрос с 20,7 до 26,4 центнера, урожай масличных — с 10,7 до 15,6 центнера. Еще важнее было то, что трудящийся крестьянин более не испытывал страха перед разорением и долгами, как во времена капитализма. Перед ним теперь открывалась перспектива, которая в рамках прогрессирующего общественного развития гарантировала его личное существование. К концу 1955 г. более 77 тысяч крестьянских хозяйств объединилось в 6047 сельскохозяйственных производственных кооперативов.

Летом 1955 г. я побывал в бывшем Мансфельдском районе (ныне район Эйслебен), чтобы собрать материал для статьи о десятой годовщине земельной реформы. Возле Безенштедта я встретил женщину, которая в 1945 г. умоляла меня дать ей клочок земли. Тогда у нее не было буквально ничего. Муж и два сына погибли на фронте. Она лишилась и своей прежней родины, хозяйство ее разрушила война. Тогда напротив меня сидела старая, обиженная судьбой женщина, в ее глазах угасла всякая надежда. Теперь, несмотря на свои 65 лет, она казалась энергичной и здоровой. Эта женщина трудилась на животноводческой ферме. Ее старшая дочь уже три года работала агрономом в одном из народных имений, оставшийся в живых сын был трактористом в одной из МТС. Младшая дочь училась: она хотела стать детским врачом. Когда я неожиданно спросил, не собирается ли она в скором времени уйти на покой, ведь дети и так позаботятся о ней, она строго посмотрела на меня: «Сложить руки и быть только зрителем? Сейчас, когда видишь, как все расцветает? С ранней молодости мне приходилось тяжело работать, муж совершенно выбивался из сил, дети с самой зари и до поздней ночи должны были помогать нам. Мы были рады, если нам кое-как удавалось расплатиться с долгами. Нет, я еще не так стара, чтобы сидеть сложа руки. По вечерам я беру книгу и изучаю зоотехнику».

Куда бы я ни приезжал, повсюду видел то же самое: трудящиеся крестьяне стали надежным союзником рабочего класса, они чувствовали, что несут свою долю ответственности за свое государство, за рабоче-крестьянскую власть.

Создание современного машинного парка стало, конечно, возможным лишь в результате быстрого развития промышленности. Для того чтобы выполнить задания пятилетнего плана, необходимо было направить значительную часть народного дохода на создание новых промышленных отраслей и реконструкцию устаревших заводов и фабрик. Ради этого мы принесли большие жертвы. Если бы мы могли использовать каменный уголь Рура, доменные печи и прокатные станы, центры машиностроения Западной Германии, выполнение пятилетнего плана не представило бы серьезной трудности. А так нам пришлось не только выделять огромные суммы на строительство новых промышленных предприятий, но и готовить новые кадры и горько расплачиваться за кое-какие ошибки. Вдобавок ко всему строительство социализма осуществлялось под непрерывным огнем империалистической реакции из западных зон и Западного Берлина, а она не гнушалась никакими, в том числе и самыми грязными, средствами для срыва наших планов. Контрреволюционный путч в июне 1953 г. наглядно доказал это.

Мы поставили перед собой цель увеличить промышленное производство за пять лет примерно на 190 процентов по сравнению с 1950 г., то есть почти удвоить по сравнению с 1936 г. Благодаря усилиям рабочих эти цели были не только достигнуты, но и значи-

тельно превзойдены; валовая продукция социалистической промышленности составила не менее 212 процентов от уровня 1950 г.

В ходе выполнения первого пятилетнего плана рабочий класс превратился в ведущую силу общества. Непрерывно изменялось его сознание, а вместе с ним и отношение к труду. Благодаря тому что наша партия упорно и терпеливо пропагандировала марксистско-ленинскую теорию, диалектический и исторический материализм, социалистическое сознание овладевало все более широкими слоями трудящихся. Они осознали свою историческую роль — роль строителей социалистического общественного строя. На почве этого закономерного процесса выросли предпосылки для постановки новых, более серьезных целей. III партийная конференция СЕПГ в марте 1956 г. одобрила второй пятилетний план, который положил начало техническому перевороту, основанному на применении самой современной техники. Производительность труда в расчете на одного индустриального рабочего должна была увеличиться не менее чем на 150 процентов.

Бастион мира

Один евангелический священник из маленького южногерманского городка однажды спросил меня: «Откуда вы берете силу? Что делает вас такими сильными?» В его глазах я прочел безграничное удивление. После долгих колебаний и сомнений он решился, наконец, собственными глазами посмотреть, что делается «за железным занавесом» в ГДР. То, что он увидел, поразило его.

Нелегко было объяснить этому человеку, откуда граждане нашей республики черпают силы для гигантского строительства, требующего таких жертв и самоотверженности, что делает их способными свершать поистине героические дела, строить такие общественные отношения, при которых человек действительно может быть человеком. Нелегко было открыть ему источник социалистического сознания, объяснить, какую живительную силу являет освобожденный труд. Его давил словно кошмар страх перед «русскими». Он был воспитан на этом страхе, он безвольно подчинялся влиянию антикоммунизма. Немало труда пришлось мне потратить, чтобы доказать ему, наконец, что эти «русские» принесли огромные жертвы во имя освобождения немецкого народа, объяснить, что они, чем могли, помогали нашему народу обрести право на самоопределение и свободу.

Эта встреча напомнила мне драматические события 1954 г. Приняв на IV съезде постановление «Путь к решению жизненных вопросов нации», СЕПГ вновь внесла реальное предложение, направленное на то, чтобы посредством сплочения всех патриотов остановить реакционное, роковое развитие в Западной Германии. СЕПГ предложила создать путем совместных консультаций временное общегерманское правительство и подготовить мирный договор и общегерманские выборы.

Советский Союз вновь показал себя настоящим другом немецкого народа. Его правительство 25 марта того же года официально заявило: «...Советский Союз устанавливает с Германской Демократической Республикой такие же отношения, как и с другими суверенными государствами.

Германская Демократическая Республика будет свободна решать, по собственному усмотрению, свои внутренние и внешние дела, включая вопросы взаимоотношений с Западной Германией»¹.

Империалистическая реакция, однако, окончательно лишила западногерманское население суверенитета: 23 октября 1954 г. Аденауэр подписал Парижские соглашения. Лишь девять лет прошло с тех пор, как рухнул фашистский рейх, а империалисты уже заключили новый военный союз со своими бывшими врагами: Западная Германия стала членом агрессивного пакта НАТО. Тем самым был на длительное время закреплён раскол Германии. Боннское правительство официально отказывалось от проведения сколько-нибудь самостоятельной национальной политики. В статье 2 так называемого «Соглашения о Германии» оно совершенно определённо уступало западным державам права и ответственность в отношении Берлина и Германии в целом, включая объединение Германии и мирное урегулирование. Воссоединённая Германия должна была иметь политическую систему, аналогичную системе Федеративной республики, и подлежала включению в Европейское оборонительное сообщество.

Движущей силой в подготовке этих соглашений являлся американский империализм. Создававшимся западногерманским войскам НАТО отводилась роль ударной группы, роль тарана в борьбе против сил социализма. В то же время западногерманские идеологи «Дранг нах Остен» стремились в рамках этой системы пактов добиться своих собственных целей: установления господства не только в Европе, но и во всем мире. Возникшие в результате второй мировой войны границы были объявлены «неокончательными»; западногерманские реваншисты выступили с притязанием на монопольное представительство всего немецкого народа. Аннексия Германской Демократической Республики с этой точки зрения была для них простой полицейской акцией.

После заключения Парижских соглашений мировая общественность с большим интересом ожидала правительственного заявления, которое 19 ноября 1954 г. сделал в Народной палате премьер-министр ГДР Отто Гротеволь. Глубоко озабоченный судьбами нации, он указал на опасность для мира во всем мире, которая исходит от западногерманской агрессивной армии, оснащенной самым современным оружием и находящейся под командованием гитлеровских генералов, поскольку, учитывая законы атомной войны, любое вооруженное столкновение на немецкой земле не ограничилось бы «небольшим» локальным конфликтом, а логически привело бы к мировой

¹ «Правда», 26 марта 1954 г.

ядерной катастрофе. «Парижские соглашения, — подчеркнул Отто Гротеволь, — означают не только неограниченное и бесконтрольное вооружение западной части нашего отечества, они означают также тесную связь Западной Германии с американской системой военных пактов и оккупацию Западной Германии на десятилетия иностранными интервенционистскими вооруженными силами»¹. Парижские соглашения ведут не только к углублению раскола Германии, но и к углублению раскола Европы, к образованию враждебных блоков и к войне. «Аденауэр и стоящие за ним круги западногерманской монополистической буржуазии и крупных земельных собственников стремятся не допустить национального воссоединения Германии на мирной и демократической основе, так как они видят в расколе Германии и в сохранении американского оккупационного режима лучшее средство для того, чтобы держать население Западной Германии в подчинении. Они превращают Западную Германию в базу для подготовки нового реванша и агрессии»².

Существование ГДР, где высшим законом является воля народа, приобретало таким образом не только решающее национальное, но и все более возрастающее международное значение. «Впервые в истории Германии, — сказал Отто Гротеволь в своем правительственном заявлении, — политика германского государства определяется демократическими и миролюбивыми силами... Мы хотим жить в мире со всеми народами и готовы установить со всеми странами отношения на основе равноправия».

Требованиям создавшейся в Германии обстановки в полной мере отвечало то, что Германская Демократическая Республика в целях укрепления своей национальной и международной позиции как бастиона мира в мае 1955 г. стала участницей Организации Варшавского Договора. Государственный договор с СССР, заключенный в сентябре того же года, укрепил международный авторитет ГДР и обеспечил ее широкое признание. В то время как правители Западной Германии игнорировали право немецкого народа на самоопределение, договор, который правительство Советского Союза заключило с правительством ГДР, созданным в результате свободных демократических выборов, гарантировал суверенитет и независимость первого немецкого рабоче-крестьянского государства. Мы получили полную свободу решения всех внутри- и внешнеполитических вопросов, включая воссоединение обоих германских государств.

В надежде на то, что в Западной Германии возьмут верх рабочий класс и миролюбивые силы, что победит разум, правительство ГДР не предпринимало никаких шагов, которые могли бы осложнить обстановку, и вносило все новые предложения, направленные на рядку напряженности и нормализацию отношений. Однако когда совет министров НАТО в декабре 1955 г. принял решение об ускорен-

¹ «Правда», 21 ноября 1954 г.

² Там же,

ном формировании западногерманских ударных дивизий и вооружении их атомным и ракетным оружием, а также ряд мер к подготовке воздушной войны, Народная палата Германской Демократической Республики вынуждена была принять 18 января 1956 г. закон о создании национальной Народной армии и учреждении министерства национальной обороны.

Эти национальные вооруженные силы с самого начала имели принципиально иной характер, чем все ранее существовавшие в Германии армии, включая бундесвер. В боннском военном министерстве на всех важнейших командных должностях находились офицеры генерального штаба, которые занимали руководящие посты в фашистском вермахте. Генерал Хойзингер, например, фактический начальник военного штаба, с 1931 по 1944 г. служил в оперативном отделе рейхсвера, а потом гитлеровского вермахта. Его имя как одного из главных авторов планов агрессии против народов Европы стояло в списке военных преступников, составленном ООН. Одним из высших руководителей бундсвера стал небезызвестный генерал Шпейдель, бывший после 1933 г. главой фашистской военной шпионской сети в Париже, а в 1940 г. — начальником штаба германских оккупационных войск во Франции. Шпейдель приобрел «известность» во всем мире своими военными преступлениями на временно оккупированной территории Советского Союза и в Италии. Уже эти одиозные фигуры доказывают, что сущность западногерманской армии НАТО всецело определяется закоренелыми милитаристами, которые несут ответственность за чудовищные зверства, совершенные во время разбойничьих походов второй мировой войны, а ныне мечтают о реванше за свои поражения.

Во главе же вооруженных сил ГДР встали убежденные антифашисты, испытанные в огне народно-революционной войны испанского народа, в антифашистском движении Сопротивления или же принимавшие активное участие в Национальном комитете «Свободная Германия». Национальная народная армия проникнута духом социалистического интернационализма и дружбы с Советским Союзом, идеей братства по оружию с армиями всех народов, которые освободились от ярма империализма. Оборону социалистических завоеваний, защиту миролюбивого рабоче-крестьянского государства она считает своей национальной задачей. В ней живут великие революционные традиции немецкого народа.

В феврале 1956 г. собрался XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Это было событие поистине всемирно-исторического значения. Дав глубокий анализ современного положения, съезд пришел к выводу, что соотношение сил на международной арене изменилось в пользу социализма, что миролюбивые, демократические силы в состоянии не допустить развязывания новой империалистической мировой войны и исключить войну, этот бич человечества, из жизни народов. Одновременно благодаря этому открываются новые возможности перехода от капитализма к социализму. Там, где

борющемуся единым фронтом рабочему классу удалось объединить все прогрессивные силы во имя общей цели, этот переход может осуществиться без гражданской войны при использовании наряду с внепарламентскими парламентскими возможностями.

III партийная конференция (март 1956 г.) и 30-й пленум ЦК СЕПГ (1957 г.) творчески применили эти новые выводы к условиям Германии. Социалистическая единая партия Германии показала в своих решениях, что социализм, ставший определяющей силой современной эпохи, в силу исторических закономерностей победит во всей Германии. *«Рабочий класс, — сказал Вальтер Ульбрихт на III партийной конференции, — доказал, что он в состоянии создать для трудящихся условия социальной обеспеченности; он сделал трудящихся, угнетавшихся капитализмом, подлинными творцами истории, хозяевами своей судьбы. Страх и неуверенность в завтрашнем дне, страх перед кризисом, безработицей и голодом — этими следствиями экономических законов капитализма — исчезли навсегда»*¹.

Включение западногерманского сепаратного государства в агрессивный блок НАТО еще более углубило и закрепило раскол Германии. Длительное совместное существование двух германских государств с различным социальным строем стало непреложным фактом. Воссоединение не могло быть достигнуто путем переговоров между четырьмя великими державами: оно стало глубоко внутренним делом самого немецкого народа. Единственная реальная возможность обеспечить восстановление единства Германии на демократической, миролюбивой основе заключена в силе немецкого рабочего класса и всех других патриотов, в их решительной борьбе против агрессивного милитаризма и господства монополий в Западной Германии, влияние которых простирается на 85 процентов акционерного капитала, то есть практически на всю экономику, государство и армию ФРГ. Ныне западногерманские монополии сконцентрировали в своих руках значительно большую власть, чем перед второй мировой войной.

С целью нормализации отношений между обоими германскими государствами и обеспечения их мирного сосуществования, СЕПГ предложила создать германскую конфедерацию. Следовало доказать преимущества социалистической системы на немецкой земле и подготовить создание демократической и миролюбивой единой Германии не на полях сражений и баррикадах, а в мирном соревновании с капитализмом. Так можно было творчески применить к особо сложным условиям, которые возникли в Германии после второй мировой войны, ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Выработанная на 30-м пленуме Центрального Комитета СЕПГ концепция демократического и мирного решения национального вопроса отвечала жизненным интересам не только немецкого народа,

¹ «Третья конференция СЕПГ». М., 1956, стр. 17.

но и других народов Европы, которым вновь самым серьезным образом угрожали военные приготовления западногерманских экстремистов. 25 марта 1958 г. во время дебатов в бундестаге по вопросам атомного вооружения военный министр Штраус заявил о необходимости подготовки войны против ГДР. Тогдашний премьер-министр земли Шлезвиг-Гольштейн христианский демократ фон Хассель два года спустя потребовал восстановления Германии в границах империи Бисмарка. Генералы бундесвера в августе 1960 г. выступили с официальным меморандумом, в котором открыто потребовали предоставления атомного оружия. Шпейдель с циничной откровенностью признавал: «Бундесвер готовится к операциям в восточных районах Центральной Европы». От него не отставал его коллега Хойзингер: «В будущей войне перед нами вновь встанет проблема выполнения наших задач меньшими, чем у противника, силами, как это имело место в России. В будущем мы будем проводить в жизнь наши старые принципы».

На политическом горизонте возникла угроза драматических событий огромного масштаба. Стало очевидно, что германский империализм с помощью НАТО пытается установить свое экономическое, политическое и военное господство в Западной Европе, что бывший нацистский генералитет готовит «день икс», пускает в ход жупел «красной опасности». Главный удар было намечено нанести по Германской Демократической Республике, причем Западный Берлин играл роль фитиля в бочке с порохом, взрыв которой мог разжечь мировой пожар.

Еще в 1951 г. бургомистр Западного Берлина Рейтер заявил: «Мы — стрела в теле советской зоны... (Западный) Берлин — это ручка, с помощью которой можно открыть дверь на Восток». В интервью американскому журналу «Ньюсуик» Рейтер назвал Западный Берлин «самой дешевой атомной бомбой». Газета «Тагесшпигель» писала 3 февраля 1952 г.: «Настоящая особая позиция (Западного) Берлина — это позиция фронтового города в холодной войне, и то, как мы используем это, зависит от того, как мы будем вести себя в качестве солдат этой холодной войны».

Хотя даже французский министр иностранных дел Кув де Мюрвиль на Женевской конференции министров иностранных дел в 1959 г. совершенно конкретно заявил: «Правительство Западного Берлина не имеет прямых связей с правительством Федеративной Республики Германии, территория Западного Берлина не является частью территории Федеративной республики», боннское правительство систематически превращало Западный Берлин в базу провокаций и в плацдарм агрессии против ГДР. Численность органов боннского государства в Западном Берлине непрерывно росла, более 50 шпионских и диверсионных центров пытались подорвать устои Германской Демократической Республики.

11 мая 1960 г. на заседании Народной палаты премьер-министр Отто Гротеволь, отмечая серьезное обострение обстановки, говорил:

«Из года в год германские милитаристы предпринимали все более интенсивные усилия, чтобы, действуя из Западного Берлина, самыми подлыми средствами вести борьбу против государства, на территории которого он находится и территорией которого он окружен. Потому Западный Берлин стал раковой опухолью и беспримерным очагом грубейшего вмешательства во внутренние дела других стран. Он стал таким центром шпионажа, подобный которому невозможно найти».

Куда идешь, Германия? В этот решающий час, в апреле 1960 г., ЦК СЕПГ обратился с призывом к западногерманскому рабочему классу. Он опубликовал «Народный план будущего Германии». «Мы — братья и сестры великой семьи немецкого трудового народа. У нас долгая история совместной классовой борьбы и страданий, борьбы за мир, свободу, права человека и демократию. Мы остаемся братьями, сообщая завершив нашу борьбу и общими силами во главе немецкого народа построим счастливое, мирное, обеспеченное будущее — иначе не может быть! Ибо, кроме рабочего класса, призванного историей взять руководство нацией в свои руки, нет в нашей Германии других сил, которые могли бы сплотить все демократические силы различных слоев и классов».

В этом документе излагалась основная национальная концепция Социалистической единой партии Германии. СЕПГ показала, что восстановление единства действий рабочего класса является решающей предпосылкой освобождения немецкого народа из смертоносных объятий его могильщиков, что перед совместным стремлением спасти нацию, жить в мире и дружбе с другими народами и построить немецкое отечество социальной справедливости и благосостояния должны отступить на задний план все прочие вопросы. «Мы придерживаемся той точки зрения, что между рабочими Западной Германии и рабочими Германской Демократической Республики не существует препятствий, которые могли помешать им идти вместе... Взаимопонимание немецких рабочих на Востоке и Западе, а также и обоих германских государств может быть достигнуто на основе национального компромисса, который приемлем не только для рабочих в Западной Германии и ГДР, но и для других классов и слоев населения вплоть до кругов западногерманской буржуазии».

Этот национальный компромисс во имя мирного воссоединения Германии заключался в образовании конфедерации обоих германских государств. Все иные возможности сближения, которые еще существовали ранее, были уничтожены в результате антинационального заговора западногерманского империализма.

В начале июля 1960 г. Народная палата ГДР выступила с новыми предложениями и обратилась к боннскому парламенту с Немецким планом мира. Она предложила немедленно образовать из представителей Народной палаты, бундестага и правительств обоих государств комиссию по подготовке мирного договора с Германией и как можно скорее начать переговоры с целью достичь взаимопони-

мания относительно общей немецкой точки зрения по вопросу об этом договоре.

Программное заявление, которое правящая западногерманская партия приняла 11 июля 1961 г. по докладу ее председателя Аденауэра и основные положения которого подтвердил бундестаг, показало, что Христианско-демократический союз не желает мирного воссоединения Германии, что эта партия окончательно порвала с национальными интересами немецкого народа. ХДС — ХСС решительно выступил против идей военной нейтрализации Германии и против мирного урегулирования с Германией. Намереваясь включить будущую единую Германию в так называемое Европейское оборонительное сообщество, в НАТО, эта партия атомной войны возвела братоубийственную войну между немцами, насильственную аннексию ГДР в ранг официальной государственной политики.

Генералы бундесвера, готовясь к этому, призвали на военную службу резервистов, в Западном Берлине была сформирована «вспомогательная полиция», одновременно американские войска демонстративно провели маневры десантных войск. Прислуживавший НАТО епископ Лилье призвал по телевидению «братьев в восточной зоне» снять с гвоздя винтовку и подготовиться к вооруженным действиям. «Мы не должны отступить, как бы ни был велик риск!» — заявил на сборище реваншистов один из наиболее влиятельных правых социал-демократических руководителей, вознамерившись, видно, превзойти даже прессу монополий, раздувавшую изо всех сил военную истерию.

Возглавляющий бундесвер бывший гитлеровский генералитет решил, что пробил его час, что настало время взять реванш за поражение во второй мировой войне. В качестве «совершенно секретного» документа всем командным инстанциям был разослан план операции «ДЕКО II» — план военной агрессии против «зоны», как презрительно именовалась ГДР. Этот документ, подписанный военным преступником генералом Шпейделем, самым детальным образом ставил задачи отдельным частям бундесвера на случай «дня икс». В частности, в нем шла речь о «внезапном совместном ударе сухопутных, воздушных и военно-морских соединений и специальных военных частей, которые еще до начала военных операций должны скрытно просочиться в стратегически важные пункты советской оккупационной зоны... Тайно проникшие в Восточный Берлин соединения, переодетые в штатское, в момент «Е» молниеносно захватывают все зональные государственные, а также военные учреждения и командные органы, телеграф и телефонные станции, вокзалы железных дорог и городской электрички, радиостанции, крупные издательства, склады государственных и материальных резервов, промышленные и портовые сооружения, главные магистрали и пограничные контрольно-пропускные пункты. К моменту «Е» в районе Берлина следует высадить крупные десантные соединения, которые будут продвигаться на Запад и подавлять все действия противника. В последующем они

соединяются с продвигающимися из западных секторов в Восточный Берлин войсками 2-го армейского корпуса».

Это лишь несколько фраз из плана «полицейской акции», посредством которой «советская зона» осенью 1961 г. должна была быть водворена «обратно в рейх»¹. Движимые ненавистью к народу, который в ГДР взял власть в свои собственные руки, проникнутые реваншистским духом, западногерманские «ультра» утратили всякое чувство реальности и встали на путь военных авантур. В своем атомном неистовстве они, очевидно, забыли о том, какие последствия будет иметь всякая попытка военного захвата ГДР. Наше государство могло рассчитывать на эффективную поддержку партнеров по Варшавскому Договору. Правительство Советского Союза никогда не оставляло никаких сомнений относительно своей позиции в случае агрессии против ГДР.

На карту были поставлены судьбы мира в Европе, крайняя опасность угрожала национальному существованию немецкого народа. Германская Демократическая Республика стояла перед одним из наиболее серьезных испытаний в своей истории...

Сразу же после полуночи меня разбудил пронзительный телефонный звонок. Я взглянул на календарь: 13 августа 1961 г. Тревога! Члены всех партий Демократического блока были мобилизованы, чтобы информировать граждан в это раннее утро о том, что происходит. Как только занялся день, служащие национальной Народной армии и Народной полиции совместно с рабочими из боевых групп по хорошо обдуманному плану начали сооружать вдоль государственной границы ГДР в Берлине защитный вал против фашизма.

Офицеры, солдаты, рабочие грудились рука об руку, как они привыкли работать на заводе или на стройке. Забивались сваи, тяжелые грузовики с кранами сгружали бетонные плиты. Быстро вырастала стена, которая должна была защитить республику от неожиданного нападения и давала возможность отгородиться от западноберлинского болота саботажа, шпионажа и диверсий.

Решительные меры, принятые ГДР для обеспечения своей безопасности, застigli Шпейделя и Хойзингера врасплох. Лишь к вечеру фашистские элементы устроили первую провокацию: они чувствовали себя уверенно под защитой американских танков, стоявших в укрытии. Однако боевые группы рабочих были наготове, их спокойные и продуманные действия быстро охладили воинственный пыл провокаторов.

Напряжение росло. В ночь на 14 августа политики «фронтowego города» организовали «большой контрудар» — они вознамерились силой проломить воздвигнутый защитный вал против фашизма.

Около полудня подозрительные личности маленькими группами стали проникать в Демократический Берлин и незаметно собирались

¹ «Heim ins Reich» — фашистский лозунг, прикрывавший аннексии гитлеровской Германии. — *Прим. пер.*

в укромных местах. По ту сторону защитного вала толпились беснующиеся кучки людей, к которым подходили все новые группы. Их намерения ни у кого не вызвали сомнений: «народ» должен был прорваться в заранее намеченных пунктах, в то время как просочившиеся в столицу ГДР элементы в условное время нападут на наших пограничников с тыла.

Бранденбургские ворота оказались в центре событий. Я смотрел вдоль Унтер-ден-Линден на развалины рейхстага. Если бы эта историческая улица могла рассказать о своем прошлом! Она видела баррикады 1848 г. Там, где когда-то стоял императорский дворец, Карл Либкнехт в ноябре 1918 г. провозгласил социалистическую республику. Там, на Ландвер-канале, озверевшей солдатней гвардейской кавалерийско-стрелковой дивизии была убита Роза Люксембург. Отряды гитлеровских штурмовиков подожгли рейхстаг, подали тем самым сигнал к массовым убийствам; через Бранденбургские ворота отряды фашистских головорезов несли факелы, которыми они спустя несколько лет зажгли пожар мировой войны. И здесь, у Бранденбургских ворот, советские солдаты водрузили на развалинах рейхстага знамя Победы.

А теперь древнюю историческую улицу пересекала цепь бойцов боевых групп. Среди них были и пожилые, и совсем седые, на их лицах оставила след нелегкая жизнь. От них исходило спокойствие и уверенность. Да, положение изменилось коренным образом: рабочие уже не стояли с голыми руками лицом к лицу с врагами народа, их руки прижимали к груди автоматы.

Атмосфера была накалена до предела. Чувствовалось, что надвигается момент атаки на нашу границу. Рядом со мной находился на посту полковник Народной полиции, судя по внешности, бывший рабочий. Без тени нервозности он внимательно следил за тем, что происходило по ту сторону Бранденбургских ворот. Но вдруг он выпрямился и отдал несколько коротких приказов. Товарищи из боевых групп стояли словно каменные изваяния, когда перед ними из района, простиравшегося от католического собора до Лейпцигерштрассе, к Унтер-ден-Линден двинулись отдельные группы людей, а сзади, от Паризерплац, к оцеплению одновременно с дикими воплями бросилась толпа. На мгновение она откатилась назад, но резкие команды вновь привели ее в движение. Я невольно затаил дыхание: что принесут следующие мгновения?

И вот издалека послышался отчетливый грохот, он становился все сильнее и сильнее, превращаясь в лязгание металла: по Фридрихштрассе шли танки. Над первым из них трепетало на ветру черно-красно-золотое знамя с эмблемой Германской Демократической Республики, над вторым — флаг Союза свободной немецкой молодежи. Резким движением гиганты развернулись. На фоне зелени деревьев вырисовывались их мощные контуры.

Я вздохнул с облегчением. Этот язык был понятен как тем, по ту сторону оцепления, так и тем, кто пробрался к нам. Фанатические

вопли стихли, а просочившиеся диверсанты исчезли гораздо быстрее, чем появились.

Спустился два часа танки удалились. Вопрос был решен. Хотя пресса монополий подняла вой, хотя заправила Западной Германии бились в бессильной злобе, история произнесла свой приговор. Все надежды империалистов лопнули как мыльный пузырь. Напрасно Хойзингер отчаянно умолял своих американских друзей в руководящем штабе НАТО «снести стену прочь». Они лишь пожимали плечами.

13 августа 1961 г. явилось решающим поражением германских империалистов, наиболее крупным с момента основания Германской Демократической Республики. Опираясь на нерушимый боевой союз с государствами — участниками Варшавского Договора, рабоче-крестьянская власть перечеркнула преступные планы закоренелых поджигателей войны. Она спасла немецкую нацию от грозившей катастрофы и сохранила мир в Европе.

Эта победа была убедительным доказательством правильности выводов, нашедших свое отражение в совместном заявлении делегаций 81 коммунистической и рабочей партий в ноябре 1960 г.: «На мировой арене все более проявляется перевес сил социализма над империализмом, сил мира над силами войны... Главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человеческого общества в современную эпоху определяют мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества. Никакие потуги империализма не могут приостановить поступательное развитие истории. Заложены прочные предпосылки для дальнейших решающих побед социализма. Полная победа социализма неизбежна»¹.

Нам принадлежит будущее

Древнегреческий миф рассказывает о гиганте Антее, сыне Посейдона и Геи, который заставлял чужеземцев бороться с ним и всегда побеждал. Тайна Антея заключалась в том, что, когда в борьбе его покидали силы, он опирался локтями о землю, и силы вновь возвращались к нему. Антей был непобедим до тех пор, пока оставался связан с землей, своей матерью.

Это сравнение вновь и вновь приходило мне на ум после событий 13 августа 1961 г., когда я выступал на предприятиях или на очередном митинге. Да, Германская Демократическая Республика — дело рук народа и инструмент его воли, народные массы всегда были источником роста ее сил. Наши враги до 13 августа цинично и нагло использовали открытую границу с Западным Берлином, чтобы при-

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1961, стр. 39—40.

чинить рабоче-крестьянскому государству как можно больше вреда. При помощи подлых методов саботажа, финансовых махинаций, вредительства во внутригерманской торговле, переманивания специалистов они украли у нашего народного хозяйства свыше 30 миллиардов марок. Сколько больниц, школ, жилых кварталов могло бы быть построено на эти деньги! Этой грязной деятельности теперь был положен конец. Стало свободнее, легче дышать после того, как было покончено с гнетущей обстановкой. А те люди, которые до сих пор жили в демократическом секторе, пользуясь при этом социальными и культурными достижениями демократической Германии, а ездили на работу в Западный Берлин и продавали свою рабочую силу монополистам, теперь включились в трудовой процесс.

Многие руководящие работники партий и массовых организаций в тот период выступали на предприятиях и в жилых кварталах, разъясняли создавшееся положение, советовались с населением относительно того, как лучше справиться с неизбежными трудностями. Среди этих людей был и я. Мне довелось отвечать на многочисленные вопросы более чем на двух десятках собраний в городах и населенных пунктах Тюрингии, в непосредственной близости от государственной границы. Это не всегда оказывалось легким делом: ведь не все правильно понимали необходимость принятых мер, а получившие по зубам реваншисты-«ультра» через свои радиостанции почти беспрерывно старались посеять смуту. Однако многочисленные вопросы трудящихся укрепляли мою уверенность в том, что активная политическая работа СЕПГ и Национального фронта дает свои плоды. Испытание 13 августа ясно показало, что морально-политическое единство народа рабоче-крестьянского государства еще больше укрепилось.

Это нашло свое ярчайшее отражение в ценной инициативе, с которой выступили рабочие народного предприятия «Электроуголь» в Берлин-Литхенберге. Они призвали трудящихся ГДР во много раз повысить производительность труда и сделать экономику нашей республики независимой. При этом они руководствовались проверенным жизнью лозунгом: «Чем сильнее Германская Демократическая Республика, тем прочнее мир в Германии!» Коллектив завода по производству крупноточарных станков имени 8 мая в Карл-Маркс-Штадте ответил лозунгом: «Глубоко продумывать, по-хозяйски рассчитывать, улучшать технологию, честно работать!»

Национальный фронт демократической Германии сразу же после 13 августа организовал широкие дискуссии с участием представителей всех слоев населения. В центре внимания находился документ «Историческая задача Германской Демократической Республики и будущее Германии», выработанный СЕПГ после состоявшихся в атмосфере полного доверия консультаций с дружественными партиями. В этом документе было убедительно показано, что после того, как аденауэровское правительство вопреки воле народа «интегрировало» боннское государство в НАТО, дало свое согласие на оккупа-

цию ФРГ западными державами до 2005 г. и вырыло глубокую пропасть в самом сердце Германии, решение национального жизненного вопроса, мирное и демократическое восстановление единства немецкой нации зависит от двух принципиальных предпосылок: от победы социализма в Германской Демократической Республике и от преодоления рабочим классом в союзе со всеми миролюбивыми и патриотическими силами из всех слоев и партий империалистической системы господства в Западной Германии. Не должно и не может быть воссоединения с заправилами банков и монополий, с юнкерами и милитаристами, которые во имя своих классовых интересов ставят на карту жизнь народа. Это противоречит разуму, историческому опыту, национальной совести, ответственности за судьбы немецкой нации. Только социализм обеспечивает перспективу мирного, счастливого и гармонического развития. Исторической миссией Германской Демократической Республики является обеспечение мира на немецкой земле, создание и для западногерманского населения светлой социальной перспективы. До тех пор пока не созреют условия для воссоединения, оба государства должны мирно сосуществовать в составе конфедерации.

Результаты основательных дискуссий нашли отчетливое отражение в народных выборах 17 сентября 1961 г. Эти выборы стали единой демонстрацией верности новой Германии, социалистическому отечеству трудящихся.

Спустя девять месяцев, 16 июня 1962 г., в Берлине собрался Национальный конгресс, чтобы подвести итоги недавним событиям в Германии. Не менее 7 миллионов граждан приняли участие в большом народном диспуте. Теперь они послали своих делегатов на Национальный конгресс, который стал новым важным этапом в развитии Национального фронта демократической Германии. Последний превратился в социалистическое народное движение, которое считает своей главной задачей выполнение политических, экономических и культурных задач в процессе строительства социализма. После обстоятельной дискуссии, в которой участвовали также верующие, профсоюзные деятели и бывшие офицеры, либеральные демократы и реалистически мыслящие представители западногерманской буржуазии, конгресс принял национальный документ, который завершается словами, полными глубоко оправданной уверенности: «Отечество, мир, социализм! Мы победим!»

Вскоре после этого в ГДР началась подготовка к VI съезду Социалистической единой партии Германии. Все с нетерпением ждали созыва этого первого после событий 13 августа съезда. Еще до того, как начались выборы в партийных организациях, Центральный Комитет поставил на обсуждение документы исторического значения, прежде всего проект новой Программы партии. Во введении к ней говорилось:

«В истории немецкого народа началась новая эра — эра социализма. Это эра мира и социальной обеспеченности, человеческого

достоинства и братства, свободы и справедливости, человечности и жизнерадостности. Ликвидируется вековая эксплуатация человека человеком. Народ, создающий все ценности, творит свою судьбу, судьбу нации. В новом обществе действует принцип: все совместно с народом, все силами народа, все для народа»¹.

В расколотой высокоиндустриальной Германии, на стыке социалистического лагеря и лагеря мирового империализма, развитие шло особенно сложно, а накопленный опыт был особенно ценным. Социалистическая единая партия Германии последовательно выполнила свою прежнюю Программу. Проект новой Программы был важным вкладом в дальнейшее творческое развитие марксизма-ленинизма.

Насколько тщательно готовился этот съезд, доказывает тот факт, что задолго до начала его работы был представлен отчет Центрального Комитета. В нем освещались все основные вопросы общественной жизни, были отмечены большие успехи, наряду с этим вскрыты недостатки и указаны пути к их устранению.

Социалистическая единая партия подводила итоги, славные итоги, которые пятнадцать лет тому назад многим казались несбыточной мечтой. ГДР заняла свое место среди десяти ведущих промышленных государств мира и создала предпосылки для того, чтобы в 1970 г. производить в 6 раз больше, чем в момент своего основания. На четверти территории, которую Германия имела в 1936 г., изготовлялось уже почти 90 процентов продукции, произведенной всей Германией в том экономически благоприятном году. А ведь восточная часть страны в 1945 г. была разрушена гораздо сильнее, чем западная; у нас не было сколько-нибудь крупной тяжелой промышленности. И все же трудовой героизм и творческая сила трудящихся даже в тяжелейших условиях раскола позволили добиться этих гигантских успехов. Именно это поистине было экономическим чудом!

То был трудный путь, путь, на котором пришлось пережить немало неудач и разочарований. Однако в борьбе за осуществление своей исторической миссии рабочий класс, руководимый марксистско-ленинской партией, набирал силу, непрестанно укреплял союз с крестьянством, интеллигенцией и другими трудящимися слоями.

Партийные съезды играли в моей жизни большую роль: ведь это вехи на пути к нашей окончательной победе. Но еще никогда я не был в таком радостном возбуждении, как в то утро, когда увидел развевающиеся знамена перед спортивным залом Вернер-Зееленбиндерхалле в Берлине. Проект Программы был обсужден до мельчайших деталей сотнями тысяч людей в ходе деловой дискуссии. 1,6 миллиона членов нашей партии избрали делегатами съезда лучших людей, доказавших повседневным трудом, что они отдают все силы осуществлению поставленных целей.

¹ Вальтер Ульбрихт. Программа социализма и историческая задача СЕПГ. М., 1963, стр. 241.

А как вырос международный авторитет нашей республики за короткое время ее существования! Коммунистические и рабочие партии всего земного шара направили в составе делегаций на съезд своих руководящих деятелей. Послы и посланники народов, населяющих одну треть земного шара, сидели по одну сторону, а самые известные корреспонденты крупнейших газет и телеграфных агентств капиталистических стран по другую. Западногерманские рабочие также прислали многочисленные делегации.

Съезд показал, как мощно бьется пульс нашей эпохи, как велика наша ответственность перед историей. О днях исторических заседаний VI съезда уместно сказать словами Иоганнеса Р. Бехера:

Как часто с гордостью смотрю
На мир наш, полный радостных свершений!
В раздумье иногда себе я говорю:
Когда б возник вопрос, в какое время
И в век какой ты жить хотел бы, человек?
Ответил я б тогда без колебаний, без сомнений:
Сейчас, сегодня, в наш двадцатый век!

Социалистические производственные отношения победили в Германской Демократической Республике! Каждый, кому принадлежит доля в этой победе, испытывает чувство глубокой гордости. Теперь можно было поставить на повестку дня развернутое строительство социализма по всему фронту, чтобы завершить переходный период от капитализма к социализму и построить общество, в котором человек человеку друг, товарищ и брат, в котором нет больше антагонистических классов. От «Манифеста Коммунистической партии» идет прямая дорога к Программе социализма. Она представляет собой концентрированное обобщение основных уроков германской истории, в ней творчески применены как к исторической ситуации, так и к национальным особенностям борьбы в ГДР и во всей Германии выводы марксизма-ленинизма. Это глубоко национальная Программа, провозглашающая незыблемой целью восстановление единства Германии, возводящая в закон обеспечение мира, ставящая своей задачей установление деловых, нормальных отношений между обоими германскими государствами и развитие их вплоть до создания конфедерации, к которой может присоединиться вольный город Западный Берлин.

Из множества ярчайших впечатлений и накопленного опыта можно было сделать один исторический вывод: наше рабоче-крестьянское государство олицетворяет будущее немецкой нации! Оно расцветет, как никогда, ибо в нем все сильнее проявляются закономерности социализма. Комбинат «Шварце пумпе», комбинат в Шведте, заводы «Лейна II», мировой порт Росток, металлургический комплекс в Эйзенхюттенштадте — вот лишь несколько доказательств творческой силы народных масс, самая надежная гарантия новых побед. Да, наша республика ушла далеко вперед по сравнению

с другой частью Германии. Там еще действуют законы капитализма, неизбежно растет основное противоречие между трудом и капиталом, усиливается антагонизм между трудящимся народом и эгоистическими интересами эксплуатирующего меньшинства. Однако пример нашего развития явится сияющей путеводной звездой для всего немецкого народа, он будет вдохновлять борьбу трудящихся и всех прогрессивных сил за поворот в западногерманской политике.

VI съезд СЕПГ вновь доказал, что сама жизнь подтверждает правильность «Манифеста Коммунистической партии», сделанных в нем научных выводов. Одновременно съезд подтвердил правильность политики, определяемой рабочим классом и его революционным авангардом. В Германии есть лишь одна партия, которая с гордостью может сказать, что программные установки, выдвинутые еще в момент ее основания, выполнены. Это партия марксистов-ленинцев. Германская Демократическая Республика — вот монументальный итог ее упорной, непрестанной борьбы на протяжении нашего полного жертв, но в конечном результате победоносного века.

VI съезд, приняв новую Программу Социалистической единой партии Германии, ознаменовал начало новой главы в истории немецкого рабочего движения. СЕПГ внесла тем самым ощутимый вклад в дальнейшее укрепление мировой социалистической системы, в усиление мирового коммунистического движения

Йоганнес Бехер в проникновенном стихотворении «Шаг середины века» писал:

Как никогда доселе,
Мир полон жажды жить,
И люди захотели
Над звездами кружить.

О счастья предвкушенья!..
Любви и дружбы речь:
Всемирное решение —
Мир в мире уберечь.

Кто мнил, что мы спасуем,
Тот жалок и смешон.
Не он, а мы ликуем,
Не мы дрожим, а он!..

Мы смело рвемся к счастью,
Наш подвиг осиян
Неколебимой властью
Рабочих и крестьян.

Железной волей спаян,
В преддверьи новых эр,
Народ — судьбы хозяин —
Построил ГДР!

То сила человека
Взвила свободы стяг.
В шаг середины века
И наш вчekanен шаг.

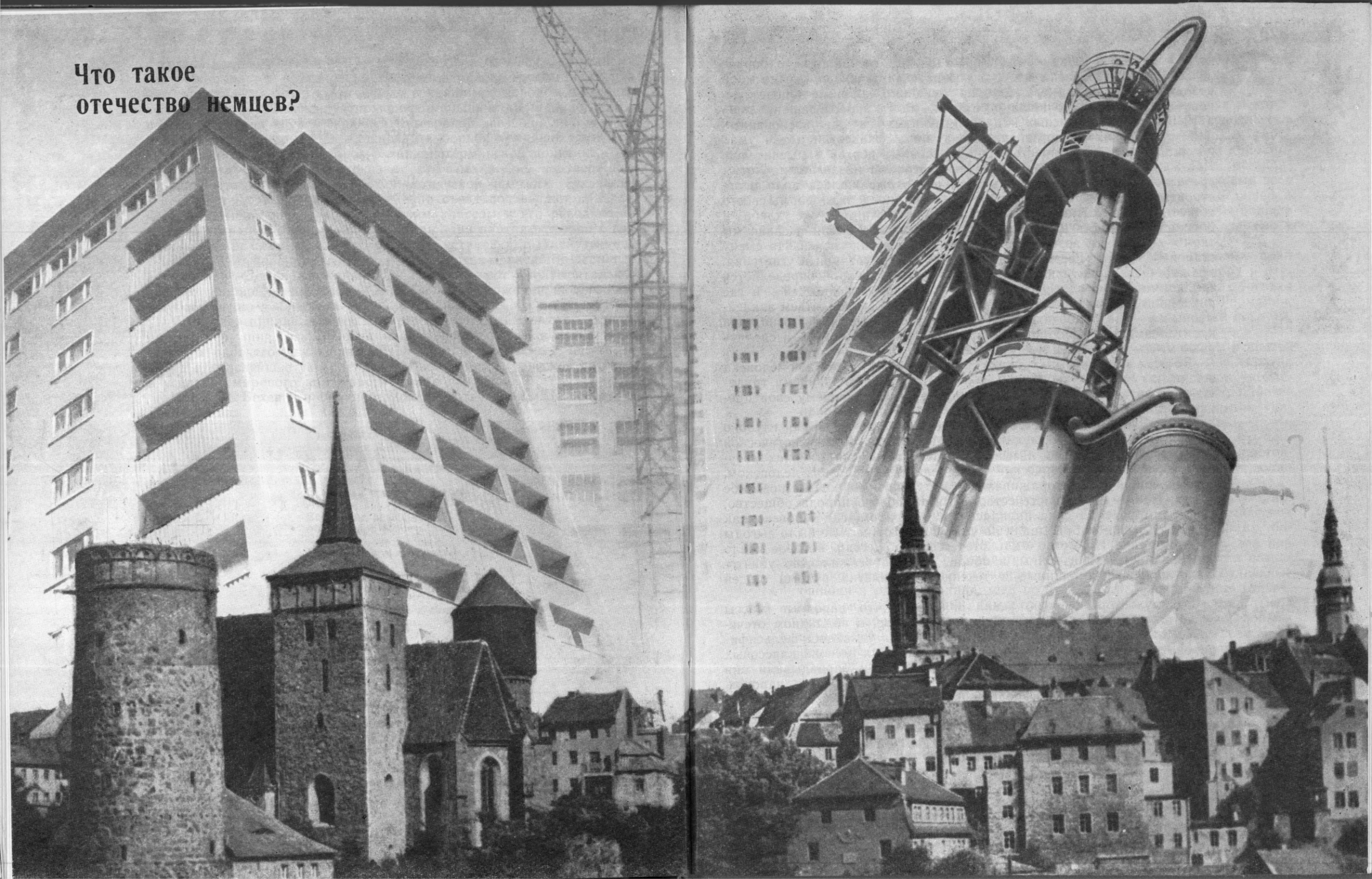
По всем путям и трактам
Весенний льется свет.
Шаги подобны тактам
Симфонии побед.

Как жизни утвержденье,
Шаги друзей звучат:
«Вы — смерть, а мы — рожденье.
Мы — утро, вы — закат!»

Победой окрыленный,
Взывает человек:
«Сплотитесь, миллионы!
Мы с партией навек!»¹

¹ «Немецкая поэзия 1954—1959 гг.», стр. 33—35.

Что такое
отечество немцев?

Когда я думаю о нашем рабоче-крестьянском государстве, в борьбе за которое я участвовал всю свою сознательную жизнь, передо мной возникает образ могучего, глубоко ушедшего корнями в почву дерева. Да, официально наша республика была провозглашена лишь в 1949 г., однако в ясных или расплывчатых, научно обоснованных или утопических представлениях она жила уже сотни лет в умах и сердцах рабочих и крестьян, прогрессивных поэтов и мыслителей. Когда крестьянские армии более четырехсот лет назад пели: «Хотим сразиться мы с тиранами!», в этой песне выражалась воля перестроить жизнь так, чтобы люди труда сами определяли формы своего общественного бытия, чтобы люди не думали о куске хлеба и обрели уверенность в завтрашнем дне. «Старой Германии саван мы ткем!» — гневом и возмущением была полна песня ткачей. На смену старой Германии, Германии безграничной эксплуатации и угнетения, должна была прийти новая Германия, жизнь которой определяется трудящимися — создателями всех материальных ценностей — и где никто-никто не знает, что такое голод. «Вставай, проклятьем заклейменный!» — звал рабочих на штурм твердыни классового господства капитализма «Интернационал», призывая их «стать всем» и сделать явью мечты и надежды многих поколений.

Во всех этих призывах видна глубокая тяга к достойной человека жизни, к гуманному обществу, к отечеству, гарантирующему трудящимся мир и социальное благосостояние, использующему свои производительные силы на благо народа.

«У рабочих нет отечества» — как резка и в то же время глубоко верна эта краткая формулировка «Манифеста Коммунистической партии»! Нет, не могло называться отечеством для рабочих государство, в котором творческий труд, делающий человека человеком, возвышающий и облагораживающий его, был превращен в позорное бремя. Не могло быть отечеством для трудового народа общество, в котором рабочая сила являлась лишь товаром, где человека как выжатый лимон выбрасывали на улицу, если от него не было выгоды работодателю. Не могло быть отечеством общество, которое гнало цвет нации на поля войны, в общие могилы, безжалостно уничтожало ценности, созданные в течение десятилетий руками людей труда.

Эксплуататоры хорошо знали и знают, что народные массы страстно мечтают о национальном достоинстве, о подлинном отечестве. Ложью, обманом и демагогией им всегда удавалось фальсифицировать эти высокие понятия и использовать их в своих классовых интересах. «Защита и оборона отечества» — так оправдывали они свои разбойничьи военные авантюры и угнетение других народов. «Спасите отечество от безродных бродяг!» — так маскировали они свой террор против рабочего класса и его революционного авангарда. С той же беззастенчивостью правители западногерманского сепаратного государства ныне требуют доступа к атомному оружию во имя «спасения западной цивилизации».

Тот, кто пережил две мировые войны, с тревогой и возмущением спрашивает: как стало возможным, что потерпевшая поражение германская монополистическая буржуазия вновь создает опасность мирового пожара, вновь угрожает немецкому народу и другим народам Европы? Этот вопрос задает сейчас каждый патристически настроенный немец, особенно остро стоит он перед немецким рабочим классом, перед рабочими Западной Германии — социал-демократами, коммунистами, христианами, беспартийными. Одно, по-видимому, сегодня ясно каждому: если бы совместными действиями всех слоев народа удалось добиться выполнения Потсдамских соглашений во всей Германии, то с западногерманской земли не шла бы больше угроза миру, а национальный вопрос был бы решен для всех немцев.

Как много людей за десять ужасных лет двух мировых войн слепо или в заблуждении, что отдают свою жизнь за «народ и отечество», шли за губителями нашей нации! Разве нужна богатая фантазия, чтобы представить себе, как выглядела бы ныне Германия, если бы массы немецкого народа не поверили им, а пошли по пути, который указывали Карл Либкнехт и Эрнст Тельман?

Мы, люди, посевшие в борьбе за правое дело, можем с чистой совестью держать отчет перед своим народом: история тысячекратно подтвердила правильность наших действий. С гордостью и удовлетворением мы можем констатировать, что революционное рабочее движение с момента своего возникновения наполняло понятия «нация» и «отечество» подлинным содержанием, которое делает эти слова великими, прекрасными, возвышенными. Отечество — это олицетворение мира и дружбы народов, подлинной демократии, настоящего содружества людей, это слово означает образование и культуру, счастье и мир для всех.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс ясно и четко указали путь к достижению этих великих идеалов. В «Манифесте Коммунистической партии» они призвали рабочих стать ведущим классом нации, бороться за демократический путь объединения Германии. С тех пор рабочий класс под руководством своей марксистской партии сознательно, несмотря на поражения и бесчисленные жертвы, отдельные ошибки и разочарования, шел по этому пути. Ожесточенные стачечные бои, демонстрации, самоотверженная деятельность сотен тысяч членов рабочих партий и профсоюзов были также формой борьбы за рождение миролюбивой, просвещенной и уважаемой во всем мире немецкой нации. Борьба за социальное освобождение эксплуатируемых, за освобождение от кошмара империалистических войн отвечала национальным интересам немецкого народа.

Сейчас, когда в Западной Германии раздувается шовинистическая пропаганда, когда там беззастенчиво допускается даже возможность братоубийственной войны немцев против немцев, особое значение приобретает национальный документ «Историческая задача Германской Демократической Республики и будущее Германии».

В нем говорится: «Господствующие классы и их пособники в течение целых десятилетий обманом лишали немецкий народ счастливой жизни... загоняли немецкий народ все в тот же чертов круг: конъюнктура — кризис — война — инфляция. Точно так же, как Гитлер готовил свои разбойничьи войны, обманывая широкие слои народа видимостью экономического процветания, порожденного гонкой вооружений, так и сегодня в Западной Германии народ вновь хотят обмануть с помощью так называемого экономического чуда и новой конъюнктуры, являющейся следствием гонки вооружений, чтобы потом ввергнуть в опаснейшие авантюры. Только сам немецкий народ может прорвать этот чертов круг. И это произошло в ГДР».

Да, в восточной части Германии чертов круг был прорван, трудящиеся массы под руководством рабочего класса и его марксистско-ленинской партии, опираясь на братскую поддержку Советского Союза, завоевали для себя подлинное отечество! Они взяли государственную власть в свои руки и создают новое общество. Они — хозяева страны, хозяева крупных предприятий и недр, они пользуются основными правами трудящегося человека: правом на труд, правом на образование, правом на отдых. В Германской Демократической Республике рабочий класс, важнейшая производительная сила, стал ведущим классом общества, в котором созидательный труд превращается в первую жизненную потребность. В Германской Демократической Республике рабочий класс заключил братский союз со всеми другими трудящимися слоями во имя общих свершений. В Германской Демократической Республике руководство государством осуществляют те силы немецкого народа, которые в течение всего исторического периода со времени основания Германской империи, то есть с 1871 г., последовательно защищают интересы всего немецкого народа. Это те силы, которые ценой колоссальных жертв выполнили свой долг по отношению к немецкому народу, никогда не предавали его и тем самым приобрели историческое право на руководство нацией.

Рожденное волей народных масс, вооруженное опытом целого столетия борьбы за демократию и социализм, первое в германской истории миролюбивое государство связано стальными узами пролетарского интернационализма со всеми народами мирового социалистического лагеря, с национально-освободительным движением, с прогрессивными силами капиталистических стран. Заключенный в Москве 12 июня 1964 г. Договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве между Германской Демократической Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик — надежная гарантия социалистического будущего нашего народа. Договор не только защищает нас от империалистической агрессии, укрепляя тем самым мир в Европе, но и одновременно намечает мероприятия в области взаимного сотрудничества обеих стран с целью дальнейшего развития их экономики, науки и техники, культуры и искусства на основе нерушимой дружбы.

«Переход от капитализма к социализму — главное содержание и основной закон развития нашей эпохи. Мы являемся свидетелями и творцами величайшей революции в истории человечества. Она ведет к обновлению всех социальных и политических форм существования. Она ведет к перевороту в идеологии и культуре, к развитию человека социалистической эпохи»¹. Исходя из этого содержащегося в Программе СЕПГ вывода, мы видим наш национальный долг в том, чтобы как самая передовая часть нации строительством социализма в нашей республике показывать всему немецкому народу единственно правильный и исторически необходимый путь, создавать ядро и прообраз будущего социалистического немецкого общенационального государства. Мы глубоко убеждены, что в конечном итоге пример Германской Демократической Республики поможет и рабочему движению в Западной Германии изменить его ориентацию, возродиться в духе Маркса — Энгельса, что наступит день, когда мы протянем друг другу руки во имя общего дела. Мы ни минуту не сомневаемся в национальной силе трудового народа Западной Германии и в том, что со временем все его патриотические силы объединятся в широком народном движении вокруг рабочего класса, наиболее последовательной и антиимпериалистической силой которого является преследуемая и загнанная в подполье Коммунистическая партия. Только так может быть преодолен раскол Германии.

Уже более века знамя борьбы за единую, миролюбивую, подлинно демократическую Германию передается от одного поколения рабочего класса к другому. Сегодня оно в надежных руках, оно развевается над Германской Демократической Республикой, вселяя веру в будущее.

Принятая VI съездом СЕПГ Программа не мечта, а научно обоснованное предвидение:

«Социализм — это будущее всего немецкого народа.

Он поднимет национальное сообщество на более высокую ступень. В результате построения социалистического общества и ликвидации классового антагонизма немецкая нация получит новую социальную основу. Только будучи социалистической нацией, она добьется прочного единства, обеспеченной перспективы мирного развития и достойного места среди наций мира. Социализм приведет немецкую нацию благодаря мирному труду к расцвету и величию.

Социализм — это результат бесчисленных благородных дел миллионов людей. Он означает сознательное и планомерное осуществление всех идеалов свободы и прогрессивных устремлений немецких трудящихся. Он означает переход к подлинной гуманности, равноправию и братству, миру и свободе»².

Построение социализма — результат труда миллионов людей. Однако этот труд как осознанное действие рождается только из по-

¹ Вальтер Ульбрихт. Программа социализма и историческая задача СЕПГ, стр. 243.

² Там же, стр. 355.

нимания правильности пути, из убеждения в том, что поставленные цели научно обоснованы и верны. Но и этого еще недостаточно, должны быть разработаны основные задачи, главные, основные звенья в цепи, найдены наилучшие методы для решения важнейших задач. «Труд — первая обязанность гражданина!» — такой лозунг был выдвинут уже несколько лет назад. И еще: «Планируй, работай, управляй вместе со всеми!» Обсуждение решений VI съезда СЕПГ и поставленных им целей проходило в каждом цехе, на каждом предприятии, дошло до самой последней деревни. Были разработаны многочисленные конкретные планы повышения производительности труда и улучшения условий жизни.

Широкая волна движения новаторов производства охватила в последующие месяцы рабочих, инженеров, ученых, сплотила их в коллективах социалистического труда, позволила найти новые методы работы, продвинуть вперед рационализацию и автоматизацию. В результате в 1966 г. промышленная продукция Германской Демократической Республики превысила объем продукции, произведенной на той же территории в канун второй мировой войны, в 3,5 раза. Металлообрабатывающая промышленность в 1966 г. превзошла уровень 1936 г. более чем в 7 раз, а ведь 1936 год был годом высокой конъюнктуры. Производство электротехнических приборов и товаров увеличилось почти в 14 раз по сравнению с 1936 г. и примерно в 9 раз по сравнению с 1950 г., а производство изделий точной механики и оптики — в 10 раз; в 1936 г. на нынешней территории ГДР было произведено 14 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, в 1950 г. — уже 19,46, а в 1966 г. — 56,9 миллиарда киловатт-часов.

В условиях постоянной и нелегкой политико-идеологической работы, в борьбе за преодоление трудностей, казавшихся порой непреодолимыми, в нашей республике выросли новые молодые кадры, которые безбоязненно берутся за любую самую сложную задачу и успешно решают ее. Так, на VII съезде СЕПГ из 2072 делегатов с решающим голосом 57,5 процента окончили высшие или специальные учебные заведения, из 100 делегатов с совещательным голосом — 61,4 процента, 66 процентов делегатов имели возраст от 30 до 50 лет.

На этот съезд, открывшийся 17 апреля 1967 г. во дворце Зееленбиндерхалле в Берлине, собралось 2199 делегатов, представлявших 1 769 912 членов партии, а также прибыло 900 гостей. Присутствие многочисленных делегаций братских коммунистических и рабочих партий из социалистических, капиталистических и молодых развивающихся государств показывает, насколько вырос международный авторитет Германской Демократической Республики и Социалистической единой партии Германии, с каким вниманием мировая общественность ожидала созыва съезда. VII съезд СЕПГ принял решения большой исторической важности. Был рассмотрен вопрос о составлении перспективного плана до 1970 г., а также об основных

чертах будущей структуры национальной экономики до 1975—1980 гг. Таким образом, съезд утвердил программу завершения строительства социализма в Германской Демократической Республике.

Отмечая важность этой программы, Л. И. Брежнев в своей приветственной речи заявил:

«Социалистическое строительство в Германской Демократической Республике имеет очень большое международное значение... Германская Демократическая Республика стала одним из крупных факторов европейской безопасности, оплотом мира в Европе, она обеспечила себе прочные позиции на международной арене»¹.

VII съезд отметил, что в настоящее время ГДР — главное препятствие на пути экспансионистской политики западногерманского империализма. В решениях съезда указывается, что закрепление существующего положения в Европе, дипломатическое признание ГДР, обеспечение ее равноправного участия в решении главных проблем европейской и международной политики являются предпосылкой укрепления мира, одним из решающих условий обеспечения европейской безопасности. VII съезд СЕПГ вновь убедительно продемонстрировал внутреннее единство партии, сплоченность ее рядов. Итоги дискуссий на съезде, выборы руководящих органов партии показали, что Социалистическая единая партия Германии и народ связаны нерушимыми узами. Эта связь — прочная гарантия успешного выполнения грандиозных задач, поставленных VII съездом. В своем заключительном слове Вальтер Ульбрихт сказал: «Перед нами одна цель — развитое социалистическое общество! Мы знаем путь к этой цели — наш собственный творческий труд».

Прекрасная цель! Можно позавидовать тому поколению, которое призвано решить эту величественную историческую задачу.

Приветствуем тебя, молодой строитель коммунизма! Передай от нас привет 2000-му году и не забывай о тех, кто прокладывал для тебя путь к счастливой жизни!

¹ «Правда», 19 апреля 1967 г.

Содержание

От автора

Пролог

- 10 Мечта о светлом будущем
12 Несокрушимая скала

Первая вспышка

- 18 Вставай, крестьянский люд!
21 «За дело, за дело, время
не ждет!»

Свобода, равенство и братство!

- 29 Фанфары новой эпохи
30 Восстань, мой народ!

Мир хижинам, война дворцам!

- 38 Великая дружба
43 Признаки бури
46 Реет знамя
48 Перо и штык
52 Правосудие и Манифест

Нас не покорить!

- 61 Рожденная в борьбе

Железом и кровью

- 71 Штурмующие небо
74 Пруссия против Германии
77 Непобедимые

Молот или наковальня?

- 85 Как смогло это произойти?
93 Медленно действующий яд
98 «Патриоты»
101 «Спартак» зовет на бой!

Новая глава всемирной истории

- 114 Великий шанс
116 Революционный вихрь
120 Роковое решение
123 «Несмотря ни на что!»

Горькие уроки — залог будущих побед

- 134 Пример могучего единства
действий
139 И вновь — мартовские бои
144 Война в мирное время
150 На баррикады!

Гитлер — это война!

- 160 Пламя вспыхивает вновь
166 Программа освобождения
169 Антифашистское действие
177 Враг — в собственной стране!

За свободную Германию!

- 187 В подполье
192 Народный фронт
197 Мир — величайшее благо

Огненные годы

- 214 Совесть нации
222 Клятва

Новая страница истории

- 235 Путь открыт!
237 Глубокие борозды
244 Сила и знание
252 Куем единство
261 Народное голосование
269 Волки щелкают зубами
278 Поворотный пункт

Строители будущего

- 285 Великий план
292 Историческое решение

Победа

- 301 Бастион мира
311 Нам принадлежит будущее

Что такое отечество немцев?

Эггерат Вернер

Э-17 Куда идешь, Германия? Сокр. пер. с нем.
В. Кривули и Г. Рудого. М., «Мысль», 1968.
326 с.

Вернер Эггерат — широко известный в ГДР и за ее пределами писатель, лауреат Национальной премии в области литературы и искусства. В книге «Куда идешь, Германия?» автор рассказывает о ключевых событиях германской истории. Крестьянская война XVI в., политическое созревание рабочего класса, деятельность Маркса и Энгельса, Ноябрьская революция, борьба демократических сил во главе с КПП против фашизма и войны, создание ГДР — все эти вехи истории Германии описаны ярко и в то же время предельно просто.

Вернер Эггерат, ветеран немецкого рабочего и коммунистического движения, у которого за плечами долгие годы борьбы и фашистских тюрем, был свидетелем и участником многих описываемых событий. Это придает книге характер документального повествования.

1—6—3

78—68

9И

Эггерат, Вернер
КУДА ИДЕШЬ, ГЕРМАНИЯ?

Редактор *Н. И. Калашникова*
Младший редактор *С. С. Игнатова*
Художественный редактор *Д. А. Аникеев*
Технический редактор *В. Н. Корнилова*
Корректор *Л. Ф. Кирилина*

Сдано в набор 30 октября 1967 г. Подписано в печать 19 июля 1968 г. Формат бумаги 70×90¹/₁₆. № 1. Усл. печатных листов 23,98. Учетно-издательских листов 22,82. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1495. Цена 1 р. 35 к.

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

В. Эггерат Куда идешь, Германия?

Вернер Эггерат избирается первым секретарем окружного руководства Коммунистической партии в Тюрингии, после объединения обеих рабочих партий становится председателем правления Социалистической единой партии земли Тюрингия, членом Центрального правления СЕПГ. В 1947 году был назначен премьер-министром земли Тюрингия. С 1949 года — член Временной народной палаты ГДР. В 1952 году стал членом правительства ГДР, заняв пост статс-секретаря при премьер-министре. С 1954 года находился в Румынии в качестве посла ГДР. В 1957 году был назначен статс-секретарем по делам церкви. В конце 1960 года по состоянию здоровья оставил государственную службу и с тех пор занимается литературной деятельностью. Вернер Эггерат удостоен Национальной премии в области искусства и литературы в 1960 год. В 1966 году университет имени Фридриха Шиллера в Йене присвоил ему почетное звание сенатора.

В. Эггерат Куда идешь, Германия?